

Том 14, Номер 2, 2021
Vol 14, No 2, 2021

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*Актуальные проблемы стран
и регионов глобального Юга*

*The challenges facing the Global
South*

ТОМ 14 • НОМЕР 2 • 2021

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 14 • NUMBER 2 • 2021

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Ефременко Д.В., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Конюхова (Умнова) И.А., ИНИОН РАН, Москва, РФ
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Мигранян А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ

Учредители: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

Сайт: <http://www.ogt-journal.com>

© Контуры глобальных трансформаций, 2021

Периодичность: 6 раз в год
Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2

Содержание

Социальные трансформации

ЯКОВЛЕВ П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы 6–27

ВОЛОДИН А.Г. Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии 28–47

Азия: вызовы и перспективы

ФЭЙ ХАЙТИН. Политическая культура в трансформационных странах: опыт Китая за 40 лет после реформы и открытости 48–65

ДАУЛЕТ СИНГХ З. Изменение геополитики и переговорных позиций в пограничном споре между Индией и Китаем 66–81

Постсоветское пространство

МАЛЫШЕВА Д.Б. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) 82–99

АХМЕДОВА Э.М. Оценка факторов и индикаторов, влияющих на циклическое развитие экономики Азербайджана 100–121

С точки зрения экономики

ГАЛИЩЕВА Н.В., ХРОМОВА Н.Г. Оценка конкурентоспособности алмазогранительной отрасли Индии (на примере гуджаратского алмазогранительного кластера) 122–144

ГЕМУЕВА К.А. Экспорт Китая в страны Африки: связь с энергетическими проектами 145–163

КАЛИНИЧЕНКО Л.Н., МОРОЗЕНСКАЯ Е.В. Кластеры в африканской экономике как перспективная модель организации производства 164–175

В рамках дискуссии

СУТЫРИН С.Ф., КОРГУН И.А. Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России? 176–194

КАЛАШНИКОВ Д.Б. Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики 195–213

Точка зрения

ДЕНИСОВА Т.С., КОСТЕЛЯНЕЦ С.В. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад 214–230

ПРОКОПЕНКО Л.Я. Трансформация имиджа экс-президента Замбии Фредерика Чилубы (к проблеме отношения к бывшим президентам в странах Африки) 231–248

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Dmitry V. Efremenko, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, The Free University of Berlin, Berlin, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhto, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina A. Umnova-Konyukhova, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Turkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Founders: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Web-site: <http://www.ogt-journal.com>
Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2

Contents

Social Transformations

- YAKOVLEV P.P.** Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes 6–27
- VOLODIN A.G.** Direct Investment Exports and Emigration: The Experience of Modern India 28–47

Asia: Challenges and Perspectives

- FEI HAITING** Political Culture of Transforming Countries: The Experience of China in the Past 40 Years since Reform and Opening Up 48–65
- DAULET SINGH Z.** Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India-China Border Dispute 66–81

Post-Soviet Space

- MALYSHEVA D.B.** Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019 – 2020) 82–99
- AHMADOVA E.M.** Assessment of Factors and Indicators Influencing the Cyclical Development of the Economy of Azerbaijan 100–121

From the Point of Economic

- GALISTCHEVA N.V., KHROMOVA N.G.** Assessment of the Competitiveness of the Diamond Cutting Industry in India (Case Study: The Gujarati Diamond Cutting Cluster) 122–144
- GEMUEVA K.A.** Chinese Export to the African Countries: Links with Chinese Energy Projects 145–163
- KALINICHENKO L.N., MOROZENSKAYA E.V.** Clusters in Africa's Economy as a Perspective Model of Production 164–175

Under Discussion

- SUTYRIN S.F., KORGUN I.A.** How Peculiar Are South Korean OFDI to Russia? 176–194
- KALASHNIKOV D.B.** Chinese Aid to the Industrial Development of the South: Input into Post-Industrialization of China 195–213

Under Discussion

- DENISOVA T.S., KOSTELYANETS S.V.** The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region 214–230
- PROKOPENKO L.Ya.** Image Transformation of Frederick Chiluba, Ex-President of Zambia (Attitude to Former Presidents in African Countries) 231–248

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы

Петр Павлович ЯКОВЛЕВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Отдел Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0751-8278

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев П.П. (2021) Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 6–27. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

АННОТАЦИЯ. В динамично меняющемся мире, в целом развивающемся в направлении полицентричности, все более видное место занимают страны Азии, Африки и Латинской Америки, вместе образующие так называемый глобальный Юг. В него на сегодняшний день входят почти две трети государств – членов ООН, на долю которых приходится около 80% населения планеты, порядка 50% мирового ВВП и около половины совокупного объема международной торговли. Уже одни эти сухие цифры указывают на первостепенную методологическую и научно-практическую значимость изучения экономической и социально-политической проблематики глобального Юга, комплексного исследования его роли в мировой экономике и политике, в процессах глобализации, в системе геоэкономических и геополитических связей. Не менее актуален анализ участия глобального Юга в усилиях международно-

го сообщества, направленных на борьбу с планетарными вызовами, включая изменение климата, искоренение бедности, противодействие трансграничному терроризму и наркотрафику, победу человечества над пандемией COVID-19 и запуск восстановительного экономического роста, подорванного коронакризисом. По мнению автора статьи, формирующие глобальный Юг бывшие колониальные и зависимые страны, многие из которых добились государственной самостоятельности в последние 50–60 лет, накопили значительный опыт совместных действий по отстаиванию своих экономических и политических интересов, создали механизмы и организации сотрудничества в самых различных областях. Отнюдь не упрощая крайне сложную современную ситуацию и не закрывая глаза на существующие проблемы и трудности, логично предположить, что богатый исторический опыт и крупный международный вес

могут позволить странам глобального Юга деятельно и инициативно участвовать в строительстве более устойчивого, справедливого и безопасного мирового устройства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *глобальный Юг, колониализм, развивающиеся страны, Движение неприсоединения, третий мир, Запад, Китай, глобализация, коронакризис, новый миропорядок*

Место глобального Юга в современном мире определяется главным образом двумя группами фундаментальных факторов: трендами внутреннего экономического, социального и политического развития и особенностями той внешней среды, в рамках которой находятся азиатские, африканские и латиноамериканские государства. Факты говорят о том, что к началу 2020-х гг. глобальный Юг – неотъемлемая часть международного сообщества – подошел со стремлением закрепить достигнутые успехи и преодолеть имеющиеся многочисленные препятствия на пути устойчивого экономического роста, дать адекватный ответ на новые национальные, региональные и глобальные вызовы, главное – обеспечить постковидное восстановление экономики и социальной сферы. Вопрос в том, достаточен ли потенциал глобального Юга для решения этих судьбоносных задач.

В фокусе идеологической борьбы

Термин «глобальный Юг», на наш взгляд, со снайперской точностью характеризует огромный массив государств, подпадающих под определение

развивающихся стран¹ и стран с формирующимися рынками. В их число входят (за единичными исключениями, например, Японии) государства Азии, Африки и Латинской Америки, многие из которых полностью или частично расположены в Южном полушарии. Отсюда – дефиниция глобального Юга в географическом измерении. Но еще важнее «родовой признак» политического свойства, а именно исторически сложившееся еще во времена межблокового стратегического противостояния стремление большинства «южан» занимать своего рода «третью позицию», не присоединяться ни к одному из противостоящих главных мировых военно-политических альянсов: НАТО и Варшавского договора. Отсюда – уже почти напрочь засыпанный песками забвения, но в свое время суперпопулярный в среде отечественных и зарубежных марксистов термин «третий мир». Впрочем, и в текущем столетии он сравнительно активно используется отдельными левыми теоретиками, в частности, широко известным индийским ученым Виджаем Прашадом, автором длинного ряда политологических бестселлеров и исполнительным директором Триконтинентала: Института социальных исследований (Tricontinental: Institute for Social Research) [Prashad 2007].

В этой связи, как представляется, концептуализация понятия «глобальный Юг» и определение его научной релевантности неразрывно связаны с объективной и всесторонней оценкой международно-политической и социально-экономической эволюции третьего мира. Поэтому можно согласиться с мнением профессора престижного научно-исследовательско-

1 Понятие «развивающиеся страны» утвердилось в официальных документах международных организаций и научной литературе в 1960-е гг.

го Университета Макмастера в Канаде (McMaster University) Алины Саджед, которая считает, что «идея глобального Юга не могла возникнуть в отрыве от концептуальной работы, проделанной термином «третий мир», без учета его теоретического наследия и исторических вех в развитии третьего мира» [Sajed 2020].

Имеющая более чем вековую историю левая политологическая традиция прочно связывает появление на международной арене огромного массива стран, объединенных понятием третий мир, с зарубежной экспансией ограниченной группы ведущих европейских держав в поисках неисчерпаемых природных ресурсов, дешевой рабочей силы и новых обширных рынков. Как подчеркивал в своей фундаментальной монографии «Глобальный разлом: третий мир достигает зрелости» выдающийся канадский историк греческого происхождения Лефтен Ставрос Ставрианос, многолетняя «заморская экспансия ев-

ропейского капитализма, ставшая по сути империалистической операцией, привела к возникновению третьего мира». И далее ученый выдвинул важный тезис о том, что третий мир – это не столько «набор стран и статистических данных», сколько «комплекс отношений – неравных отношений между контролирующими центрами и зависимыми периферийными регионами и государствами, будь то колонии, как в прошлом, или «независимые» неокOLONIAльные страны, как сегодня» [Stavrianos 1981, pp. 35–36, 40]. Данную точку зрения несколько в иной формулировке выразил В. Прашад, подчеркнувший, что «третий мир – это не пространство, а проект» [Prashad 2007, p. XV].

В свою очередь отметим, что западная экономическая экспансия имела своим следствием практически тотальное разрушение местных государственных и общественных устройств и привела к возникновению обширных колониальных империй, на развалинах

Таблица 1. Получение политической самостоятельности колониальными и зависимыми странами, 1960-е гг.

Table 1. Gaining political independence by colonial and dependent countries, the 1960s.

Год	Страны
1960	Берег Слоновой Кости (Кот-д’Ивуар), Верхняя Вольта, Габон, Дагомея, Камерун, Кипр, Конго (Браззавиль), Конго (Киншаса), Мавритания, Мадагаскар, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сомали, Того, Центральноафриканская Республика, Чад
1961	Кувейт, Сьерра-Леоне, Танганьика
1962	Алжир, Бурунди, Западное Самоа, Руанда, Тринидад и Тобаго, Уганда, Ямайка
1963	Занзибар, Кения
1964	Замбия, Малави, Мальта
1965	Гамбия, Мальдивская Республика, Сингапур
1966	Барбадос, Ботсвана, Гайана, Лесото
1967	Народная Демократическая Республика Йемен
1968	Маврикий, Науру, Свазиленд, Экваториальная Гвинея

Источник: составлено автором по данным национальных информационных агентств.

которых в «долгие 1960-е годы» в результате освободительных движений возникли десятки независимых государств (см. табл. 1), предъявивших Западу крупный политический и экономический счет за столетия угнетения и интенсивной эксплуатации.

Именно в продолжительном западном господстве над странами Азии, Африки и Латинской Америки усматривали критики капитализма главные причины хозяйственной, социально-политической, научно-технической и культурной отсталости этих государств, которая на старте независимого развития поражала воображение своей глубиной. Примером могут служить классические работы мастиго немецкого ученого, одного из основоположников и знаковых представителей теории зависимого капиталистического развития и мир-системного анализа Андре Гундера Франка [Frank 1967; Frank 1979] или весьма влиятельного в левой интеллектуальной среде в 1970-е гг. гайанского историка и политического деятеля – панафриканиста Уолтера Родни [Rodney 1972].

Причем отсталость третьего мира была оборотной стороной «сверхразвития» Запада, ставшего системообразующим ядром мирового хозяйства. Такого рода дихотомия – Запад и третий мир – образовала, как казалось, неразрывную связку: перелив средств и ресурсов из периферии в центр ускорял социально-экономический прогресс в Европе и США (и, что особенно важно, повышал качество экономического роста), одновременно замедляя развитие большинства государств Азии, Африки и Латинской Америки [Королев 2002, с. 78–82]. Данный *modus vivendi*, в интерпретации исследователей из «левого лагеря», создал феномен «экономического роста без развития», когда повышение количественных показателей: размера ВВП, оборота внешней торгов-

ли, накопленного объема иностранных инвестиций и т. д. – не сопровождался качественными изменениями в положении основных масс населения так называемых развивающихся стран. По мнению Л.С. Ставрианоса, рост без развития стал «одной из главных отличительных черт третьего мира» [Stavrianos 1981, p. 39].

Такой политико-идеологический подход вошел в диссонанс со взглядами ученых, стоявших на позициях неoinституционализма и объяснявших экономическую и социально-политическую отсталость стран третьего мира преимущественно факторами внутреннего порядка, прежде всего неэффективностью большинства национальных институтов, из-за чего эти государства изначально «пошли по неверному пути». Печальный результат этого «неправильного» исторического движения – комплекс тяжелых экономических и социальных недугов, клубок неразрешимых противоречий, образовавшаяся пропасть между неизжитым прошлым и неясным (пугающим) будущим.

В качестве парадигмального примера чрезвычайно устойчивого и растянутого во времени отставания неoinституционалисты обычно приводят Латинскую Америку, раньше других районов третьего мира (еще в первой трети XIX в.) вставшую на путь самостоятельного политического развития. Как отмечал Френсис Фукуяма, «период с 1820 по 1870 г. был особенно катастрофическим для стран латиноамериканского региона: душевой ВВП в США в среднем возрастал на 1,39% в год, тогда как в Латинской Америке этот показатель, наоборот, падал на 0,5%». Почему так произошло? Ответ дал соавтор Ф. Фукуямы, мексиканский историк Энрике Краузе, который привел весьма характерный, можно сказать, модельный случай своей страны. Э. Крау-

зе писал: «Мексика сама несет ответственность за свои ужасающие язвы и неопровержимые исторические просчеты. Следует обвинять в них авторитарных, погрязших в демагогии и коррупции местных политиков, неэффективную экономику, дорогостоящую и бюрократизированную систему образования, самодовольные, зараженные духом фанатизма университеты. А возлагать вину на большого и злобного волка, Соединенные Штаты, за все мексиканские беды – это не что иное, как наводить тень на плетень» [Fukuyama 2011, pp. 20, 111].

Весомый вклад в изучение проблематики новых независимых государств внесли (хотя и с некоторым лагом по сравнению с зарубежными коллегами) отечественные ученые К.Н. Брутенц, В.В. Вольский, Г.И. Мирский, Е.М. Примаков, В.Т. Растянный, В.В. Рымаков, С.И. Тюльпанов, В.Л. Тягуненко, Р.А. Ульяновский, В.Л. Шейнис, Г.К. Широков и др. Одной из особенностей советских разработок стал акцент на анализе так называемого некапиталистического пути развития – своеобразного общественного явления, утвердившегося в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. В плане развития отечественного «третьемироведения», на наш взгляд, этапным был выход в свет в 1974 г. во многом новаторской коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы», открывшей серию комплексных теоретических исследований социально-экономических политико-идеологических проблем третьего мира [Аваков и др. 1974].

Международный «мозговой штурм» дал возможность определить проблемное поле «третьемировских» исследований и на концептуальном уровне позволил нащупать альтернативные пути преодоления исторической отсталости развивающихся государств. В этом –

несомненная заслуга зарубежных и советских ученых-обществоведов.

Разумеется, никто в политической науке не обладает истиной в последней инстанции. И в аргументах теоретиков марксистского толка, и во взглядах неоинституционалистов есть своя доля правды. Но для целей нашего исследования принципиально важно отметить тот факт, что в период 1950–1970-х гг. на волне деколонизации и становления новых независимых государств в правящих сферах подавляющего большинства развивающихся стран утвердилась концепция исторической вины Запада за отсталость третьего мира. Это стало идейной платформой двух чрезвычайно значимых явлений в мировой политике: Движения неприсоединения и борьбы за новый международный экономический порядок.

Третий мир набирает вес

Самым масштабным выражением политических устремлений стран третьего мира явилось, вне всяких сомнений, Движение неприсоединения (*Non-Aligned Movement*), созданное в начале сентября 1961 г. на конференции в Белграде представителями 25 государств. Таким образом, в 2021 г. официальная история движения отметит 60-летний юбилей, что само по себе говорит о многом.

Следует подчеркнуть, что Белградской конференции предшествовали несколько лет интенсивных дипломатических усилий руководителей Социалистической Федеративной Республики Югославии и ряда наиболее влиятельных в тот период развивающихся государств (Индии, Индонезии, Египта, Бирмы и др.), поставивших целью создать широкую международную организацию, объединяющую страны по принципу неучастия в военно-полити-

ческих блоках. На тот момент речь шла о НАТО, Варшавском договоре, Тихоокеанском пакте безопасности (АНЗЮС), Организации Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) и Организации Центрального Договора (СЕНТО, или Багдадский пакт) [Mistra 1993].

Важной вехой на пути становления Движения неприсоединения явилась Бандунгская конференция, состоявшаяся в Индонезии 18–24 апреля 1955 г. с участием представителей 29 стран, на долю которых, во многом благодаря Китайской Народной Республике и Индии, приходилось 54% населения земного шара (на тот момент порядка 1,5 млрд человек).

Ключевым политическим итогом форума в Бандунге стало согласование принципов международных отношений, на тот момент отвечавших приоритетным требованиям новых независимых государств: равенство всех рас и наций, уважение территориальной целостности, отказ от проведения агрессивной политики, урегулирование международных споров мирным путем и т. д. Кроме того, подчеркивалась «настоятельная необходимость содействия экономическому развитию Азии и Африки» и в качестве конкретных шагов указывалась стабилизация мировых цен на сырье с помощью заключения двусторонних и многосторонних соглашений. Можно согласиться с теми экспертами, которые видят в такой постановке вопроса начало борьбы развивающихся стран за изменение своего подчиненного положения в системе мирохозяйственных связей и установление нового международного экономического порядка (НМЭП)². В более широком контексте «дух Бандунга» символизировал идейно-политическое ро-

ждение третьего мира и претендовал на то, чтобы стать реальной альтернативой западной идеологии [Young 2016, p. 176].

Инициированные главным образом афро-азиатскими бывшими колониальными владениями европейских держав, регулярные саммиты неприсоединившихся стран очень быстро привлекли к себе внимание государств Латинской Америки и стали форумом, представляющим все регионы третьего мира. Уже на конференции в Лусаке (Замбия) в 1970 г. присутствовали представители 54 стран, включая 11 латиноамериканских, что в скором времени позволило сформировать в рамках ООН блок, состоящий из членов Движения неприсоединения и продвигавший проекты, отвечавшие их интересам.

Активное подключение к Движению численно быстро увеличивавшейся группы латиноамериканских государств сдвинуло центр его политического внимания и практической деятельности с вопросов неучастия в военных альянсах (этот вопрос не особенно занимал Латинскую Америку после провозглашения в 1967 г. региона зоной, свободной от ядерного оружия) [Яковлев 2018, с. 115] к проблемам обеспечения торгово-экономических потребностей третьего мира. Это стало особенно актуальным в конце 1960-х и начале 1970-х гг. в связи с турбулентными явлениями в мировой экономике и торговле, имевшими тяжелые последствия, прежде всего для развивающихся государств ввиду их сырьевой специализации и в целом большей уязвимости перед внешними шоками.

Характерно, в частности, что за семь десятилетий колониального и зависимого развития совокупная доля развивающихся стран в мировой эко-

2 Еще одной созданной развивающимися странами международной площадкой для обсуждения торгово-экономических вопросов стала возникшая в июне 1964 г. «Группа 77», названная так по числу государств-учредителей.

номике не возросла, а только сократилась. Но при этом отмечались серьезные региональные различия: обвальное падение доли Азии и «топтание на месте» Африки южнее Сахары в известной мере компенсировались ростом удельного веса Латинской Америки, Северной Африки и стран Ближнего и Среднего Востока (см. табл. 2). Но в целом, повторим, третий мир сдавал свои позиции и нуждался в том, чтобы сильнее нажать на педаль экономического роста.

В плане борьбы за установление НМЭП рубежным было проведение в 1972 г. в чилийской столице Сантьяго III сессии Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), на которой развивающиеся страны выступили сплоченными рядами с фронтальной критикой существовавшей системы мирохозяйственных связей, предоставлявшей преимущества развитым державам. Задававшие тон члены Движения неприсоединения выдвинули целый пакет требований, включавших изменение (разумеется, в их пользу) условий международной торговли и увеличение помощи на цели развития новым независимым странам со стороны бывших метрополий. Авторы этих предложений утверждали, что их последовательная реализация обеспечит развивающимся государствам более легкий

и широкий доступ на товарные рынки, позволит стабилизировать цены на сырье и в конечном счете приведет к ускорению экономического развития третьего мира и сокращению его отставания от Запада [Cox 1979].

Указанные идеи, носившие для того времени весьма радикальный характер, получили окончательное оформление и закрепление в ходе саммита Движения неприсоединения в Алжире (сентябрь 1973 г.), а затем переданы на рассмотрение в ООН. Уже немногим более чем через полгода, 1 мая 1974 г., под мощным давлением бывших колониальных и зависимых стран, составлявших большинство в Объединенных нациях и поддержанных социалистическими государствами, Генеральная Ассамблея ООН резолюцией 3201 (S-VI) приняла Декларацию об установлении нового международного экономического порядка [Declaration for the Establishment of a New International Economic Order 1974], а 12 декабря 1974 г. – Хартию экономических прав и обязанностей государств [Charter of Economic Rights and Duties of States 1974].

В этих фундаментальных документах страны – члены международного сообщества заявили о своей решимости установить НМЭП, основанный на справедливости, суверенном равенстве, взаимозависимости, общности

Таблица 2. Доля отдельных групп развивающихся стран в мировом ВВП, %

Table 2. Share of selected groups of developing countries in world GDP, %

Группа стран	1900	1938	1950	1960	1970
Развивающиеся страны	25,87	23,82	22,24	22,63	22,34
Латинская Америка	3,47	5,33	6,35	6,58	6,64
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	20,08	14,93	11,25	10,44	9,34
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	0,97	1,78	2,32	3,41	4,51
Африка южнее Сахары	1,35	1,78	2,32	2,19	1,84

Источник: [Королев 2002, с. 510–511].

интересов и сотрудничестве всех государств, независимо от их социально-экономических и политических систем. В качестве сердцевины НМЭП и основной стратегической задачи провозглашалось устранение неравенства в мировой экономике и ликвидация увеличивавшегося разрыва между развитыми и развивающимися странами. Инструментами достижения поставленной цели должны были стать: признание неотъемлемого права каждого государства над своими природными ресурсами и всей экономической сферой; справедливое соотношение цен на товары, экспортируемые и импортируемые развивающимися государствами; активная помощь особо нуждающимся странам без каких-либо политических и военных условий; регулирование и надзор над деятельностью транснациональных корпораций (ТНК); обеспечение достаточного притока инвестиционных и кредитных ресурсов в районы третьего мира; предоставление развивающимся странам доступа к достижениям современной науки и техники и т. д. По существу, вопрос ставился о введении для развивающихся стран (с оговоркой – «по мере возможности») преференциального и невзаимного режима наибольшего благоприятствования практически во всех областях международного экономического сотрудничества, что можно было трактовать как значимый внешнеполитический успех Движения неприсоединения и свидетельство возросшего веса третьего мира в международных делах [Rothstein 1979].

Между тем борьба за НМЭП – «экономический Бандунг» (как его иногда называли эксперты) – сопровождалась множеством суверенных (нередко весьма противоречивых и не всегда рациональных) акций развивающихся государств по укреплению национального контроля над природными богатства-

ми и ограничению деятельности западных ТНК, а также попытками изменить в свою пользу условия международной торговли, следствием чего явилось резкое повышение цен на нефть. Однако в целом выбранная основным массивом развивающихся государств стратегия развития, включая ее внешнеэкономический компонент, имела неоднородные последствия и в конечном счете не ознаменовалась бесспорной победой третьего мира.

Серьезный вклад в фактический срыв планов Движения неприсоединения внесли западные державы во главе с США и их корпорации и банки, зачастую блокировавшие решения большинства международного сообщества по переустройству системы мирохозяйственных связей. Как писал профессор права Национального университета Сингапура Энтони Энжи, «развитые державы враждебно смотрели на НМЭП» и делали все, чтобы не допустить полноценной реализации его принципов [Anghie 2015]. В итоге перестройка мировой экономики и торговли со временем потеряла первоначальную политическую инерцию и не принесла большинству развивающихся стран ожидаемых результатов.

Тернистый путь к глобальному Югу

Давая агрегированную оценку ключевым сдвигам в экономике третьего мира, которые произошли в 1970-е и 1980-е гг., можно констатировать, что в тот период четко проявились различия в возможностях и способностях отдельных групп развивающихся государств адаптироваться к постоянно меняющейся мирохозяйственной ситуации, вступившей в эпоху глубоких перемен, прежде всего под воздействием ускорявшейся научно-технической ре-

волюции. В основе отмеченных различий лежали порой весьма специфические национальные стратегии (модели) развития, далеко не всегда предлагавшие эффективные механизмы успешной интеграции тех или иных стран в мировое рыночное хозяйство и становившуюся поистине глобальной международной торговлю.

Кроме того, по мнению многих авторитетных зарубежных и российских исследователей, мощным фактором расхождения развивающихся государств стал нефтяной кризис, начавшийся 17 октября 1973 г., когда члены Организации арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЕК) объявили эмбарго на поставки «черного золота» в ряд западных держав, поддержавших Израиль в ходе так называемой Войны Судного дня. Этот решительный демарш ОАПЕК спутал все карты на международных сырьевых рынках и в считанные дни привел к беспрецедентному увеличению нефтяных котировок с 3 до 12 долл. за баррель, спровоцировав крупнейший в мировой истории энергетический кризис [Yergin 1991, pp. 708–710].

Возгонка цен на нефть и другие кризисные эффекты по-разному отразились на странах третьего мира, сильнейшим шоком разделили их на несколько групп. Первую образовал сравнительно узкий круг экспортеров жидких углеводородов, в одночасье экспоненциальным образом увеличивших свои доходы от продажи нефти и нефтепродуктов. Вторую группу, значительно более многочисленную, составили нефтеимпортирующие развивающиеся государства, для которых закупки «черного золота» в большинстве случаев стали дополнительным тяжелым финансовым бременем. И, нако-

нец, в третью группу вошли такие страны, как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг («азиатские тигры», или «новые индустриальные страны»), уже в течение ряда лет последовательно проводившие успешный курс на модернизацию и всемерное наращивание производства и экспорта промышленных изделий, включая высокотехнологичные, что радикально укрепляло их конкурентные позиции на мировых товарных рынках и выделяло из основного массива развивающихся государств³. (Заметим, что пример «азиатских тигров» свидетельствует о том, что граница, отделяющая периферию капиталистического мира от его центра, вполне преодолима.)

Отмеченная страновая дифференциация в рамках третьего мира, акцентированная нефтяным кризисом, четко просматривалась в динамике основных макроэкономических показателей (см. табл. 3).

Приведенные статистические данные говорят о том, что в 1970–1990 гг. Латинская Америка, включая ее лидеров (Аргентину, Бразилию и Мексику), максимально снизила темп прироста регионального ВВП по сравнению с другими районами развивающихся стран и уменьшила свою долю в их совокупном товарном экспорте с 30,7 до 22,8%. Поэтому не случайно 1980-е гг. вошли в новейшую латиноамериканскую историю как «потрясающее десятилетие», когда региональная экономика, по существу, стагнировала [Ayau Cordón 1993].

Не лучше обстояли дела в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, где также было зафиксировано снижение и без того низкой динамики экономического роста. Особенно тяжелое, можно

³ В частности, в 1960–1990 гг. при росте совокупного товарного экспорта третьего мира в 7,2 раза данный показатель Южной Кореи увеличился в 19,1 раза, а Тайваня – в 51 раз.

сказать, драматическое положение сложилось в странах Африки к югу от Сахары: за два десятилетия их доля в экспорте третьего мира уменьшилась с 3,8 до 1,7%, а душевой ВВП не только не вырос, но, напротив, сократился почти на 17%, что имело крайне негативные последствия в социально-политической сфере. Для многих стран Черного континента, без преувеличения, наступили черные дни.

На этом тревожном фоне резким контрастом стал экономический спурт азиатских государств. В 1980-х гг. они почти вдвое ускорили прирост ВВП по сравнению с предыдущим десятилетием, практически в 2,5 раза увеличили объем душевого ВВП и с 44,4 до 59,4% нарастили свою долю в совокупном товарном экспорте третьего мира. Очевидно, что эти впечатляющие результаты были достигнуты, в первую очередь, благодаря ушедшему в экономи-

ческий отрыв Китаю; но и целый ряд других крупных стран Азии, например Индонезия и Таиланд, встали на путь структурной перестройки экономики и форсированного хозяйственного роста, сумели значительно расширить свое участие в международной торговле. Именно в 1980-е гг. были созданы предпосылки превращения азиатских государств в «новые локомотивы мирового экономического роста» [Дынкин, Иванова 2011, с. 503], что не в последнюю очередь явилось результатом точно выверенных и выдержавших испытание временем макроэкономических решений.

В свою очередь, по мнению большинства отечественных и зарубежных ученых, экономические провалы Латинской Америки и Африки в 1970–1980-х гг. в решающей степени объяснялись узостью и слабой покупательной способностью внутренних рынков,

Таблица 3. Развивающиеся страны: динамика макроэкономических показателей
Table 3. Developing countries: dynamics of macroeconomic indicators

Группы стран и отдельные государства	Прирост ВВП в среднем за год, %		Душевой ВВП, тыс. долл.		Товарный экспорт, млрд долл.	
	1971–1980	1981–1990	1970	1990	1970	1990
Все развивающиеся страны	5,3	4,5	1,6	2,8	473,0	1775,0
Латинская Америка	6,6	1,2	4,6	6,4	145,0	405,0
Бразилия	8,3	1,4	3,7	6,4	31,0	85,5
Мексика	9,8	1,6	4,4	7,9	25,0	100,0
Аргентина	3,0	–1,6	9,3	7,7	20,5	25,5
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	4,4	8,1	0,9	2,2	210,0	1055,0
Китай	3,1	11,3	0,6	1,7	47,0	270,0
Индия	4,1	5,3	0,8	1,3	34,0	100,0
Индонезия	8,2	5,5	1,4	3,5	29,0	190,0
Таиланд	6,9	7,9	2,3	6,8	18,0	158,0
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	2,3	1,7	4,8	6,3	100,0	285,0
Африка южнее Сахары	2,3	1,7	1,2	1,0	18,0	30,0

Источник: [Королев 2002, с. 507, 508, 511, 512, 596, 597].

сохранявшимися структурными дисбалансами, неэффективными формальными и неформальными институтами, но главное – стратегическими просчетами правящих режимов: ошибочным курсом на гипертрофированное участие государства в экономике, политической протекционизма, устойчивым бюджетным дефицитом и стабильно высокой инфляцией (нередко гиперинфляцией), «съедавшей» доходы большинства населения [Кувалдин 2017, с. 371; Ffrench-Davis, Tironi 2014, pp. 172–187].

Конец 1980-х и начало 1990-х гг. ознаменовались тремя судьбоносными переменами на международной арене, оказавшими сильнейшее воздействие на внутренние процессы и внешнее положение государств третьего мира – сложный и, как выяснилось, неоднородный продукт послевоенного исторического развития.

Во-первых, с распадом СССР произошел слом биполярной системы, в течение десятилетий служившей базовым политическим концептом Движения неприсоединения, члены которого, таким образом, утратили первоначальный смысл – не быть втянутыми в военно-стратегическое противостояние двух антагонистических блоков. В новых международно-политических условиях развивающимся странам предстояло серьезно актуализировать свою объединительную повестку, чтобы не допустить самоликвидации Движения и, по возможности, придать ему второе дыхание.

Во-вторых, главенствующее место в определении механизмов и инструментов экономической стратегии ведущих западных держав (в первую очередь США и Великобритании) заняла неоллиберальная теория рыночных преобразований. Ее базовые принципы, сформулированные английским экономистом Джоном Уильямсоном в известном Вашингтонском консенсу-

се (1989 г.), предназначались не столько центрам капитализма (они во многом уже руководствовались на практике такой философией), сколько развивающимся странам и, прежде всего, латиноамериканским, пережившим «потерянное десятилетие» 1980-х гг. и действительно нуждавшимся в новой модели социально-экономического развития [Clift 2003, p. 9].

В частности, государствам Латинской Америки и, шире, всего третьего мира рекомендовали провести фактически тотальное дерегулирование экономики, осуществить либерализацию правил ведения внешней торговли и функционирования финансовых рынков, приватизировать государственные предприятия, снять ограничения на деятельность иностранного капитала, установить свободный обменный курс национальной валюты, снизить предельные ставки налогов, поддерживать фискальную дисциплину (по сути, сохранять минимальный дефицит бюджета за счет урезания расходов). Другими словами, предложенный свод правил макроэкономической политики обозначал отход латиноамериканских государств от дирижистской парадигмы экономического роста. Поскольку указанные принципы отражали позицию правительства США и расположенных в американской столице штаб-квартир Международного валютного фонда и Всемирного банка, то составленный Дж. Уильямсоном документ и получил вошедшее в широкий обиход наименование Вашингтонский консенсус [Ананьин, Хаиткулов, Шестаков 2010].

Третьим важнейшим фактором, вызвавшим радикальное изменение международного положения развивающихся стран, явился процесс неоллиберальной глобализации, «запущенный» Западом на рубеже 1980–1990-х гг. и на три десятилетия определивший магистральное направление эволюции

мировой экономики и политики. Для государств Азии, Африки и Латинской Америки глобализация превратилась в мощный фактор как внутренних структурных преобразований (зачастую противоречивых и неоднозначных), так и перезагрузки сложившейся в постколониальный период системы внешнеэкономических связей.

Сопряжение на одном историческом отрезке времени трех указанных трансформационных процессов послужило катализатором уже происходивших подвижек в рамках третьего мира, усилило те тенденции, которые давали о себе знать в предыдущие годы. Главным результатом развития этих трендов стал идейно-политический износ концепции третьего мира и рождение идеи глобального Юга – обновленного концепта взаимодействия развивающихся стран на международной арене, который, как отмечали австралийские исследователи Ноур Дадос и Рэвин Коннелл, зафиксировал смещение фокуса внимания с культурных различий и проблем отсталости на вопросы геоэкономики и геополитики [Dados, Connell 2012, p. 12].

Эту точку зрения разделяет известный голландский экономист Ян Аарт Схолте, ответственный редактор четырехтомной фундаментальной «Энциклопедии глобализации» и автор многих публикаций по мирохозяйственной проблематике. Ученый подчеркнул, что «глобальный Юг не является простым синонимом третьего мира, хотя они и характеризуются частично совпадающими чертами». Но коренное отличие идеологии глобального Юга от концепции третьего мира и Движения неприсоединения состоит в отходе от поиска политического и экономического суверенитета и глубоком включении в силовое поле неолиберальной глобализации, которую Я.А. Схолте называет «гиперкапитализмом» [Scholte 2005].

Новые возможности, вызовы и риски

Что привнесла глобализация в социально-экономическую ткань и международное положение государств глобального Юга? Как стали выстраиваться отношения между Югом и Севером, сердцевину которого продолжали составлять западные державы?

Вынужденно представляя обобщенную картину, которая, разумеется, не может вместить все многообразие этого сложного и объемного сюжета, можно выделить ряд ключевых и во многом новых черт, характеризующих внутреннее и международное положение развивающихся стран в эпоху неолиберальной глобализации.

Прежде всего, практически все ведущие государства глобального Юга (за исключением Китая) с разной степенью результативности в 1990-х гг. прошли через проведение рыночных реформ преимущественно по лекалам Вашингтонского консенсуса. Главным результатом этих преобразований явилось снижение роли государства в экономике, отход от политики протекционизма (или ее ослабление), активное привлечение иностранного капитала, включение в глобальные цепочки добавленной стоимости, формирование «собственных» транснациональных корпораций и банков развивающихся стран [Williamson, Kuczynski 2003, pp. 305–343].

Эти сдвиги, дополненные массовым переводом с Севера на Юг производственных активов и созданием ориентированных на внешние рынки промышленных хабов (в Китае, Бангладеш, Мексике, Бразилии, Вьетнаме, Индонезии, Малайзии, Таиланде и т. д.), образовали своего рода парадный фасад неолиберальной глобализации, символизировали изменение места стран глобального Юга в системе международного разделения труда, обеспечили ощутимое увели-

чение их удельного веса в мировой экономике и торговле (см. табл. 4).

Как видим, особенно динамично развивались азиатские государства во главе с Китаем. Вполне можно констатировать, что в ходе развития неолиберальной глобализации, задуманной и тщательно спланированной в западных столицах, неожиданным для них образом произошло относительное ослабление мирохозяйственных позиций развитых держав, а центр притяжения мировой экономики и торговли в сравнительно сжатые сроки переместился в развивающиеся страны Азии. И в этом – один из главных бросающихся в глаза парадоксов глобализации, в конечном счете вызвавший болезненную реакцию в правящих сферах Запада, крайним выражением чего явилась агрессивная, неопротекционистская внешнеэкономическая политика администрации Д. Трампа [Кузнецов 2020, с. 535–548].

Крайнее раздражение в Белом доме вызвали международные торговые

и технологические успехи КНР, экономическую модель которой известный итальянский экономист Лоретта Наполеони определила как «Маономикс», или «марксизм под неолиберальным соусом», подчеркивая тем самым сравнительно сложную и внутренне противоречивую композицию китайской стратегии роста. Несмотря на это, по мнению Л. Наполеони, «странный союз коммунизма с капитализмом» в конкретных условиях Китая оказался эффективным государственным решением, позволил Пекину суперудачно адаптироваться к требованиям глобализации и ее правилам игры, послужил наглядным уроком для многих держав Запада, вынужденных перейти на пониженный ритм хозяйственного развития и по темпам прироста ВВП «пропустить вперед» наиболее динамичные страны глобального Юга [Napoleoni 2011, pp. 67, 15, 26].

Но далеко не для всех развивающихся государств их участие в глобализации явилось однозначно позитив-

Таблица 4. Страны глобального Юга в мировой экономике и торговле

Table 4. Countries of the global South in the world economy and trade

Группы стран, государства-лидеры	Доля в мировом ВВП, %		Доля в мировом экспорте, %	
	1990	2019	1990	2019
Весь мир	100,00	100,00	100,00	100,00
Государства Севера	55,08	44,83	65,16	50,47
США	20,73	15,93	12,99	8,98
Государства Юга	31,12	50,36	29,66	49,53
Латинская Америка	7,57	7,63	6,80	5,76
Бразилия	2,50	2,40	1,40	1,22
Южная, Юго-Восточная и Восточная Азия	16,82	32,41	17,60	34,90
Китай	5,41	17,39	4,50	13,63
Северная Африка, Ближний и Средний Восток	5,27	7,26	4,80	6,92
Африка южнее Сахары	1,46	3,06	0,50	1,95

Рассчитано по: [International Monetary Fund, The World Bank, ITC].

ным. В целом ряде случаев слепое следование неолиберальным постулатам Вашингтонского консенсуса имело и обратную сторону, примером чему могут служить Аргентина и другие латиноамериканские страны, безоглядно вставшие на путь рыночных реформ в начале 1990-х гг. Результат детально проанализирован в научной литературе и хорошо известен: после нескольких лет интенсивных преобразований, материализовавшихся в либерализации товарных и финансовых рынков, экспоненциальном увеличении суверенного долга, приватизации государственных предприятий и передачи контроля над ключевыми секторами экономики в руки иностранных ТНК, государства Латинской Америки на рубеже XX–XXI в. столкнулись с одним из самых глубоких социально-экономических кризисов в своей истории, что послужило источником общественно-политической фрустрации [Pertas, Veltmayer 2004].

Более позитивную динамику продемонстрировали страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока и Африки к югу от Сахары. Правда, в целом ряде случаев заметный экономический рост во многом объяснялся слабыми стартовыми позициями, так называемым эффектом низкой базы. Но, как бы то ни было, первые десятилетия XXI в. показали, что немалое число ближневосточных и африканских государств располагают значительными возможностями хозяйственного ускорения. И это было признано в международных деловых и политических кругах. «В последние годы, – отмечали российские ученые И.О. Абрамова и Л.Л. Фитуни, – ведущие мировые державы и центры экономической силы синхронно пришли к осознанию высокой значимости ресурсного, человеческого и нарастающего экономического потенциала Африки в формирующей-

ся новой модели мирового экономического развития» [Абрамова, Фитуни 2017].

Но если полная реализация огромного потенциала африканского континента – во многом дело не слишком близкого будущего, то не имеющий исторических аналогов долговременный форсированный экономический рост Китая (особенно на фоне кризисных явлений в латиноамериканских странах и вялого динамизма в США, Европейском союзе и Японии) уже в наши дни заставил международное экспертное сообщество переосмыслить выдвинутые на Западе ключевые макроэкономические догмы и критически взглянуть на неолиберальные постулаты Вашингтонского консенсуса. Отсюда – то повышенное внимание, которое было проявлено к особенностям макроэкономической стратегии Китая, с легкой руки британского эксперта Джошуа Рамы (бывшего главного редактора популярного журнала Time) получившей название Пекинский консенсус.

Напомним основные положения данной концепции, не без основания воспринятой в качестве доктринального ответа страны-лидера глобального Юга на идейный вызов Севера [Li, Brodsgaard, Jacobsen 2009]. Итак, описанная Пекинским консенсусом оптимальная для развивающихся государств модель экономического роста предусматривала следующее:

1. Осмысленную и осторожную локализацию лучших зарубежных бизнес-практик и компетенций.
2. Нахождение наилучшего баланса между рыночным и плановым началами в макроэкономической политике.
3. Использование для достижения поставленных целей максимально гибких методов, учитывающих особую сложность состояния экономик развивающихся стран (по

- сравнению с развитыми государствами).
4. Защиту суверенного права каждой страны свободно выбирать собственное социально-политическое устройство.
 5. Обеспечение внутривластной стабильности как необходимой предпосылки устойчивого экономического роста.
 6. Осуществление государственной политики поощрения трудового усердия и укрепления уверенности граждан в своих силах, позволяющей выстраивать с зарубежными партнерами открытые отношения в алгоритме «выигрыш – выигрыш» (win – win).
 7. Проведение курса на постоянный апгрейдинг промышленного производства – регулярный переход на качественно новые ступени технико-технологического развития.
 8. Опору на национальные инновации в деле непрерывной модернизации индустрии, последовательное наращивание инвестиций в науку, технологии и образование.
 9. Осмотрительную и поэтапную либерализацию местных финансовых рынков, сохранение национального контроля над стратегическими активами.
 10. Придание экономическому росту социальной направленности, построение гармоничного общества.

Совершенно очевидно, что приведенный декалог ключевых принципов макроэкономической стратегии, хотя и не лишен выраженного китайского акцента, явно претендует на роль «путеводной звезды» для политическо-

го истеблишмента, деловых и финансовых кругов максимального числа государств глобального Юга.

Называя себя «большой развивающейся страной», Пекин вбрасывает в международное пространство альтернативные идеи, которые для «южных государств» могут звучать более привлекательно, нежели жесткие требования Вашингтонского консенсуса. В их числе – инкрементальные (т. е. постепенные) социально-экономические преобразования; защита национального суверенитета от внешнего политического вмешательства; необязательность демократических реформ по западному образцу и возможность сохранения авторитарных режимов; откровенно скептическое отношение к принципам правового государства; стремление к поиску «золотой середины» между свободным рынком и госкапитализмом.

Таким, в общих чертах, было идейно-политическое послание Китая в адрес стран глобального Юга, включая и членов Движения неприсоединения, к которому Пекин примкнул в статусе наблюдателя в сентябре 1992 г., и участников «Группы 77». В данном случае сложилась комфортная для КНР формула сотрудничества «Группа 77 + Китай», позволяющая Пекину продвигать свои экономические идеи в широком международном формате⁴. Но главное, что предложило китайское руководство правящим режимам развивающихся государств, было огромное по своему размаху торговое и инвестиционное взаимодействие КНР с партнерами в Азии, Африке и Латинской Америке. По существу, сложился обновленный алгоритм сотрудничества по линии Юг – Юг, когда наиболее мощные «южане» (во главе с Китаем) стали отвоевывать у западных держав и их кор-

4 Заметим, что к началу XXI в. число участников Движения неприсоединения и «Группы 77» в каждом случае превысило 130 стран.

пораций все более крупные сегменты развивающихся рынков [SDGF].

Сохранение указанных трендов на протяжении первых двух десятилетий XXI в. привело к формированию принципиально новой геоэкономической и геополитической ситуации, в контексте которой позиционирование глобального Юга претерпело значительные изменения. В их числе:

1. Образование в рамках неформального сообщества развивающихся стран численно растущей группы государств, по уровню экономического развития сравнявшихся с западными державами, а на ряде направлений вырвавшихся вперед. Следствием этого является продолжающаяся дифференциация развивающегося мира.
2. Уплотнение взаимной связанности экономик глобального Юга. Движущими силами данного явления служат: широкая экспансия местного транснационального бизнеса, создание трансрегиональных торговых и инфраструктурных коридоров («Пояс и путь», Азиатско-африканский коридор роста и др.), а также возникновение новых, более высокого уровня интеграционных группировок, в частности с участием развитых государств. Пример таких объединений – учрежденное 13 ноября 2020 г. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в которое вошли десять стран Юго-Восточной Азии, а также Китай, Южная Корея, Япония, Австралия и Новая Зеландия.
3. Выдвижение китайским руководством (в значительной мере де-факто) принципов Пекинского консенсуса явилось, по существу, концептуальным оформлением того вызова, который нарастивший торгово-экономическую

мощь Юг во главе с КНР бросил Северу, возглавляемому США. Поскольку Китай превратился в главного геоэкономического конкурента Соединенных Штатов [Мельянцеv 2019, с. 5], то их соперничество транслируется на отношения между Севером и Югом.

4. Появление на карте мира специфических стран и территорий, характеризующихся как лиминальные пространства (liminal spaces), т. е. совмещающих в себе родовые признаки развитых и развивающихся государств. К их числу, например, можно отнести отдельные государства Южной и Восточной Европы (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Черногория, Македония, Болгария, Румыния и др.), часть которых даже являются членами или кандидатами в члены Европейского союза, что, однако, радикально не меняет их подчиненного положения в глобальном разделении труда [Sajed 2020].
5. Возникновение в центрах капитализма своеобразных анклавов традиционного третьего мира – обширных зон отсталости, нищеты и социально-политической турбулентности. Таким образом, исторически присущие развивающимся странам общественные проблемы и конфликты распространяются на страны Запада, парадоксальным образом превращая отдельные их районы в часть глобального Юга. Убедительным примером могут служить массовые протестные выступления и беспорядки 2019–2020 гг. в Азии, Латинской Америке (максимально широко), Европе и, особенно, в США, где они приобрели невиданный прежде размах [Яковлев, Яковлева 2020].

Как видим, на пороге третьего десятилетия XXI в. на огромных просторах глобального Юга сложились и пришли в движения различные центростремительные и центробежные процессы, в целом отразившие те сдвиги, которые имели место во внутреннем и международном положении развивающихся стран. Общий знаменатель отмеченных изменений – тренд на повышение роли Юга в мировых делах, его возросшее влияние на судьбы человечества.

Разумеется, это отнюдь не линейный процесс, о чем властно напомнила пандемия коронавируса COVID-19, охватившая десятки государств глобального Юга, породившая не только «внеочередной» мировой кризис (коронакризис), но и глубокую неопределенность тенденций дальнейшего международного развития.

Какую роль может играть глобальный Юг (понятие, включающее и Движение неприсоединения, и «Группу 77 + Китай») на выходе из коронакризиса и, позднее, в новом, постковидном мире?

В мировом измерении развивающиеся страны и их объединения должны сосредоточиться на самых актуальных глобальных проблемах, решение которых создаст более благоприятные международные условия для посткризисного восстановления и ускорения социально-экономического развития большинства государств Азии, Африки и Латинской Америки, придаст ему поступательный, инклюзивный и устойчивый характер. Как было показано, возможности для этого имеются.

И последнее. Реального шанса у международного сообщества «сделать все как было» – вернуть мировую ситуацию в докризисное состояние и к прежним правилам «большой глобальной игры» в обозримом будущем, ви-

димо, не просматривается. Перед этим вызовом страны глобального Юга должны будут найти приемлемый баланс между различными (нередко противоречивыми) экономическими и социально-политическими моделями, чтобы не допустить раскола в своих рядах. Напротив, глобальный Юг, опираясь на имеющийся у него колоссальный потенциал и наработанные механизмы взаимной связанности, может стать драйвером процесса формирования нового, резильентного (кризисоустойчивого) миропорядка. Историческая миссия, с которой в конечном счете не справился коллективный Запад, «по наследству» переходит глобальному Югу. Разумеется, ее выполнение – архисложная задача, и успех будет зависеть как от внутренних усилий ведущих развивающихся стран, так и от их способности эффективно взаимодействовать с максимально широким кругом ответственных международных партнеров, заинтересованных в более стабильном, безопасном, справедливом и процветающем мире.

Список литературы

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. (2017) Потенциал африканского континента в стратегии развития российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 9. С. 24–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35
- Аваков Р.М., Брагина Е.А., Майданик К.Л., Мирский Г.И., Покатаева Т.С., Тягуненко В.Л. (ред.) (1974) Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М.: Мысль.
- Ананьин О.И., Хаиткулов Р.Г., Шестаков Д.Е. (2010) Вашингтонский консенсус: пейзаж после битвы // Мировая экономика и международные отношения. № 12. С. 15–27 // <https://economics.hse.ru/data/2011/02/14/1208909692/2010%->

20%D0%9C%D0%AD%D0%9C%D0%9E.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Дынкин А.А., Иванова Н.И. (ред.) (2011) Россия в полицентричном мире. М.: Весь Мир.

Королев И.С. (ред.) (2002) Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М.: Экономистъ.

Кувалдин В. (2017) Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения. М.: Весь Мир.

Кузнецов А.В. (ред.) (2020) Феномен Трампа: монография. М.: ИНИОН РАН.

Мельянцева В.А. (2019) КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 5–14. DOI: 10.31857/S0322150750005767-5

Яковлев П.П. (2018) Аргентина и Бразилия: от военных ядерных программ к национальной атомной энергетике // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 6. С. 109–127. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

Яковлев П.П., Яковлева Н.М. (2020) Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64 № 7. С. 89–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Anghie A. (2015) Legal Aspects of the New International Economic Order // *Humanity Journal*, vol. 6, no 1, pp. 145–158. DOI: 10.1353/hum.2015.0016

Ayau Cordón M.F. (1993) *La Década Perdida*, Guatemala: CEES.

Charter of Economic Rights and Duties of States (1974). General Assembly Document A/RES/29/3281 of 12 December 1974 // UN Documents // <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm>, дата обращения 27.10.2020.

Clift J. (2003) Beyond the Washington Consensus // *Finance & Development*, vol. 40, no 3, pp. 9.

Cox R. (1979) Ideologies and the New International Economic Order: Reflections on Some Recent Literature // *International Organization*, vol. 33, no 2, pp. 257–302. DOI: 10.1017/S0020818300032161

Dados N., Connell R. (2012) The Global South // *Contexts*, vol. 11, no 1, pp. 12–13. DOI: 10.1177/1536504212436479

Declaration for the Establishment of a New International Economic Order (1974). United Nations General Assembly Document A/RES/S-6/3201 of 1 May 1974 // UN Documents // <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm>, дата обращения 29.10.2020.

Ffrench-Davis R., Tironi R. (eds.) (2014) *Latin America and the New Economic Order*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Frank A.G. (1967) *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, New York: NYU Press.

Frank A.G. (1979) *On Capitalism Underdevelopment*, Delhi: Oxford University Press.

Fukuyama F. (2011) *Falling Behind*, London: Oxford University Press.

International Monetary Fund (2020). *World Economic Outlook. A Long and Difficult Ascent*. Washington, October.

ITC. Trade Statistics for International Business Development // <https://www.trademap.org/index.aspx>, дата обращения 19.11.2020

Li X., Brodsgaard K.E., Jacobsen M. (2009) Beijing Consensus: Ten Economic Principles // *China Economic Journal*, vol. 2, no 3, pp. 297–311. DOI: 10.1080/17538960903529535

Misra K.P. (1993) *Nonalignment in International Relations*, New Delhi.

Napoleoni L. (2011) *Maonomics. La amarga medicina china contra los escándalos de nuestra economía*, Barcelona: Paidós.

Pertas J., Veltmayer H. (eds.) (2004) *Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina*, Buenos Aires: Prometeo libros.

Prashad V. (2007) *The Darker Nations: A People's History of the Third World*, New York: The New Press.

Rodney W. (1972) *How Europe Underdeveloped Africa*, London: Bogle-L'Ouverture Publications.

Rothstein R.L. (1979) *Global Bargaining: UNCTAD and the Quest for a New International Economic Order*, Princeton: Princeton University Press.

Sajed A. (2020) *From the Third World to the Global South* // *E-International Relations*, July 27, 2020 // <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/>, дата обращения 16.11.2020.

Scholte J.A. (2005) *Globalization: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

SDGF. *South-South Cooperation* // <https://www.sdgfund.org/south-south-cooperation>, дата обращения 19.11.2020.

Stavrianos L.S. (1981) *Global Rift: The Third World Comes of Age*, New York: Morrow.

The World Bank (2020). *World Development Indicators* // <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения 19.11.2020

Williamson J., Kuczynski P.-P. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.

Yergin D. (1991) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*, New York: Simon & Schuster.

Young R.J.C. (2016) *Postcolonialism: An Historical Introduction*, Chichester: Wiley-Blackwell.

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes

Petr P. YAKOVLEV

DSc in Economics, Chief Researcher of the Department of Europe and America Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0751-8278

CITATION: Yakovlev P.P. (2021) Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 6–27 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-1

Received: 26.11.2020.

ABSTRACT. *In a dynamic world, developing in the direction of polycentricism, the countries of Asia, Africa and Latin America, forming together the so-called Global South, are increasingly prominent. Today, the Global South comprises nearly two-thirds of the UN member states, accounts for about 80% of the world's population, about 50% of world GDP and about a half of total international trade. These dry figures alone point to the paramount methodological, scientific and practical importance of studying the economic and socio-political issues of the Global South, a comprehensive analysis of its role in the world economy and politics, in the globalization, and also in geoeconomic and geopolitical relations. Equally relevant is the analysis of the Global South's participation in the international community's efforts to combat global challenges, including climate change, the eradication of poverty, the fight against cross-border terrorism and drug trafficking, humanity's victory over the COVID-19 pandemic and the launch of the recovery economic growth undermined by the coronacrisis. According to the author's of the article point of view, the former colonial and dependent countries forming the Global*

South, many of which have achieved state independence in the last 50–60 years, have accumulated considerable experience of joint actions to defend their economic and political interests, established mechanisms and organizations of cooperation in a variety of fields. Far from simplifying the extremely difficult present situation and not turning a blind eye to existing problems and difficulties, it is logical to assume that a rich historical experience and a large international weight can enable the countries of the Global South to participate actively in building a more sustainable, just and secure world order.

KEYWORDS: *Global South, colonialism, developing countries, Non-Aligned Movement, Third World, West, globalization, China, coronacrisis, new world order*

References

Abramova I.O., Fituni L.L. (2017) Potential of the African Continent in the Development Strategy of the Russian Economy. *World Economy and International Rela-*

tions, vol. 61, no 9, pp. 24–35 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-9-24-35

Ananyin O.I., Khaitkulov R.G., Shestakov D.E. (2010) Washington Consensus: Landscape after Battle. *World Economy and International Relations*, no 12, pp. 15–27. Available at: <https://economics.hse.ru/data/2011/02/14/1208909692/2010%20%D0%9C%D0%AD%D0%9C%D0%9E.pdf>, accessed 31.01.2021 (in Russian).

Anghie A. (2015) Legal Aspects of the New International Economic Order. *Humanity Journal*, vol. 6, no 1, pp. 145–158. DOI: 10.1353/hum.2015.0016

Avakov R.M., Bragina E.A., Maydanik K.L., Mirskiy G.I., Pokatayeva T.S., Tyagunenko V.L. (eds.) (1974) *Developing Countries: Patterns, Trends, Perspectives*, Moscow: Misl' (in Russian).

Ayau Córdón M.F. (1993) *La Década Perdida*, Guatemala: CEES.

Charter of Economic Rights and Duties of States (1974). General Assembly Document A/RES/29/3281 of 12 December 1974. *UN Documents*. Available at: <http://www.un-documents.net/a29r3281.htm>, accessed 27.10.2020.

Clift J. (2003) Beyond the Washington Consensus. *Finance & Development*, vol. 40, no 3, pp. 9.

Cox R. (1979) Ideologies and the New International Economic Order: Reflections on Some Recent Literature. *International Organization*, vol. 33, no 2, pp. 257–302. DOI: 10.1017/S0020818300032161

Dados N., Connell R. (2012) The Global South. *Contexts*, vol. 11, no 1, pp. 12–13. DOI: 10.1177/1536504212436479

Declaration for the Establishment of a New International Economic Order (1974). United Nations General Assembly Document A/RES/S-6/3201 of 1 May 1974. *UN Documents*. Available at: <http://www.un-documents.net/s6r3201.htm>, accessed 29.10.2020.

Dynkin A.A., Ivanova N.I. (eds.) (2011) *Russia in the Polycentric World*, Moscow: The Whole World (in Russian).

French-Davis R., Tironi R. (eds.) (2014) *Latin America and the New Economic Order*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

Frank A.G. (1967) *Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, New York: NYU Press.

Frank A.G. (1979) *On Capitalism Underdevelopment*, Delhi: Oxford University Press.

Fukuyama F. (2011) *Falling Behind*, London: Oxford University Press.

International Monetary Fund (2020). World Economic Outlook. A Long and Difficult Ascent. Washington, October.

ITC. Trade Statistics for International Business Development. Available at: <https://www.trademap.org/index.aspx>, accessed 19.11.2020

Korolev I.S. (eds.) (2002) *World Economy: Global Trends for 100 Years*, Moscow: Economist (in Russian).

Kuvaldin V. (2017) *Global World. Policy. Economy. Social Relations*, Moscow: The Whole World (in Russian).

Kuznetsov A.V. (eds.) (2020) *The Trump Phenomenon*, Moscow: INION (in Russian).

Li X., Brodsgaard K.E., Jacobsen M. (2009) Beijing Consensus: Ten Economic Principles. *China Economic Journal*, vol. 2, no 3, pp. 297–311. DOI: 10.1080/17538960903529535

Melyantsev V.A. (2019) China and the United States, Who Whom: Comparing the Main Parameters of Economic Development. *Asia and Africa today*, no 8, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S0322150750005767-5

Misra K.P. (1993) *Nonalignment in International Relations*, New Delhi.

Napoleoni L. (2011) *Maonomics. La amarga medicina china contra los escándalos de nuestra economía*, Barcelona: Paidós.

Pertas J., Veltmayer H. (eds.) (2004) *Las privatizaciones y la desnacionalización de América Latina*, Buenos Aires: Prometeo libros.

Prashad V. (2007) *The Darker Nations: A People's History of the Third World*, New York: The New Press.

Rodney W. (1972) *How Europe Underdeveloped Africa*, London: Bogle-L'Ouverture Publications.

Rothstein R.L. (1979) *Global Bargaining: UNCTAD and the Quest for a New International Economic Order*, Princeton: Princeton University Press.

Sajed A. (2020) From the Third World to the Global South. *E-International Relations*, July 27, 2020. Available at: <https://www.e-ir.info/2020/07/27/from-the-third-world-to-the-global-south/>, accessed 16.11.2020.

Scholte J.A. (2005) *Globalization: A Critical Introduction*, Basingstoke: Palgrave MacMillan.

SDGF. South-South Cooperation. Available at: <https://www.sdgfund.org/south-south-cooperation>, accessed 19.11.2020.

Stavrianos L.S. (1981) *Global Rift: The Third World Comes of Age*, New York: Morrow.

The World Bank (2020). World Development Indicators. Available at:

<https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, accessed 19.11.2020.

Williamson J., Kuczynski P.-P. (eds.) (2003) *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*, Washington: Institute for International Economics.

Yakovlev P. (2018) Argentina and Brazil: from Military Nuclear Programs to National Atomic Energy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 6, pp. 109–127 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-6-109-127

Yakovlev P., Yakovleva N. (2020) Protest Potential of the Latin America: Regional Aspect of Global Phenomenon. *World Economy and International Relations*, vol. 64, no 7, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99

Yergin D. (1991) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power*, New York: Simon & Schuster.

Young R.J.C. (2016) *Postcolonialism: An Historical Introduction*, Chichester: Wiley-Blackwell.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии

Андрей Геннадиевич ВОЛОДИН

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация
E-mail: andreivolodine@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0627-4307

ЦИТИРОВАНИЕ: Володин А.Г. (2021) Экспорт прямых инвестиций и эмиграция: опыт современной Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 28–47. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Статья поступила в редакцию 12.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья написана по гранту РФФИ: проект 19-18-00251, «Социально-экономическое развитие крупных городов Европы: влияние иностранных капиталовложений и трудовых миграций», МГИМО МИД России.

АННОТАЦИЯ. В статье на примере независимой Индии исследуется корреляция инвестиционных и миграционных потоков в зарубежные страны. Показано, что индийские инвестиционные потоки, истоки которых берут начало в первой половине 1960-х годов, особенно активно устремились вовне, преимущественно в промышленно развитые страны, после экономической реформы 1991 года. Показаны основные интересы и направления деятельности индийских ТНК, методы их работы за рубежом. Оценены возможности зарубежной деятельности индийских инвесторов в новых условиях, после пандемии коронавируса. Центральные направления инвестиционных потоков и индийской зарубежной миграции (США, Англия, Западная Азия и т. д.) принципиально совпадают. Адаптация индийских переселенцев успешнее происходит в странах распространения английского языка. В качестве отдельной темы

выделена проблема возможной индийской миграции в Россию. Обозначены ее потенциальные положительные и отрицательные последствия для экономики и политики нашей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индия, иностранные инвестиции, трудовые миграции, география внешнеэкономических связей, индийские мигранты в России

Индия, наряду с Египтом и Турцией, входит в группу государств, где национальное предпринимательство и национальный капитал имели более продолжительную традицию, чем в других странах Востока. И сегодня «пионеры» восточного капитализма сохраняют завоеванные в прошлом позиции. Несмотря на перегруппировку геоэкономических сил, выдвинувшую на «чемпионский пьедестал» Тихоокеанскую Азию, Индия сохранила себя как динамично (хотя и неравномерно) развивающуюся

экономику, в своем движении вперед упорно преодолевающую *внутренние* диспаритеты развития [Володин 2018, с. 79–87].

Индийские зарубежные инвестиции: история и современность

После экономических реформ 1990-х гг. («реформы Манмохана Сингха») [Володин 2010, с. 91–98] Республика заметно активизировала свою деятельность в сфере внешнеэкономических связей, уже в 2000-е гг. выдвинувшись в число восьми ведущих государств Азии по объему прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в народно-хозяйственные комплексы зарубежных стран [Sauvant, Pradhan 2010, р. XXIII]. Смысл этого противоречивого, на первый взгляд, явления в том, что базовые показатели социально-экономического развития и подушевой доход наиболее «современных» (индустриальных) территорий Индии сопоставим с параметрами развития стран со «средним» уровнем доходов населения, которые и выступают основными зарубежными инвесторами среди «переходных экономик». С конца 1980-х гг. (когда индийские ПИИ направлялись преимущественно в развивающиеся страны) произошли зримые перемены: в настоящее время более 60% ПИИ направляются в экономики промышленно развитых стран. На этом направлении деятельности индийских компаний ведущие места принадлежат США и Великобритании. Инвестиции в «продвинутое» народно-хозяйственные комплексы – это своеобразный поиск Индией новых знаний, технологий, приемов организации производства. По известной аналогии подобная модель деятельности получила название «догоняющей» [Cuervo-Cazurra, Ramamurti 2014, р. 7].

Одним из центральных направлений индийских ПИИ уже в 2000-е гг. стало приобретение зарубежных компаний (как правило, западных), оказавшихся в «стесненных обстоятельствах». Заметим: у этого процесса есть собственная солидная история. И так, в начале 1960-х гг. группа компаний «Бирла» («монополия», как подобные финансово-промышленные конгломераты именовали советские индологи) основала текстильную фабрику в Аддис-Абебе, столице Эфиопии. Тогда же конгломерат осуществил довольно скромные по размерам инвестиции в экономику Швейцарии. А чуть позже в процесс инвестирования в зарубежные страны включились другие индийские «монополии»: «Тхапар», «Сингхания», «Мафатлал» и «Годредж». Частные компании, таким образом, стали «первопроходцами» прямого индийского инвестирования в экономики зарубежных стран, тогда как финансово-экономические институты государства оставались в стороне от этого процесса.

Уже в 1980-е гг. число инвестировавших в зарубежные экономики индийских компаний увеличилось почти до полутора сотен. Правящие круги страны, сознавая роль инвестиционной деятельности в расширении номенклатуры экспортных товаров и укреплении позиций Индии за рубежом (главным образом в развивающихся странах), избирательно стимулировали заграничную деятельность компаний, внимательно следя за экспортом машиностроительной продукции и всячески препятствуя вывозу за пределы страны «драгоценной» иностранной валюты. Первоначально география основных направлений ПИИ была довольно ограниченной и исчерпывалась соседними с Индией государствами. Невелик был и набор отраслей производства, на которые распространялись преимуще-

ства участия в процессе ПИИ: химическая, бумажная и текстильная промышленность практически исчерпали список «привилегированных» отраслей.

Ситуация с интенсификацией и диверсификацией потоков ПИИ начала меняться, и осязаемо, с первой половины 1990-х гг., а импульсом к сдвигам послужила «реформа Манмохана Сингха» (1991 г.). Список компаний-инвесторов значительно расширился. К концу 2000-х гг. их число возросло до более чем двух тысяч, тогда как состав «традиционных» индийских *промышленных домов* был дополнен мелкими и средними предприятиями, положительно зарекомендовавшими себя в «новой» рыночной среде. В число «новых инвесторов» вошли, с одной стороны, государственные нефтяные и газовые конгломераты, и компании, производящие продукцию с высокой долей добавленной интеллектуальной стоимости, с другой.

Соответственно произошли сдвиги и в географических направлениях ПИИ из Индии; центральное место заняли ПИИ в экономику промышленно развитых стран, таких как Великобритания, США, Нидерланды. В ходе экономической реформы пакет стимулирующих мер (отмена ограничений на рост объемов операций компаний, лишение госпредприятий привилегированного положения на внутреннем рынке, снижение импортных пошлин) имел следствием интенсификацию конкурентного соперничества на внутреннем рынке и потребовал от местных компаний специализации и диверсификации в выпуске необходимой продукции, повышения производительности труда и повышения качества выпускаемых изделий.

Опасаясь международных санкций в отношении компаний, нарушающих принятые интернациональные стан-

дарты защиты прав интеллектуальной собственности, индийские фирмы со второй половины 1990-х гг. значительно увеличили расходы на НИОКР, а с начала нового тысячелетия обратились к приобретению новейших технологий за рубежом. Заимствование необходимых технологий происходило в процессе образования *партнерств-альянсов* с ТНК развитых стран, что обеспечивало приобретение требуемых знаний и умений (компетенций), тогда как такие компании, как Ranbaxy (фармацевтика), непосредственно приобретались зарубежными ТНК [Cuervo-Cazurra, Ramamurti 2014, pp. 146–147]. Впоследствии либерализация режимов приема ПИИ и международной торговли повысила заинтересованность индийских компаний в работе на рынках развитых стран. Поставленные глобализацией и экономической реформой 1991 г. в положение физического выживания, крупные и крупнейшие индийские «промышленные дома» устремляются на внешние рынки в поисках необходимого производственного опыта, недостающих профессиональных знаний, экзистенциально важных технологий.

В ходе этого нового для индийских компаний процесса начинают меняться и побудительные мотивы их деятельности. На смену участию в работе совместных предприятий приходит приобретение за рубежом целых промышленных комплексов, нередко созданных на основе новейших технологий. В поле зрения «негоциантов» из Индии оказываются заводы машино- и станкостроения, электротехники, фармацевтической отрасли, производства транспортного оборудования и химического кластера. Особый интерес проявляется индийцами к автомобильной и медицинской промышленности. Проникновение на западные рынки рассматривается как кратчайший путь к

повышению производственной гибкости индийских предприятий, их своевременной адаптации к возможным (и нередким) «капризам» мировой торговли и неизбежному противодействию более сильным западным конкурентам. Компании, занятые в сфере информационных технологий, начинают ориентироваться преимущественно на рынки развитых стран, которые являются центральным и емким источником спроса на индийскую промышленную продукцию.

Однако абсолютные объемы индийских ПИИ продолжали выглядеть скромно, особенно на фоне бурной инвестиционной деятельности китайских компаний. Так, по данным ЮНКТАД, за 2000–2015 гг. интенсивность индийских инвестиционных потоков в зарубежные страны возросла незначительно, с 1,165 до 1,594 млрд долларов. Доля индийских ПИИ в глобальных инвестиционных потоках в 2015 г. составила только 0,47%, тогда как на китайские ПИИ пришлось «целых» 8%. В том же 2015 г. доля ПИИ в национальном ВВП у Индии составила 0,36%, тогда как у Китая – 1,14% (при значительно превосходящем объеме народного хозяйства) [Chaudhry, Tomar, Joshi 2018, p. 6].

Рост и развитие подобных компаний принято объяснять наличием *высококачественной* рабочей силы (владеющей инструментарием знания в области точных наук, прежде всего математики); толчком к развитию промышленности информационных технологий первоначально послужил спрос предприятий госсектора, а затем – либерализация режима иностранных инвестиций как часть «программы» экономической реформы 1991 г. В свою очередь овладение необходимыми знаниями и производственными навыками подтолкнуло некоторые компании к активному проникновению на рынки информационных технологий стран

Запада. Инвестиционная деятельность на рынках развитых стран выступала своеобразным «модернизатором» промышленности информационных технологий в Индии. Преимуществом «крупнейшей демократии мира» стала относительная дешевизна местной рабочей силы, с одной стороны, и довольно активный рост мировой торговли после распада *биполярного* мира – с другой.

Уже отмечалось: в 1990-е гг. и в первое десятилетие нынешнего века началась активная диверсификация структуры индийских ПИИ в зарубежных странах. Особенно энергично этот процесс происходил в автомобильной промышленности, фармацевтике и в кластере информационных технологий, т. е. в отраслях с высокой долей добавленной интеллектуальной стоимости. Целесообразно отметить: все эти сегменты индийского народного хозяйства в предшествовавшие десятилетия активно развивались во многом благодаря политике индийского государства по стимулированию передовых отраслей производства. Такая политика подразумевала многопрофильное сотрудничество Индии с западными ТНК (фармацевтика) и ведущими японскими фирмами (автомобилестроение). Так закладывался фундамент развития «модернизированных» индийских компаний, которые в начале XXI века попытались стать *субъектами* ПИИ на рынках развитых стран.

Наиболее привлекательным рынком для индийских инвестиционных компаний оказались *Соединенные Штаты*. В 2019 г. общий объем индийских ПИИ в США составил 5 млрд долларов, не превысив, однако, уровень 2018 г. (Между прочим, совокупный объем индийских ПИИ в зарубежных странах в 2020 г. составил 46,82 млрд долларов.) В этой связи отметим, что общий объем зарубежных ПИИ в Со-

единенных Штатах в 2019 г. составил 4,46 трлн долларов¹. Большинство индийских инвестиционных компаний в этой стране действуют в отраслях «экономики знаний», т. е. в кластере информационных технологий, фармацевтике, химической промышленности, причем около половины этих фирм по возрасту совсем «юные»: они основаны не более 20 лет тому назад. Стратегия их действий сфокусирована на *приобретении* американских компаний, а не на создании совместных предприятий. В числе индийских компаний, работающих на американском рынке, довольно много средних и мелких фирм, специализирующихся как на традиционно понимаемом производстве, так и на *услугах*. Американский рынок привлекает индийские компании своей значительной емкостью и благоприятным инвестиционным климатом (включая невысокие налоги), а также довольно хорошо развитой «физической» и институциональной инфраструктурой.

Значительным потенциалом привлекательности для индийских инвесторов обладает также *Германия*. В этой стране действуют более 200 индийских компаний, включая такие крупные и «опытные» фирмы, как «Махиндра» и «Тата». Общий объем индийских ПИИ в Германии превышает 7 млрд долларов. Более половины зарегистрированных в этой стране индийских компаний заняты в сфере информационных технологий. Помимо этого, немало индийских фирм работают в фармацевтическом кластере и автомобильной промышленности (в качестве субконтракторов). Среди преимуществ инвестирования в Германии выделяются такие факторы, как близость к потребителю и «смежнику», возможность макси-

мально адаптировать необходимые качества изделия к запросам и вкусам покупателей, а равно и облегченный доступ индийским компаниям на наиболее емкий в Европе внутренний рынок. Вообще, за Германией в Индии закрепились репутация «двери в Европейский союз».

При описании успехов, достигнутых Индией в сфере зарубежного инвестирования, нельзя не отметить *разномасштабность* индийских и китайских инвестиционных потоков. Необходимо признать: индийские компании все еще существенно отстают от своих китайских *визави* по объему экономической деятельности. Китайские инвестиции отличает высокая степень координации и целевая направленность, «программируемая» государством, тогда как индийские ПИИ по большей части остаются «рисковыми» инициативами местного частно-корпоративного сектора. Тем не менее некоторые развивающиеся страны (например, африканские) умело пользуются конкурентной борьбой Индии и Китая, чтобы получить на максимально выгодных финансовых условиях доступ к желанным технологиям, в частности в области нефтеразведки и нефтедобычи.

Активизация инвестиционной деятельности индийских компаний за рубежом непротиворечиво «укладывается» в типическую модель поведения крупных финансово-промышленных групп незападного мира (включая Латинскую Америку), не готовых довольствоваться подчиненной ролью в «пьесе» под названием «глобализация», но, напротив, искать счастья у «чужих берегов», используя опыт пионеров интернационализации мировой экономики. Нетрудно догадаться, что про-

1 Duffin E. (2020) Foreign Direct Investment (FDI) from India in the U.S. from 2000 to 2019 // Statista, November 10, 2020 // Statista.com/statistics/188940/foreign-direct-investment-from-india-in-the-united-states/, дата обращения 25.01.2021.

должающиеся процессы деглобализации и регионализации мирового экономического пространства станут (а возможно, уже становятся) невольными «инструментами» дальнейшего укрепления позиций таких индийских компаний, как Infosys, Mittal, Tata Group, Mahindra, в сегментах производства информационных технологий, выплавки стали, «индустрии гостеприимства», автомобилестроения и т. д. Уже сегодня наряду с китайскими и корейскими компаниями «продвинутые» индийские фирмы становятся повседневными *торговыми марками* как на региональных, так, отчасти, и на глобальных рынках.

Узнаваемость индийских компаний на международных рынках информационных технологий, например, связана с двумя обстоятельствами *исторического* происхождения. Во-первых, в Индии с незапамятных времен была сильна математическая традиция. В период колониализма эта традиция стала важным интеллектуальным компонентом *сверхаккуратной* индийской статистики, правила которой остаются незыблемыми и по сей день. Во-вторых, созданная после 1947 г. по личной инициативе Джавахарлала Неру, первого премьер-министра независимой Индии (1947–1964), система *индийских технологических институтов* сообщила мощный импульс развитию естественных и технических наук, а впоследствии – и кластеру информационных технологий. (К несчастью для индийской экономики, многие выпускники национальных технологических институтов в поисках лучшей доли переселились за рубеж, в первую очередь в США.) Правда, развитие процессов глобализации «воссоединило» специалистов Индии и Америки в сфере информационных технологий, и в настоящее время индийские технологические компании де-факто превратились в индо-американские

конгломераты, активно использующие относительно недорогую рабочую силу на емком американском рынке с немалой выгодой для предпринимателей с полуострова Индостан.

Вместе с тем появляющиеся на международных рынках индийские ТНК пока трудно сравнивать с западными и японскими аналогами в части объемов их деятельности, наполненности потоков ПИИ и *агрессивности* их экономических стратегий. Тем не менее традиционно сильные (идушие из доколониального и колониального прошлого) позиции индийцев в легкой промышленности позволяют Республике развивать инвестиционную деятельность в странах Азии и Африки, пользуясь, с немалой выгодой для себя, культурным влиянием индийской цивилизации в государствах бассейна Индийского океана. В своих проектах в развивающихся странах Индия стремится максимально использовать *собственную* рабочую силу с целью разрядить напряженную ситуацию на рынке труда в своей стране. (В рамках программы экспорта избыточной рабочей силы индийцы пытаются вовлечь в ее круговорот и Россию, о чем речь пойдет ниже.) Одновременно индийские федеральные и региональные власти стремятся привлечь в страну рабочую силу (в основном соотечественников, осевших на Западе и в государствах Персидского залива), соединяющую в себе высокие профессиональные навыки, с одной стороны, и относительно невысокую («разумную») стоимость – с другой.

В свою очередь американские, западноевропейские и японские ТНК не спешат делиться с индийскими компаниями своими «продвинутыми» технологиями, производственными навыками и организационным опытом. Законы глобализации ведь не предусматривают «филантропию» на поле международной торговли и ПИИ. Мож-

но, таким образом, предположить: продолжающаяся пандемия коронавируса определенно осложняет условия существования на международных рынках (включая инвестиционный) для ТНК из развивающихся стран, включая Индию. Неизбежное в условиях пандемии «укорочение» трансграничных производственных «цепочек» неблагоприятно отразится на международных позициях Индии не только в сфере экспорта ПИИ, но также и в области моторов и автомобилестроения, фармацевтики, нефтепереработки, легкой и пищевой промышленности, производства строительных материалов и т. п. Неизбежно индийским компаниям, включая ТНК, придется сузить географию своей деятельности, учитывая возможную деглобализацию и регионализацию мировой торговли и внешнеэкономической деятельности.

В текущем (2020/2021) финансовом году объем индийских зарубежных ПИИ составил около 13 млрд долларов (на конец ноября 2020 г.). Основными направлениями инвестиционных потоков стали Сингапур, США, Британские Виргинские острова, Нидерланды и Маврикий. На эти пять стран пришлось почти 70% всех инвестиционных вложений. Основными пятью инвесторами выступили следующие компании: JSW Steel, ONGC Videsh, HCL Technologies, Haldia Petrochemicals, Mahindra & Mahindra с индивидуальными «вкладами», превышающими 500 млн долларов у каждой промышленно-финансовой группы. Инвестиции осуществлялись в *четыре* хозяйственных кластера: страхование и финансовые и бизнес-услуги; сельское хозяйство и горную промышленность; оптовую и розничную торговлю; ресто-

ранное и гостиничное дело. Как и в прошлом, зарубежные инвестиции преследовали цель диверсификации источников доходов индийских компаний, с одной стороны, и повышения эффективности деятельности на внутреннем индийском рынке – с другой².

Миграционные потоки как фактор экономического роста: роль Индии

Общеизвестно: экономический рост и развитие опираются на как минимум *четыре* несущих конструкции: 1) внятную стратегию модернизации; 2) благоприятный инвестиционный климат для национального и иностранного капитала; 3) непротиворечивые правовые основы предпринимательской деятельности; 4) достаточный для энергичной хозяйственной динамики *демографический* потенциал. Последнее обстоятельство, как представляется, заслуживает специального внимания. В свое время выдающийся американский экономист и историк Ч. Киндлбергер обратил внимание на экзистенциальную важность демографического потенциала при переходе общества к индустриально-капиталистическому способу производства. Сравнивая «образцовую» (по характеристике Гегеля, а затем и Маркса) Голландию с «догоняющей» Англией, ученый отмечал демографические потери как один из факторов *исторического отступления* Нидерландов (как правящие круги предпочитают именовать свою страну сегодня) и экономического и политического упадка государства [Kindleberger 1996, pp. 103–104]. Нечто подобное мы наблюдаем в развитых странах Западной Европы в наши дни,

2 Prasad N. (2020) These Indian Firms Made Highest Foreign Investment This Year // NDTV, December 19, 2020 // ndtv.com/business/foreign-direct-investment-these-firms-made-highest-foreign-investment-this-year-2340975, дата обращения 03.02.2021.

где «старение» населения остро ставит проблему поиска «демографического дивиденда»; попытки возместить недостающую рабочую силу нередко оборачиваются интенсификацией миграционных потоков из зоны Глобального Юга с неизбежным изменением социально-демографической структуры общества и обострением конфликтов и на экономическом, и на *культурно-цивилизационной* основе. С этой проблемой может столкнуться и Россия, если вовремя ее не идентифицировать и не выработать алгоритм нейтрализации неблагоприятных последствий изменения расово-этнической и *цивилизационной* «матрицы» нашего общества.

Общественная мысль России чутко реагирует на обостряющиеся неблагоприятные тенденции в демографическом развитии социума. Прорабатываются различные сценарии выхода из «демографического тупика». Так, например, активно обсуждается импорт рабочей силы из стран не-Запада, в частности из Индии. Оценки действительности столь нетривиального подхода к демографической проблематике варьируют в широком диапазоне. Справедливости ради стоит отметить, что и индийская сторона находится в стадии размышлений. Ведь хорошо известно, что индийские партнеры рассматривают Россию как некий «запасной вариант», поскольку трудовые миграции из этой страны уже имеют проверенные временем и обстоятельствами маршруты. Среди этих маршрутов обычно выделяют *три* основных направления: *Западная Азия, Западная Европа, Соединенные Штаты Америки*.

Траектории миграционных маршрутов отражают основные направления внешнеэкономических связей и

базовые принципы внешней политики Индии. Поиск внешнеполитической парадигмы этой страной, как представляется, продолжается до сих пор. Список-15 основных внешнеторговых партнеров страны выглядит следующим образом (экспорт): 1) США (16% общей стоимости), 2) ОАЭ (9%), 3) Китай (5,1%), 4) Гонконг (4,1%), 5) Сингапур (3,2%), 6) Великобритания (3%), 7) Германия (2,8%), 8) Бангладеш (2,7%), 9) Нидерланды (2,7%), 10) Непал (2,3%), 11) Бельгия (2,1%), 12) Вьетнам (2,1%), 13) Малайзия (2%), 14) Италия (1,7%), 15) Саудовская Аравия (1,7%). Основные географические направления индийского импорта – Китай, США, ОАЭ, Швейцария, Саудовская Аравия. Попутно отметим: в течение последних 15 лет Индия имеет устойчивый и значительный дефицит внешнеторгового баланса. Так, в 2019 г. превышение импорта над экспортом составило 153,5 млрд долларов³. Направления миграционных потоков из Индии в принципе совпадают с векторами внешнеэкономических связей. Как видно, Россия на этом пространстве представлена весьма слабо. Итак, кратко охарактеризуем основные направления миграционных потоков из Индии.

1. ЗАПАДНАЯ АЗИЯ.

Нехватка рабочей силы, в т. ч. квалифицированной, в данном регионе до недавнего времени стимулировала миграционные потоки, причем не только из Индии, но и из других стран Южной Азии (Пакистан, Бангладеш). Работодателей в принципе устраивало качество индийской рабочей силы, а равно и низкие требования мигрантов в части оплаты их труда. Однако в последнее время страны Западной Азии, стал-

³ Trade Balance in India (2020) // Focus-Economics // focus-economics.com/country-indicator/india/trade-balance, дата обращения 30.01.2021.

квивающиеся с определенными экономическими трудностями в связи с регрессивной динамикой цен на нефть на мировом рынке, вынуждены ограничивать поток мигрантов. Более конкретными причинами замедления миграционных потоков из Индии в Западную Азию стали: 1) пандемия коронавируса, создающая угрозу здоровью и жизни миллионов индийцев-«экспатов» и членов их семей (из 31 млн индийских трудовых мигрантов в мире 8,5 млн приходится на страны Персид-

ского залива, где индийцы пока составляют более 30% иностранной рабочей силы); 2) уменьшение перепада зарплат в Индии, с одной стороны, и в странах Западной Азии – с другой; 3) рост стоимости жизни в странах Персидского залива, делающий невыгодным пребывание индийцев в регионе, особенно представителей малоквалифицированного труда; 4) запуск в государствах региона национальных программ занятости, напрямую угрожающих интересам индийских трудовых мигрантов.

Таблица 1. Индийские мигранты в странах Азии
Table 1. Indian migrants in Asia

Страна	2015	2016*	2017	2018	2019**	Всего за 5 лет
Саудовская Аравия	306 000	162 000	73 000	66 000	143 000	750 000
ОАЭ	225 000	159 000	141 000	103 000	42 000	670 000
Кувейт	67 000	70 000	51 000	52 000	72 000	245 000
Оман	85 000	61 000	4 900	32 000	26 000	209 000
Катар	59 000	29 000	22 000	32 000	28 000	168 000
Бахрейн	16 000	12 000	10 000	9 000	9 000	28 000
Малайзия	21 000	10 000	13 000	16 000	10 000	70 000
Другие	85 000	15 000	2 000	2 000	4 000	108 000
Всего	781 000	506 000	361 000	312 000	334 000	2 294 000

* – на 15 декабря, ** – на 30 ноября

Таблица 2. Структура индийского населения в арабских монархиях Персидского залива в 2018 г.

Table 2. Structure of the Indian population in the Arab monarchies of the Persian Gulf in 2018

Страна	Индийцы-нерезиденты	Лица индийского происхождения	«Зарубежные» индийцы, всего
Бахрейн	312 918	3 257	316 175
Кувейт	928 421	1 482	929 903
Оман	688 226	919	689 145
Катар	691 539	500	692 039
Саудовская Аравия	2 812 408	2 160	2 814 568
ОАЭ	3 100 000	4 586	3 104 586
Всего	8 533 512	12 904	8 546 416

В Саудовскую Аравию и страны Персидского залива мигранты из Индии в поисках средств существования ездят уже давно. Напомним: для Индии денежные переводы от работающих в Саудовской Аравии и странах Залива фактически закрывают значительную часть дефицита национального платежного баланса. (По оценкам индийских экономистов, ежегодная сумма получаемых Индией из Западной Азии денежных средств приближается к 40 млрд долларов при общей сумме зарубежных финансовых поступлений (на 2018 г.) в размере более 78 млрд долларов; в свою очередь Всемирный банк оценил в 83,1 млрд долларов сумму денежных переводов в Индию в 2019 г. На 2020 г. общий объем денежных переводов индийцев оценивается данным финансовым институтом в 76 млрд долларов, из-за пандемии коронавируса.) Намечающийся в связи с неопределенными перспективами завершения пандемии коронавируса отток индийской рабочей силы из Западной Азии в меньшей степени затронет Саудовскую Аравию, где 57% младшего медицинского персонала составляют выходцы из Индии. Основными своеобразными «донорами» индийской экономики в Западной Азии выступают ОАЭ, Саудовская Аравия и Кувейт, что нам проиллюстрировали две таблицы [Calabrese 2020].

2. ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

На 2019 г. Индия занимала первое место в мире по количеству «международных» мигрантов в страны данного ареала. Их численность составляла 17,5 млн человек. Индийцы, мигранты и переселенцы, представлены в социальной структуре практически всех западноевропейских стран. Наиболее вольготно выходцы из Индии чувствуют себя в Великобритании, где проживают мигранты нескольких волн переселен-

ческой активности. Переезд на постоянное место жительства в бывшую метрополию начинался еще в период империи. После завоевания Индией суверенитета (1947 г.) миграционная активность претерпевала взлеты и падения, однако индийцы, переселявшиеся в бывшую метрополию, как правило, не возвращались на свою историческую родину. К настоящему времени индийцы без преувеличения «вросли» в социальную структуру общества Соединенного королевства, нередко заключая межэтнические браки, что затрудняет точную оценку их общей численности на Британских островах. Согласно некоторым оценкам, в 2007–2011 гг. на Британские острова переселились около 280 тыс. жителей стран Южной Азии (в 2001–2006 гг. – 310 тыс., что заметно превышает показатели до 1981 г.) [Cohen 2019, p. 87]. На 2014 г. уроженцы Индии составляли 34% от общего числа «приезжих» врачей Соединенного королевства [Cohen 2019, p. 158]. Готовность возвратиться на историческую родину проявили единицы, в лучшем случае десятки врачей. Связь с исторической родиной, таким образом, у мигрантов из Индии и Южной Азии выражена *нечетко*.

Вслед за Соединенным Королевством со значительным отрывом следуют Нидерланды, Италия, Португалия, Германия, Франция, Испания, Австрия, Швеция, Ирландия, Бельгия. В последние годы наблюдался медленный, но устойчивый рост индийской миграции в страны Западной Европы (помимо Великобритании). Основную часть мигрантов составляют специалисты в области информационных технологий. В индийских СМИ распространено мнение, согласно которому в Западной Европе их страна по-прежнему воспринимается как «обитель» заклинателей змей и магов-чудотворцев. Такое состояние общественного мнения в неко-

торых странах-старожилах ЕС индийцами связывается с наличием устойчивых пережитков расизма, чего якобы нет в странах Северной Америки. В то же время индийские аналитики вынуждены признать: Западная Европа понесла существенные потери в результате *нелегальной* индийской миграции, от которой пострадали такие сектора хозяйства, как строительство, агросфера, различные отрасли промышленности.

3. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Массовые миграции индийцев в Америку начались во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. В настоящее время индийская община в США насчитывает более 4 млн человек, несколько уступая по численности китайской (4,8 млн человек) [Khanna 2019, p. 217]. По уровню доходов на душу населения индийская община в стране – одна из наиболее состоятельных групп. Одна только промышленность брачных аксессуаров, обслуживающая индийскую общину в Америке, ежегодно вносит около 5 млрд долларов в ВВП США. На выборах американцы индийского происхождения голосуют дисциплинированно, в целом поддерживая республиканцев, особенно за акцент на борьбе с терроризмом и за снижение налогов. (Правда, работающие в секторе информационных технологий индийцы предпочитают Демократическую партию.) По состоянию на 2014–2018 гг. наибольшая концентрация выходцев из Индии приходилась на Большой Нью-Йорк, Чикаго, Сан-Франциско и Сан-Хосе. На эти конурбации приходилось около 30% всех проживающих в США индийцев. Администрация Д. Трампа подчеркнуто оказывала знаки внимания индийской общине, тем более что последняя активно влияет на внутреннюю и внешнюю политику Индии в благоприятном для США направлении. Без преувеличения,

индийская община стала важным инструментом распространения «мягкой силы» Америки в этой стране.

На какие индийские штаты приходятся основные миграционные потоки? Так, в 2018 г. было зафиксировано следующее распределение (по штатам) зарубежных миграционных потоков: 26% представляли Уттар Прадеш, 18% – Бихар (наиболее населенные штаты Индии), Западную Бенгалию – 12%, Раджастан и Тамилнаду – по 9%, Кералу – 8%, Пенджаб – 6%, Андхра-Прадеш и Теленгану – по 4% [Calabrese 2020].

Западная Азия, Соединенные Штаты и Западная Европа (прежде всего бывшая метрополия, Великобритания) – вот основные и предпочтительные направления индийской миграции. Может ли Россия принимать столь значительные миграционные потоки? Насколько целесообразна индийская миграция в нашу страну? Что думают сами индийцы о перспективах временного (а может быть, постоянного) переселения в Российскую Федерацию? Ответы на эти вопросы не являются однозначными.

Индийская миграция в Россию: pro et contra

Соотношение масштабов территории и количества экономически активного населения в России выступает одним из факторов, препятствующих энергичному экономическому росту. Перед страной объективно встает проблема импорта «демографического дивиденда», т. е. квалифицированной рабочей силы. Оценки желательной численности населения для России в экспертном сообществе колеблются в довольно широком диапазоне. Однако средневзвешенные цифры попадают в «воронку» 200–220 млн человек. Возникает вопрос: где отыскать недостающие

50–70 млн квалифицированных работников «фертильного» возраста?

Понятно, что внутренняя демографическая политика государства, пусть самая эффективная, в обозримой перспективе не сможет разрешить столь масштабную проблему. Неизбежный выход из демографического тупика видится в стимулировании миграционных потоков из государств постсоветского пространства. Важное (если не определяющее) условие импорта «демографического дивиденда» – форсированный экономический рост в России (минимально 6–7% в годовом исчислении), на траекторию которого страна вынуждена выходить незамедлительно.

Проблема пополнения резервуара трудовых ресурсов обсуждается как минимум с середины 1990-х гг. Помимо импорта квалифицированной рабочей силы из бывших республик СССР (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Казахстан и т. п.), предлагаются различные сценарии наполнения народного хозяйства экономически активным населением из-за рубежа. Это и возвращение немцев, покинувших нашу страну в 80–90-е гг. прошлого века, и даже такие экзотические «проекты», как привлечение в Российскую Федерацию трудолюбивых и образованных буров, испытывающих бытовые, политические и расово-этнические трудности у себя в Южной Африке. Нынешняя демографическая ситуация в России столь серьезна, что приходится оценивать действенность других, столь же нетривиальных методов восполнения нехватки трудовых ресурсов.

В последние 15–17 лет активно обсуждается, то возгораясь, то затухая, тема привлечения квалифицированной рабочей силы из Индии. На российском Дальнем Востоке уже трудятся специалисты из Индии. Сфера их деятельности – это прежде всего совместные

энергетические проекты. В связи с проведением в 2019 г. очередного Восточного экономического форума во Владивостоке назывались возможные отрасли приложения занятости для индийцев: добыча полезных ископаемых и минерального сырья (уголь, нефть, газ, алмазы), заготовка древесины, различные виды агропроизводства. Оставляя в стороне тему биологической и культурной адаптивности индийцев в России (именно на массовом, а не на индивидуальном уровне), отметим: 1) «демографический дивиденд» (т. е. квалифицированная рабочая сила) необходим в самой Индии, где активно обсуждаются такие феномены, как «экономика знаний» и «умные города»; 2) способность индийцев к трудовой деятельности, даже физически развитых и крепких жителей северного штата Пенджаб, резко снижается в высоких широтах (в частности, на российском Дальнем Востоке), где рабочая сила востребована в первую очередь. Помимо этого, в последние десятилетия, как говорилось выше, сформировались несколько географических направлений, которые пользуются особым вниманием реальных и потенциальных мигрантов из Индии. Целесообразно остановиться на проблеме миграционных потоков из Индии в Россию более детально.

До начала пандемии коронавируса официальный Дели изучал возможности экспорта рабочей силы на Дальний Восток. Тема индийской трудовой миграции звучала в кулуарах Восточного экономического форума во Владивостоке в начале сентября 2019 г. Правда, тогда индийские официальные лица подчеркивали: переговоры между Москвой и Дели находятся в начальной стадии и предварительно потребует заключения соответствующего соглашения о регулировании миграции между двумя странами. Индийская сторона рассчитывает на использование трудо-

вых мигрантов в России на добыче полезных ископаемых (угля, нефти, газа, алмазов), заготовке древесины, в сельском хозяйстве.

Уже существуют проекты «завоза» индийской рабочей силы на российский Дальний Восток. Согласно концепции одного из таких проектов, правительство Индии берет в аренду примерно 50 тыс. гектаров сельскохозяйственных угодий в России. Затем эти земли, как предполагается, передаются в аренду индийским аграрным объединениям. Последние организуют «доставку» рабочей силы и начинают выращивать сою, пшеницу, овощи и т. п. Цель подобного производства – вывоз выращенного урожая в Индию. Часть агропродукции, как предполагается в проекте, реализуется на российском рынке.

При оценке намерений индийского правительства целесообразно учитывать, что нагрузка на ресурсный потенциал сельского хозяйства в этой стране возрастает практически с каждым годом, по мере того как разрушается *эко-система* общества. Проблему «обрушения» среды обитания правительство Индии не первый год пытается урегулировать за счет интенсификации миграционных потоков в различных направлениях, включая Россию. Попутно решается проблема стимулирования индийской экономики инвестициями в виде денежных средств, получаемых индийцами в стране временного пребывания. Однако, отмечают специалисты, столь крупное начинание не может не сопровождаться серьезными побочными проблемами как «технического», так и системно-политического характера. Обозначим некоторые из них.

1. Количественные ограничения и дополнительные пошлины на ввозимую в Индию агропродукцию (например, грецкие орехи для индийского рынка, выращенные в южных регионах России).

2. Неизбежное повышение ввозных цен, ввиду протекционистской политики правительства Индии, на такие важные и трудозатратные культуры, как соя и пшеница.
3. Трудности лингвистической и цивилизационной адаптации индийской рабочей силы к условиям России, особенно при отсутствии национальной диаспоры в принимающих странах (в отличие, например, от Великобритании и США), первоначально выполняющей функцию «культурного буфера» в незнакомой (а то и враждебной) социальной среде.
4. Сложности приспособления индийского «человеческого материала» к особенностям природно-климатического режима высоких широт российского Дальнего Востока.

Индийские авторы отмечают, что адаптация их соотечественников в России начинается с выработки своеобразного «иммунитета» к непривычному климату, преодоления языкового барьера и сохранения за рубежом традиционных кулинарных пристрастий. В настоящее время в России проживают примерно 14 тыс. индийцев-мигрантов. Основными местами их расселения остаются Москва и Санкт-Петербург. В основном это выходцы из штатов Уттар-Прадеш, Западная Бенгалия, Бихар, Тамилнад, Пенджаб, Керала, Андра-Прадеш, Гуджарат. Среди сообщества мигрантов выделяется студенчество (4 500 человек, или около 30%). Большинство членов этой группы – студенты медицинских университетов и институтов в различных городах России. Как известно, профессия врача по-прежнему престижна в Индии. Она сулит неплохие заработки и твердый, постоянный доход.

Основная часть новоявленных медиков возвращаются на родину, тогда как некоторые дипломированные специалисты предпочитают начать свое дело в России, порой вступая в браки с российскими девушками. Для адаптации родившихся от смешанных российско-индийских браков детей действует специальная программа посольства Индии в Москве. Таких семей немного, всего около 300. Отмечается, что даже среди детей (второе поколение), родившихся в индийских семьях в России, нередки случаи «культурного стресса». Иначе говоря, дети чувствуют себя уютнее в Москве и Санкт-Петербурге, чем, скажем, в Дели или Мумбаи.

Однако образованные индийцы (точнее, та их часть, которую в социологической науке принято называть «демографическим дивидендом») в целом довольно сдержанно относятся к перспективе переселения в Россию. Их доводы против переезда в Российскую Федерацию можно обобщенно представить в следующем виде.

1. *Неопределенность экономических перспектив.* Индийцы в своей основной массе не способны общаться на русском языке, поскольку языком обучения в этой стране, начиная со школьной скамьи, остается английский. Поэтому для индийцев естественной и предпочтительной выглядит эмиграция в Англию, США и Канаду, где, помимо «дружественной» лингвистической среды, существуют благоприятные условия для ведения бизнеса, включая мелкий и средний. Массовая эмиграция, в основном в США, началась с развитием сферы информационных технологий. Индийские технологические институты стали своеобразной «кузницей кадров» для американской промышленности информационных технологий. Помимо этого, в России существует конкуренция в данной сфере экономической дея-

тельности, поскольку российский бизнес только-только завоевывает отечественное пространство информационных технологий и не заинтересован в «посторонней» конкуренции. Наконец, в Индии сформировалось устойчивое представление о том, что после распада СССР Россия утратила «ключевые» характеристики развитого общества, способного адаптировать новейшие технологии. Пропаганда этой «версии» развития нашей страны действительно внедряется в массовое сознание «большой печатью» Индии, регулярно публикующей также материалы о «массовой коррупции» и «проблемах с законностью и порядком» в России.

2. *Превратности российского законодательства.* Среди определенной части индийцев бытует мнение о «чрезмерной жесткости» российского миграционного законодательства. Согласно мнению мигрантов со стажем, визу для работы в России получить «чрезвычайно тяжело». Некоторые «эксперты» по миграции ссылаются на интервью Президента России, в котором задержка с получением натурализации для гражданина Франции, сотрудничающего с компанией Russia Today, объясняется опасениями «бесконтрольной» выдачи виз, что некоторыми в Индии рассматривается как «неприкрытое проявление расизма».

3. *«Закрытость» для иностранцев культурной «матрицы» России.* Индийцы полагают, что российской культурной системе, закрытой по самой своей сути, чужды принципы «мультикультурализма» и «открытости» внешнему миру. Индийцы же предпочитают проживать в обществах «открытого» типа. Многие из них рассматривают, например, Англию, Канаду и США как «вторую родину». В категорию «открытых» обществ входят также Австралия, Новая Зеландия и, отчасти, Сингапур.

4. *Трудности лингвистической адаптации.* Строго говоря, в неанглоязычной среде (Франция, Австрия, Германия, Италия, Швейцария и т. п.) индийцы расселяются в случае крайней необходимости. Проживающие в РФ выходцы из «крупнейшей демократии мира» считают, что русский – язык чрезвычайно трудный для овладения даже его основами, к тому же требующий знания весьма сложной грамматики. В то же время в России повседневное общение на английском языке возможно только в относительно узкой социальной среде (в части российского делового сообщества, ориентированной на связи с внешним миром).

5. *Особенности климата в России.* Среди индийцев бытует мнение, что в России не менее *шести* месяцев в году преобладает холодная погода, к которой чрезвычайно трудно приспособиться жителям низких широт.

6. *Качество образования в России.* По сравнению с советским периодом, согласно преобладающим индийским оценкам, качество медицинского и инженерного образования (которое предпочитают индийские абитуриенты) в России значительно снизилось. Помимо этого, отсутствие помощи со стороны российского и индийского правительств вынуждает студентов совмещать учебу с работой, что еще больше понижает качество получаемого образования.

Знающий и чувствующий Россию журналист-аналитик Аджай Камалакаран (Ајау Камалакаран) оценивает количество проживающих в России на «непостоянной» основе индийцев в 10 тысяч человек (исключая студентов). Положение таково, что в городах-миллионерах (за пределами Москвы и Санкт-Петербурга) присутствие индийцев практически не ощущается. Так, из 500 индийских бизнесменов в России более 200 проживают в Москве. Автор отме-

чает: индийская община в Москве ведет замкнутый образ жизни и не оказывает значимого влияния на характер экономических процессов в столице России. Студенческие сообщества индийцев сконцентрированы в Твери, Смоленске и Владивостоке.

А. Камалакаран категорически не согласен с теми, кто утверждает, будто возможности для бизнеса индийцев в России ограничены. В постпандемическом мире роль России для индийской инвестиционной и коммерческой деятельности, в связи с разрушением существовавших трансграничных производственных «цепочек», будет возрастать. По мнению аналитика, индийских бизнесменов пугает и сдерживает «неопределенная» экономическая ситуация в России, возможность в ближайшее время нового экономического кризиса и отсутствие у властей «внятной» политики в отношении иностранного капитала и зарубежных инвестиций. Поэтому Россия воспринимается как некий «финансовый пузырь», готовый лопнуть в любой момент. Со своей стороны, А. Камалакаран полагает, что атмосфера в России для ведения индийцами бизнеса «глубоко дружественная», тем более что «поколение 45+» хорошо помнит годы советско-индийского «стратегического союзничества». Аналитик при этом подчеркивает: в Россию должны приезжать индийцы с «безупречной репутацией».

Какие виды трудовой деятельности способны осуществлять индийцы-мигранты в российской экономике, включая Сибирь и Дальний Восток? Индийский эксперт Индрани Талукдар (Indrani Talukdar), научный сотрудник Индийского совета по международным делам (Indian Council of World Affairs) в Дели, выделяет *четыре* перспективные отрасли возможной занятости индийцев в России. Список индийского специалиста выглядит следующим образом.

1. Строительство, включая жилищное (дома преимущественно эконом-класса), разработка полезных ископаемых, установка и ремонт различного оборудования.
2. Занятость на крупных, средних и малых предприятиях в таких отраслях промышленности, как производство информационных и цифровых технологий, утилизация отходов, здравоохранение, фармацевтика, биотехнологии, пищевая промышленность, агросектор и т. д.
3. Трудовая деятельность в металлургии и машиностроении.
4. Работа на предприятиях сферы обслуживания, где индийцами накоплен немалый профессиональный опыт.

Индийский автор, конкретизируя свои мысли, особо выделяет «сектор науки» (*science sector*) как многообещающую сферу двустороннего сотрудничества. По мнению индийского эксперта, наши страны могли бы объединить свои усилия в исследовании зоны вечной мерзлоты в Сибири, «разоблачая» тем самым заинтересованность Индии в освоении российской Арктики. В связи с возможным изменением климата автор призывает Индию участвовать в создании дорожно-транспортной и энергетической инфраструктуры северной части Сибири. Однако естественный вопрос о том, как и в каких формах и объемах ее страна собирается инвестировать в развитие Сибири, остается без ответа.

Потребительское отношение к связям с Россией несложно уловить и у других индийских экспертов. Так, Санджай Бару из Института оборонных исследований (IDSA) рассматривает индийско-российские связи как отношения между «экономикой с избыточными сырьевыми ресурсами» (РФ) и

«экономикой с избытком трудовых ресурсов и дефицитом энергоресурсов». Качество трудовых ресурсов Индии в статье не обсуждается и не оценивается. России без обиняков предлагается «упростить визовый режим, процедуру оформления вида на жительство, а также проводить понятную и прозрачную политику в отношении иностранных инвестиций». Дальний Восток России, по представлению данного эксперта, «может также стать производственной базой для индийских экспортеров, стремящихся получить доступ к рынкам Северо-Восточной Азии».

Подобные устремления, по мнению российских бизнесменов, веских оснований под собой не имеют. Желание через российский Дальний Восток внедриться в Северо-Восточную Азию отражает неудачи предыдущих усилий Индии интегрироваться в систему экономических отношений на Дальнем Востоке. Рабочая сила Индии, т. е. *человеческий капитал* страны, по своим качествам, включая адаптивность к новым технологиям и производствам, уступает трудовым ресурсам стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Индийская рабочая сила может быть использована на простых производствах и в благоприятных для жителей этой страны условиях, т. е. в низких широтах. По оценкам специалистов по трудовым ресурсам, эффективность кооперационных связей с Индией в сфере привлечения рабочей силы из этой страны в настоящее время за пределами государственных институтов двух стран выглядит проблематичной.

Одной из особенностей внешней политики Индии стало ее качественное идеологическое «сопровождение». Однако столкновение с действительностью нередко разрушает тщательно создаваемые пропагандистские стереотипы. Так, опыт «восточной политики» этой страны показывает, что Индия так

и не смогла интегрироваться в производственные «цепочки» в Юго-Восточной Азии, обеспечить свое устойчивое присутствие на рынках стран этого региона. Выделяют две основные причины геоэкономической несостоятельности Индии. Во-первых, страны Тихоокеанской Азии готовы к совместным с Индией *геополитическим* акциям с целью уравновесить влияние Китая в АТР, тогда как экономическая интеграция остается проблемой более или менее отдаленной исторической перспективы. Страны АСЕАН предпочитают сосредоточить свои политические усилия прежде всего на создании «общего рынка» в ЮВА. Во-вторых, индийская продукция пока мало конкурентоспособна на рынках ЮВА и Северо-Восточной Азии. Экономисты полагают, что конкурентоспособность Индии напрямую зависит от повышения качества «человеческого капитала» (знаний и умений человека и способности реализовать их в экономическом процессе), уровень которого пока не соответствует стандартам качества, принятым в Тихоокеанской Азии. Видимо, этот факт заслуживает пристального внимания при гипотетическом привлечении «демографического дивиденда» из Индии.

Особенности нынешней социально-демографической ситуации в Индии в том, что избыточная рабочая сила отличается, как правило, низкими качественными характеристиками, неготовностью к современной индустриальной и научно-технической деятельности, с одной стороны, и остро необходима (прежде всего ее квалифицированная часть) для реализации национальных программ «Делайте в Индии» и «Умные города» – с другой. Россия, таким образом, рискует получить «некондиционные» трудовые ресурсы из Индии, во-первых, и неизбежные проблемы их последующего рассредоточе-

ния по различным секторам и укладам народного хозяйства, во-вторых. Видимо, предложения индийской стороны по ввозу трудовых ресурсов в Россию нуждаются в дальнейшей, более детальной проработке, которая потребует дополнительного времени. Российским миграционным ведомствам целесообразно иметь в виду несколько обстоятельств *общего* характера, непосредственно относящихся к поискам оптимальной модели импорта рабочей силы из Индии. Среди них наиболее значительными представляются следующие.

1. Программа завоза индийской рабочей силы нуждается в предварительном тестировании в одном из российских регионов. Так, еще в феврале 2016 г. индийской стороне предлагался проект софинансирования агропроизводства в Челябинской области, предполагавший дальнейшее развитие в других секторах хозяйства, не исключая сотрудничества на предприятиях военно-промышленного комплекса. Первый этап программы предполагал с российской стороны институциональную поддержку администрации Челябинской области и Минсельхоза России. Видимо, стоило бы напомнить индийской стороне о данном проекте и повторить его условия.
2. Целесообразно изыскать способы и средства контроля за качеством индийской рабочей силы, предлагаемой к экспорту в Россию. Всеми доступными средствами нужно избежать ситуации, возникшей, например, на заводе компании BMW в федеральной земле Бавария в сентябре-октябре 2016 г., когда из 30 тыс. мигрантов к последующему исполнению своих производственных обязанностей были допущены 9 (!) человек.

3. В ходе переговоров по заводу индийской рабочей силы в Россию, видимо, следует заранее оговорить размер квоты мигрантов (желательно минимальный) с целью избежать неблагоприятных социально-культурных и политических последствий как для самих индийцев, так и для жителей принимающих иностранную (и иноязычную) рабочую силу российских регионов.

шений и действий, самостоятельности мышления приобретут особое значение. Энергичный рост потенциальных «глобальных городов» (Новосибирска, Владивостока, Мумбаи, Ченнаи, Бангалора) может быть ускорен активным потоком перекрестных инвестиций. Сейчас для наших стран главная задача – не упустить время, каждый месяц которого буквально на вес золота.

Послесловие

Нетрудно заметить: инвестиционные и миграционные потоки из Индии по основным направлениям в принципе совпадают. Западная Азия, Великобритания, США, Канада, страны южной части Тихоокеанского бассейна (Австралия, Новая Зеландия) и привычный с незапамятных времен выходцам из южной Индии «бананово-лимонный» Сингапур – вот основные маршруты и направления индийских миграционных потоков. Россия, как видно, не входит в число «земель обетованных». Наше сдержанное отношение к индийской миграции никак не означает отсутствие интереса к связям с «крупнейшей демократией мира» в сфере совместных экономических проектов. Долгое время российско-индийские связи были «улицей с односторонним движением»: мы предлагали двусторонние проекты, тогда как индийцы их неспешно рассматривали. Пришли иные времена. Пандемия коронавируса в режиме реального времени меняет парадигмы мировой экономики и политики. Деглобализация и регионализация мирового пространства сужают возможности трансконтинентальной торговли, принуждают искать удобные рынки сбыта на соседних или близлежащих территориях. В постпандемическом мире факторы «сжатия» времени, масштабности ре-

Список литературы

Володин А.Г. (2010) «Рост плюс развитие», или индийский опыт экономических реформ // Мировая экономика и международные отношения. № 10. С. 91–98 // <https://arxiv.gaugn.ru/s0131-22270000616-2-1-ru-397/?reader=Y>, дата обращения 01.02.2021.

Володин А.Г. (2018) Логика направляемого развития в постколониальной Индии // Вестник РАН. № 1. С. 79–87 // https://elibrary.ru/download/elibrary_32205936_69508492.pdf, дата обращения 01.02.2021.

Calabrese J. (2020) India-Gulf Migration: A Testing Time // Middle East Institute, April 14, 2020 // mei.edu/publications/india-gulf-migration-testing-time, дата обращения 01.02.2021.

Chaudhry D., Tomar P., Joshi P. (2018) Deconstructing Indian Overseas Foreign Direct Investments // Oxfam Discussion Papers. March // icrier.org/pdf/Deconstructing_Indian_Overseas_FDI.pdf, дата обращения 01.02.2021.

Cohen R. (2019) Migration. The Movement of Humankind from Prehistory to the Present, London: Andre Deutsch.

Cuervo-Cazurra A., Ramamurti R. (eds.) (2014) Understanding Multinationals from Emerging Markets, Cambridge: Cambridge University Press.

Khanna P. (2019) The Future Is Asian. Global Order in the Twenty-First Century, London: Weidenfeld & Nicolson.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy, 1500–1990*, New York, Oxford: Oxford University Press.

Sauvant K.P., Pradhan J.P. (eds.) (2010) *The Rise of Indian Multinationals. Perspectives on Indian Outward Foreign Di-*

rect Investment, New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Van Tulder R., Verbeke A., Carneiro J., Gonzalez-Perez M.-A. (eds.) (2017) *The Challenge of BRIC Multinationals*, Bingley, UK: Emerald Group.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Direct Investment Exports and Emigration: The Experience of Modern India

Andrey G. VOLODIN

DSc in History, Chief Researcher

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: andreivolodine@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0627-4307

CITATION: Volodin A.G. (2021) Direct Investment Exports and Emigration: The Experience of Modern India. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 28–47 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-2

Received: 12.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article is written under financial support of the Russian Science Foundation at MGIMO-University (project no 19-18-00251).

ABSTRACT. *The article uses the example of independent India to study the correlation of investment and migration flows to foreign countries. It is shown that Indian investment flows, whose origins date back to the first half of the 1960s, were particularly active outside, mainly in industrialized countries, after the economic reform of 1991. The main interests and activities of Indian TNCs and their methods of work abroad are demonstrated. The possibilities of foreign activities of Indian investors in the new conditions of the coronavirus pandemic were evaluated. The central directions of investment flows and Indian foreign migration (USA, England, West Asia, etc.) are fundamentally the same. Adaptation of Indian immigrants is more successful*

in the countries where the English language is spoken. The problem of possible Indian migration to Russia is highlighted as a separate topic. Its potential positive and negative consequences for the economy and politics of the Russian Federation are outlined.

KEYWORDS: *India, foreign investment, labor migration, geography of foreign economic relations, Indian migrants in Russia*

References

Calabrese J. (2020) India-Gulf Migration: A Testing Time. *Middle East Institute*, April 14, 2020. Available at: mei.edu/

publications/india-gulf-migration-testing-time, accessed 01.02.2021.

Chaudhry D., Tomar P., Joshi P. (2018) Deconstructing Indian Overseas Foreign Direct Investments. *Oxfam Discussion Papers*. March. Available at: icrier.org/pdf/Deconstructing_Indian_Overseas_FDI.pdf, accessed 01.02.2021.

Cohen R. (2019) *Migration. The Movement of Humankind from Prehistory to the Present*, London: Andre Deutsch.

Cuervo-Cazurra A., Ramamurti R. (eds.) (2014) *Understanding Multinationals from Emerging Markets*, Cambridge: Cambridge University Press.

Khanna P. (2019) *The Future Is Asian. Global Order in the Twenty-First Century*, London: Weidenfeld & Nicolson.

Kindleberger Ch.P. (1996) *World Economic Primacy, 1500–1990*, New York, Oxford: Oxford University Press.

Sauvant K.P., Pradhan J.P. (eds.) (2010) *The Rise of Indian Multinationals. Perspec-*

tives on Indian Outward Foreign Direct Investment, New York, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Van Tulder R., Verbeke A., Carneiro J., Gonzalez-Perez M.-A. (eds.) (2017) *The Challenge of BRIC Multinationals*, Bingley, UK: Emerald Group.

Volodin A.G. (2010) “Growth plus Development” or Indian Experience of Economic Reforms. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 10, pp. 91–98. Available at: <https://arxiv.gau.ru/s0131-22270000616-2-1-ru-397/?reader=Y>, accessed 01.02.2021 (in Russian).

Volodin A.G. (2018) The Logic of Directed Development in Postcolonial India. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, no 1, pp. 79–87. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_32205936_69508492.pdf, accessed 01.02.2021 (in Russian).

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-3

Political Culture of Transforming Countries: The Experience of China in the Past 40 Years since Reform and Opening Up

Fei HAITING

DSc in History, Assistant Professor of Research Center of Chinese Politics, School of Government

Peking University, 100871, Yi Heyuan St., no 5, Peking University, Haidian district, Beijing, China

E-mail: feihaiting@outlook.com

ORCID: 0000-0001-5499-8863

CITATION: Fei Haiting (2021) Political Culture of Transforming Countries: The Experience of China in the Past 40 Years since Reform and Opening Up. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 48–65. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-3

Received: 28.11.2020.

ABSTRACT. *Since the establishment of political culture analysis framework by Almond, it has become an important tool of political science and political analysis. The basic consensus on political culture is that a good political culture can promote political development. Many countries in transformation expect to shape their own civic culture as soon as possible to match their democratization process, but things often go against their wills. They are faced with a dilemma between traditional culture and civic culture at the very beginning of transformation. Besides, the development of political culture does not always present the simple path of traditional to modern type. Therefore, it is very necessary to reflect the principles of political culture development in combination with history and reality. From the view of Chinese scholars, political culture is neither only belief, feeling and attitude of individual, nor the ideology of a nation, but has multi-level con-*

tent including ideology, value, psychology and action. This view combines the method of political culture analysis, the definition of Soviet culturology and the understanding of Chinese traditional culture. In transforming countries, the development of political culture is mainly manifested in the change and interaction of political subcultures. And at the same time, political subculture interacts with the change of social structure and political system. There are six main types of political subculture in transforming countries: political subculture of countryside and peasants, workers and migrant workers, private entrepreneurs, bureaucrats and officials, middle class and network. Through the analysis of these main types of political subculture in China after the reform and opening up, it can be concluded that political culture may present a complex path of development, and there may also be a variety of different development patterns and ideal forms.

KEYWORDS: *political culture, political transformation, subculture, Chinese politics*

1. The dilemma of political culture in transforming countries

40 years ago, there was a unique phenomenon happened in China: the “culture fever”. For no high threshold for the discussion of culture, and neither wealth nor power are needed for it, so soon, it spreads to every social class. It was like at a moment when everyone started talking about Chinese culture, and put everything they knew into this concept. It seems that everything in the world could be explained by culture – no matter they were originally political, economic, social, or even philosophical, historical and scientific problems. Moreover, events as big as international conflicts, change of political leaders, composition of the government, or as small and trivial as daily life habits, Qigong or Taiji, can all be ultimately attributed to cultural problems. In this simple way, Chinese people were expressing their reflection on history, understanding of reality, and expectation for the future. At the same time, people were using this way, through the discussion of culture, to express their concerns and different views on politics in this land.

If we look at the “culture fever” from a historical perspective, then everything will be explainable. 40 years ago, in 1980s, 2 major events took place in political history of China - the end of the “cultural revolution” and the beginning of “reform and opening up”. The former implied that many traditional ideas, words, symbols and habits are no longer “rotted” things which are harmful to development and need to be destroyed. Meanwhile, the later indicated that every member of this political community has a great expectation for change. In their thoughts, “change” did not only refer to some concrete policies, but also discussion about series of basic and fundamental problems: the direction of devel-

opment, the path of modernization and so on. In fact, “Reform” and “opening up” complemented each other. Without “reform”, it was very difficult for China to truly open up to the world and accept experiences of development from foreign countries; without “opening up”, it is also difficult for China to fully understand the advantages and disadvantages of existing different modernization paths, let alone learn from others and reform its own system.

When the “culture fever” began in the 1980s, discussants involved were faced with a dilemma. On the one hand, China has a long history of thousands of years and has left many valuable institutional heritages. But on the other hand, China must admit the fact that western countries have stronger state capacity. Although some of these countries have not developed for a long time, but their political regime and institutions were proven to have significant advantages in international competition. If Chinese people in 1980s acknowledge the superiority of their own tradition, it would be very difficult for them to deny the legitimacy of the traditional political regime and institutions, which will inevitable delay the process of modernization. If they admitted the advantages of foreign experiences, it would be very difficult for them to accept the process of culture transplantation and admit that their culture needs to be “improved”. This is why countries in transformation are very easily caught up in the debate between extreme xenophobia and extreme exclusionism. Tendency in debate about culture was not only shown in support of one side, but usually also in rejection of another. Therefore, it was difficult for traditional culture supporters to accept foreign experience, and also hard for modern culture supporters to fully accept traditional heritages.

As a result, every potential supporter for modernization of China in 1980s has to answer a series of questions about transformation of culture. Some of the most critical questions are as follows. First of all, into

what form should political culture in China transform? Secondly, does the transformation of political culture have the same path, such as from tradition to modern, from parochial to participant? Thirdly, will the political culture develop and transform in the same model? Does it develop from middle class to the whole society or transform in process of conflicts between state and society?

2. The definition of political culture in China

Talking about transformation of political culture, the first question will be: what is political culture? Obviously, political culture as an academic term is very different from the definition of culture in the “culture fever”. However, it should be noted that there are also some differences between Chinese scholars’ understanding and classical definition of political culture.

It is undeniable that the political and cultural research methods, which were widely accepted and used in China in the 1980s, are inherited from the political culture framework established by Almond [Almond 1956, pp. 391–409] and Verba [Almond, Verba 1963] in the 1950s and 1960s, followed by Pye [Pye, Verba 1965; Pye 1972, pp. 285–296] and others in the 1960s and 1970s, and revived by Inglehart [Inglehart 1977] and others in the 1980s. The basic assumption of this approach is: firstly, the operation of a political system is based on the subjective and common tendency of a group of people; secondly, the subjective tendency of this group can be measured and inferred by individual attitude.

But in fact, the use of definition “political culture” in China is not a simple transplantation of the methods of political culture analysis built by Almond [Wang Hunning 1987].

In China, the concept of political culture integrates at least three aspects: Al-

mond’s method of political culture analysis, Chinese traditional political thought and Soviet culturology.

In Soviet time, cultural problems were not considered as simple traditions, habits, emotions, attitudes or psychological feelings. They were regarded as subjective aspects of political life or spiritual products of human activities. The basic content of political culture is to take ideology as the core, political knowledge as the main content, and political activities (as well as political system and political institutions) as the reflections. Like professor Irkhin pointed out: basic elements of culture include language and words, value system, symbol and cultural artifact [Irkhin 2017].

In Chinese tradition, politics and culture are mutually reinforcing. Politics, political thoughts, and political culture are closely intertwined. On the one hand, politics maintained the absolute control and domination of political culture; on the other hand, culture also made up for the lack of political domination and control ability in ancient China. This determines that in ancient China cultural issues are not just personal attitudes, emotions, or moral cultivation, but cover the whole political system and life.

In short, in the field of political culture, Chinese scholars have widely accepted the intermediate definition of “political culture”, which includes political thoughts and ideology, political values, political psychology and political behavior. Qi Heng made a figurative metaphor, that is, the political culture is like a sphere, in which the political thought and ideology are at the core, the political psychology and behavior are at the shell, and the political value lies between them [Qi Heng 1988, pp. 29–39].

Chinese scholars have gradually reached some basic consensus in understanding the definition of political culture.

Firstly, neither individual’s political psychology, emotion, and attitude, nor

the political ideology at the national level should be the main or only content of political culture. In fact, people's preferences and tendencies should be examined at the social and social group level, because different subculture types are constantly changing, and individual psychology is greatly affected by the subculture groups to which they belong. Furthermore, it should be realized that there is a certain distance between design and actual effect of political ideology on political culture, not all the political thoughts and requests of ideology could be practiced in real life.

Secondly, the development of political culture does not always present the one-way logic of traditional to modern culture, or parochial to participant culture. The cultural characteristics of different countries and regions have different influences on its path of development. It may not only go upward but also could return or even go downward, and may derive other forms in the process of development. The "western world" does not have a unified political and cultural model, therefore, path of development of political culture in transforming countries should be considered beyond the western standard.

The process of China's political modernization has lasted more than a hundred years and its journey is rough. Over the past century, China's political and social structure has undergone earth shaking changes. Many social groups were split and disappeared. At the same time, new social groups were emerging. This leads to a fundamental change in structure of China's political subcultures, resulting in the high complexity of contemporary structure of Chinese political subcultures. Therefore, every specific political subculture type should also be analyzed and evaluated in addition to the overall observation and investigation to fully understand the contemporary political culture in China.

In summary, from the perspective of political subculture types, there are main-

ly 6 of them, including political subculture of countryside and peasants, workers and migrant workers, private entrepreneurs, bureaucrats and officials, middle class and network culture.

3. Political subculture of countryside and peasants

Since China's modernization process was initiated by the political and intellectual elites gathered in the cities, the vast number of grassroots rural peasants have become the most complete carriers of traditional political culture. In the rural areas of traditional China, the three main forces are state, familial and social power [Luo Zhenglin 2008, pp. 108–113]. After 1949, the concrete embodiment of state power is the party branch. The familial power is made up of some extended families. Social power mainly refers to various mechanisms of villagers' autonomy, like the village committee. Many different forces imply the complexity of authority in the countryside.

In the history before the Qing Dynasty, peasants did not directly participate in politics, but interacted with the grass-roots political institutions of the state through agents and autonomous organizations in a collective way. Due to the need to rely on this system to maintain social order, for a long time the village has also replaced the rule of law with etiquette, emphasizing morality rather than rules.

This was often thought, that the grass-roots politics in China is the administrative integration of county government and countrysides, which means counties and towns belong to the state, while in villages peasants lived their real lives. However, Professor Skinner has pointed out, there was in fact another level under the level of counties and towns – the Xiangchang (乡场, the market) [Skinner 1993]. The most basic political units in traditional China

were not natural villages, but market communities, that is, the market in the center or an area, which includes several villages. But this system of market was separate from the administrative hierarchy of the state. In recent researches, as according to Sun Ming, the system of market was not separated from administrative hierarchy, but was an administrative unit in itself. It consisted of Tuanlian (团练, militia, including their training and support) as a financial mechanism, Yiliang (议粮, discussing the price of silver in the collection of land tax) as a consultation procedure, Gongju (公局, squire discussed public affairs such as charity and public order) as a representative institution [Sun Ming 2020, pp. 36–52]. This unit absorbed all kinds of formal and informal governance mechanisms, and took “the Market” as the pivot, so that grass-roots politics could be smoothly functioning.

After the founding of new China, party branches and village committees began to be set up in rural areas. The village committee is still the autonomous organization of villagers, and the party branch is the representative of the state power. The role of natural village in grass-roots politics began to strengthen. In this way, peasants need to participate in political life directly. Chinese peasants began to realize their rights and obligations in voting to deciding on the use of collective property, deciding on major issues of collective life, generating authority by election. At the same time, the traditional family began to disintegrate. Peasants began to take the family or even the individual as the unit of political activities. However, the awakening of rights awareness does not mean respect for rules. Leninist Party has brought the awakening of authority and right consciousness, but it is difficult to shape the concept of rule of law in rural areas in only 30 years.

In fact, from experience of China, political participation at grass-roots level was

gradually transforming from elite politics to mass democracy. That is, from the gentry and squire played the role of representative, developing to the direct participation of peasants. In this process, guidance from the state is necessary. State needs to actively guide them, to shape, to accept and to respect rules built by themselves, rather than directly impose institutions, rules or laws on them. Because such rules are not understood by them as being beneficial to themselves, but to the state. If so, there will inevitably appeared many actions or movements, trying to bypass the rules and seeking their own interest, instead of caring the public welfare.

Peasants’ political participation is difficult to be identified as extensive and organized. In some places, there is even a phenomenon of profiteering petition: taking advantage of the government’s attention to stability and order, they deliberately obtain policy preference or seek benefits through “making noises” – making trouble to solve troubles. Obviously, this is a kind of anti-establishment political participation. If this kind of informal participation activity continues for a certain time, it may actually be solidified into a specific political culture. This is obviously harmful to the construction of a benign interaction between the state and society.

This is also the experience that the development of rural political culture in China suggests: the development speed of right consciousness and participation habit should be relatively synchronous. If the awareness of rights is not sufficiently inspired, people will not have enough motivation to reach consensus and take collective action by means of assembly or association, then the channels or platforms of participations will be in vain. However, if the channels and platforms of participation are not improved in time, people who have awakened to the consciousness of rights will take participation outside the rules to express their demands. As a result,

these actions will lead to mobilization, resistance, even conflict into habits and culture, which is very harmful to the shaping of a civic culture.

4. Political subculture of workers and migrant workers

Before the reform and opening up, China implemented the planned economy. This leads to a unique vertical relationship in China's political structure: large state-owned enterprises and their affiliated enterprises. Such large-scale state-owned enterprises have not only a large number of subsidiary industries, but also a series of subsidiary institutions from kindergartens to hospitals. The political culture of workers belonging to this system will not be formed around the province, city, town or village simply according to the level of national governance, but mainly depends on the overall political culture of the enterprise. From employment to retirement, workers gather in a certain department for a long time, so that the socialization process of them is mainly completed inside the enterprise. The political participation of the workers is realized through the two structures of the party branch and the administrative management of the enterprise, where the administrative and production management are highly unified. Due to the lofty status, workers have been an enviable job for several decades. This often leaves the children of workers tend to stay in the same system with their parents. When two or three generations of workers are engaged in the same kind of work, their family culture is in fact highly integrated with the political culture of the enterprise where they belong to. The stability of the factory work and the long-term life of the factory make the political culture of enterprises, especially those large-scale state-owned enterprises in steel, energy, petrochemical, transportation, machin-

ery manufacturing, become a very special type: huge, stable, not easy to change. However, once new trends and ideas appear, they will soon spread throughout the whole system.

After the reform and opening up, although there are still many state-owned enterprises, the number of private enterprises and foreign-invested enterprises began to increase significantly due to the promotion of mixed ownership economy. The political culture of these enterprises is quite different from that of traditional state-owned ones. First of all, these kinds of enterprises are not aimed at controlling social resources and production process, but making profits. Therefore, there is no need to set up a large number of subsidiary organs affiliated to enterprise or ultimately build up a whole system. Secondly, the mobility of workers in such new enterprises is far greater than that in traditional state-owned ones. In addition, the management mode of such enterprises is totally different from that of traditional state-owned enterprises, which neither integrates administration and production management, nor undertakes the function of political participation channels and platforms. Therefore, the relationship between workers' socialization and political participation and enterprises is much looser.

Furthermore, the problem of migrant workers seems to be more serious. In the traditional state-owned enterprises, even if the first generation of workers are still born in peasants, through a long time or even several generations of socialization, the political subculture of them has changed greatly. However, for the current workers, especially for those in private or foreign-invested enterprises, it is difficult to completely change the original culture in rural areas and form a stable political subculture type in the absence of stable socialization process and channels or platforms for political participation. The migrant

workers, they belong to the rural population, so the institutionalized mechanism of participation still belongs to the countryside; however, in most of their time they are working in cities and towns, so the demand for political participation occurs in their new residences. Therefore, these migrant workers fall into the dilemma of un-employment of mechanism of institutional participation and the fact of non-institutionalized participation [Wei Linzhen, *Zhong Hai* 2007, pp. 55–60]. Some scholars pointed out that although hundreds of millions of peasants entered the city, their political subculture did not advance along the traditional-modern one-way route, but presented three possibilities: civic culture, subjective culture and even mob culture [Xu Zengyang 2004, pp. 61–70]. If the integration process of urban and rural areas is gradual and smooth, then migrant workers who can obtain participation chances can develop a civic culture. But in contrast, workers who are more mobile but whose working time and working places are still located in local enterprises will still show subjective culture. While workers, who are far away from the countryside and have great demand for participation and expression but lack channels, may develop a special type of mob culture.

5. Political subculture of private entrepreneurs

The political culture of private entrepreneurs mainly refers to the owners of private enterprises as a whole, who have some similar values, goals and understanding in politics. The key elements of the political subculture of private entrepreneurs lie in their relationship with the government, including how to communicate with the government and how to reach a consensus to take collective actions. This determines their subjective perception of the political system as a whole.

In the relationship between the state and the market, a long-term unanswered question is: why are entrepreneurs still willing to invest, when there is no property right protection. Zhou Lian has pointed out, that between local governments of China exists “Promotion Tournament” [Zhou Lian 2007, pp. 36–50]. According to his research, there is a fierce competition among local governments in China in economic development. In order to attract investment and encourage the development of private enterprises, local governments will not infringe upon them capriciously or excessively. However, the form of this subculture highly depends on the attitude of local governments to private enterprises, but the strategies, paths and possibilities of economic development of each province or city are very different. Hence even if this theory eliminates some of concerns, subculture of private entrepreneurs is still uncertain and unstable.

After the reform and opening up, China’s private enterprises have a rapid development. According to the classification of Kelle Tsai, there are 5 main types of private entrepreneurs [Tsai 2005, pp. 1130–1158]: marginalized private entrepreneurs, disguised private entrepreneurs, dependent & red private entrepreneurs, incorporated private entrepreneurs and rationalizing private entrepreneurs. Marginalized PE means they develop their own enterprises independently. Disguised PE means they are private enterprises, but actually operate as collective or state-owned businesses. Dependent & red PE means they actually function as symbiotic clientelism. Incorporated PE means they have strong ties to the state. And Rationalizing PE means they support legal-rational institutional environment.

The different types actually result from the different development modes of private enterprises in China. Professor Heberer and Schubert divided this development path of private enterprises also into 5

models [Heberer, Schubert 2020]: Pearl River Delta model, Southern Jiangsu model, Jinjiang model, Wenzhou model, and Enshi model. Pearl River Delta model based on foreign investment, and local governments provide sound environment, they are appeared as local state entrepreneurialism. Southern Jiangsu model refer to privatization of former township enterprises. Their owners have tight connections to the local state, and their managers are actually former township managers, they appeared as local state developmentalism. Jinjiang model reflects the rise of native PE, they are not party members, but have close state-enterprise connections based on kinship and localism. Private enterprises in Wenzhou model were originally low-tech or labor-intensive export production, initiated by native PE, they have informal finance networks and like *laissez-faire* economy. In contrast, they have strong trans-local and transnational networks, and now they are pushing for industrial restructuring and upgrading. Enshi model based on rural private sector development, have few industrial enterprises, but have much more tourism and agricultural processing, PE in this model strongly dependent on local government. Local governments of these places strive to attract external investment. They are in fact late-coming development.

From their development model, it is not difficult to see that the political subculture of private entrepreneurs in a certain region as a whole largely depends on the connection of their profit model to the local government. Professor Heberer and Schubert pointed out that the relationship between the government and enterprises will be affected by following factors: whether the local government participates directly in economic activities, whether the local government formulates a clear and strong economic strategy, or whether there is a systematic mechanism to encourage enterprise innovation

[Heberer, Schubert 2020]. Similarly, private entrepreneurs will also use series of methods to exert influence on policies and local government. Common methods include impact on private sector policies, on legislation, organizing lobbying activities, bargaining with governments, arranging discourses with government, and organizing collective action. Which one of those methods is effective will affect which part of the political process these private entrepreneurs prefer to participate in, and thus affect their political subculture from the perspective of political efficacy.

Economy and tax are the foundation of modern state, and are also one of the most important driving forces of development. Since the reform and opening up, China has realized that the market is not just an appendage of the state. It is necessary to respect the autonomy of the market and the general rules of market operation. Although the state and government play a guiding role in economic development, they need to keep a roughly balanced relationship with the market. However, there is a lack of institutional resources for reference in China's political history. China is still in the stage of "crossing the river by feeling the stones".

It can be seen from above, that private enterprises with different development models have diverse degrees of attachment to the local government. So that their ability and willingness to take collective action or political participation will also be variant. This will result in many different forms of political subculture among private entrepreneurs, ranging all the way from highly organized and active political participation to highly dependent on informal rules and indifference in politics. Ultimately, political subculture of private entrepreneurs as a whole, still depends on the rule of law, especially in relationship between state and market. In this process, although under the pressure of performance competition, local govern-

ments still need to exercise self-restraint, communicate with business owners equally and effectively, so as to build a legal and orderly political subculture of private entrepreneurs.

6. Political subculture of bureaucrats and officials

Before the modernization, China was basically a typical agricultural state. The political structure of the agricultural state and the interaction between the state and society can be directly simplified as the interactive relationship between officials and peasants. Therefore, the political subculture among bureaucrat and officials, in addition to the political subculture of rural areas and peasants, is the most important in an agricultural state. Since Qin and Han Dynasty, the legitimacy of Confucianism was established. This made political rule and rulers in ancient China have a systematic, comprehensive, profound and detailed theoretical support, and at the same time, it made the Confucianism have the authoritative status and the possibility of wide spread. Confucianism not only determines the principles of politics at the national level, but also goes deep into daily life and becomes the moral code of common people. This determines that in ancient China, cultural issues are not just personal attitudes, emotions or moral cultivation, but the whole national political system and political life.

For the political culture of bureaucrat and officials, this feature is more obvious. In minds of bureaucrat and officials in ancient China, any decision-making activity and stance are not purely technical issues, but highly related to their moral standards. Since the Song Dynasty, a typical feature of political conflicts is that every group of bureaucrat tend to regard themselves as “Junzi”(君子, a man of moral integrity) and denounce their opponents as “Xiaor-

en”(小人, villains). The original intention of this kind of political culture is to control the behavior motivation of political elites to a certain extent. But its negative effect is that the moral judgment is also connected with the result of decision-making. Since effective decisions come from classic teachings and moral cultivation, bad decisions are also associated with lower moral standards. This makes the evaluation criteria of bureaucrat, officials and even policies lack of objectivity and neutrality. The inevitable result of this feature is the spread of clientelism. A middle and low-level bureaucrat or officials cannot have enough voice to defend his moral level and legitimacy of his decision-making, so he needs to be attached to an elite group. This is also a common feature of feudal bureaucracy.

After the founding of PRC, China's modernization process began to accelerate, and the political structure of agricultural state began to change fundamentally. The state no longer needs political culture to make up for the lack of ruling capacity. The state extends its capacity to the countryside. At the same time, the state has completed its control ability of social wealth through the industrialization process and state-owned enterprises. However, as for the bureaucratic groups, the change of political structure has not thoroughly changed its political subculture.

In addition, as Csanadi has pointed out, in a regime like party-state, dependent system widely exists both in state and party hierarchy [Csanadi 2006]. This makes it difficult to remove the clientelism in the bureaucratic group.

From the perspective of moral judgment, although the state no longer needs to rely on ideology and culture to make up for the lack of institutional capacity, but because its legitimacy comes from Marxism Leninism, it also has high moral requirements for bureaucrats. In the political theory of Leninism, communist party is the vanguard of the working class, so it

also attaches great importance to the ideology and political education. This makes the decision-making process of bureaucrats and officials also highly related to the standard of their political consciousness.

For instance, the newest criteria for the CPC to select cadres at present is “De, Neng, Qin, Ji, Lian” (德、能、勤、绩、廉: ideological morality, working competence, diligence and working attitude, performance, honest and integrity) [Regulations on the Work of Selecting and Appointing Leading Party and Government Cadres 2014]. This criteria guarantees the quality of political elites. And this maybe the reason that professor Bell concludes Chinese politics as “Meritocracy” [Bell 2015], which means qualified elite could be selected through this mechanism to promote the political development. But problem still exists: any regime or political system is clearly aware of importance of quality of political elite, and hopes to pick them out to act as agents of governance. But not all regimes or systems are able to fulfil this task. Obviously, in the experience of the CPC, exists some effective methods. However, these “effective methods” do not only refer to the selection of outstanding people, but also the mechanism to cultivate relatively inexperienced novices into excellent bureaucrats, and promote their effective experience nationwide, while not making them too big to fall, which will inevitably lead to corruption and abuse of power. This not just includes selection, but also training, learning, communication and institutional constraints, especially intra-party democracy. As professor Wang Changjiang criticized, the problem of democratic politics cannot be solved by meritocracy, and the difficulties of democratic politics will also perplex the meritocracy. Hence meritocracy could hardly live without a developed democratic politics, and hard to replace or challenge the democracy [Wang Changjiang 2018].

An important plan in the reform and opening up is the improvement of this par-

ty-state regime, that is, to achieve the goal of separating politics from administration, so as to solve the above problems. However, this reform is not as fast and smooth as economic reform.

7. Political subculture of middle class

The middle class has always been regarded as the core part of civil society, for it is not only the active advocate of democratization, but also the key factor for “making democracy work” [Putnam, Leonardi, Nanetti 1994]. But in China’s political practice, it is not difficult to find that the political subculture of the middle class is not simple and highly consistent, but extremely complex. In other words, the middle class is not actually all staunch supporters of democratization. Political subculture of the middle class in transforming countries depends on whether they are “in” or “out” of the political system.

The logic of the middle class’s support for democratization lies in the hypothesis that economic growth brings about the growth of personal income, and the growth of personal income will make benefited group have higher requirements for rights and rules to protect their property, so they will have a stronger willingness to participate in politics. Since members of this group are usually highly educated, and distributed in some important government and social sectors, their attitude will also have a significant impact on attitude of government. When taking collective action in the form of association or assembly, they can force the government to promote democratic reform and rebalance the relationship between the state and society. But there are actually two problems in this logic: first, the economic growth brought about by market-oriented reform is not necessarily equal to the increase of personal income. In many cases, results of

reform are more likely to be intercepted by elite groups, resulting in the widening gap between the rich and the poor. Secondly, the socialization process and education of the middle class are also closely related to their political structure when they are teenagers, in which the content of education is very different in developed countries. Thirdly, the middle class in transforming countries does not all come from the “market” and private sectors, but has a complex background.

In a party-state regime similar to the Soviet Union, there are actually only middle-income groups, but no middle class. As a concept, the middle class can be established, only based on the premise that the concept of property rights exists, that is, private property is sacrosanct. But in the party-state regime, public sector usually played an absolute main role in all economic activities. The relationship between the property of middle-income group, their social status and political influence are significantly different from that of other regimes. In a standard civil society, in order to maintain their social status and life, middle-income groups need to defend the property rights, and protect their property from illegal taxation, that is, not to be absorbed unlimitedly by the state. However, in the society of party-state, the most important thing for middle-income groups to maintain their status is to protect their political status first. Due to the tight binding of political role, social status and economic income, once the political role is lost, all kinds of income channels and social insurance will be simultaneously deprived. Therefore, except for some special cases (like intellectual or nationalist associations), the middle-income groups in party-states will hardly support any kind of radical democratic reforms.

For party-states in the process of political transformation, the middle-class is usually not all from the private sectors, but can be divided into two categories: the mid-

dle class within the system and the middle class outside the system. Sun Long believes that whether the middle class belongs to “the system” determines differences in their political attitudes [Sun Long 2010, pp. 94–100], which is embodied in their cognition of the matching degree of their own political and economic status. In many cases of political transformation, the state decides which areas of the national economy should continue to be controlled by state-owned enterprises, as well as the scale of foreign investment and the development of private enterprises in the process of market-oriented reform. These factors jointly determine the distribution proportion of the middle-class within and outside the system. In conclusion, the middle class can indeed serve as a stable pillar of social order, but whether its political subculture can guide the whole society to the civic culture still depends on the complicated interaction between state, society and market in the process of transformation.

8. Political subculture of network

In the process of political transformation, there is also a kind of political subculture worth mentioning – the political culture on internet. In the Internet age, the content, form and carrier of political culture itself have changed a lot. Decades ago, many people were optimistic about the political culture of this age. Their basic logic is: Internet is naturally open and widely connected. Therefore, the spread of information will be more convenient than any other era in the history of mankind. Thus, the Internet is bound to promote democratization. However, in fact, although in some countries and regions, the Internet has indeed extended the scope and strength of social movements, and the social network has indeed played an important role in many electoral activities and democratization waves, the po-

litical culture on Internet has not caused fundamental changes as people expected. On the contrary, in some cases, it not only aggravates the tearing of society, but also intensifies the polarization of subcultural groups, which makes the contradictions between social groups more acute. This is mainly because of two misunderstandings about the political culture of Internet.

First of all, the politics of the Internet age is simply understood as the participation from the side of common people. This misunderstanding seriously underestimates the development speed of digital governance. In the era of Internet, it is easy and convenient for individuals to communicate and contact with others and to express their opinions and attitudes, for the society to express diverse views, and to a certain extent reach a basic consensus. But it is easier and more convenient for states to enhance their capabilities through the Internet. The Internet makes the communication between state and society more convenient and easier to reach consensus in the field of public policy, and makes many plans possible that could not have been achieved before. For example, the health code policy during the epidemic of COVID-19 has enabled the national capacity to really reach the community rather than stay at the urban level. In short, the political culture of the Internet does not only belong to individuals, but also to society and the state.

Secondly, the development process of political culture is simply understood as the transformation from traditional to internet style. Just as what has been proved before, the development of political culture does not appear as a one-way traditional-modern model, but has multiple possible paths. In the Internet age, the process of decentralization that was originally expected did not happen. Optimistic forecasters seriously underestimate the resilience of traditional culture. People choose to only believe what they want

to believe, and that's why the Oxford Dictionary named "post-truth" as the word of the year for 2016, and that is why we also call the Internet age the post-truth era. Besides, the opening feature of Internet does not bring unlimited spread of information, but the formation of many "information cocoons". People were trapped in filter bubbles, built by platforms, could only read and hear the same voice like their own. Furthermore, many researches have already proven, that the process of information spread in the Internet is not controlled by "the people", but continues to be held and concentrates in the hands of "netocracy" [Kochetkov 2011, pp. 8–20].

In essence, what the Internet has erased is only the gap between individuals and collective action. Jin Taijun and Li Juan believe that network politics is actually the extension of real politics in cyberspace [Jin Taijun, Li Juan 2014, pp. 52–58]. The existence of the Internet eliminates the restriction conditions for the rise of individual consciousness into collective action, thus catalyzing the outbreak of network groups, and thus promoting the construction of a benign interactive relationship between the government and citizens. It is easier for individuals to act collectively within a subcultural group. However, the relationship between the state and society, and the relationship between the state and various subcultural groups has not been obviously impacted by the Internet. In conclusion, Internet, like middle-class, has its own complex attributes. In the political process, they usually play the role as a booster, more than the role as an engine.

9. Conclusion

In China, the discussion about political culture began after the reform and opening up. Professor Yu Keping had concluded the transformation of political transformation of China since then as the

dual variation of modernization and globalization [Yu *Keping* 2006]. It has three main tasks at the same time: reflecting on the “cultural revolution”, resisting the impact of foreign thoughts, and reestablishing national identity. This makes this it takes the grand task of using the concept of political culture to promote China’s political modernization from the very beginning. People were debating and establishing political culture, aiming at exploring and choosing the path of modernization for China. In short, the discussion political culture in China is not only about questions of “what” and “why”, but also have a clear purpose to find the answer of “how”. Therefore, the reality and experience of China’s development of political culture can reflect not only the reality of China, but also some common rules of other states in transformation.

From China’s experience, we can see that there are some distinct differences between the political culture development of transforming countries with the standard model of western countries, even with the model of “new democracies”.

First of all, the political culture development of transforming countries is not a one-way model. It will not necessarily develop along the traditional-modern path, nor will it necessarily develop along the path of parochial-subject-participant. Different forms will be built according to the political system, social structure, economic development, and the interaction mechanism between the state and society. In places where the pace of institutionalization cannot match the demand of political participation, the political culture will not evolve, but will degenerate or even deteriorate.

Secondly, the ideal type of political culture in transforming countries is not necessarily a textbook civic culture, especially not necessarily the model of oppression on state by society. State played important and strong role for a very long time in history of many trans-

forming countries. So that the development of political culture by means of social resistance may make the society pay a high price in the struggle with the state. The best way to achieve goals may not be to force the state by means of conflicts and social movements, but more likely to achieve the coordinated governance of the state and society. Therefore, the mode of political culture development in transforming countries does not necessarily emphasize the unlimited development of individual, but more likely to focus on the balance and harmony among the state, market and society.

Therefore, the key to the development of political culture in transforming countries may still lie in state and government. This is not only a realistic way of development, but also a relatively low-cost development path. Yet it’s worth noting that, crucial role of state and government in political culture development does not mean that the state can only actively and initiatively guide or shape a certain political culture. China’s experience has proved that it is also possible for the state to passively shape the political culture through sharing some of the powers and functions originally belonging to the state with society and market, so that people can participate more in the processes of motion, discussion, decision-making, feedback and supervision. The political culture formed in such interaction may be the really ideal and suitable type for the transforming countries.

References

Almond G. (1956) Comparative Political Systems. *Journal of Politics*, vol. 18, no 3, pp. 391–409. DOI: 10.2307/2127255

Almond G., Verba S. (1963) *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*, Princeton University Press.

- Bell D. (2015) *The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy*, Princeton University Press.
- Csanadi M. (2006) *Self-consuming Evolutions: A Model on the Structure, Self-reproduction, Self-destruction and Transformation of Party-state Systems Tested in Romania, Hungary and China*, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Heberer T., Schubert G. (2020) *Weapons of the Rich: Strategic Action of Private Entrepreneurs in Contemporary China*, World Scientific Publishing Company. DOI: 10.1177/0097700418808755
- Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution*, Princeton Press University.
- Inglehart R. (1988) The Renaissance of Political Culture. *American Political Science Review*, vol. 82, no 4, pp. 1203–1230. DOI: 10.2307/1961756
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Societies*, Princeton Press University.
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Changes in Societies*, Princeton Press University.
- Irkhin V. (2017) *Political Culture, Part 1: West and Russia*, Moscow: Yurajt (in Russian).
- Jin Taijun, Li Juan (2014) Interaction between Virtual and Reality: The Social Function Mechanism of Network Political Culture. *Social Science Research*, no 3, pp. 52–58 (in Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1000-4769.2014.03.007
- Kochetkov P. (2011) Power and Elite in Global Informational Society. *POLIS*, no 5, pp. 8–20. Available at: <https://www.politstudies.ru/article/4456>, accessed 31.01.2021 (in Russian).
- Luo Zhenglin (2008) The Main Context of Political Culture Changes in China's Rural Areas – State, Familial and Social Power. *Probe*, no 6, pp. 108–113 (in Chinese). DOI: 10.16501/j.cnki.50-1019/d.2008.06.029
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1994) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton University Press.
- Pye L. (1972) Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture. *Social Science Quarterly*, vol. 53, no 2, pp. 285–296. Available at: <https://www.jstor.org/stable/42858958>, accessed 31.01.2021.
- Pye L. (1991) Political Culture Revisited. *Political Psychology*, vol. 12, no 3, pp. 487–508. DOI: 10.2307/3791758
- Pye L., Verba S. (1965) *Political Culture and Political Development*, Princeton University Press.
- Qi Heng (1988) An Analysis of the Structure of Political Culture. *Cass Journal of Political Science*, no 1, pp. 29–39 (in Chinese).
- Regulations on the Work of Selecting and Appointing Leading Party and Government Cadres (2014). *People.com.cn*, January 16, 2014. Available at: <http://renshi.people.com.cn/n/2014/0116/c139617-24132485.html>, accessed 31.01.2021 (in Chinese).
- Skinner G. (1993) Marketing and Social Structure in Rural China. *The Journal of Asian Studies*, vol. 24, no 1, pp. 3–43. DOI: 10.2307/2050412
- Sun Long (2010) The Political Attitude of the Urban Middle Class: An Investigation and Analysis Based on House Property Owners Group in Beijing. *Journal of Jiangsu School of Administration*, no 6, pp. 94–100 (in Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1009-8860.2010.06.015
- Sun Ming (2020) Markets and the Operation Mechanism of Tuanlian Practice in Sichuan in the Late Qing Dynasty. *Research on Modern History*, no 3, pp. 36–52. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-JDSY202003004.htm>, accessed 31.01.2021 (in Chinese).
- Tsai K. (2005) Capitalists without a Class: Political Diversity among Private Entrepreneurs in China. *Comparative Political Studies*, vol. 39, pp. 1130–1158. DOI: 10.1177/0010414005277021

Wang Changjiang (2018) Review on “Meritocracy”. *PKU Political Science Review*, no 2, pp. 3–24. Available at: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-BDZP201802001.htm>, accessed 31.01.2021 (in Chinese).

Wang Huning (1987) *Comparative Political Analysis*, Shanghai People’s Press (in Chinese).

Wei Linzhen, Zhong Hai (2007) The Evolution of Migrant Workers’ Political Culture and the Construction of Harmonious Society. *Journal of Xi’an Jiaotong University*, no 3, pp. 55–60 (in Chinese). DOI: 10.3969/j.issn.1008-245X.2007.03.011

Xu Zengyang (2004) A Political Sociological Analysis of “The Tide of Mi-

grant Workers”. *Cass Journal of Political Science*, no 1, pp. 61–70. Available at: <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=9598879>, accessed 31.01.2021 (in Chinese).

Yu Keping (2006) The Logic of Chinese Cultural Development under the Dual Variation of Modernization and Globalization. *Academic Monthly*, no 4, pp. 14–24 (in Chinese).

Zhou Lian (2007) Research on the Promotion Tournament Model of Local Chinese Officials. *Economic Studies*, no 7, pp. 36–50 (in Chinese).

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-3

Политическая культура в трансформационных странах: опыт Китая за 40 лет после реформы и открытости

Фэй ХАЙТИН

кандидат исторических наук, доцент Центра исследования китайской политики,
Школа Государственного Управления

Пекинский Университет, 100871, Yi Heyuan St., no 5, Peking University, Haidian
district, Beijing, China

E-mail: feihaiting@outlook.com

ORCID: 0000-0001-5499-8863

ЦИТИРОВАНИЕ: Fei Haiting (2021) Political Culture of Transforming Countries:
The Experience of China in the Past 40 Years since Reform and Opening Up.
Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, vol. 14, no 2, pp. 48–65.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-3

Статья поступила в редакцию 28.11.2020.

АННОТАЦИЯ. С тех пор, как теория «политической культуры» была создана для научного анализа Г. Алмондом, она стала важным инструментом политических и политологических исследований. В основе теории лежит консенсус в отношении того, что хорошая политическая культура может способствовать политическому развитию. Многие страны, находящиеся на трансформационном этапе, стремятся как можно скорее сформировать свою гражданскую культуру в соответствии с процессом демократизации, но зачастую это идет вразрез с их волей. В самом начале переходного периода они столкнулись с дилеммой выбора традиционной и гражданской культуры. Кроме того, развитие политической культуры не всегда сопровождается традиционным подходом к

современности. Поэтому необходимо размышление о принципе развития политической культуры с учетом истории и реальности. По мнению китайских ученых, политическая культура – это не только нравственность, эмоция и отношение личности, не только идеология страны – в нее включается многоуровневое содержание: идеология, ценность, психология и поведение человека. Эта точка зрения сочетается с теорией политической культуры, определением советской культурологии и пониманием традиционной культуры Китая. В трансформационных странах развитие политической культуры проявляется главным образом в изменении и взаимодействии разных политических субкультур. В то же время политическая субкультура взаимодействует с изменениями в соци-

альной структуре и политической системе. Политическая субкультура в трансформационных странах характеризуется шестью основными видами: политической субкультурой сельских и крестьянских районов, политической субкультурой традиционных городских рабочих и рабочих из числа мигрантов из сельской местности, политической субкультурой частных предпринимателей, политической субкультурой бюрократии и чиновников, политической субкультурой среднего класса и политической субкультурой в Интернете. Анализ основных видов политической субкультуры в Китае после реформы позволяет сделать вывод о том, что политическая культура может представлять собой сложный путь развития, а также различные идеалы и модели.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая культура, политическая трансформация, политическая субкультура, китайские политики*

Список литературы

- Ирхин Ю.В. (2017) Политическая Культура, Часть 1: Запад и Россия. М.: Юрайт.
- Кочетков А.П. (2011) Власть и элиты в глобальном информационном обществе // ПОЛИС. № 5. С. 8–20 // <https://www.politstudies.ru/article/4456>, дата обращения 31.01.2021.
- Almond G. (1956) Comparative Political Systems // Journal of Politics, vol. 18, no 3, pp. 391–409. DOI: 10.2307/2127255
- Almond G., Verba S. (1963) The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations, Princeton University Press.
- Bell D. (2015) The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy, Princeton University Press.
- Csanadi M. (2006) Self-consuming Evolutions: A Model on the Structure, Self-reproduction, Self-destruction and Transformation of Party-state Systems Tested in Romania, Hungary and China, Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Heberer T., Schubert G. (2020) Weapons of the Rich: Strategic Action of Private Entrepreneurs in Contemporary China, World Scientific Publishing Company. DOI: 10.1177/0097700418808755
- Inglehart R. (1977) The Silent Revolution, Princeton Press University.
- Inglehart R. (1988) The Renaissance of Political Culture // American Political Science Review, vol. 82, no 4, pp. 1203–1230. DOI: 10.2307/1961756
- Inglehart R. (1990) Culture Shift in Advanced Industrial Societies, Princeton Press University.
- Inglehart R. (1997) Modernization and Post-modernization: Cultural, Economic and Political Changes in Societies, Princeton Press University.
- Jin Taijun, Li Juan (2014) Interaction between Virtual and Reality: The Social Function Mechanism of Network Political Culture // Social Science Research, no 3, pp. 52–58 (на китайском). DOI: 10.3969/j.issn.1000-4769.2014.03.007
- Luo Zhenglin (2008) The Main Context of Political Culture Changes in China's Rural Areas – State, Familial and Social Power // Probe, no 6, pp. 108–113 (на китайском). DOI: 10.16501/j.cnki.50-1019/d.2008.06.029
- Putnam R., Leonardi R., Nanetti R. (1994) Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy, Princeton University Press.
- Pye L. (1972) Culture and Political Science: Problems in the Evaluation of the Concept of Political Culture // Social Science Quarterly, vol. 53, no 2, pp. 285–296 // <https://www.jstor.org/stable/42858958>, дата обращения 31.01.2021.
- Pye L. (1991) Political Culture Revisited // Political Psychology, vol. 12, no 3, pp. 487–508. DOI: 10.2307/3791758

Pye L., Verba S. (1965) *Political Culture and Political Development*, Princeton University Press.

Qi Heng (1988) *An Analysis of the Structure of Political Culture* // *Cass Journal of Political Science*, no 1, pp. 29–39 (на китайском).

Regulations on the Work of Selecting and Appointing Leading Party and Government Cadres (2014) // *People.com.cn*, January 16, 2014 // <http://renshi.people.com.cn/n/2014/0116/c139617-24132485.html>, дата обращения 31.01.2021 (на китайском).

Skinner G. (1993) *Marketing and Social Structure in Rural China* // *The Journal of Asian Studies*, vol. 24, no 1, pp. 3–43. DOI: 10.2307/2050412

Sun Long (2010) *The Political Attitude of the Urban Middle Class: An Investigation and Analysis Based on House Property Owners Group in Beijing* // *Journal of Jiangsu School of Administration*, no 6, pp. 94–100 (на китайском). DOI: 10.3969/j.issn.1009-8860.2010.06.015

Sun Ming (2020) *Markets and the Operation Mechanism of Tuanlian Practice in Sichuan in the Late Qing Dynasty* // *Research on Modern History*, no 3, pp. 36–52 // <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFD-Total-JDSY202003004.htm>, дата обращения 31.01.2021 (на китайском).

Tsai K. (2005) *Capitalists without a Class: Political Diversity among Private*

Entrepreneurs in China // *Comparative Political Studies*, vol. 39, pp. 1130–1158. DOI: 10.1177/0010414005277021

Wang Changjiang (2018) *Review on “Meritocracy”* // *PKU Political Science Review*, no 2, pp. 3–24 // <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-BDZP201802001.htm>, дата обращения 31.01.2021 (на китайском).

Wang Huning (1987) *Comparative Political Analysis*, Shanghai People’s Press (на китайском).

Wei Linzhen, Zhong Hai (2007) *The Evolution of Migrant Workers’ Political Culture and the Construction of Harmonious Society* // *Journal of Xi’an Jiaotong University*, no 3, pp. 55–60 (на китайском). DOI: 10.3969/j.issn.1008-245X.2007.03.011

Xu Zengyang (2004) *A Political Sociological Analysis of “The Tide of Migrant Workers”* // *Cass Journal of Political Science*, no 1, pp. 61–70 // <http://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=9598879>, дата обращения 31.01.2021 (на китайском).

Yu Keping (2006) *The Logic of Chinese Cultural Development under the Dual Variation of Modernization and Globalization* // *Academic Monthly*, no 4, pp. 14–24 (на китайском).

Zhou Lian (2007) *Research on the Promotion Tournament Model of Local Chinese Officials* // *Economic Studies*, no 7, pp. 36–50 (на китайском).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4

Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India-China Border Dispute

Zorawar DAULET SINGH

PhD, Adjunct Fellow

Institute of Chinese Studies, 8/17, Sri Ram Road, Civil Lines, 110054, New Delhi, India

E-mail: zorawar.dauletsingh@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0367-5743

CITATION: Daulet Singh Z. (2021) Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India-China Border Dispute. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 66–81. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4

Received: 05.02.2021.

ABSTRACT. *The article is based on the author's most recent book Powershift: India-China Relations in a Multipolar World (2020). It retraces the most salient moments and episodes in the India China border issue ever since the crisis broke out in 1959. What we learn from history is Chinese leaders have often shaped their policy on India as part of a wider geopolitical calculus, typically linked to the degree of pressure Chinese perceive on other geopolitical fronts. For India too, the nature of great powers relations impacts how it formulates China policy. This basic framework has remained relevant until the present day.*

Over the past decade, as the world order began shifting to a multipolar balance of power, India and China have confronted challenges in their relationship. The relationship is at a crossroad, and both Delhi and Beijing are struggling to find an equilibrium that allows both sides to pursue their interests and visions. Nevertheless, as Asia is returning to what it was for 1,800 years of the last two millennia, and, it is that big picture trend that Indian and Chinese leaders must pay attention to. Ultimately, this means stabilising India China relations

KEYWORDS: *Indian foreign policy, Chinese foreign policy, India-China border dispute, multipolar world order, Deng Xiaoping*

Although the border dispute with China is very old, Indian and Chinese leaders have yet to come to grips with how this issue can be resolved. The historical roots of the Sino-Indian frontiers have been narrated in several accounts since the 1960s. Understanding the historical variations and context around how China approaches the dispute has curiously received less attention. For, to make sense of the current scenario of India-China relations a focus on the intricacies of competing claims needs to be embedded in a geopolitical setting, which has been changing since the 1950s.

China Links the Border Issue to its Geopolitical Environment

Although the Chinese position provides the appearance of continuity, the actual bargaining posture has been one of extraordinary flux often shaped by geopolitical considerations that have little to do with the border itself. Let us explore each

of these inflexion points in China's approach to the dispute.

In April 1960, Zhou Enlai embarked on an ambitious diplomatic mission to India to attempt a resolution. But let us recall the context. The previous year Sino-Soviet differences had come into view, ironically because Moscow publicly broke ranks with Beijing by taking a neutral position on the India-China dispute, and by the first half of 1960, Moscow had withdrawn its experts from China and suspended all economic contracts. 1959 had also witnessed two border skirmishes between India and China, including an especially nasty one in the western sector in Ladakh where nearly a dozen Indian security personnel were killed during a patrol in October 1959.

As consequence, the Chinese had come under pressure, particularly from the Soviets. In a rather heated conversation between Khrushchev and Mao shortly after that skirmish, the Soviets came down hard on the Chinese for escalating the dispute.¹

<quote>Mao Zedong: "Nehru also says that the events in Tibet occurred on our fault. Besides, in the Soviet Union they published a TASS declaration on the issue of conflict with India."

N.S. Khrushchev: "Do you really want us to approve of your conflict with India? It would be stupid on our part."

N.S. Khrushchev: "...If you allow him (Dalai Lama) an opportunity to flee to India, then what has Nehru to do with it? We believe that the events in Tibet are the fault of the Communist Party of China, not Nehru's fault"

(After an intense exchange, Mao placates the Soviets and promises a peaceful settlement.)

Mao Zedong: "You will see for yourselves later that the McMahon line with India will be maintained, and the border conflict with India will end...The border issue with India will be decided through negotiations."<quote>

It was in such a backdrop that Beijing made a decision in January 1960 to take a more pragmatic line on the dispute with India as well as other unresolved frontier disputes with neighboring countries. The PLA was also ordered to adopt a policy of restraint and avoid armed clashes. Mao sensed clearly that China was facing a difficult international environment and therefore decided to seek a negotiated settlement.

This basic sense of insecurity is reflected in a May 1959 Chinese note to India, which might have been personally drafted by Mao.²

<quote>"The enemy of the Chinese people lies in the east – the US imperialists have many military based in Taiwan, in South Korea, Japan and in the Philippines which are all directed against China. China's main attention and policy to struggle are directed to the east, to the west Pacific region, to the vicious and aggressive US imperialism, and not to India or any other country in the southeast Asia and South Asia....our principal enemy is US imperialism...China will not be so foolish as to antagonize India in the west."

Our Indian friends! What is your mind? Will you be agreeing to our thinking regarding the view that China can only concentrate its main attention eastward of China, but not south-westwards of China, nor is it necessary for it to do so. Friends! it seems to us that you too cannot have two fronts. Is it not so? If it is, here then lies the meeting point of our two sides. Will you please think it over?"<quote>

¹ 'Discussion between N.S. Khrushchev and Mao Zedong' on October 3, 1959, Cold War International History Project. *Wilson Center Virtual Archive*. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112088.pdf?v=401979fac3f7d5e1d51d0bcd3a80f4c5>, accessed 10.03.2021.

² White Paper 1 (1954 – August 1959). Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China.

But Nehru felt this Chinese telegram had been “discourteous” and he rebuffed the implied suggestion to stabilize the crisis with China. Foreign Minister Chen Yi was equally candid when he shared Chinese threat perceptions to Swaran Singh in April 1960. Chen candidly admitted, “Our relations with the US and Japan in the east are tense. It would be stupid if we created a tense situation with India in the west also. The USA has its bases around us, atomic missiles and atomic weapons around us. Our dispute with India is very small... We are in a serious situation and need your friendship... The situation in the east being so tense we cannot afford to have trouble in the west also... If two ordinary countries are negotiating, they do not expose their difficulties to each other. (But) I am telling you about our difficulties... It would be best if we could reach some overall settlement, but if that is not possible some interim arrangement could be made.” [*Bhasin* 2018, pp. 3278–3280].

Zhou’s Delhi visit was an outcome of Beijing’s policy to defuse tensions and arrest a worsening of its geopolitical environment. In his meeting with Nehru, Zhou Enlai explicitly offered that the line of actual control could form the basis of a settlement. But for India, how could there be any swapping of claims or “horse trading” as Nehru put it, if all the territory, whether Arunachal Pradesh in the east or Aksai Chin in the west, were Indian. India spurned overtures from China between 1959 and 1960 to reach an amicable settlement. More importantly, policymakers completely misread India’s relative position in the changing international environment. This proved costly with India sleepwalking into conflict with a radicalized Mao in 1962. Even more consequentially, in early 1962 China and Pakistan began border talks and announced their agreement in December 1962. And thus, began the China-Pakistan strategic partnership.

On November 19, a day before the sudden Chinese ceasefire, Prime Minister Nehru in a famous cable prompted by a dire military collapse in the eastern sector, had practically invited President John F. Kennedy to intervene in the war. “The situation that had developed is, however, really desperate. We have to have more comprehensive assistance if the Chinese are to be prevented from taking over the whole of eastern India. Any delay in this assistance reaching us will result in nothing short of a catastrophe for our country.” Nehru had requested for large scale US air support to the tune of 12 fighter squadrons, air defence systems manned by US personnel as well as two squadrons of deep strike bombers that would enable India to target Chinese air bases and communication lines inside Tibet [*Bhasin* 2018, pp. 4044–4046]. Washington’s immediate reaction was to offer heavy lift capability to support Indian troop movements between sectors as well supply emergency requirements. But on Nehru’s invitation for a more expansive US role in the resisting and pushing back the Chinese, the US was more circumspect. US thinking can be gauged in a November 19 cable from then US Secretary of State Dean Rusk to John Kenneth Galbraith, their ambassador in Delhi [*Bhasin* 2018, pp. 4049–4051]:

“This involves for us the most far reaching political and strategic issues and we are not at all convinced that Indians are prepared to face the situation in the same terms.” Nehru’s message was seen as not merely a proposal for a military alliance but complete commitment by US to the ongoing war. Rusk noted that the proposal “cannot be reconciled with any further pretense of non-alignment.”

However, other geopolitical factors also played on US thinking. The US felt that active support to India might force the Soviets to support China. In fact, the Ken-

ned administration was beginning to debate options of adapting US's China policy. The key quid pro quo for Washington was that any US military assistance to India must be accompanied by Indian concessions to Pakistan. Rusk wrote, "To put in the most brutal terms, India now may face the choice between Pakistan assistance in the defense of India and some kind of satisfaction of Pakistan's interest in the Kashmir question." [Bhasin 2018, pp. 4050–4051]. Indeed, given the pressure from the US and UK, India would soon enter into several rounds of talks with Pakistan over finding some settlement in Kashmir. They ended in a stalemate because the Indian side, despite its weakness at the time, was determined not to part with any critical territory.

Nevertheless, Indo-US discussions during November 1962 did establish a basis for future cooperation. In July 1963, this was mutually expanded to include 'US assistance in strengthening India's air defenses' in the scenario of a Chinese 'attack on India'. Interestingly, during discussions to establish the terms of implementation of this July 1963 agreement, John Kenneth Galbraith 'was at great pains to stress that participation of the US Air Force in the joint training ... would not, by itself, imply any commitment on the part of the US Government to the defence of India'. Galbraith 'also made it quite clear that the agreement' regarding US consultations with India 'in the event of a Chinese Communist attack on India' would 'not commit the US to any particular action'. US response to a crisis would 'depend upon the situation at that time'. In the 1965 war, when India was poised to take the upper hand over Pakistan and China issued a threat and along with forward deploying its troops, India requested the US for consultations as part of the 1963 Air Defence agreement but was refused [Singh 2019].

On the whole, the 1962 conflict and its immediate aftermath convinced In-

dia's policymakers that although they would need to adapt their foreign policy to draw more international support particularly for India's defense modernization, the cautious and transactional approach from the West including pressure being brought to bear on India's negotiating position on Kashmir as well as deep reluctance to confront China in the subcontinent strengthened the belief inside the Indian strategic establishment on the advantages of maintaining an independent foreign policy.

After the 1962 war, India and China would exist in a 'no war, no peace' type of relationship. Despite the 1967 Nathu La clashes, this phase would witness India asserting its position in the subcontinent by its performance in the 1965 and 1971 wars. Although India and China were in a state of a diplomatic freeze, China's domestic crises and simultaneous security challenges on its Russian and South East Asian frontiers made the India-China border relatively stable. The Himalayan border was largely unpatrolled – the Chinese had withdrawn to 20 km behind the LAC by 1963 and Indian forces too had pulled back. It was only in 1976 that the Indian cabinet took a decision to gradually resume patrolling on the LAC.

By the late 1960s, Prime Minister Indira Gandhi also signaled an adapted position on the border dispute. She decided to stop the publicizing of acrimonious demarches exchanged by both sides, as it "would cool tempers down" [Malhotra 2011]. In January 1969, the Indira Gandhi hinted in a press conference that India's position on the dispute and relationship could not remain static. She remarked that India would be prepared to explore ways of solving differences with China through talks that were not based on any preconditions. Even in Parliament, the government noted that it would like to "reduce tension" along the northern "frontier".

After a hiatus of fifteen years diplomatic relations were re-established in 1976 when Indira Gandhi decided to exchange ambassadors. The process was carried forward in 1979 when Atal Bihari Vajpayee, as the foreign minister, visited China. From India's perspective, the visit was largely exploratory. Deng Xiaoping, unexpectedly, made a package proposal officially to Vajpayee without any prior diplomatic feelers. Deng told Vajpayee that a comprehensive settlement based on the exchange of claimed territories in the two sectors would settle matters for good. Deng ruled out a sector-by-sector approach³ and used the expression "package solution", to describe his proposal, one that would settle the dispute in one go. In his memoirs, Foreign Minister Huang Hua records that the package offer was again repeated in his talks with India's Foreign Minister Narasimha Rao in June 1981. Sharada Prasad records that Deng Xiaoping repeated the "package deal" to Indira Gandhi's close advisor G. Parthasarathi in September 1982. Unfortunately, India was unable to even accept the swap principle let alone endorse it as the basis for a border settlement.

Let us, again, explore the geopolitical context underlying China's postures. While the ice had been broken in Sino-American ties in 1971, the normalization process assumed a greater impetus after Mao's demise and the arrival of a reformist Deng Xiaoping. A month before Vajpayee's February 1979 visit, Deng was in Washington engaging in candid exchanges with the Carter administration on countering the "Polar Bear". Both sides were quite explicit that Sino-American geostrategy must seek to wean India away from its Soviet ally. US

national security advisor, Zbigniew Brzezinski told Deng, "The US has improved its relations with India" and "it's important for Sino-Indian relations to improve as well". Deng "agreed" with this logic. On Pakistan, Deng urged Carter to provide "solid assistance".

Recall that Zhou Enlai's swap offer of April 1960 had emerged after the heated Khrushchev-Mao meeting in October 1959 when Soviets advised the Chinese to de-escalate and peacefully settle their problems with India. In 1979, the Chinese were now in the US camp and Deng's offer was part of the coordinated anti-Soviet containment posture adopted by China at the time, part of which was to pull India towards the US and Chinese side in the Cold War. Indian policymakers were generally conscious of Chinese motivations. As one note from 1976 conjectured, one of the reasons for China may be "the hope of detaching us from the USSR, or even turning us against her?" If so, we cannot oblige them. They seem to have greater hopes of influencing India..."⁴

In January 1980, Deng Xiaoping told visiting US Defense Secretary, Harold Brown that "after Pakistan has been strengthened, India will become a more stabilizing factor" in South Asia. Brown's comments to Chinese Vice-Premier Geng Biao are instructive: "Indians must be brought to realize that there is no longer a concern about a threat from China. We think it is important that you renew a dialogue with the new Indian government and seek a compromise understanding on the border issue that would permit India to turn its attention elsewhere." China's attempted rapprochement with India must be located in the wider geopolitics of the time as US and China sought to pull India

3 Vajpayee had expressed the Indian position that it should be possible to deal with areas of little or no difference first (the eastern sector) and then move on to areas where there was greater divergence (Aksai Chin).

4 National Archives of India (NAI) – Box File 2: Folder title: HI/103/7/76.

away from the Soviets and isolate Moscow in South Asia.

So, China continued to repeat its swap offer in 1980, 1981, 1982 and continued to privately mention it until 1984. Indira Gandhi was interested in exploring such a deal but then apparently changed her mind at the last minute. Formal border talks were established after foreign minister Huang Hua's visit to Delhi in June 1981. Eight rounds of talks were held between December 1981 and 1988. During the initial rounds, both sides adhered to their bargaining playbooks: India sought to address the eastern sector first which it viewed as relatively solvable and hoped to create a positive atmosphere for discussions on the western sector. China favoured a "comprehensive settlement". Then, in the sixth round in November 1985, Chinese negotiators pressed claims in the eastern sector south of the McMahon Line. In an interview to Indian journalists in June 1986, China's Vice Foreign Minister, Liu Shuqing, said "the eastern sector is the biggest dispute and key to the overall situation". The official Chinese statement after the seventh round in July 1986 stated, "The Indian side noted a hardening of the Chinese stand...".

Again, the changing geopolitical environment might explain the shift in Beijing's approach. By 1983, China was once again beginning to rebalance its foreign policy towards non-alignment after problems over Taiwan resurfaced in US-China relations. For its part, Moscow was attempting its own rapprochement with the post-Maoist leadership and offered to reopen border talks in February 1982. The post-Brezhnev Soviet leadership continued its China outreach with Huang Hua visiting Moscow in November 1982. Finally, in July 1986, Gorbachev sought to structurally transform the Sino-Soviet relationship and pave the way for a normalization process culminating in Gorbachev's 1989 China visit. During Gorbachev's India vis-

it in November 1988, "The Soviets made it clear that they wanted to normalize their relations with China, and called upon India to do likewise." With Moscow assuming a neutral position on the India-China dispute, the impact on China's calculus was clear: it no longer felt the need to win India over to its side. By the time of the Rajiv Gandhi-Deng Xiaoping December 1988 summit, India's global geopolitical position had actually weakened with China no longer perceiving India through a triangular Sino-Soviet lens. Incidentally, the US through a backchannel had encouraged Rajiv Gandhi that Deng Xiaoping would reciprocate his overtures.

The new geopolitical context after 1991 would prompt Delhi and Beijing to further stabilise their relationship and the border. The uncertainty and shared anxieties towards a new unipolar world along with domestic changes in India and China as both countries sought to promote economic reforms and domestic stability, it would bring both to entertain a rapprochement. A major agreement in 1993 would de-link a settlement of the boundary "from the maintenance of peace on the border" with both sides also formally renouncing "the use of force to settle the issue." [Menon 2016, pp. 26-27].

What drove this shift? It is apparent that both sides had their backs to the wall during the early post-Cold War years. With China was still under the scanner for its human rights record, and India too confronting major externally fueled insurgencies in Punjab and Kashmir, both countries were able to normalize ties as well as craft substantive norms to stabilise the LAC. Reciprocating India's non-interference during the 1989 Tiananmen crisis, China also did not interfere in the escalating crisis in Kashmir during the early 1990s. Even during the Kargil conflict later that decade, Chinese called for the removal of Pakistani troops to their pre-conflict positions as part of ending the war.

The next big move came in April 2005 during Wen Jiabao's India visit. India and China signed a 'Political Parameters and Guiding Principles' Agreement, which constitutes a set of principles that finally reconciled hitherto competing positions, and importantly, albeit indirectly, implied a path to return towards a comprehensive swap deal with minor exchange of territory. Yet again, changing geopolitics appeared to be the underlying factor behind Beijing's surprising decision to formally endorse such an agreement. A new American policy to normalize the relationship with India and locate it in a wider Asian geopolitical setting may have prompted Beijing to raise its own game with India via the 2005 agreement. The follow through, however, quickly fizzled out for reasons that remain unclear. It has been suggested that Beijing was probing India's new orientation and the intentions of India's new strategic partners. Nevertheless, China shifted towards a passive-aggressive policy of simultaneous engagement and a gradual "hardening" of their stand on the border dispute. For the past decade, this has been the general pattern of ties with engagement punctuated by a series of border crises and standoffs.

Will We See Another "Swap Offer"?

We are now at yet another global inflexion point with a changing Chinese posture. US and China appear to be on a path of heightened international competition. The alignment with Russia has given China enhanced strategic depth to re-define its role and assume more great power characteristics than it could do alone. It is reasonable to postulate that China's geostrategy would prefer a cooperative India and stable Himalayan frontiers. But to what extent this would shape China's incentives to solve the dispute on reasona-

ble terms remains unclear. After all, China is nowhere near as isolated, vulnerable or domestically divided as it was in previous episodes when a border resolution was viewed in Beijing as a positive lever to stabilize its southwestern periphery. China's deep economic interdependence with its neighbours and relatively swift recovery from the Covid-19 crisis is in sharp contrast to periods of greater domestic instability such as the late 1950s, late 1970s or the late 1980s. The power asymmetry with India is also wider than it was in those previous decades, again reducing the necessity for China to make concessions to buy India's cooperation. In fact, the recent 2020 Ladakh crisis has revealed that China can entertain more coercive and unilateral options to secure its security and territorial interests on the border with India.

The Indian elite for its part must enlighten the body politic that its original claims to Aksai Chin are not cast in stone and were too casually inserted into the border narrative and official negotiating position with consequences that are still with us. But India must also cast its gaze on global geopolitics and discern changing trends with a sober outlook and always with an eye on its own long-term interests. It would be a premature and even dangerous premise to visualise that India's relative global position enables it to actively play triangular or quadrilateral geopolitics with China. To 'swing' towards an anti-Chinese alignment and hope to be 'weaned away' by China is unlikely to work in practice. In fact, since 2015, this geostrategy has largely failed to produce the envisaged gains. A key reason and one that continues to elude many Indian geostrategists is China's negative or coercive leverage on India — both vis-à-vis Pakistan and structural superiority on the Himalayan frontiers — cannot be offset by an external balancer. Further, the so-called balancing partner, the US actually finds itself closer to China than India when it comes to Pakistan's domes-

tic affairs and the basic balance of power and strategic stability in the subcontinent. Furthermore, the main threats that the US seeks to prepare for with respect to China are all in the Western Pacific, a large distance away from the India-China border.

Bluntly put, it would be illogical for India to open a Cold War-style front with China when the potential costs would significantly outweigh the geopolitical gains. A more prudent course would be to maintain the present multi-directional engagement with China and its neighbours, and, simultaneously more intelligently on but-tressing the domestic sinews of India's comprehensive national power along with elevating its status in the neighborhood by a more enlightened regional policy. That alone will gradually transform the regional environment and alter Chinese incentives to cultivate a serious and strategic equation with India.

The next opportunity for a border settlement will probably emerge as unexpectedly as they did during the previous episodes. If history teaches us one insight it is that opportunities to solve this question last for brief windows before the cycles of uncertainty rear their impact on India-China relations. It would require bold leadership and geopolitical acumen to convert fleeting moments into an enduring settlement.

A Multipolar World Order

Dizzying changes in Asia and the world, a Himalayan border crisis with military casualties for the first time in 45 years, globalization under deep stress, an America that is unable to resolve its domestic fissures and craft a new international role, are together changing the context for India-China relations. The conundrum which surrounds China's rise has led to a debate that is long on rhetoric and short of realistic ideas for India's foreign policy.

History might provide some lessons and clues since the cycles of competition and acrimony have played out previously when new global powers have emerged and erst-while ones have declined.

Looking back at the outbreak of the first Cold War in the late 1940s and early 1950s, the world witnessed an even more dramatic change in the balance of power. The post-Second World War order in Asia was one of multiple power transitions: a decolonization process that from the perspective of the West was fairly disruptive and a strategic set back to their centuries long dominance in Asia, China's return to the international mainstream after their century of humiliation in 1949, India's return to the world stage in 1947 after a prolonged period of colonialism. In a sense, we have been dealing with major changes in the vast Indo-Pacific region for a long time. The challenges India faces on the Himalayan frontiers are also not new. The 1950s witnessed a destabilized periphery as China sought to aggressively restore its presence and authority over Tibet after a long period where the British had diminished Beijing's influence in Lhasa and altered the geopolitics of the Himalayan areas in favour of British India.

It is always disconcerting to see India's strategic discourse mystify China. After all, we have been living with the PRC as a neighbour for 70 years and the fact that we are constantly trying to reinvent the wheel is something that needs to be set aside. The policymakers during the Cold War were quick to recognize that dealing with China requires a framework that is tailored to India's circumstances. This means an advantageous realpolitik where India leverages the international environment to augment its power potential and cultivate a network of partners. It also implies a sophisticated understanding of what it means to live in a common Asian and South Asian neighbourhood with overlapping peripheries extending to thousands of kilometres. In-

dia has struggled to find that equilibrium between shaping not only a balance of power but also a balance of interests. The emerging multipolar world order will call upon Indian leaders to strike that balance.

Reflecting on how India dealt with China during the Cold War might provide some lessons. Delhi had developed fairly positive ties with Washington and Moscow and was able to draw on economic and military assistance because both those superpowers, in their own strategic calculations, sought a balance of power in Asia and did not wish to see Chinese hegemony extend all the way into Southern and Southeastern Asia. Thus, there was a natural convergence between India and the superpowers and how they looked at China's future in the vast region. That basic convergence continues to exist even today. This is despite a Russia-China partnership that seeks to counteract some of the unilateralist impulses of the US and despite a massive \$700 billion commercial relationship between the US and China.

It is surprising when observers talk of India's reticence or timidity in developing strategic partnerships. Take, for example, the India-US relationship after 2005 that has seen a sustained evolution towards a similar outlook on shaping Asia's balance of power. It has not been a smooth ride nor has it culminated in (or will ever) total convergence. But there is a basic understanding between the two countries. Similarly, with Russia too we have seen a high level of military assistance, high technology support, and the more recent Indian initiatives to dovetail Russia's eastern pivot with India's 'Act East' policy towards the Arctic and Northeast Asia. Also noteworthy are India's attempts at persuading Moscow to assume a deeper role in the Indian Ocean. With Japan and Vietnam too, India has similar motives of driving cooperation. In sum, India has been consistently seeking to establish common ground with other players on China's periphery who are

also looking out to where China is headed in the next 15–20 years, taking into consideration simply the sheer size of its future power.

The problem really arises about the avenues for India to convert that convergence and gain leverage vis-à-vis China in an operational sense whereby Beijing adjusts its policies. For the last decade-and-a-half, India has been pursuing a very similar approach where it is trying to deepen ties with China's other neighbours and the major powers with an aim to unsettle the Chinese into making a deeper outreach to India in terms of both engagement and perhaps even some concessions on certain fronts. But that has not entirely played out as Indian strategists would have hoped and the primary reason is that the asymmetry of comprehensive national power between India and China is far higher – indeed it widened during this phase – than it was during the first Cold War. The aspects that Indian policymakers might believe would serve as a pressure point on China do not appear significant enough for Beijing to make that adjustment or accommodate India's preferred position that it would like to hold in Asia and the subcontinent.

One can discern a Chinese approach to South Asia, which is remarkable for its conservative consistency and the way Beijing defines its interests in the region. The approach has four pillars – maintain some sort of balance between India and Pakistan; ensure that India does not create trouble in Tibet; develop political and economic ties with all South Asian states including India; prevent South Asia from falling into a US sphere of influence and thereby pose a major regional challenge to China's southwestern periphery. While in practice, India's place and status has increased in this overall framework, especially over the past two decades, the overall Chinese approach is still driven by counteracting any adverse

spillover effects on Chinese security interests on its periphery rather than a dynamic and sophisticated strategy of crafting a wider political equation with India.

This is not to say that Chinese policymakers are unmoved by India's rise. Debates in China in the last few years do suggest that India is being looked at more seriously. The Chinese are looking at their southwestern periphery and South Asia from a perspective where India can no longer be ignored. Some also see India as a spoiler and an irritant that can undermine Chinese interests and ambitions. The dominant view is that "India has to be kept under control."⁵ Other than lofty rhetoric, however, we have not seen a sophisticated approach from China to reach out to India and attempt a new *modus vivendi*. The Chinese still assume a position of safeguarding their narrow strategic interests and zones of concern and hope to slot India into that geopolitical map, and if unsuccessful then work around it.

Is China being short-sighted in not adjusting to India's rise, even though the power asymmetry might not require it to do so today? There is merit in this argument. After all, with a 5-1 advantage in economic power and perhaps even greater, when measured in a qualitative sense of high technology and available pool of human and scientific capital, there is no historical precedence for an accommodation between a major power (China) and a rising power (India) under such apparent circumstances of an asymmetry. Yet, what if China were to take a position that India is going to be a major player in southern Asia and the northern Indian Ocean and more gradually in the Asian geo-economic space

over the next several decades? If Chinese leaders and thinkers were to adopt such an outlook on India's future, then they should logically consider investing in the anticipation of India's rise and making some adjustments to accommodate Indian concerns and aspirations. Why has China not been able to visualize such a framework? Is it because they are deeply invested in Pakistan? Is it inertia? Is it an unwillingness to accept the risk of getting it wrong?

While the Chinese have kept their cards close to their chest, some of these dilemmas are reflected in their debates. It does appear that they are not able to justify making these geopolitical investments because they feel no matter what they do, in their perception China will never be able to ever cultivate an India that is going to move away from the west and towards them. As one Chinese scholar puts it, "From the foreign policy of the Indian government it is now very clear that India has decided to stand with the US in the great power competition."⁶ Yan Xuetong, a leading Chinese scholar, recently remarked, "the view in Chinese eyes is the current government in India has given up non-alignment and has a motivation to become a US ally, using non-alignment as a cover to make policy." [Banik 2020]. Some Chinese strategists also "see India enticed, entangled, and potentially enmeshed in institutionalized (US-led) cooperative frameworks that it later cannot reject despite its aspiration for autonomy." [Sun 2020].

Whether such assessments reflect reality is less important because perceptions are what ultimately shape high policy and India needs to take it seriously. Then

5 Suhasini Haidar (2020) LAC Face-off | Doklam Was a Game-changer for Chinese thought on India: JNU Professor Hemant Adlakha. *The Hindu*, July 4, 2020. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/lac-face-off-doklam-was-a-game-changer-for-chinese-thought-on-india-scholar/article31989759.ece>, accessed 10.03.2021.

6 Singh A.Gh. (2020) What Strategic Experts from the Other Side Think about Ladakh Standoff. *India Today*, September 4, 2020. Available at: <https://www.indiatoday.in/news-analysis/story/india-china-what-strategic-experts-from-other-side-think-about-ladakh-standoff-1718661-2020-09-04>, accessed 10.03.2021.

‘there’s also a psychology in China...that if China makes a concession to India, because India is now in a better (geopolitical) position, the Chinese concession will not be interpreted as Chinese goodwill. It will only be interpreted as a result of India’s improved strengths. (And) by that logic, India is going to make demands for more concessions, and instead of reciprocating to what the Chinese would deliver.’ [Swami 2020]. Another scholar, Yun Sun summarizes the key problem obstructing a geopolitical accommodation, ‘Key concessions India demands from China on the border settlement are hard commitments that cannot be reversed. By contrast, what China seeks from India, such as its neutrality in the US-Chinese strategic competition, is ephemeral and easily adjustable.’ [Sun 2020]. This problem of uncertainty and fluidity in strategic intentions has no apparent solution for the foreseeable future. Neither are the Chinese persuaded that India will defy its own uneven track record and undertake a domestic transformation like conventional great powers in history. This belief, again, reduces China’s incentives for an early *modus vivendi*.

That being said, China does find strategic value in seeing an India that has strategic autonomy and ‘does not in any way influence or jeopardize the larger and crucial strategic ongoing struggle with the US.’⁷ It is worth recalling that the so-called 2018 Wuhan reset was predicated on an Indian reassurance to China that Delhi would maintain its independence – ‘strategic and decisional autonomy’ – in a changing global environment.⁸ What can be discerned from Chinese public debates is the recognition that the relationship with India can no longer be handled by simply ignoring it.

The debate really is about the means – there is disagreement between Chinese strategists and scholars on how to attain a more manageable periphery and stable relationship with a large neighbour like India. Some advocate an uncompromising policy of pushing back because India’s friendship and cooperation can never be obtained; others advocate a more sophisticated approach where China does not lose sight of its primary direction of threat in the Western Pacific emanating from the US, and therefore urge dealing with India in a way that supports its strategic autonomy and does not feed into US grand strategic goals. As one Chinese specialist on South Asia candidly observes, ‘If India chose to balance China in the region through a “soft alliance” with the United States, China will likely respond by increasing its influence with other states in the region to hedge India’s leadership. But if India proceeds more cautiously regarding American cooperation, mutual learning will be easier.’ [Xiaoping 2018].

China’s India policy debate will not be settled any time soon, just as India’s debates that weigh the maintenance of an independent foreign policy with the alternative option of a pro-US tilt and participation in a military structure with the US and its allies. So, both Delhi and Beijing are weighing different options to shape the balance of power and while simultaneously preventing it from deteriorating. What we have not seen enough of is an approach that provides a framework for a balance of interests. This is something of a puzzle. If there is one common theme in Indian and Chinese debates it is both sides recognise the adverse impact of a destabilized overlapping periphery or a broader Cold War-

7 Suhasini Haidar (2020) LAC Face-off | Doklam Was a Game-changer for Chinese thought on India: JNU Professor Hemant Adlakha. *The Hindu*, July 4, 2020. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/lac-face-off-doklam-was-a-game-changer-for-chinese-thought-on-india-scholar/article31989759.ece>, accessed 10.03.2021.

8 India-China Informal Summit at Wuhan (2018). *The Ministry of External Affairs*, April 28, 2018. Available at: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29853/IndiaChina_Informal_Summit_at_Wuhan, accessed 10.03.2021.

style rivalry in the region. The way out – China needs to adjust to India’s rise and sensitivities, while India needs to recognize China’s primary direction of threat lies in the east.

Deng Xiaoping once advised the Chinese people, ‘The role we play in international affairs is determined by the extent of our economic growth. If our country becomes more developed and prosperous, we will be in a position to play a greater role in international affairs.’ India’s leaders would do well to remember this dictum. The sinews of power are inextricably linked to a strong and balanced economy. During its domestic transformation – a process likely to last for the next several decades – it is in India’s national interest to have a degree of competitive, but peaceful, co-existence with China. The only realistic way to cultivate such a stable relationship with China – and history underscores this – is when both legs of a policy framework operate in tandem. One is having a balance of power policy, that is, stable ties with the major powers including avoiding getting entrapped in their power plays with China and on the other hand, having a very sustained policy of engagement with China. This does not mean merely a flurry of summitry between the leaderships or public diplomacy but developing a complex interdependence – through people-to-people, commercial and cultural connections – a meaningful dialogue on regional security (without, of course, yielding on any core interests), and more creative collaboration in safeguarding and reforming the next chapter of globalization so the interests of large developing economies are secured in a multipolar world. This is not dissimilar to the strategic approach adopted by the US and Russia in their management of China’s rise.

In the immediate South Asian region too, India needs to choose how it wants to

stabilize the Himalayan neighbourhood sandwiched between India and China, define what kind of space it sees in the sub-continent for China and then mobilize national resources to manage China’s footprint. A regional framework for China has not really been conceived in India. Delhi has mostly been reacting to and catching up with what is a recent phenomenon – China’s growing geoeconomic footprint in South Asia is barely a decade old. During this brief period, China has established a position – with the cooperation and invitation of regional political and economic elites – that is not easy to dislodge. India’s challenge is to shape the future of China-South Asia ties in a constructive direction where Delhi can get the neighbourhood on board to support at least certain core fundamentals norms. It is a challenge of strategy but also one of re-defining India’s regional role more intelligently.

On the economy, the debate over the extent of cooperation with China has evoked much controversy, partly triggered by the 2020 border crisis but also in the backdrop of India seeking to promote large Indian business houses and domestic industry, many of whom find Chinese competition overbearing. The politics surrounding the US-China trade conflict has also influenced Indian policymakers in attempting something similar for India-China relations. Decoupling, however, should not be pursued until a deeper assessment is undertaken to determine the cost-benefit calculations and impact, across sectors, and for the economy as a whole. Only after this has yielded credible data should policymakers formulate a plan to develop more interdependence with China in select sectors or lessen it in others by import-substitution and sourcing from elsewhere. It must not be a blanket policy, nor motivated by ideological considerations. We first need to articulate a sophisticated industrialization blueprint and identify where Beijing and other major econo-

mies bring value or can be a catalyst in the way the US was for China's reform process.

The US-China competition over high technology, particularly in digital sectors, is posing another policy challenge. Here, India's policymakers need to avoid leaping from one digital superpower to another. After all, both Chinese and US companies bring the same baggage to the table — the risk of compromising data sovereignty and privacy, dependence on imported software and hardware, and impact on domestic capabilities. Before handing over the family silver, India needs to support a framework for domestic innovation that promotes a competitive digital ecosystem and one that moves India up the value chain. More broadly, India's policymakers should recognize that China and East Asia's innovation and technological transformations occurred by strategically leveraging interdependence with major economies and not building walls.

As the debate rages on in the bilateral dimension, India's policymakers should keep an eye on India's quest to deepen economic ties with Asia more broadly. If you look at the Indo-Pacific geoeconomic space, the preceding decades have created a political economy of deep trade and investment linkages between China and its neighbours – from Western Europe, the heart of Eurasia to Northeast Asia, Korea, Japan, Australia, ASEAN. This is an extensive economic space that is likely to evolve further as more integration processes and connectivity linkages develop in the coming decade. The question for India should be how it wants to fit into that emerging geoeconomic community. One cannot fit into the Asian economy by completely sealing off China from the Indian economy. This is because China is going to be involved in some way or the other with all major Asian economic centres – China is already the biggest commercial partner for all its neighbours – which include India's strategic partners. A prudent course would

be to identify the sectors and technological areas in which India wants to engage with China, because its integration with Asia is at another level linked with that choice and strategy.

Finally, what can we discern through the haze in the post-Covid world? One probable scenario is if the US fails to get its act together at home, China's linkages with other major economies of Asia would deepen. India might find itself with an uphill task upon re-entering that space in a decade from now because of its choice to step back from trading arrangements such as the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) ostensibly to industrialize and regenerate – captured in the phrase, 'Atmanirbhar Bharat' – its domestic industry and innovation ecosystem. The Asia of 2030 will look very different from the Asia of today and will most likely be an amplified version of the interdependence that has already been established over decades. For the first time in several centuries, we are facing the prospect of an Asia that can actually flourish on its own economically, and not simply by playing a role as an assembly-hub and export powerhouse to the West. Greater Eurasia has the energy resources and strategic commodities of Russia including its strong scientific base of human capital, as well as the commercial technologies of Japan, China and Korea. It also has the human capital and the demography to maintain a self-sustaining political economy.

In essence, Asia is returning to what it was for 1,800 years of the last two millennia, and, it is that big picture trend that India needs to pay attention to. While the West will remain important, there is no viable way for India to avoid being part of this dynamic Asia and Greater Eurasia. Eventually, that boils down to having some sort of a stable India-China relationship. It has, thus, fallen upon the present generation of policymakers to steer India towards this complex multipolar world order. Ma-

major strategic choices have to be made and one hopes that India's leaders have the long-term view.

The historian Odd Arne Westad recently remarked, 'The more the US and China beat each other up, the more room for maneuver other powers will have.' One should equally apply that mantra to India and China. Unrestrained competition only benefits other powers. As the 2020 Ladhak crisis bookends a tumultuous decade of India-China relations, both Delhi and Beijing would do well to heed the call of our time. History is obliging both countries to step up and play constructive roles to shape the emerging world order even as it is impelling both sides to learn to co-exist in a common neighbourhood.

References

- Banik A. (2020) Implications of China-US Competition in the Digital Age: Webinar of Dr. Yan Xuetong. *Institute of Chinese Studies*, September 18, 2020. Available at: <https://www.icsin.org/uploads/2020/09/23/c973369f98f0f1dc2e373c6e6deff0f6.pdf>, accessed 10.03.2021.
- Bhasin A.S. (2018) *India-China Relations 1947-2000: A Documentary Study* (Vol. 4), Delhi: Geetika Publishers.
- Malhotra I. (2011) The Colombo 'Compromise'. *The Indian Express*, October 17, 2011. Available at: <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/the-colombo-compromise/>, accessed 10.03.2021.
- Menon Sh. (2016) *Choices: Inside the Making of Indian Foreign Policy*, Gurgaon: Allen Lane.
- Singh Z.D. (2019) *Power and Diplomacy: India's Foreign Policies during the Cold War*, Delhi: Oxford University Press.
- Sun Y. (2020) China's Strategic Assessment of India: Commentary. *War on the Rocks*, March 25, 2020. Available at: <https://warontherocks.com/2020/03/chinas-strategic-assessment-of-india/>, accessed 10.03.2021.
- Swami P. (2020) Interview: China Foreign Policy Expert Yun Sun on Border Dispute, What Went Wrong in India-China Ties, and More. *Money Control*, September 15, 2020. Available at: <https://www.moneycontrol.com/news/trends/current-affairs-trends/interview-china-foreign-policy-expert-yun-sun-on-border-dispute-what-went-wrong-in-india-china-ties-and-more-5843381.html>, accessed 10.03.2021.
- Xiaoping Y. (2018) When India's Strategic Backyard Meets China's Strategic Periphery: The View from Beijing. *War on the Rocks*, April 20, 2018. Available at: <https://warontherocks.com/2018/04/when-indias-strategic-backyard-meets-chinas-strategic-periphery-the-view-from-beijing/>, accessed 10.03.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4

Изменение геополитики и переговорных позиций в пограничном споре между Индией и Китаем

Зоравар ДАУЛЕТ СИНГХ

кандидат наук, приглашенный научный сотрудник
Институт Китая, 8/17, Sri Ram Road, Civil Lines, 110054, New Delhi, India
E-mail: zorawar.dauletsingh@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0367-5743

ЦИТИРОВАНИЕ: Daulet Singh Z. (2021) Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India-China Border Dispute. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 66–81. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4

Статья поступила в редакцию 05.02.2021.

АННОТАЦИЯ. Статья основана на монографии автора «Смена власти», увидевшей свет в декабре 2020 г. В работе восстановлены и проанализированы наиболее значимые события и эпизоды индийско-китайского пограничного диспута с момента первого кризиса, разразившегося в 1959 году. Автор полагает: на протяжении всей новейшей истории двусторонних отношений лидеры Китая рассматривали отношения Поднебесной с «крупнейшей демократией мира» как часть широкого геополитического замысла, реализация которого напрямую зависела от интенсивности оказываемого на КНР давления на других «театрах» дипломатических действий. Аналогичным образом характер отношений между великими державами непосредственно влиял на формирование политики Индии в отношении Китая. «Историческая» мотивация развития двусторонних отношений сохранилась и в наши дни. В последнее десятилетие в мировой системе наметились явные сдвиги в направлении становления многостороннего баланса сил, тогда как Индия и Китай не могут расстать-

ся с прежними мотивациями в двусторонних отношениях. Двусторонние отношения остаются словно замороженными, и обе страны стремятся найти новое идеологическое равновесие, которое позволяло бы им реализовывать свои геополитические интересы и парадигмы. Однако по мере возвращения системы международных отношений в Азии к доколониальной полицентричности лидеры двух крупнейших государств мира будут вынуждены сопрягать свои внешнеполитические действия с логикой межгосударственных отношений на континенте. Подобный геополитический реализм будет способствовать стабилизации индийско-китайских отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: внешняя политика Индии, внешняя политика Китая, индийско-китайский пограничный спор, многополярный миропорядок, Дэн Сяопин

Список литературы

Banik A. (2020) Implications of China-US Competition in the Digital Age:

Webinar of Dr. Yan Xuetong // Institute of Chinese Studies, September 18, 2020 // <https://www.icsin.org/uploads/2020/09/23/c973369f98f0f1dc2e373c6e6deff0f6.pdf>, дата обращения 10.03.2021.

Bhasin A.S. (2018) *India-China Relations 1947–2000: A Documentary Study* (Vol. 4), Delhi: Geetika Publishers.

Malhotra I. (2011) The Colombo ‘Compromise’ // *The Indian Express*, October 17, 2011 // <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/the-colombo-compromise/>, дата обращения 10.03.2021.

Menon Sh. (2016) *Choices: Inside the Making of Indian Foreign Policy*, Gurgaon: Allen Lane.

Singh Z.D. (2019) *Power and Diplomacy: India’s Foreign Policies during the Cold War*, Delhi: Oxford University Press.

Sun Y. (2020) *China’s Strategic Assessment of India: Commentary* // *War on the Rocks*, March 25, 2020 // [\[rocks.com/2020/03/chinas-strategic-assessment-of-india/\]\(https://warontherocks.com/2020/03/chinas-strategic-assessment-of-india/\), дата обращения 10.03.2021.](https://waronth-</p></div><div data-bbox=)

Swami P. (2020) Interview: China Foreign Policy Expert Yun Sun on Border Dispute, What Went Wrong in India-China Ties, and More // *Money Control*, September 15, 2020 // <https://www.money-control.com/news/trends/current-affairs-trends/interview-china-foreign-policy-expert-yun-sun-on-border-dispute-what-went-wrong-in-india-china-ties-and-more-5843381.html>, дата обращения 10.03.2021.

Xiaoping Y. (2018) *When India’s Strategic Backyard Meets China’s Strategic Periphery: The View from Beijing* // *War on the Rocks*, April 20, 2018 // <https://warontherocks.com/2018/04/when-indias-strategic-backyard-meets-chinas-strategic-periphery-the-view-from-beijing/>, дата обращения 10.03.2021.

Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.)

Дина Борисовна МАЛЫШЕВА

доктор политических наук, заведующая сектором, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

ЦИТИРОВАНИЕ: Малышева Д.Б. (2021) Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 82–99. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья ставит целью выявить отдельные направления международно-политического взаимодействия с постсоветской Центральной Азией (ЦА) крупных экономических держав Азии: Китая, Индии, Японии. Решается задача определения их интересов в Центрально-Азиатском регионе с упором на политическую составляющую. Рассматривается современное состояние политического сотрудничества Китая, Индии, Японии и стран Центральной Азии. Охарактеризованы их совместные усилия по решению проблем и угроз, стоящих перед устойчивым развитием региона и решаемых в рамках формирования как двусторонних, так и многосторонних отношений. Выявлена динамика политического и военного взаимодействия Китая с его центральноазиатскими партнерами. Показано, что региональная сфе-*

ра безопасности напрямую увязывается Китаем с проблемой защиты своих экономических интересов в странах прохождения его программы «Один пояс – один путь», нацеленной на изменение экономического ландшафта не только ЦА, но и всей Азии. Определена стратегия в ЦА Индии и Японии, позиции которых сблизилась на фоне возвышающегося Китая. Политика в постсоветской ЦА Китая, Индии и Японии проанализирована сквозь призму складывания в Азии полицентричного мира. Его отличительными чертами являются появление новых региональных «центров силы», их противостояние по линии китайско-пакистанского и китайско-индийского соперничества, вовлеченность в региональные процессы внешних игроков (США). Внимание в этой связи обращено на деятельность такой многосторонней международной структуры, как

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), а также на развитие альтернативных инфраструктурных проектов и концепций: Четырехсторонний диалог по безопасности (QUAD), «Инд-до-Пацифик», «Сеть голубых точек». Результаты исследования формулируются в следующем выводе: страны Центральной Азии и крупные региональные экономические державы Азии базируют свои отношения на основе взаимовыгодных интересов и равноправного партнерства независимых государств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Центральная Азия, Китай, Индия, Япония, крупные азиатские государства, полицентричный мир, внешнеполитическая многовекторность, стабильность, «Один пояс – один путь», Шанхайская организация сотрудничества*

В пользу того, что наступивший век – азиатский, все увереннее говорят объективные данные: демографические, согласно которым к 2025 г. в Азии будет проживать три четверти населения земного шара; и, главное, экономические, согласно которым именно Азия, географической частью которой являются и пять бывших советских республик ЦА, представлена в настоящее время несколькими крупнейшими экономиками мира; на все азиатские страны приходится свыше половины мирового валового внутреннего продукта, а сами эти страны, которые отличает возросшая инвестиционная активность, давно вносят существенный вклад в развитие международной торговли, технологические свершения¹.

Свидетельством растущей роли в мире Азии стало и произошедшее на исходе

2020 г. событие – заключение 15 ноября в Ханое на саммите Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) соглашения о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли в рамках Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП, *The Regional Comprehensive Economic Partnership*). В странах – участницах нового экономического объединения (Австралия, Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Китай, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония и Новая Зеландия) проживает почти треть населения мира (2,2 млрд человек); на ВРЭП приходится в общей сложности 82% мирового промышленного производства и почти 30% (25,56 трлн долл. США) совокупной экономики всего мира².

Трансформируется и политическое «лицо» Азии, где российскими исследователями фиксируется зародившаяся под «покровом» биполярности тенденция к формированию многополярного мира [Симолия, Торкунов 2013, с. 22]. Эта новация в международных отношениях в Азии замечена также китайскими и индийскими учеными, которые полагают, что если период биполярности характеризовался, как правило, приверженностью стран какому-то одному «центру силы», то ныне практически все азиатские государства, включая и центральноазиатские, стремятся реализовать в своих внешнеполитических практиках концепцию многополярности [Чжао Хуашэн 2020; *Chinoy, Panda* 2020]. Обращает на себя внимание и то, что некоторые крупные государства Азии, используя многообразие международно-политических практик и борясь с внутренними дисбалан-

1 Запольскис А. (2020) «Прощай, Америка»: китайский вариант Евросоюза // REGNUM, 23 ноября 2020 // <https://regnum.ru/news/economy/3121936.html>, дата обращения 25.11.2020.

2 Asia-Pacific Allies Sign Huge Trade Deal with China While U.S. Sits It Out (2020) // NPR, November 17, 2020 // <https://www.npr.org/2020/11/17/935322859/asia-pacific-allies-sign-huge-trade-deal-with-china-while-u-s-sits-it-out>, дата обращения 18.11.2020.

сами, проводят политику регионализма (см. подробнее: [Кузнецов, Малышева 2017]).

В данной статье проанализированы отдельные направления международно-политического взаимодействия с постсоветской ЦА (преимущественно в 2019–2020 гг.) ведущих азиатских государств: Китая, Индии, Японии. Прослеживаются также возможности формирования в Азии полицентричного миропорядка в контексте деятельности Шанхайской организации сотрудничества и альтернативных ей объединений.

Первенство в ЦА остается за Китаем, и он, невзирая на пандемию коронавируса, продолжает уверенно обозначать Центрально-Азиатский регион одной своих первоочередных интересов.

Фактор Китая в ЦА

Продвижение в ЦА Китая, совершившего впечатляющий прорыв в сферу глобальной экономики и политики, изначально зиждилось на экономическом фундаменте, на стремлении интенсифицировать торговые отношения и обеспечить свою растущую экономику необходимыми нефтегазовыми ресурсами.

Торжественно презентованная КНР в 2013 г. в Казахстане «Экономическая программа пояса и пути» (в новейшей версии – «Один пояс – один путь», ОПОП) – достаточно амбициозный проект, нацеленный на изменение экономического ландшафта не только ЦА, но и Азии (см. подробнее: [Малышева 2019, с. 101–104]). Речь идет о прокладывании новых транспортных и эконо-

мических коридоров, которые позволят Китаю доставлять свои товары в Европу сухопутным путем – через страны ЦА, особенно Казахстан. Последний уже является, по оценке известного казахстанского ученого Б. Султанова, «евразийским трансконтинентальным мостом» и своего рода «золотой калиткой» для попадания китайских товаров в Россию, страны Европы, Ближнего и Среднего Востока³.

В регионе ЦА Китай воспринимается как государство, добившееся впечатляющих успехов в переводе своей централизованной системы на рельсы рыночной экономики, т. е. в движении по той же траектории, которую избрали все бывшие советские республики. Успешному продвижению Китая в ЦА благоприятствует также и то, что с помощью его щедрых кредитов развивающимся странам региона удастся создавать и модернизировать жизненно необходимую инфраструктуру: дороги, линии электропередач, ТЭЦ и пр. Кроме того, в международных стратегических раскладах правящих элит центральноазиатских стран Китаю как потенциальному инвестору и выгодному потребителю энергоресурсов отводится нередко роль противовеса действующим в ЦА региональным и глобальным игрокам.

Но взаимодействие стран ЦА с Китаем не ограничивается исключительно экономической сферой. Важным направлением региональной стратегии КНР становится военно-политическая сфера, которая не ограничивается в настоящее время одними лишь действиями, направленными на совместную борьбу против «трех зол»: терроризма, экстремизма, сепаратизма. Ки-

3 Интервью директора Исследовательского института международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета Булата Султанова (2020) // Kazakhstan Today. 13 ноября 2020 // https://www.kt.kz/rus/interview/_1377907837.html, дата обращения 20.11.2020; см. также: [Chen, Jiménez-Tovar 2017, pp. 431–432].

тай напрямую увязывает задачи поддержания безопасности в ЦА с проблемой сохранения приемлемого уровня стабильности в своем Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), заселенном преимущественно уйгурами. Среди них имеется достаточно много сторонников отделения от Китая, и именно СУАР был превращен в арену деструктивных действий Исламским движением Восточного Туркестана (ИДВТ) – организацией, ответственной за совершение в Китае в конце 2013 – начале 2014 г. громких террористических актов и признанной потому террористической в самом Китае, а также в России и ряде других стран.

Ситуация усугубляется и тем, что многие выходцы из СУАР, предположительно сторонники ИДВТ, воевали и продолжают воевать на стороне запрещенного в РФ и Китае «Исламского государства». Возможность их возвращения из Афганистана и Ближнего Востока на родину с целью реализации давнего замысла – создания на территории СУАР КНР «Исламского государства Восточный Туркестан» – рассматривается как серьезная угроза и властями Центрального Китая, и странами ЦА, особенно теми, кто непосредственно граничит с СУАР: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном.

Не секрет, что сепаратистские настроения в СУАР подпитываются извне силами, заинтересованными в ослаблении Китая через его дестабилизацию, которая неизбежно повлияет и на центральноазиатских соседей КНР. Тре-

вожным знаком служит, в частности, принятие 6 ноября 2020 г. Государственным департаментом США под предлогом того, что «нет убедительных доказательств существования ИДВТ», решения о его исключении из списка террористических организаций, а обвинения организации в терроризме официальные власти Китая используют как предлог для преследования уйгуров⁴. Можно, однако, предположить, что таким шагом США, включившие Китай в число своих главных стратегических противников, просто снимают препятствие для переброски террористов в Синьцзян и Центральную Азию с целью создания пояса нестабильности на территориях прохождения ОПОП⁵. Это и побуждает Китай плотнее заняться в Центрально-Азиатском регионе проблемами обеспечения безопасности.

Основным ее гарантом там остается РФ, и это объективно выгодно Китаю, заинтересованному в сохранении мира и стабильности в центральноазиатских странах, с которыми он развивает сотрудничество в сфере экономики и политики. Но и Китай предпринимает в ЦА серьезные усилия, направленные на защиту своих интересов военными средствами, постепенно расширяя в регионе свое военное влияние.

По данным американских исследователей из Института Кеннана, доля Китая на центральноазиатском рынке вооружений возросла с 1,5% в 2010 г. до 18% в 2014-м. Помимо обычных вооружений, транспортных самолетов, систем противовоздушной обороны,

4 US Removes Shadowy Group from Terror List Blamed by China for Attacks (2020) // The Guardian, November 6, 2020 // <https://www.theguardian.com/world/2020/nov/06/us-removes-shadowy-group-from-terror-list-blamed-by-china-for-attacks>, дата обращения 03.12.2020.

5 См., например: Госдеп начал переброску террористов в Синьцзян и Центральную Азию (2020) // Фонд стратегической культуры. 12 ноября 2020 // <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/12/gosdep-nachal-gotovit-perebrosku-terroristov-v-sinczjan-i-centralnyu-aziu-52239.html>; Рожин Б. (2020) Стратегия «Один пояс – один путь» и стратегическая нестабильность на Ближнем Востоке // Федеральное агентство новостей. 4 декабря 2020 // <https://riafan.ru/1347092-strategiya-odin-poyas-odin-put-i-strategicheskaya-nestabilnost-na-blizhnem-vostoke>, дата обращения 04.12.2020.

легкой бронетехники и др., Китай представляет в центральноазиатские страны – преимущественно в Казахстан, Туркменистан и Узбекистан – также и боевые беспилотники [Jardine, Lemon 2020]. Народная вооруженная милиция Китая провела в 2019–2020 гг. несколько совместных антитеррористических учений с Росгвардией РФ, а также с бойцами специальных военизированных подразделений Киргизии, Узбекистана и Таджикистана.

Поскольку для Китая афганская проблема остается предметом особой озабоченности, Пекин предпринял вместе с соседями по региону ряд превентивных мер, направленных на предотвращение растекания по Азии нестабильности из Афганистана. Стремясь воспрепятствовать проникновению с территории Афганистана уйгурских боевиков, воюющих здесь в рядах «Исламского государства», Народная вооруженная милиция, входящая в состав вооруженных сил Китая, ведет с 2016 г. совместное с таджикскими военнослужащими патрулирование границы в Горно-Бадахшанском автономном районе Таджикистана, граничащем с афганским Ваханским коридором. Собравшиеся в столице СУАР – городе Урумчи – командующие вооруженных сил Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана запустили 3 августа 2016 г. новый переговорный формат, получивший наименование «Четырехсторонний механизм по сотрудничеству и координации в борьбе с терроризмом вооруженных сил Афганистана – Китая – Пакистана – Таджикистана» (*A Quadrilateral Cooperation and Coordination Mechanism in Counter Terrorism by Afghanistan-China-Pakistan-Tajikistan Armed Forces*) [Afghanistan, China,

Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement 2016]. Создание подобного механизма свидетельствует не только о том, что Китай намерен усилить свои позиции в обеспечении безопасности в регионе; он, как полагают эксперты, полон решимости «защитить свои экономические интересы в странах, пролегающих вдоль Великого Шелкового пути, от угроз терроризма и экстремизма»⁶.

Имеются и другие свидетельства намерений Китая обезопасить себя в ЦА по маршрутам прохождения ОПОП. Так, китайские частные охранные компании (КЧОК) (всего их насчитывается от 30 до 40, по некоторым подсчетам [Yau, Kley 2020, p. 4]), действующие в различных уголках мира (от Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии до Северной Америки), введены в состав недавно созданной «Национальной системы безопасности и разведки Пояса и Пути» (*Belt and Road National Security Intelligence System*) [Yau, Kley 2020, p. 3]. Считается, что шесть таких компаний находятся в ЦА. В отличие от Казахстана, где деятельность КЧОК ограничена законодательством, в Киргизии и Таджикистане они располагают большими возможностями. Осуществляющая заграничные операции китайская компания «Зарубежные охранники» (*Zhongjun Junhong – Overseas Security Guardians*) на своей тренировочной базе в Киргизии, где «охранники» обосновались с 2015 г., готовит (вместе с обучением китайскому языку) сотрудников местных охранных отделений и, в частности, телохранителей для работающих в республике китайских бизнесменов. В ноябре 2018 г. *Zhongjun Junhong* заключила соглашение с государственной компанией КНР «Китайские железные дороги» на предмет охраны строи-

6 Холзода Н. (2016) Китай создает антитеррористический альянс с тремя мусульманскими странами // Радио Озоди. 11 августа 2016 // <http://rus.ozodi.org/a/27914356.html>, дата обращения 31.01.2021.

тельных площадок вдоль железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан [Yau, Kley 2020, pp. 6–7; Overseas Security Guardians 2020].

Таким образом, в отличие от прошлых лет, когда Китай ограничивал свое участие в решении политических и военных проблем ЦА, Пекином вырабатывается новая стратегия, предусматривающая активное вовлечение КНР в поддерживающие безопасность Центрально-Азиатского региона. Здесь, наряду с созданием структур, наделенных экономическими либо культурными функциями (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Сообщество единой судьбы, Институты Конфуция и др.), Китай нацеливается на обеспечение стабильности в своем центральноазиатском «тылу». В рамках притязания на глобальное лидерство Китай реализует также и собственные интересы, добываясь формирования более сбалансированного, с точки зрения Пекина (китаецентричного?), мира. Претерпевает изменения и китайская внешняя политика в ЦА.

В 2020 г., по образцу американской «дипломатической платформы «С5+1», в рамках которой начиная с 2015 г. министры иностранных дел пяти центральноазиатских государств обсуждают с государственным секретарем США насущные проблемы Центрально-Азиатского региона, включая также параметры его взаимодействия с Афганистаном [United States Strategy for Central Asia 2020], Китай запустил диалоговый формат «Центральная Азия + Китай» (С + С5). 16 июля на платформе видеоконференции состоялась первая встреча глав внешнеполитических ве-

домств пяти стран ЦА и Китая. В итоговом документе заседания подчеркивалось, что такой многосторонний политический диалог, нацеленный в первую очередь на получение экономической взаимовыгоды, будет проводиться «в целях продвижения взаимовыгодного сотрудничества в новых условиях и совместного противодействия глобальным вызовам в защиту общих интересов»⁷.

Между тем усиление позиций Китая в ЦА устраивает в Азии далеко не всех – Индию и Японию в первую очередь.

ЦА как объект возрастающей активности Индии

Это крупное азиатское государство утратило в начале 1990-х гг. связи с бывшими советскими республиками ЦА – как по причине переживаемых Индией собственных сложных экономических проблем, так и из-за геополитических ограничений, связанных, в числе прочего, с враждебными действиями Пакистана и афганской нестабильностью⁸. Однако по мере превращения в 2000-е гг. в государство, осуществляющее внешнюю политику на основе растущего экономического и военно-политического потенциала, влияние Индии на происходящие в ЦА процессы заметно возросло.

Хотя ряд инициатив Индии в ЦА и можно рассматривать в контексте ее противодействия китайскому влиянию, в целом при проведении своей центральноазиатской политики Индия исходит в первую очередь из соб-

7 Совместное заявление встречи министров иностранных дел «Центральная Азия – Китай» в формате видеоконференции (2020) // Посольство Китайской Народной Республики в Туркменистане. 17 июля 2020 // <http://tm.china-embassy.org/rus/sbwl/t1799089.htm>, дата обращения 29.11.2020.

8 Martand Jha (2016) India's Connect Central Asia Policy. A Look Back at India-Central Asia Relations in the Post-Soviet Era // The Diplomat, December 2, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/12/indias-connect-central-asia-policy-2>, дата обращения 17.11.2020.

ственных интересов. Есть и немало факторов, благоприятствующих упрочению индийских позиций в этом регионе. Во-первых, это сбалансированная внешняя политика Индии, которая поддерживает хорошие отношения и с США, и с Россией. Во-вторых, Индия воспринимается в ЦА как страна, способная создать определенный контрбаланс усиливающемуся влиянию в регионе Китая, – обстоятельство, вызывающее настороженность у части властных элит региона. В-третьих, Индия, благодаря своему выгодному географическому положению, может открыть центральноазиатским государствам, запертым внутри континента, выход к морям. И, наконец, в-четвертых, культурно и исторически Индия близка народам ЦА [Stopdan 2020, pp. 166–178] не меньше (а по каким-то параметрам даже и больше), нежели Китай.

Центрально-Азиатский регион включен в параметры индийской стратегии «расширенного партнерства» (*Extended Neighborhood*), а обнародованная в 2012 г. программа «Связь с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*) предполагает «проактивное участие» Индии в делах региона – «в политической, экономической сфере, в области общественных обменов и связей как индивидуально с каждой страной региона, так и коллективно» [Байдаров 2019, с. 233]. Программа предусматривает политическое сотрудничество, экономическую кооперацию, стратегическое взаимодействие, налаживание региональных связей, внедрение информационных технологий (ИТ),

помощь в развитии образования, контакты между людьми, сотрудничество в сфере медицины⁹.

Высокого уровня взаимодействия Индия достигла в отношениях с Казахстаном. Его транспортный потенциал используется индийской стороной для развития Международного транспортного коридора «Север – Юг», а имеющиеся в Казахстане немалые запасы энергоносителей открывают перед индийскими компаниями заманчивые перспективы в области разведки и разработки нефтегазовых месторождений. Особый интерес Индия проявляет к поставкам урана из Казахстана – обладателя почти 15% мировых запасов урана и одного из лидеров по урановому производству. Вслед за подписанным 24 января 2009 г. в Нью-Дели Национальной атомной компанией «Казатомпром» и департаментом атомной энергии Индии Меморандумом о взаимопонимании, закрепленным в апреле 2011 г. в Астане (ныне Нур-Султан) Соглашением о сотрудничестве в сфере мирного использования атомной энергии, сторонами в 2015 г. был заключен контракт на поставку в Индию в 2015–2019 гг. 5 тыс. тонн урана¹⁰. Ведутся активные переговоры о возобновлении в 2021 г. новых договоренностей.

Тесное экономическое сотрудничество налажено и с Узбекистаном. С ним 18 января 2019 г., во время посещения президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым международного форума «Динамичный Гуджарат» в индийском городе Гандинагар (штат Гуджарат), было заключено соглашение о долгосрочных поставках урана в Индию¹¹.

9 Connect Central Asia Policy (2019) // Drishti, July 26, 2019 // <https://www.drishtiiias.com/to-the-points/Paper2/connect-central-asia-policy>, дата обращения 17.11.2020.

10 Казахстан поставит в Индию 5 тыс. тонн урана (2015) // NewTimes.kz, 8 июля 2015 // <https://newtimes.kz/ekonomika/16908-kazakhstan-postavit-v-indiyu-5-tys-tonn-urana>, дата обращения 05.01.2021.

11 Узбекистан и Индия подписали соглашение о долгосрочных поставках урана (2019) // Подробно.uz, 18 января 2019 // <https://www.podrobno.uz/cat/economic/uzbekistan-i-indiya-podpisali-s>, дата обращения 05.01.2021.

В Узбекистане действуют 145 предприятий с долевым участием индийского капитала; между Андижанской областью Узбекистана и индийским штатом Гуджарат, а также между Самаркандом и Агрой подписан Меморандум о взаимопонимании [Mustajova 2019, p. 33]. Кроме того, в Андижане учреждена Свободная фармацевтическая зона «Андижон-фарм», рассчитанная на привлечение индийских инвестиций и передовых технологий¹². Особое внимание в двустороннем индийско-узбекистанском сотрудничестве уделено культурно-гуманитарным вопросам.

О приоритетном значении, придаваемом Узбекистаном Индии, свидетельствуют два официальных визита президента Ш. Мирзиёева в Индию, участие министра иностранных дел Узбекистана Абдулазиза Камилова в состоявшейся 14–15 января 2020 г. представительной международной конференции по геополитике и геоэкономике «Диалог Райсина»¹³ [Marjani 2020].

В рамках углубления стратегического взаимодействия между Индией и Центральной Азией в ноябре 2019 г. Индия и Узбекистан провели первые в истории совместные военные учения в Узбекистане. В том же месяце Индия и Узбекистан заключили соглашение о сотрудничестве в области безопасности и подписали пакт о взаимодействии в борьбе с терроризмом [Marjani 2020].

Рубежным в плане активизации политики в ЦА стал для Индии 2015 г.: тогда в ходе своего регионального турне премьер-министр Нарендра Модии посетил все пять республик ЦА. С 12 по 13 января 2019 г. в узбекистанском Са-

марканде прошла первая встреча министров иностранных дел стран ЦА и Афганистана в формате диалога «Индия – Центральная Азия». 28 октября 2020 г. состоялось второе заседание глав внешнеполитических ведомств в формате видеоконференции. Эти встречи нацелены на изыскание путей расширения сотрудничества между Индией и Центральной Азией, а также на выработку мер, ведущих к нормализации ситуации в Афганистане. В целом на Индию в ЦА все чаще смотрят не только как на выгодного экономического партнера и потенциального инвестора, но и как на становящийся все более влиятельным «центр силы» в регионе.

«Скромное обаяние» Японии в ЦА

В сравнении с Китаем и Индией роль в странах ЦА такого крупного и развитого азиатского государства, как Япония, внешне не столь заметна. Являясь геополитической союзницей Индии, Япония сблизилась с ней на фоне возвышающегося Китая. Его активность в ЦА стала для Японии стимулом, побудившим ее усилить в регионе свое присутствие.

Но, разумеется, не только китайским фактором обусловлен растущий интерес Японии к ЦА. Зависящая в основном от энергоресурсов, поставляемых с Ближнего Востока, Япония в своем стремлении диверсифицировать маршруты доставки нефти и газа особое внимание уделяет центральноазиатскому направлению своей политики, стремится получить доступ к нефтегазовым, урановым и прочим богатствам ЦА.

12 В Андижанской области создается свободная экономическая зона (2019) // NUZ.uz. 16 января 2020 // <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/38051-v-andizhanskoj-oblasti-sozdaetsya-svobodnaya-ekonomicheskaya-zona-dlya-privlecheniya-investitsiy-i-farmaceuticheskikh-tehnologiy-iz-indii.html>, дата обращения 04.12.2020.

13 Райсина Hill – район Нью-Дели, где находятся правительственные учреждения.

Неудивительно, что разработанная в Японии в 1997 г. программа под названием «Дипломатия Великого Шелкового пути» ставила задачи получения альтернативных ближневосточным источникам энергоснабжения промышленности Японии (см. подробнее: [Мурашкин 2012]). В последующие годы Япония была поставлена перед необходимостью участия в торговых и инвестиционных проектах в ЦА, чтобы не проиграть конкуренцию более активным соседям, прежде всего Китаю и Южной Корее. В Токио рассматривался даже вариант присоединения к ШОС. Однако от этой идеи отказались, поскольку посчитали, что Япония при доминировании в ШОС Китая не сможет здесь эффективно противостоять ему [Парамонов, Пузанова 2018, с. 50].

Примечательно, что Япония первой (с 2004 г.) стала проводить ежегодные встречи с представителями пяти центральноазиатских государств, назвав их Инициативой «Центральная Азия + Япония». Цель ее состояла в усилении политического и экономического влияния Японии в ЦА, с тем чтобы занять лидирующие позиции в разработке энергоресурсов и в торговых отношениях. В октябре 2015 г. японский премьер-министр Синдзо Абэ, совершивший визит в Монголию и пять стран ЦА, попытался активизировать Инициативу, сделав основной упор на установлении сотрудничества с ЦА в транспортной и логистической сферах. Таким способом Япония попыталась создать противовес китайскому ОПОП. Финансирование японским правительством в ЦА некоторых инфраструктурных проектов осуществляется через Азиатский банк развития и Японское агентство международного сотрудничества [Парамонов, Пузанова 2018, с. 46].

Деятельность Японии по оказанию помощи развитию странам ЦА во многом перекликается с задачами в сфере

обеспечения безопасности, хотя имеет свою специфику – несет отчетливую антикитайскую направленность. В то же время, будучи одним из ведущих экономических доноров региона, Япония завоевала в ЦА довольно высокий авторитет, обретая здесь также позитивный имидж миролюбивой и дружественной страны, не выдвигающей на передний план намерений навязывать собственное видение международных проблем. Трудно не заметить при этом, что подходы к ЦА Японии и других крупных азиатских государств во многом определяются спецификой их собственных межгосударственных отношений, а также их партнерскими и союзническими связями в глобальном мире.

ЦА в контексте складывания в Азии полицентричного мира

Важное место в подверженных постоянным изменениям международных отношениях в Азии несомненно занимает такая влиятельная многосторонняя организация, как ШОС. Она стимулирует региональное экономическое сотрудничество и способствует осуществлению взаимосвязи между многими интеграционными объединениями, наиболее значимым среди которых является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Облегчает ШОС и внедрение в азиатскую повестку дня целого ряда важных транспортных и торгово-экономических инициатив: ОПОП, китайско-пакистанского экономического коридора, российско-индийско-иранского проекта «Международный транспортный коридор «Север – Юг» и др.

На состоявшемся в столице Казахстана 9 июня 2017 г. расширенном заседании Совета глав государств – членов ШОС было официально утверждено членство в организации Индии и Паки-

стана. Данный шаг, позволивший увеличить политико-географическое пространство ШОС, ознаменовал вступление организации в новый этап развития. Но это привело также и к тому, что в своей деятельности ШОС стала частично пересекаться с другими международными организациями, действующими в регионе.

Это и Содружество Независимых Государств (СНГ), членами которого являются многие участвующие в ШОС страны. Это и включающая в себя Россию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая широко вовлечена в Азии в борьбу с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и оружия. Это и Евразийский экономический союз, в который, помимо Армении и Белоруссии, входят также Россия, Казахстан и Киргизия; Союз нацелен на достижение свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также на реализацию скоординированной экономической политики. То есть многие задачи, которые ставит перед собой ШОС, решаются на уровне других международных объединений, что зачастую приводит к дублированию их деятельности.

Расширение ШОС за счет новых членов, отношения между которыми изначально были непростыми, ставит перед организацией новые вызовы: они могут быть вызваны перманентными межгосударственными кризисами как в Афганистане, так и в Южной Азии. Там периодически обостряются индо-пакистанские трения по кашмирской проблеме, в рамках которой Индия обвиняет Пакистан в поддержке местных сепаратистов; не утихает противо-

стояние Индии с Пакистаном в Афганистане, где Индия стремится воспрепятствовать приходу к власти в Кабуле пропакистанских сил, а официальный Исламабад ставит своей целью предотвратить потенциальную угрозу его «стратегического окружения» Индией и Афганистаном. Дипломат и эксперт по внешней политике Индии Пхунчок Стобдан (*Phunchok Stobdan*) полагает, что в основе противостояния Индии с Пакистаном лежат «соображения безопасности, связанные в особенности с афганской ситуацией и возникновением Талибана <...> с подъемом и распространением исламского фундаментализма, а также со страхами, что Пакистан может использовать региональное окружение в своих интересах для противостояния с Индией» [*Stopdan* 2020, p. 218].

Что касается отношений Индии с Китаем, то они, будучи исторически достаточно сложными, за последние несколько лет не улучшились. Одна из главных причин разногласий – неурегулированные пограничные вопросы, которые в прошлом неоднократно приводили оба государства к войнам. Кроме того, Индия не может примириться с тем, что Китай открыто поддерживает Пакистан и его антииндийские действия на международной арене.

Немаловажная причина индийско-китайских разногласий – углубившийся между этими двумя «азиатскими гигантами» экономический дисбаланс. Так, по данным Всемирного банка, ВВП Китая составил в 2018 г. 13,895 млрд долл., а Индии – только 2,653 млрд; в 2019 г. ВВП Китая равнялся 14,342 млрд долл., Индии – 2,875 млрд¹⁴. Значительно превзошел Китай Индию и по военным расходам.

14 GDP (current US\$) – China, India, United States. World Bank National Accounts Data (2020) // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=CN-IN-US>, дата обращения 08.11.2020.

По данным индийского исследователя С. Кальянарамана, китайские расходы на оборону, исчисляемые в 266,5 млрд долл. США, в четыре раза превышают индийские¹⁵. Конфликт интересов возникает у Китая и Индии в Южной и Центральной Азии, а также в Индийском океане.

Серьезным вызовом для ШОС стал пограничный конфликт на одном из участков пакистано-индийской границы – в Ладакхе. Эта историческая область, входившая в состав штата Джамму и Кашмир, решением индийского правительства от 5 августа 2019 г. была отделена от этого штата. Он, в свою очередь, был упразднен и наделен, как и Ладакх, новым статусом – «союзная территория»¹⁶. Против такого решения Индии выступил как Пакистан, так и Китай¹⁷, после чего обстановка в этом и без того неспокойном спорном регионе еще сильнее обострилась. Так, в мае-июне 2020 г. там произошли спорадические вооруженные столкновения.

Урегулировать конфликтную ситуацию постарались собравшиеся в сентябре 2020 г. на совещание в Москве главы оборонных ведомств стран – участниц СНГ, ОДКБ и ШОС. С учетом того, что в конфликте Индии с Пакистаном последний был поддержан Китаем, важное значение имели состоявшиеся в Москве на «полях» ШОС переговоры министров обороны Индии Раджнатха Сингха и КНР Вэй Фэнхэ о нормализации обстановки на китайско-индийской границе. Конфликтующие стороны не стали обра-

щаться в ШОС с просьбой о посредничестве, и потому организации не пришлось брать на себя функцию арбитра в разрешении спора между этими тремя участниками ШОС. Напомним, что за время существования ШОС нередкими были несовпадения интересов между ее отдельными членами (например, между Узбекистаном времен президентства Ислама Каримова и Таджикистаном). Так что недавние межгосударственные политические трения участников ШОС в целом не сказались на основных направлениях деятельности организации.

Поскольку противостояние с Китаем прогнозируется в Индии на достаточно долгую перспективу, республика начала искать поддержку у США, учитывая, что в период президентства Дональда Трампа США до предела обострили отношения с Китаем. Поставив на Индию как на страну, способную создать региональный противовес Китаю, США подкрепили свою тактическую игру массивированной военной поддержкой Индии.

В 2016 г. Пентагон наделил ее статусом «Основного партнера по обороне» (*Major Defense Partner, MDP*), дав понять тем самым, что вектор американской политики в Южной Азии смещается от Пакистана к Индии. С последней США подписали 27 октября 2020 г. очередное военно-стратегическое соглашение (*Basic Exchange and Cooperation Agreement for Geo-Spatial Cooperation, BECA*), меняющее в пользу Индии баланс сил в регионе, что способно привести, по мнению пакистанской

15 Kalyanaraman S. (2020) The China-India-US Triangle: Changing Balance of Power and a New Cold War // Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses, October 21, 2020 // <https://idsa.in/idsacomments/the-china-india-us-triangle-kalyanaraman-210920>, дата обращения 25.10.2020.

16 Куприянов А. (2019) Смена статуса: почему Джамму и Кашмир перестал быть штатом // Известия. 7 августа 2019 // <https://iz.ru/906977/aleksei-kupriyanov/smena-statusa-pochemu-dzhammu-i-kashmir-perestal-byt-shtatom>, дата обращения 07.08.2019.

17 Китай выступил против решения Индии об изменении статуса приграничной области Ладакх (2019) // ТАСС. 6 августа 2019 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6738197>, дата обращения 06.08.2019.

стороны, например, к росту здесь напряженности¹⁸.

Помимо поддержки своих военно-стратегических партнеров – Японии и Индии, – США занялись формированием в Азии антикитайских альянсов. Таким, в частности, стала «четверка», КВАД (*Quadrilateral Security Dialogue, QUAD*) – неформальная стратегическая структура четырех государств (Австралия, Индия, США, Япония), не желающих усилить Китай и стремящихся обеспечить безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Страны-участницы «четверки», а также те, кто разделяет новую геополитическую концепцию КВАД, предпочитают именовать регион Индо-Тихоокеанским, или же Индо-Пацификой. Этот географический термин содержит намек на единство Индийского и Тихого океанов, на общность судеб этих регионов [*Wada Haruko* 2020]. Важным в этой связи является и участие Японии в концептуальном обосновании проекта «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», обсуждавшегося японскими политиками еще в 1960-е гг. А о слиянии «двух морей» говорил в своем выступлении в индийском парламенте в 2007 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ [*Парамонов* 2020].

Что касается Индии, то она, возможно, совершила стратегический просчет, примкнув к КВАД и проигнорировав ВРЭП, в котором, кстати, представлена Япония. Индия же, вслед за США, вы-

шла в 2019 г. из переговоров по ВРЭП. По мнению известного индийского политолога М.К. Бхадракумара, это может иметь для Индии негативные последствия, поскольку «для нее надолго закроется дорога в серьезный бизнес»¹⁹.

Очевидно, что КВАД является таким же своеобразным ответом на китайскую программу «Пояс и путь», как и инфраструктурный проект «Сеть голубых точек» (*The Blue Dot Network*)²⁰: они, как полагают некоторые эксперты, нацелены на то, чтобы «создать в регионе параллельную финансово-инвестиционную реальность, противоположную той, которую создает Пекин»²¹. Примечательно, что к этим проектам интерес проявляют и некоторые центральноазиатские страны, рассчитывающие на приток новых инвестиций²².

Тем не менее Индия получила известные преференции, благодаря новообретенному статусу привилегированного партнера США. Так, она стала второй после Израиля крупнейшей получателем американской помощи. США позволили Индии импортировать иранскую нефть, несмотря на введенные ими самими санкции против Ирана, и Индия стала второй после Китая покупательницей иранской нефти. Имеющий прямой выход к Индийскому океану иранский порт Чаббахар и связанная с ним железная дорога, отстроенная при участии индий-

18 Yousaf K. (2020) US-India Military Pact Threatens Regional Peace, Warns Pakistan // *The Tribune*, October 27, 2020 // <https://tribune.com.pk/story/2270117/us-india-military-pact-threatens-regional-peace-warns-pakistan>, дата обращения 27.10.2020.

19 Bhadrakumar M.K. (2020) India's Farewell to ASEAN as it Boards RCEP Train // *Indian Punchline*, November 14, 2020 // <https://indianpunchline.com/indias-farewell-to-asean-as-it-boards-rcep-train>, дата обращения 11.11.2020.

20 Этот проект официально был представлен на Индо-Тихоокеанском бизнес-форуме, организованном в рамках 35-го саммита АСЕАН (Таиланд, 2–4 ноября 2019 г.).

21 Гулевич В. (2019) Индо-Тихоокеанский регион: США, Япония и Австралия vs Китай // *Международная жизнь*. 10 декабря 2020 // <https://interaffairs.ru/news/show/24773>, дата обращения 14.11.2020.

22 Узбекистан намерен присоединиться к американской альтернативе проекта «Один пояс – один путь» (2020) // *KUN.uz*. 8 июля 2020 // <https://kun.uz/ru/news/2020/07/08/uzbekistan-nameren-prisoyedinitiya-k-amerikanskoj-alternative-proyektka-odin-poyas-odin-put>, дата обращения 14.11.2020.

ских специалистов, были выведены в ноябре 2018 г. из-под односторонних американских санкций. Это, возможно, было обусловлено намерением администрации США создать противовес китайскому присутствию в пакистанском порту Гвадар, не препятствовать поставкам в Афганистан несанкционированных товаров и иранских нефтепродуктов, стимулировать развитие партнерских отношений между Афганистаном и Индией.

Жизнь, однако, внесла в эти планы свои коррективы: летом 2020 г. Иран исключил Индию из железнодорожного проекта Чабатар – Захедан (административный центр граничащей с Афганистаном и Пакистаном иранской провинции Систан и Белуджистан), сославшись на задержки индийского финансирования. Возможно, приостановка участия Индии в проекте была связана с американскими санкциями против Ирана. Но нельзя исключить и того, что за возникшей коллизией, как подозревают в Индии, «маячит тень Китая», взявшегося теперь за финансирование этого проекта²³.

В целом же поддержка США стала решающей для поиска альтернативного (через Иран) пути выдвигания Индии в ЦА, поскольку отказавший Индии в транзите через свою территорию Пакистан ограничил возможности для взаимодействия Индии со странами ЦА. Да и объективно интересы Индии в этом регионе совпадают по ряду параметров с американскими: обе стороны нацелены, с одной стороны, на сдерживание Китая, с другой – на обеспечение беспрепятственного притока в Афганистан энергосырья и товаров из ЦА.

Подведем некоторые итоги.

Противостояние по линии китайско-пакистанского, китайско-индийского, китайско-японского соперничества негативно сказывается на всей политической атмосфере региона, снижает порой эффективность экономических программ, продвигаемых в ЦА крупными азиатскими государствами (Китаем в первую очередь), облегчает возможность реализации проектов, инициируемых нерегиональными глобальными игроками, нацеленными на вытеснение Китая и России из центральноазиатского пространства.

Направленная на дискредитацию Китая массивная информационно-пропагандистская кампания (она пускает свои корни также на казахстанской и киргизской почве) имеет мало общего с реальными результатами взаимовыгодного сотрудничества Китая с государствами ЦА. Тем более не представляет Китай угрозы для безопасности региона, а его политика в СУАР подчинена задачам сохранения целостности государства, поддержания стабильности, предотвращения распространения экстремистских и террористических угроз.

Территориальные разногласия Китая с другими крупными азиатскими государствами относятся к сфере двусторонних межгосударственных отношений, а в ЦА все они – и Китай, и Индия, и Япония – в первую очередь заинтересованы в реализации собственных экономических и политических интересов. Этому подчинены их приоритеты и устремления в регионе.

Принимая во внимание тот объективный факт, что страны ЦА и крупные

23 Suhasini Haidar (2020) Iran Drops India from Chabahar Rail Project, Cites Funding Delay // The Hindu, July 14, 2020 // <https://www.thehindu.com/news/national/iran-drops-india-from-chabahar-rail-project-cites-funding-delay/article32072428.ece>, дата обращения 29.12.2020.

региональные экономические державы Азии базируют свои отношения на основе равноправного партнерства независимых государств, можно предположить, что сотрудничество между ними в различных сферах и направлениях имеет перспективу. Помощь развитию, предоставляемая крупными азиатскими государствами, позитивно воспринимается странами Центрально-Азиатского региона, заинтересованными в диверсификации своих экономических и политических связей в рамках проводимой ими многовекторной политики.

Такая структура, как ШОС, при использовании ее инструментального потенциала способна привести международно-политический процесс в Азии к успешному результату – формированию в этом обширном регионе полицентричного и стабильного мира, построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка, содействию всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию. Этот результат отвечает в конечном итоге интересам как России, так и ее партнеров и союзников в постсоветской ЦА.

Список литературы

- Байдоров Е.У. (2019) Индия и страны Центральной Азии: на встречу друг к другу // *Alatoo Academic Studies*. № 4. С. 231–242. DOI: 10.17015/aas.2019.194.26
- Кузнецов А.В., Малышева Д.Б. (ред.) (2017) *Внутренние дисбалансы крупных развивающихся государств и специфика их взаимодействия с сопредельными странами*. М.: ИМЭМО РАН. DOI: 10.20542/978-5-9535-0507-9
- Малышева Д. (2019) *Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 101–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108
- Мурашкин Н.Ю. (2012) *Дипломатия «Великого Шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 гг.) // Япония. Ежегодник*. М.: АИРО–XXI. С. 24–50.
- Парамонов О. (2020) *Индо-Тихоокеанская доктрина Синдзо Абэ – основа будущей внешней политики Японии // Эксперт*. 11 сентября 2020 // <https://expert.ru/2020/09/11/doktrina-sindzo-abe---osnova-buduschej-vneshnej-politiki-yaponii>, дата обращения 25.09.2020.
- Парамонов О.Г., Пузанова О.В. (2018) *Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // Сравнительная политика*. Т. 9. № 3. С. 42–60. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60
- Симония Н.А., Торкунов А.В. (2013) *Глобализация и проблема мирового лидерства // Международная жизнь*. № 3. С. 22–35.
- Чжао Хуашэн (2020) *Биполярность, однополярность и многополярность в современном мире // Российский совет по международным делам*. 28 октября 2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolyarnost-odnopolyarnost-i-mnogopolyarnost-v-sovremennom-mire>, дата обращения 29.10.2020.
- Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement on Anti-terrorism (2016) // Ministry of National Defense. The People's Republic of China, August 4, 2016 // http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm, дата обращения 01.12.2020.
- Chen Julie Yu-Wen, Jiménez-Tovar S. (2017) *China in Central Asia: Local Perceptions from Future Elites // China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 3, no 3, pp. 429–445. DOI: 10.1142/S2377740017500178

Chinoy S.R., Panda J.P. (eds.) (2020) *Asia between Multipolarism and Multipolarity*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses // https://idsa.in/system/files/book/asia-multipolarism-multipolarity-book_1_com.pdf, дата обращения 08.06.2020.

Jardine B., Lemon E. (2020) *In Russia's Shadow: China's Rising Security Presence in Central Asia* // Kennan Cable. No 52, May // https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200519_cable%2052_v1.pdf, дата обращения 31.05.2020.

Lynch I.J. (2020) *What Are the Implications of China's Growing Security Role in Central Asia?* // *The Diplomat*, June 3, 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/what-are-the-implications-of-chinas-growing-security-role-in-central-asia>, дата обращения 03.06.2020.

Marjani N. (2020) *Uzbekistan's Significance in India's Central Asia Policy* // *The SACI Analyst*, February 27, 2020, <https://caci-analyst.org/publications/analytical-articles/item/13603-uzbekistans-significance-in-indias-central-asia-policy.html>, дата обращения 28.10.2020.

Mustapova Kh. (2019) *The Indian Strategy for Central Asia: Goals, Challenges and Prospects* // *Journal "Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research"*, no 3(5), pp. 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.3352243

Overseas Security Guardians (2020) // <https://www.zjjhgroup.com/en>, дата обращения 10.11.2020.

Stopdan P. (2020) *India and Central Asia: the Strategic Dimension*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses // <https://idsa.in/system/files/book/book-india-and-central-asia.pdf>, дата обращения 19.11.2020.

United States Strategy for Central Asia 2019–2025 (2020) // U.S. Department of State, February 5, 2020 // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>, дата обращения 08.02.2020.

Wada Haruko S. (2020) *The "Indo-Pacific" Concept. Geographical Adjustments and Their Implications* // *Rajaratnam School of International Studies*, no 326 // <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/WP326.pdf>, дата обращения 08.06.2020.

Yau N., Kley D. (2020) *The Growth, Adaptation and Limitations of Chinese Private Security Companies in Central Asia* // *The Oxus Society for Central Asian Affairs* // <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2020/10/the-growth-adaptation-and-limitations-of-chinese-private-security-companies-in-central-asia.pdf>, дата обращения 27.10.2020.

Post-Soviet Space

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019–2020)

Dina B. MALYSHEVA

DSc in Politics, Head of Sector Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: dsheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8625-6132

CITATION: Malysheva D.B. (2021) Post-Soviet Central Asia in the Focus of Interests of Major Asian States (2019 – 2020). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 82–99 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5

Received: 07.12.2020.

ABSTRACT. *The study aims at identifying some areas of international political interaction between post-Soviet Central Asian states and the major economic powers of Asia – China, India and Japan. The task is to determine their interests in the Central Asian region with an emphasis on the political component. The current state of political cooperation between China, India, Japan and the countries of Central Asia is considered. Their joint efforts to solve the problems and threats facing the sustainable development of the region are characterized, while overcoming those problems occurs within the framework of the formation of both bilateral and multilateral relations. The dynamics of political and military interaction between China and its Central Asian partners is revealed. It is shown that the regional security sphere is directly linked by China with the problem of protecting its own economic interests in the countries undergoing its Belt and Road program, aimed at changing the economic landscape not only in Central Asia, but through-*

out Asia. India and Japan, whose positions have come closer against the background of rising China, has defined their own strategies for Central Asia. Politics of major Asian powers in post-Soviet Central Asia are analyzed through the prism of the emergence of a polycentric world in Asia. Its distinctive features are: the emergence of new regional “centers of power”; their confrontation along the line of Sino-Pakistani, Sino-Indian rivalries; involvement of external players (the U.S.) in regional processes. In this regard, attention is drawn to the activities of such a multilateral international structure as the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as well as to the development of alternative infrastructure projects and concepts – QUAD, Indo-Pacific, Blue Dot Network. The results of the study are formulated in the following conclusion: the countries of Central Asia and the major regional economic powers in Asia base their relations on the foundation of mutually beneficial interests and equal partnership of independent states.

KEYWORDS: *Central Asia, China, India, Japan, major Asian states, polycentric world, multi-vector foreign policy, stability, “One Belt, One Road”, the Shanghai Cooperation Organization*

References

- Afghanistan, China, Pakistan, Tajikistan Issue Joint Statement on Anti-terrorism (2016). *Ministry of National Defense. The People's Republic of China*, August 4, 2016. Available at: http://eng.mod.gov.cn/DefenseNews/2016-08/04/content_4707451.htm, accessed 01.12.2020.
- Baidarov E.U. (2019) India and Central Asian Countries: Towards Each Other. *Alatoo Academic Studies*, no 4, pp. 231–242 (in Russian). DOI: 10.17015/aas.2019.194.26
- Chzhao Khuashehn (2020) Bipolarity, Unipolarity and Multipolarity in the Modern World. *Russian International Affairs Council*, October 28, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/bipolarnost-odnopolynarnost-i-mnogopolynarnost-v-sovremennom-mire>, accessed 29.10.2020 (in Russian).
- Chen Julie Yu-Wen, Jiménez-Tovar S. (2017) China in Central Asia: Local Perceptions from Future Elites. *China Quarterly of International Strategic Studies*, vol. 3, no 3, pp. 429–445. DOI: 10.1142/S2377740017500178
- Chinoy S.R., Panda J.P. (eds.) (2020) *Asia between Multipolarism and Multipolarity*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. Available at: https://idsa.in/system/files/book/asia-multipolarism-multipolarity-book_1_com.pdf, accessed 08.06.2020.
- Jardine B., Lemon E. (2020) In Russia's Shadow: China's Rising Security Presence in Central Asia. *Kennan Cable*. No 52, May. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/uploads/documents/KI_200519_cable%2052_v1.pdf, accessed 31.05.2020.
- Kuznetsov A.V., Malysheva D.B. (eds.) (2017) *The Major Developing States' Imbalances and the Specificity of their Interaction with the Neighboring Countries*, Moscow: IMEMO (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0507-9
- Lynch I.J. (2020) What Are the Implications of China's Growing Security Role in Central Asia? *The Diplomat*, June 3, 2020. Available at: <https://thediplomat.com/2020/06/what-are-the-implications-of-chinas-growing-security-role-in-central-asia>, accessed 03.06.2020.
- Malysheva D. (2019) Post-Soviet States of Central Asia in China's Policies. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 5, pp. 101–108 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108
- Marjani N. (2020) Uzbekistan's Significance in India's Central Asia Policy. *The CACI Analyst*, February 27, 2020, <https://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13603-uzbekistans-significance-in-indias-central-asia-policy.html>, accessed 28.10.2020.
- Murashkin N.Yu. (2012) Diplomacy of the “Great Silk Road” in Central Asia through the Prism of Japanese Perceptions of Security (1992–2009). *Japan. Yearbook*, Moscow: AIRO–XXI, pp. 24–50 (in Russian).
- Mustapova Kh. (2019) The Indian Strategy for Central Asia: Goals, Challenges and Prospects. *Journal “Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research”*, no 3(5), pp. 30–37. DOI: 10.5281/zenodo.3352243
- Overseas Security Guardians* (2020). Available at: <https://www.zjjhgroup.com/en>, accessed 10.11.2020.
- Paramonov O.G. (2020) Shinzo Abe's Indo-Pacific Doctrine is the Basis of Japan's Future Foreign Policy. *Expert*, September 11, 2020. Available at: <https://expert.ru/2020/09/11/doktrina-sindzo-abe--osnova-budushej-vneshnej-politiki-yaponii>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Paramonov O.G., Puzanova O.V. (2018) Tokyo's Eurasian Diplomacy: Successes and Failures (1997–2017). *Comparative Politics*, vol. 9, no 3, pp. 42–60 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-42-60

Simoniya N.A., Torkunov A.V. (2013) Globalization and the Problems of World Leadership. *International Affairs*, no 3, pp. 22–35 (in Russian).

Stopdan P. (2020) *India and Central Asia: the Strategic Dimension*, New Delhi: Manohar Parrikar Institute for Defence Studies and Analyses. Available at: <https://idsa.in/system/files/book/book-india-and-central-asia.pdf>, accessed 19.11.2020.

United States Strategy for Central Asia 2019–2025 (2020). *U.S. Department of State*, February 5, 2020. Available at: <https://www.state.gov/wp-con->

[tent/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf](https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf), accessed 08.02.2020.

Wada Haruko S. (2020) The “Indo-Pacific” Concept. Geographical Adjustments and Their Implications. *Rajaratnam School of International Studies*, no 326. Available at: <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2020/03/WP326.pdf>, accessed 08.06.2020.

Yau N., Kley D. (2020) The Growth, Adaptation and Limitations of Chinese Private Security Companies in Central Asia. *The Oxus Society for Central Asian Affairs*. Available at: <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2020/10/the-growth-adaptation-and-limitations-of-chinese-private-security-companies-in-central-asia.pdf>, accessed 27.10.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-6

Оценка факторов и индикаторов, влияющих на циклическое развитие экономики Азербайджана

Эсмira Мирмамед гызы АХМЕДОВА

аспирант, преподаватель кафедры «Экономика» Русской экономической школы Азербайджанский государственный экономический университет, AZ 1001, ул. Инстиглалият, д. 6, Баку, Азербайджанская Республика
E-mail: fbc.baku@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2419-2353

ЦИТИРОВАНИЕ: Ахмедова Э.М. (2021) Оценка факторов и индикаторов, влияющих на циклическое развитие экономики Азербайджана // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 100–121. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-6

Статья поступила в редакцию 20.08.2020.

АННОТАЦИЯ. Представлен анализ факторов развития экономики, их влияние на формирование и проявление экономической циклическости. Целью данного исследования является выявление значимых индикаторов циклического развития экономики Азербайджана с целью прогнозирования и регулирования фаз наступления экономического цикла. Автором были рассмотрены и проанализированы 20 различных экономических индикаторов, основываясь на ежегодных публикациях Государственного статистического комитета с 1998 по 2018 г. включительно. Кроме этого, были рассмотрены связь и влияние процентных ставок и циклического развития экономики Азербайджана. Методологической основой проведенной работы являются фундаментальные труды зарубежных ученых, а также исследования экспертов МВФ и Национального бюро экономических исследований (НБЭИ) США. Научными методами исследования выступают индикаторный подход и дополняю-

щие его качественный анализ и корреляционно-регрессионный анализ изучаемых индикаторов. В результате исследования были идентифицированы ациклические, контрциклические и проциклические индикаторы, выявлены особенности влияния этих индикаторов на циклическое развитие в современных условиях, а также определена их значимость. В частности, доказано, что возможность прогнозирования с помощью индикаторов различных фаз экономического цикла способствует моделированию факторов, непосредственно определенных экономической активностью. Результаты исследования могут быть применены как для мониторинга развития экономики Азербайджана, так и для прогнозирования наступления соответствующих фаз экономического цикла с целью адаптации и уменьшения негативного влияния кризисов на микро- и макроуровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая активность, индикаторы, факторы,

экономический цикл, моделирование, качественный анализ, корреляционный анализ, внутренний валовой продукт

В современном мире экономические циклы определяют развитие любой отдельно взятой экономики страны или мира в целом. Воздействие цикличности на экономическую систему невозможно полностью устранить. Тем не менее можно ими управлять, ограничить их влияние. Насколько хорошо экономика функционирует сегодня и насколько хорошо она будет работать в будущем, могут продемонстрировать экономические факторы, показатели, или (как их еще называют) индикаторы [Vame 2019]. Таким образом, целью исследования является поиск индикаторов, присущих конкретно экономике Азербайджана, способных прогнозировать и регулировать фазы наступления экономического цикла. В связи с этим в данной статье был применен подход, который называется индикаторным. Особенностью данного подхода является формирование групп циклических индикаторов, основной задачей которых является установление связи их поведения и соответствующего цикла [Moor 1983].

Актуальность изучения системы индикаторов заключается в том, что она позволяет с определенной степенью надежности заранее выявить и спрогнозировать негативные тенденции в экономике, следовательно, принять соответствующие меры по их устранению.

Как известно, в современном мире одним из определяющих факторов становится нестабильность. В целом наша цивилизация находится в состоянии перманентных потрясений [Садовничий и др. 2012]. Увеличивается число экономических циклов. Слово «кризис» вошло в привычную жизнь

не только экономистов, но и специалистов в данной области. Азербайджан, как и многие другие страны, имеет многочисленные пакеты наработанных и применяемых антициклических мер, где главным инструментом выступают экономические показатели и индикаторы.

Экономические показатели как маркеры, описывающие деловую активность и поведение экономической системы

В исследовании, проведенном Б. Эйхенгрин, сделана попытка ответить как минимум на два вопроса: может ли динамика определенных экономических индикаторов заблаговременно предсказать кризисы, к примеру, кризисы обменных курсов, а также проанализировать, насколько сильно отличается поведение различных экономических показателей в каждой фазе экономического цикла.

Американские ученые-экономисты [Frankel, Rose 1996] для выявления индикаторов предвестников валютного кризиса применяли графический анализ. С этой целью были использованы данные и экономические показатели 100 стран за период с 1971 по 1992 г. [Дробышевский 2007]. Экономисты США [Eichengreen, Rose 1998] при изучении банковских кризисов в развивающихся странах в качестве таких индикаторов использовали макроэкономические и финансовые показатели за 1975–1992 гг. Так, Б. Эйхенгрин и Э. Роуз проанализировали поведение девяти основных индикаторов, которые стали предвестниками 39 фаз кризиса. Подобный анализ подробно рассмотрен в работах Д. Каприо и Д. Клингебиля [Caprio, Klingebiel 1996].

Кризисы в странах Восточной Азии, Латинской Америки 1972–1997 гг. описаны в работе Р. Глика и Р. Морено [Glick, Moreno 1999], где кризисом авторы называют такую ситуацию, в которой отклонение обменного курса от среднего превышает два стандартных отклонения.

Взаимосвязи между макроэкономическими индикаторами и финансовыми показателями на примере ряда валютных кризисов в развитых и развивающихся экономиках изучались Д. Азизой, Ф. Карамаци и Р. Сальгадо [Зенькова 2009]. Кризис в рассматриваемых экономиках показал себя как в обесценении национальной валюты, так и в резком уменьшении объема золотовалютных резервов.

Выявлением ведущих индикаторов идентификации валютных кризисов занимались и эксперты МВФ [Aziz, Caratazza, Salgado 2000]. Так, в работе приведен анализ кризисов 50 развитых и развивающихся стран (1975–1997 гг.). Доклад МВФ (2019 г.) по вопросам глобальной финансовой стабильности предоставляет анализ воздействия различных макроэкономических показателей на финансовую стабильность. В частности, предоставлены данные, что риски изменения цен на недвижимость в развитых странах помогают спрогнозировать риски ухудшения роста внутреннего валового продукта (ВВП) намного лучше, чем другие, более простые показатели дисбалансов цен на жилье. Соответственно, данный показатель дополняет модели раннего предупреждения наступления финансовых кризисов [Доклад по вопросам глобальной финансовой стабильности 2019].

Несмотря на обширные исследования, в экономической литературе до сих пор нет общепризнанной теории экономического цикла. Представители разных направлений экономической мысли видят в возникновении эконо-

мических циклов разные причины. Так, В. Цветков отмечает, что «трудно в экономической теории найти проблему, при объяснении которой так часто ломались бы копья, так яростно соперничали бы различные школы». В разное время экономисты выдвигали различные теории, каждая из которых имела свое объяснение колебания деловой активности [Цветков и др. 2010]. Для определения лидирующих индикаторов, с помощью которых возможно определить фазы экономического цикла, используются в основном следующие три подхода:

1. *Качественный анализ*, т. е. графический анализ динамики экономических показателей в разные фазовые периоды цикла.
2. *Эконометрическое моделирование*, т. е. построение регрессионных моделей (например logit- или probit-моделей) для оценки взаимосвязи индикаторов с вероятностью экономического кризиса или для отражения зависимости вероятности экономического кризиса различных экономических показателей. Этот подход используют для прогнозирования наступления экономических кризисов в краткосрочном будущем.
3. *Непараметрические оценки*, которые включают построение границ изменения индикаторов экономического кризиса и разработку сводных индексов финансовой или экономической стабильности.

В современных условиях актуальность проблемы упреждения фаз экономических циклов, расчет их ожидаемой глубины и продолжительности многократно возросли. Эти задачи требуют выявления параметров исследования и поиска ответа как минимум на два из следующих вопросов:

1. Какие фазы и какого цикла можно упредить?
2. Какие показатели (индикаторы) могут быть критериями для объяснения фаз экономических циклов?
3. Есть ли что-то общее у кризисов в прошлом – что-то, чего можно постараться избежать в будущем, тем самым снизив вероятность кризиса?
4. Как далеко мы находимся сегодня от прямого повторения кризисов прошлого?

Чтобы ответить на поставленные вопросы и понять воздействие разных факторов на экономику в разные фазы экономического цикла, рассмотрим структуру этих индикаторов. Экономические показатели и индикаторы имеют следующие характеристики:

По отношению к экономическому циклу индикаторы делятся на:

- проциклические;
- контрциклические;
- ациклические.

Частота данных. Например, в одних странах показатель ВВП, уровень безработицы публикуются ежеквартально (каждые три месяца), а в других – ежемесячно. Некоторые изменения экономических показателей, таких как индекс Доу-Джонса, происходят каждую минуту.

Временные экономические показатели:

- опережающие;
- запаздывающие;
- совпадающие.

Временные экономические показатели указывают на сроки их изменения относительно того, как меняется экономика в целом.

Классификация Национального бюро экономических исследований США

и Западной Европы включает три группы факторов:

- *опережающие, или ведущие (leading)*: достигают максимума (минимума) перед достижением подъема (спада) [Snieska et al. 2019];
- *запаздывающие, или отстающие (lagging)*: достигают максимума (минимума) после достижения подъема (спада) [Хансен 1997; Макконнелл, Брю 2003; Moore 1961; Ngakosso 2018];
- *совпадающие, или соответствующие*: движутся одновременно с экономикой [Keane, Moffitt, Runkle 1988; Зенькова 2005; Moore 1950; Таболов 2007; Moffatt 2018; Османкович 2000; Смирнов 2012].

Следует отметить, что экономические показатели анализируются и публикуются многими национальными и международными организациями.

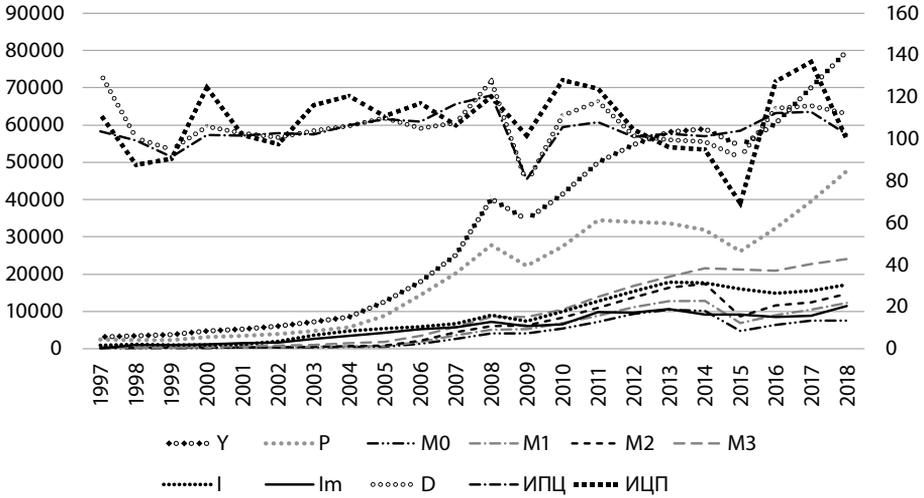
Анализ индикаторов циклического развития экономики Азербайджана

Нами рассмотрены каждая группа факторов, их поведение применительно к экономике Азербайджана, колебания значений экономических показателей в процессе экономического цикла. На первый план выходят проциклические индикаторы.

Проциклические индикаторы изменяются в том же направлении, что и экономика: если в экономике все хорошо, этот показатель обычно увеличивается; если же экономика находится в рецессии – уменьшается. Валовой внутренний продукт является примером проциклического экономического показателя.

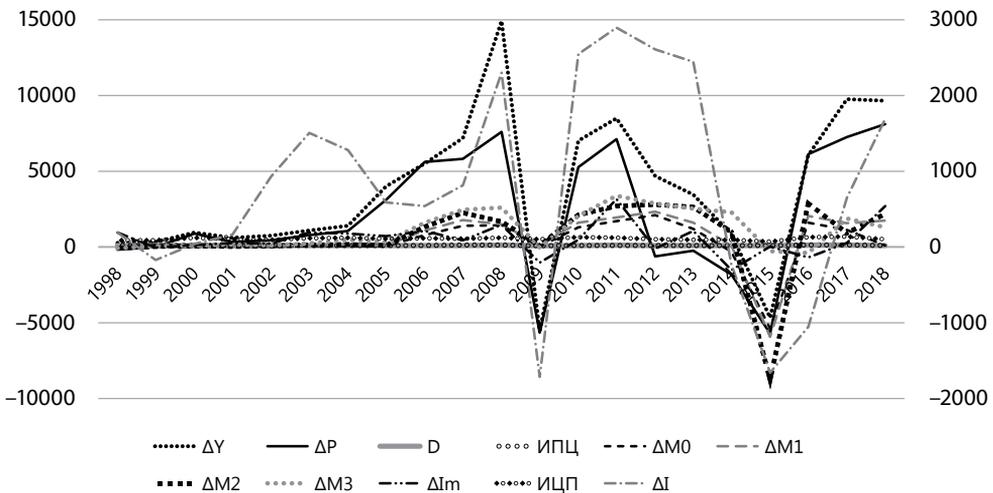
Итак, в статье представлен анализ 20 индикаторов, отражающих цикличе-

Рисунок 1. Динамика ВВП и проциклических индикаторов Азербайджана, в сопоставимых ценах*
Figure 1. Dynamics of GDP and procyclical indicators of Azerbaijan, in comparable prices

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

Рисунок 2. Динамика приращений ВВП и проциклических индикаторов Азербайджана
Figure 2. Dynamics of increments of GDP and procyclical indicators of Azerbaijan

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

*Расшифровку сокращений см. в Приложении 1 на стр. 116.

ское развитие экономики Азербайджана в период с 1998 по 2018 г. Условные обозначения показателей, используемых в исследовании для анализа различных типов индикаторов экономического цикла, представлены в Приложении 1.

Согласно рис. 1 и рис. 2, проциклические индикаторы возрастают в фазе подъема и сокращаются в фазе спада краткосрочного и среднесрочного экономических циклов. Кроме этого, объем промышленного производства, денежные агрегаты, индекс цен промышленного производства, дефлятор, индекс потребительских цен экономики Азербайджана являются не только проциклическими, но и совпадающими индикаторами, поскольку изменяются почти одновременно, соответственно изменениям экономической активности. Мы провели проверку наших предположений с помощью статистических методов корреляционного анализа и исследования лаговой составляющей во временных рядах.

Результаты парного корреляционного анализа ВВП Азербайджана и его прироста с проциклическими индикаторами показали наличие тесной положительной связи данных показателей (табл. 1.)

Факторные влияния на макроэкономику экономической системы могут проявляться не сразу. Это связано с характеристикой индикатора: опережающего, совпадающего или опаздывающего. В ходе исследования оценивается временной лаг, возникающий между вовлечением индикатора в циклическую динамику и его влиянием на выпуск и на приращение выпуска. Любые факторные влияния на макроэкономику могут не проявляться сразу, соответственно, реакция экономической системы запаздывает на определенный период. Нами разработана таблица коэффициентов линейной парной корреляции годовых приростов регрессоров с возрастанием объема ВВП, при этом условием принято положение, что роста на

Таблица 1. Корреляционный анализ ВВП (Y), приращений ВВП (ΔY) и проциклических индикаторов Азербайджана

Table 1. Correlation analysis of GDP (Y), GDP increments (ΔY) and procyclical indicators of Azerbaijan

	Y		ΔY
Y	1	ΔY	1
P	0,984219	ΔP	0,924244
D	0,066182	D	0,911737
ИПЦ / CPI	0,195413	ИПЦ / CPI	0,757383
ИЦП / IPI	0,057704	ИЦП / IPI	0,601677
M0	0,925679	ΔM0	0,631395
M1	0,962685	ΔM1	0,677171
M2	0,94908	ΔM2	0,613066
M3	0,981092	ΔM3	0,653652
I	0,968554	ΔI	0,653533
Im	0,958854	ΔIm	0,543045

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

ожиданиях (отрицательного лага) быть не может, продолжительность лага – 6 лет. Необходимо отметить, что продолжительность и время поворотных точек и периодов зависит от интенсивности воздействия фактора на экономический цикл и продолжительности реакции экономической системы на этот фактор. Это явление подтверждается статистическими методами анализа. В частности, расчет коэффициентов парной корреляции с лаговыми объясняющими переменными представлен в таблицах 1 и 2.

Средняя процентная ставка на кредиты коммерческих банков и ее влияние на циклическое развитие экономики Азербайджана

Влияние процентных ставок на реальный сектор экономики носит неоднозначный и противоречивый характер. С одной стороны, процентные ставки коммерческих банков выступают проциклическими индикаторами, с

другой – они зависят от спроса и предложения денег. В Азербайджане наблюдается тесная связь на объем выпуска средних процентных ставок по кредитам в манатах для юридических лиц на краткосрочное кредитование периодом 1–3 месяца. Наибольшее влияние оказывают ставки по среднесрочным кредитам в манатах на период 3–5 лет.

Анализ прироста выпуска связи средних процентных ставок (ВВП) на кредиты коммерческих банков в манатах не обнаружил умеренной либо сильной корреляционной связи. Незначительная корреляция имеет место лишь для процентных ставок долгосрочного кредитования (сроком свыше 10 лет).

Анализ средних процентных ставок межбанковских кредитов в манатах показал умеренную связь с выдачей краткосрочных кредитов до 30 дней и свыше 1 года. Прирост же выпуска слабо коррелирует со средними процентными ставками краткосрочных кредитов (от 90 до 180 дней).

Проследить такую закономерность в условиях экономики Азербай-

Таблица 2. Линейная парная корреляция ВВП и прирост ВВП Азербайджана с некоторыми проциклическими индикаторами и их приростом

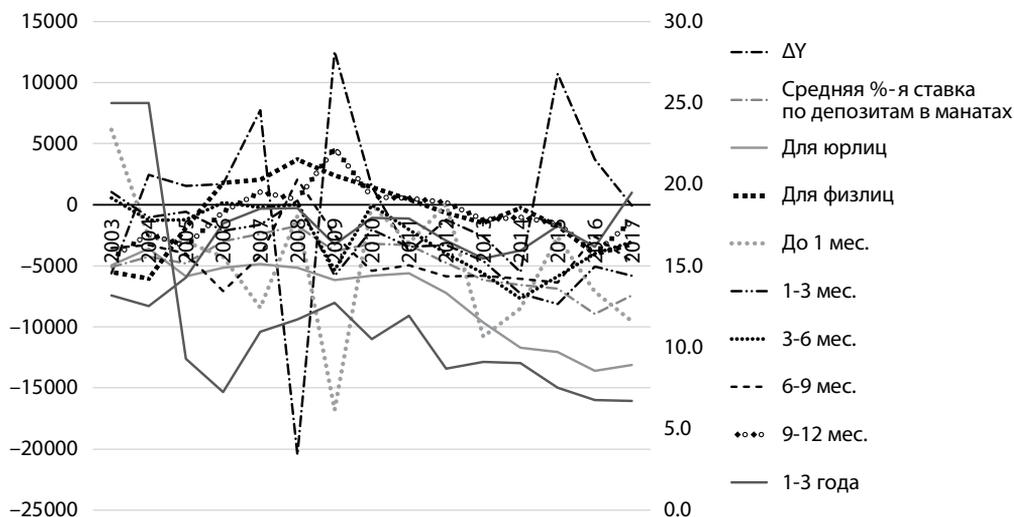
Table 2. Linear pair correlation of GDP and GDP increment in Azerbaijan economics with some procyclical indicators and their increment

Лаги (лет) / Lags (years)	Y Индикаторы / Indicators			ΔY Приращение индикаторов / Indicators' increment						
	P	I	Im	ΔP	ΔM0	ΔM1	ΔM2	ΔM3	ΔI	ΔIm
0	0,972	0,944	0,945	0,922	0,633	0,897	0,850	0,974	0,664	0,572
1	0,950	0,905	0,903	0,218	0,053	0,148	0,118	-0,094	0,263	0,054
2	0,914	0,894	0,909	-0,028	-0,338	0,035	-0,077	-0,018	0,503	0,156
3	0,896	0,910	0,925	-0,162	-0,407	0,097	0,107	-0,405	0,299	0,178
4	0,914	0,923	0,931	-0,297	-0,134	-0,871	-0,884	-0,322	0,071	0,320
5	0,909	0,925	0,948	-0,036	0,113	-0,178	0,016	0,226	0,157	0,181
6	0,888	0,927	0,9471	0,237	0,211	0,299	0,414	0,328	0,362	0,188

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

Рисунок 3. Динамика прироста ВВП Азербайджана и средних процентных ставок коммерческих банков по кредитам, манат

Figure 3. Dynamics of GDP growth in Azerbaijan and average interest rates of commercial banks on credits at AZM, Azerbaijan Manat

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

Таблица 3. Корреляционный анализ процентных ставок на кредиты коммерческих банков и ВВП Азербайджана, в манатах

Table 3. Correlation analysis of interest rates on loans of commercial banks and GDP of Azerbaijan, in manats

Индикаторы	ВВП	Приращение ВВП
Средняя процентная ставка по кредитам в манатах / Average interest rate on credits in manats	-0,54057	-0,05064241
Для юридических лиц / For legal entities	-0,80277	-0,03129482
Для физических лиц / For individuals	0,097631	-0,04088636
До 1 мес. / Up to one month	-0,43152	-0,240895
1–3 мес. / 1–3 month	-0,75864	-0,08172078
3–6 мес. / 3–6 month	-0,59601	0,227329677
6–9 мес. / 6–9 month	-0,23917	-0,27260549
9–12 мес. / 9–12 month	0,177905	0,104109589
1–3 года / 1–3 years	0,619626	0,283749426
3 года – 5 лет / 3–5 years	0,894483	0,052815324
5–10 лет / 5–10 years	-0,71516	-0,2073854
Свыше 10 лет / Over 10 years	-0,55856	-0,39758964

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

джана – достаточно сложная задача. Во-первых, это связано с низкой долей уровня монетизации экономики сравнительно с развитыми странами. Во-вторых, – с недостаточностью данных о целевом назначении кредитных денег, учитывая тот факт, что на начало 2019 г. 41,2% кредитов, выданных банковской системой Азербайджана, были предназначены для физических лиц. В январе 2019 г. этот показатель находился на уровне 5 306,3 млн манат. Сравнительный анализ показывает, что в 2005 г. этот маркер составлял 27% и 389,2 млн манат соответственно. Таким образом, кредитование физических лиц за 14 лет выросло в 13,6 раза. Данные показывают, что в условиях кредитования такой доли домашних хозяйств коммерческими банками структурные преобразования реальной экономики не происходят под влиянием эффективной процентной политики.

Контрциклические экономические индикаторы – это индикаторы, которые меняются в направлении, противоположном экономике. Например, уровень безработицы увеличивается по мере ухудшения состояния экономики. Как правило, контрцикли-

ческие индикаторы слабо коррелируются.

Анализ динамики индикатора скорости оборота денежных средств (v) показывает интересные данные. Так, согласно учебнику Г. Мэнкью [Мэнкью 2009], данный показатель сохраняет относительную стабильность во времени. Это касается, скорее, развитых экономик. В транзитивных экономиках требуется корректировка. За 20 лет в экономике Азербайджана скорость оборота денежных средств несколько раз меняла тенденцию и в результате увеличилась в 2 раза. Если в 1997 г. этот показатель составлял 10,2, то на начало 2019 г. – уже 5,4. Максимальное значение скорости оборота наблюдалось в 2001 г., минимальное – в 2014 г., когда v равнялась 3,4. Для Великобритании скорость оборота денежных средств составляет приблизительно 1,0, для США – 1,8, Германии – 1,6, Японии – 0,9. Высокое значение v соответствует низкому значению коэффициента монетизации. Следует отметить, что положительная динамика показателя v наметилась после 2009 г. Это свидетельствует об усложнении, а соответственно, и развитии экономики Азербайджана (третий этап разви-

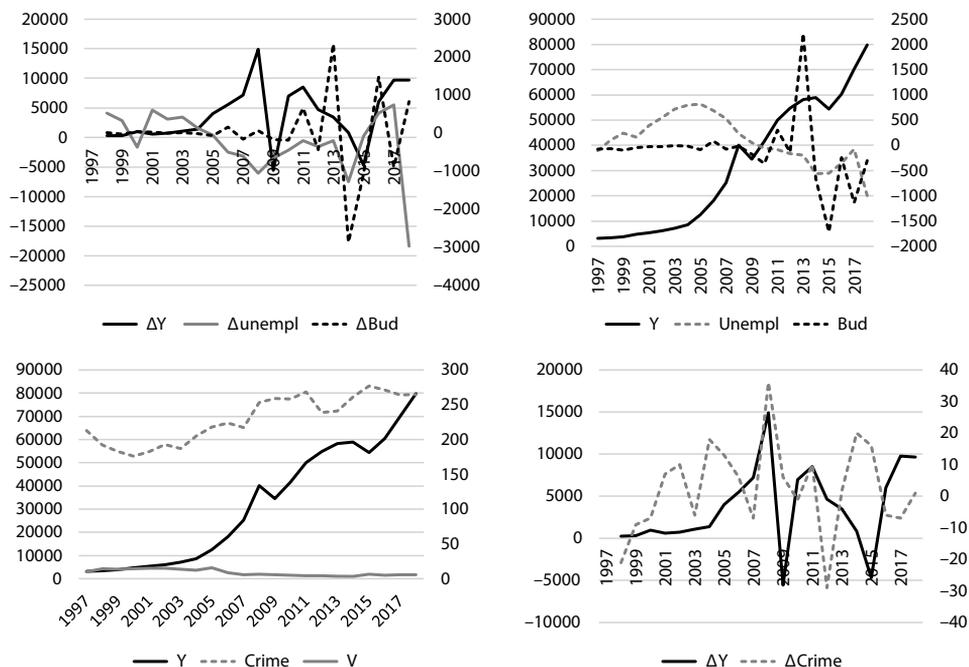
Таблица 4. Корреляционный анализ средних процентных ставок межбанковских кредитов и ВВП Азербайджана, манат

Table 4. Correlation analysis of average interest rates of interbank credits at AZM (Azerbaijan Manat) and GDP of Azerbaijan

Индикаторы	ВВП	Приращение ВВП
средняя ставка / average rate	-0,69126	0,073139
до 30 дней / up to 30 days	-0,77099	0,036301
30–90 дней / 30–90 days	-0,19892	0,216842
90–180 дней / 90–180 days	0,140203	0,48308
180–360 дней / 180–360 days	-0,54189	0,124061
свыше 1 года / over 1 year	-0,86411	0,083593

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

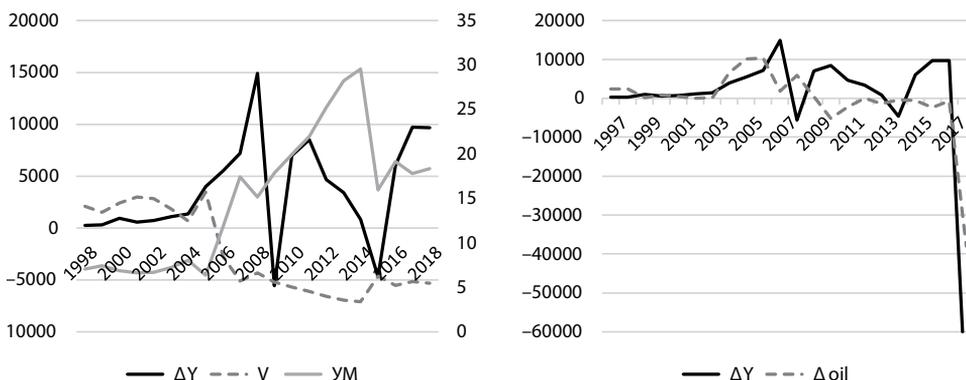
Рисунок 4. Динамика ВВП Азербайджана и контрциклических факторов
Figure 4. Dynamics of Azerbaijan GDP and countercyclical factors

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

Рисунок 5. Динамика прироста ВВП Азербайджана, скорости оборота денежных средств и уровня монетизации экономики Азербайджана, а также добычи нефти с газовым конденсатом, млн тонн

Figure 5. Azerbaijan GDP increment dynamics, money circulation rate and monetization level of the Azerbaijani economy and oil production with gas condensate, million tons

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

тия) вследствие третьего структурного сдвига. При этом наибольшее значение УМ экономики Азербайджана наблюдалось в 2014 г. и составляло 29,5%. На начало 2019 г. уровень монетизации (УМ) составлял 18,4%. Это в разы меньше, чем соответствующий показатель развитых стран.

Таким образом, коэффициент v является контрциклическим и в то же время опережающим индикатором, т. к. поворотные точки динамики скорости его оборота опережают изменения в динамике ВВП. Это подтверждается коэффициентами корреляции лаговых показателей. Коэффициенты корреляции v больше с лагом, равным 2, 3, 4, чем в текущем году. Наибольшая связь прослеживается при лаге 4 года, что соответствует периодам краткосрочного и половине среднесрочного цикла. Индикатор УМ определен как проциклический, опережающий индикатор экономики Азербайджана.

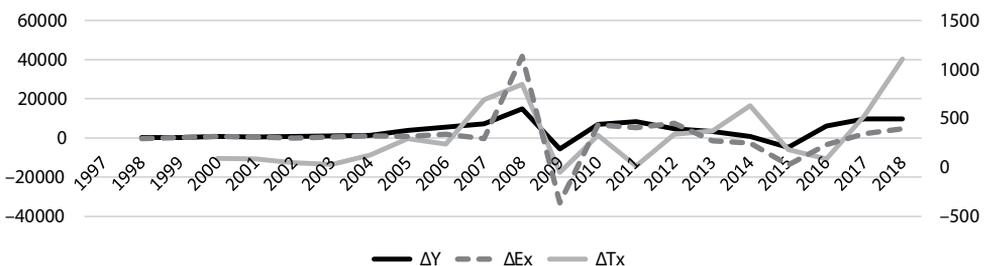
Формирование скорости денежного оборота в переходных экономиках характеризуется значительной неопределенностью, связанной с незавершенностью процесса становления экономики нового типа [Eichengreen, Rose 1998]. Вместе с тем в Азербайджане постепен-

ная диверсификация экономики станет тем фактором, который будет способствовать снижению скорости денежного оборота и увеличению степени монетизации ВВП.

Ациклические показатели – это показатели, изменение которых никак не зависит от фаз экономического цикла (величина экспорта товаров и услуг, плата за лицензирование и другие налоги) и наоборот.

Согласно экономической теории, ациклические индикаторы не коррелируют с динамикой деловой активности. Рассмотрение ациклических показателей экономики Азербайджана дает возможность проследить интересные результаты. Экспорт умеренно связан с динамикой ВВП и значительно коррелирует с приростом (Y). При этом наибольшая корреляция динамики Y прослеживается при лаге, равном 4 годам. Наибольшая связь прироста экспорта и роста Y прослеживалась в 2019 г. и определялась как достаточно сильная. Умеренная корреляционная связь прослеживается при анализе налогов, которые, теоретически, нейтральны к динамике ВВП. Подобные искажения индикаторов типичны для транзитивных экономик.

Рисунок 6. Динамика прироста ВВП и ациклических индикаторов
Figure 6. GDP growth dynamics and acyclic indicators

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

Влияние индикаторов на циклическое развитие современной экономики Азербайджана

Учитывая структуру ВВП и специфику экономики Азербайджана, которая все еще остается ресурсозависимой, можно сделать вывод о том, что прирост ВВП Азербайджана в 2019 г. определяется уровнем экспорта. Эф-

фект от экспорта является пролонгированным и держится в течение 4 лет. Налоги также тесно связаны с динамикой ВВП. Можно сделать вывод о том, что экспорт и налоги выпадают из категории ациклических индикаторов и идентифицируются как проциклические показатели [Tiarkina, Mongush, Akimova 2017]. При этом налоги являются совпадающим индикатором, а экспорт – опережающим и ведущим [Yépez 2018].

Таблица 5. Линейная парная корреляция ВВП Азербайджана и его прироста с контрциклическими индикаторами и их возрастанием

Table 5. Linear pair correlation of Azerbaijan GDP and its increase with countercyclical indicators and their increment

Лаги (лет) / Lags (years)	Y Индикаторы / Indicators				ΔY Индикаторы / Indicators			
	umpl	bud	V	Crime	Δumpl	Δbud	ΔV	ΔCrime
0	-0,931	-0,144	-0,785	0,832	-0,175	0,272	-0,080	-0,016
1	-0,857	-0,185	-0,850	0,862	0,442	0,196	-0,003	-0,529
2	-0,855	-0,162	-0,872	0,942	-0,017	-0,240	0,138	0,356
3	-0,747	-0,172	-0,857	0,961	-0,109	-0,217	0,192	0,547
4	-0,600	0,172	-0,910	0,908	-0,055	-0,105	-0,146	0,009
5	-0,344	0,432	-0,873	0,843	0,195	0,268	0,062	-0,288
6	-0,051	0,057	-0,738	0,777	0,178	0,121	0,100	0,047

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

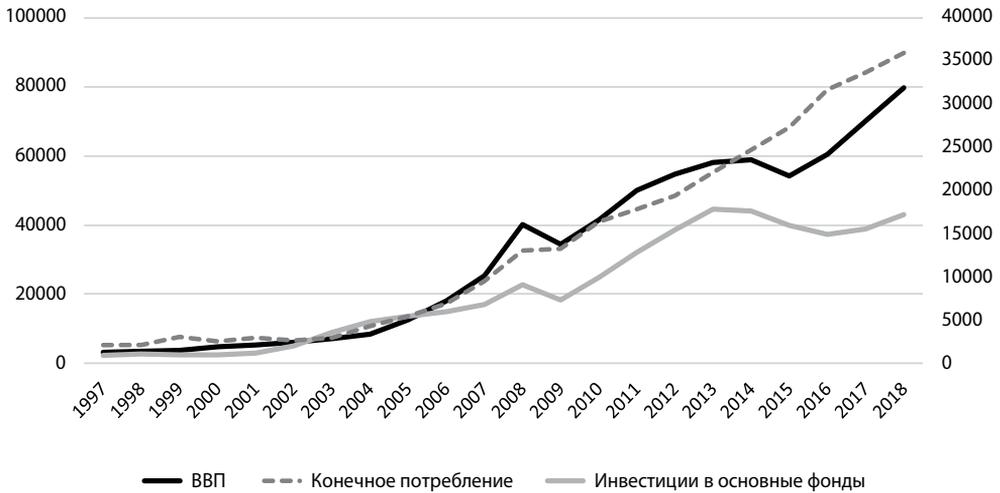
Таблица 6. Линейная парная корреляция ВВП Азербайджана и его прироста с ациклическими индикаторами и их возрастанием

Table 6. Linear pair correlation of GDP and GDP increments in Azerbaijan with acyclic indicators and their increments

Лаги (лет) / Lags (years)	Y Индикаторы / Indicators		ΔY Индикаторы / Indicators	
	Ex	Tx	ΔEx	ΔTx
0	0,567	0,971	0,852	0,561
1	0,512	0,953	-0,429	-0,342
2	0,589	0,949	-0,104	-0,360
3	0,699	0,960	-0,034	0,255
4	0,775	0,947	-0,040	0,197
5	0,764	0,913	0,045	-0,068
6	0,716	0,879	0,202	-0,058

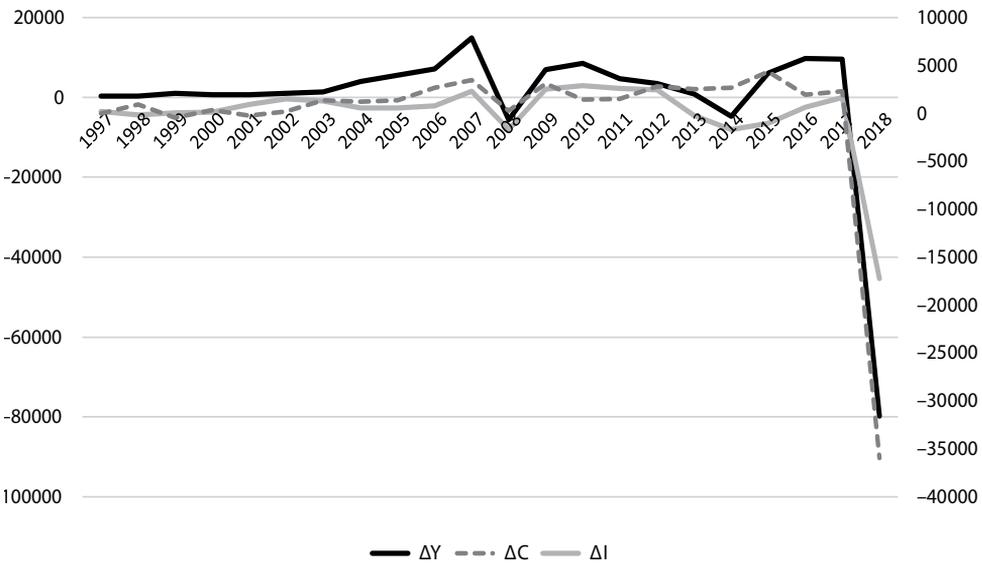
Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

Рисунок 7. Динамика внутренних факторов экономического цикла и ВВП Азербайджана
Figure 7. Dynamics of internal factors of the economic cycle and GDP of Azerbaijan

Источник / Source: [Смирнов 2012; Статистические бюллетени Государственного Комитета].

Рисунок 8. Динамика прироста внутренних факторов экономических циклов
Figure 8. The increase dynamics of internal economic cycles' factors

Источник / Source: [Статистические бюллетени Государственного Комитета; Статистические бюллетени Центрального Банка].

Таблица 7. Линейная парная корреляция ВВП Азербайджана и его прироста с внутренними индикаторами и их приращениями
Table 7. Linear pair correlation of the Azerbaijan GDP and its growing with internal indicators and their increment

	ΔY	ΔC	ΔI
ΔY	1		
ΔC	0,975591	1	
ΔI	0,968509	0,941347	1
	Y	C	I
Y	1		
C	0,97544	1	
I	0,968554	0,935094	1

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

Таблица 8. Результаты анализа влияния индикаторов экономического развития
Table 8. The analysis results of the economic indicators impact

Контрциклические / Countercyclical	Ациклические / Acylic	Проциклические / Procyclic
<p>V Oil Crime Unempl Процентные ставки по кредитам для юридических лиц сроком от 1 до 3 месяцев, от 5 до 10 лет / Interest rates on credits for legal entities for a period of 1 to 3 months, of 5 to 10 years</p>	<p>ИПЦ / CPI ИЦП / IPI Процентные ставки для юридических лиц сроком более 10 лет / Interest rates for legal entities for a period of more than 10 years</p>	<p>ВВП / GDP P Денежные агрегаты / Monetary aggregates. C I Процентные ставки по кредитам для юридических лиц сроком от 3 до 5 лет / Interest rates on credits for legal entities for a period of 3 to 5 years</p>
Опережающие / Leading	Запаздывающие / Lagging	Совпадающие / Coincident
<p>Tx Ex</p>	<p>ИПЦ / CPI ИЦП / IPI M3 Vud MO Процентные ставки по кредитам для юридических лиц сроком до 1 месяца / Interest rates on credits for legal entities for a period up to one month</p>	<p>ВВП / GDP C I</p>

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

Таблица 9. Результаты анализа влияния экономических факторов (индикаторов)
Table 9. The results analysis of the economic factor (indicator) influence

Имеет влияние на циклические колебания в экономике / Impact on cyclical fluctuations in the economy	Неоднозначно влияет на циклические колебания в экономике / Affects on cyclical fluctuations in the economy ambiguously	Не влияет на циклические колебания в экономике / Not affect on cyclical fluctuations in the economy
T	P	I
ИЦП / IPI	V	IT
M0	Tx	Ex
M2	M1	Im
M3		D
УМ / MI		ИПЦ / CPI
		Crime

Источник / Source: Расчеты автора / Author's calculations.

Заключение

В исследовании выявлена система макроэкономических индикаторов, позволяющих осуществлять мониторинг экономических флуктуаций в экономике Азербайджана. Выявлены различные группы показателей, индикаторов-предвестников, которые с определенной степенью надежности позволяют заблаговременно выявить фазы расширения и сужения экономической системы, определить негативные тенденции в экономике и позволить принять меры по их устранению.

Был проведен качественный анализ, графически представлена динамика экономических индикаторов в период спада экономической активности, перед финансовым кризисом и в период расширения экономики. На основе качественного анализа были выдвинуты гипотезы, проверенные в ходе дальнейшего исследования с помощью статистических и эконометрических методов.

В результате исследования были определены следующие группы индикаторов, которые имеют разное влия-

ние на циклическое развитие экономики Азербайджана:

Индикаторы, которые имеют влияние на циклические колебания экономики. Это розничный товарооборот, индекс цен промышленного производства, денежные агрегаты M0, M2 и M3, а также уровень монетизации экономики.

Индикаторы, влияние которых на циклические колебания экономики Азербайджана не выявлено. Эти факторы, которые изменяются под влиянием циклического развития, показывают скорее эффект, последствия соответствующей фазы развития цикла. К ним относятся инвестиции в основные фонды, внешнеторговый оборот, экспорт, импорт, дефлятор, индекс потребительских цен, уровень преступности.

Факторы, которые имеют неоднозначное влияние на циклические колебания в экономике. Это объем промышленного производства, скорость денежного оборота, налоги и денежный агрегат M1.

С помощью индикаторов, которые имеют непосредственное влияние на экономическое развитие, можно про-

гнозировать наступление каждой фазы экономического цикла, что позволит моделировать факторы, зависящие от экономической активности.

Структурные изменения в экономике Азербайджана происходят, но участие монетарной политики коммерческих банков в этих процессах незначительно. Причинами являются относительно молодая банковская система, неразвитость фондового рынка и процессы переходного периода. Касательно последнего: структурные изменения в самой экономической системе происходят стремительно, и наблюдается обратное влияние – не процентной политики коммерческих банков на экономику, а наоборот, сама процентная политика подстраивается под изменения в экономике, что свойственно экономике переходного и трансформационного периода.

Доходность фондового рынка, как фактор экономического влияния, была исключена из списка индикаторов ввиду недостаточного развития фондового рынка в Азербайджане, в то время как в развитых странах этот показатель является ведущим в определении фаз экономических циклов.

Согласно проведенному корреляционному анализу макроэкономических показателей экономики Азербайджана, поворотные точки экономической динамики можно прогнозировать с достаточной высокой долей вероятности и описывать с помощью проциклических индикаторов, которые значительно коррелируют с изменениями деловой активности, коэффициент корреляции которых близится к единице.

Результаты оценки индикаторов показали, что прямого воздействия индекса цен при уменьшении денежных агрегатов, импорта и процентных ставок Центрального банка на деловую активность обнаружено не было. Выявлено, что первостепенную роль в возник-

новении экономических циклов в экономике Азербайджана играют потребительский и инвестиционный спрос. Инвестиционный спрос выступает главной движущей силой циклов, а потребительский – влияет на изменение циклических колебаний слабо. Внутренние экономические индикаторы определены как совпадающие и проциклические.

Результаты, полученные в результате исследования, могут быть использованы как для мониторинга циклического развития экономики Азербайджана, так и для адаптации инвестиционной, кредитной, монетарной политики к соответствующим фазам экономического цикла, с целью максимизации выгод и минимизации отрицательных влияний.

Список литературы

Андреев М.Ю. (2016) Опережающие сигнальные индикаторы кризиса российского финансового рынка и их связь с деловыми циклами // *Финансы и кредит*. № 25 (697) // https://elibrary.ru/download/elibrary_26338300_34059731.pdf, дата обращения 01.07.2020.

Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. (2010) *Макроэкономика*. 2-е изд. СПб.: Питер.

Доклад по вопросам глобальной финансовой стабильности (2019) // МВФ. Апрель 2019 // <https://www.imf.org/ru/Publications/GFSR/Issues/2019/03/27/Global-Financial-Stability-Report-April-2019>, дата обращения 03.07.2020.

Дробышевский С.М. (2007) *Мониторинг финансовой нестабильности в развивающихся экономиках (на примере России)*. М.: ИЭПП.

Зенькова Л.П. (2005) *Циклические колебания в экономике Беларуси: поворотные точки и некоторые индикаторы* // *Известия Гомельского государственного университета*. № 2. С. 128–137.

Приложение 1. Условные обозначения показателей, используемых в исследовании для анализа различных типов индикаторов экономического цикла

Application 1. Symbols of indicators used in the research to analyze various types of indicators of the economic cycle

Условное обозначение индикатора / Symbols of indicator	Показатели, единица измерения / Indicators, unit of measure
Y	ВВП Азербайджана, млн манат / Gross Domestic Product (GDP), million manat
ΔY	Приращение Y / Increment Y
P	Объем промышленного производства Азербайджана, млн манат / Azerbaijan industrial production, million manat
ΔP	Приращение P / Increment P
T	Розничный товарооборот, млн манат / Retail turnover, million manat
I	Инвестиции в основной капитал, млн манат / Fixed investment, million manat
Tx	Чистые налоги, млн манат / Net taxes, million manat
Ex	Экспорт, млн долл. США / Export, million US dollars
Im	Импорт, млн долл. США / Import, million US dollars
D	Дефлятор, % / Deflator, %
ИПЦ / CPI	Индекс потребительских цен, % к предыдущему году / Consumer Price Index, % to the previous year
ИЦП / IPI	Индекс цен промышленного производства, % к предыдущему году / Industrial production price index, % to the previous year
M0	Денежный агрегат M0, млн манат / M0 money supply, million manat
M1	Денежный агрегат M1, млн манат / M1 money supply, million manat
M2	Денежный агрегат M2, млн манат / M2 money supply, million manat
M3	Денежный агрегат M3, млн манат / M3 money supply, million manat
V	Скорость обращения денег, единиц / Velocity of money, units
УМ / MI	Уровень монетизации экономики, % / Monetization of the economy, %
Oil	Добыча нефти с газовым конденсатом, млн тонн / Oil condensate production, million tons
Unempl	Количество зарегистрированных безработных, чел. / Number of registered unemployed, people
Crime	Совершенные преступления на каждые 100 тыс. жителей / Crimes committed for every 100 thousand inhabitants
Bud	Профицит (+), дефицит (-) госбюджета Азербайджана, млн манат / Surplus (+), deficit (-) of the state budget of Azerbaijan, million manats
Δ	Приращение соответствующих показателей / Increment of relevant indicators
IT	Внешнеторговый оборот, млн долл. США / Foreign trade turnover, million US dollars

Зенькова Л.П. (2009) Цикличность в трансформационной экономике Беларуси: институциональный аспект. Минск: ИВЦ Минфина.

Зенькова Л.П. (2014) Лидирующие индикаторы экономических циклов в развитых странах и трансформационных экономиках: Сравнительный анализ // Проблемы управления. № 3. С. 29–37 // http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/75035/1/Zenkova_L.P._Problemy_upravleniya_2014_3.pdf, дата обращения 03.07.2020.

Макконнелл К.Р., Брю С.Л. (2003) Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: Инфра-М.

Моги Р., Швагер Д. (2017) Технический анализ. Полный курс. М.: Альпина Паблишерс.

Мэнкью Н.Г. (2009) Принципы макроэкономики. 4-е издание. СПб.: Питер.

Остапкович Г.В. (2000) О системе индикаторов цикличности экономики // Вопросы статистики. № 12. С. 15–17.

Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаяев А.В., Малков С.Ю. (2012) Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН.

Смирнов С.В. (2012) Российские циклические индикаторы и их полезность в «реальном времени»: опыт рецессии 2008–2009 гг. // Экономический журнал Высшей школы экономики. № 4. С. 479–513 // https://ej.hse.ru/data/2013/03/19/1292588157/16_04_05.pdf, дата обращения 03.07.2020.

Статистические бюллетени Государственного Комитета Статистики Азербайджанской Республики (1997–2018) // <https://www.stat.gov.az>, дата обращения 03.07.2020 (на азербайджанском).

Статистические бюллетени Центрального Банка Азербайджанской Республики (1997–2018) // <https://www.cbar.az>, дата обращения 03.07.2020 (на азербайджанском).

Таболов А.Г. (2007) Система опережающих индикаторов для Республи-

ки Беларусь // Банкаўскі веснік. № 31. С. 30–36.

Хансен Э.Х. (1997) Экономические циклы и национальный доход. Т. 2 // Классики кейнсианства: в 2 т. М.: Экономика.

Цветков В.А., Зоидов К.Х., Губин В.А., Ильин М.В., Кондраков А.В. (2010) Исследование экономических циклов в странах постсоветского пространства. М.: ЦЭМИ РАН.

Ямароне Р.Э. (2010) Основные экономические индикаторы. М.: Смарт-Бук.

Aziz J., Caramazza F., Salgado R. (2000) Currency Crises: In Search of Common Elements // IMF Working Paper, no 00/67 // <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Currency-Crises-In-Search-of-Common-Elements-3549>, дата обращения 03.07.2020.

Bame M. (2019) Fixed Price Contracts // ThoughtCo., July 3, 2019 // <https://www.thoughtco.com/fixed-price-contracts-1052242>, дата обращения 03.07.2020.

Caprio J., Klingebiel D. (1996) Bank Insolvencies: Cross-country Experience // Research Working Paper, no WPS 1620, Washington: World Bank Group.

Eichengreen B., Rose A. (1998) Staying Afloat When the Wind Shifts: External Factors and Emerging-Market Banking Crises // NBER Working Papers no 6370.

Eichengreen B., Rose A., Wyplosz C. (1995) Exchange Market Mayhem: The Antecedents and Aftermath of Speculative Attacks // Economic Policy, vol. 10, no 21, pp. 249–312.

Frankel J.A., Rose A.K. (1996) Currency Crashes in Emerging Markets: An Empirical Treatment // Journal of International Economics, vol. 41, no 3–4, pp. 351–366.

Glick R., Moreno R. (1999) Money and Credit, Competitiveness, and Currency Crises in Asia and Latin America // Centre for Pacific Basin Monetary and Economic Studies. Working Paper no PB99-01. Fed-

eral Reserve Bank of San Francisco: Economic Research Department.

Jevons H.S. (1910) *The Causes of Employments. The Sun`s Heat and Trade Activity*, London.

Keane M., Moffitt R., Runkle D. (1988) Real Wages over the Business Cycle: Estimating the Impact of Heterogeneity with Micro Data // *Journal of Political Economy*, vol. 96, no 6, pp. 1232–1266. DOI: 10.1086/261586

Moffatt M. (2018) A Beginner`s Guide to Economic Indicators // *ThoughtCo.*, February 19, 2018 // <https://www.thoughtco.com/beginners-guide-to-economic-indicators-1145901>, дата обращения 02.07.2020.

Moore G.H. (1950) *Statistical Indicators of Cyclical Revivals and Recessions*, New York: National Bureau of Economic Research.

Moore G.H. (ed.) (1961) *Studies in Business Cycles. Vol. 2 // Business Cycles Indicators: in 2 vols.*, Princeton: Princeton University Press.

Moore G.H. (1983) *Business, Cycles, Inflation, and Forecasting*, 2nd edition,

Cambridge, Mass: Ballinger Publishing Company.

Ngakosso A. (2018) Fiscal Policy and Economic Cycles in Congo // *Modern Economy*, no 9, pp. 174–189. DOI: 10.4236/me.2018.91011

Snieska V., Masteikiene R., Venckuviene V., Valodkiene G. (2013) Pro-Cyclical Regulation and its Consequences in the Credit Crisis // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 4, no 9, pp. 602–609. DOI: 10.5901/mjss.2013.v4n9p602

Tiapkina M.F., Mongush I.D., Aki-mova I.O. (2017) A Study of the Cyclicity Indicators of the Country`s Economic Development // *Problems of Economic Transition*, vol. 59, no 5, pp. 398–409. DOI: 10.1080/10611991.2017.1352342

Yépez C.A. (2018) Cyclical Wage Movements in Emerging Markets Compared to Developed Economies: A General Equilibrium Comment // *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 27, no 6, pp. 655–666. DOI: 10.1080/09638199.2017.1416661

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-6

Assessment of Factors and Indicators Influencing the Cyclical Development of the Economy of Azerbaijan

Esmira Mirmamad qizi AHMADOVA

PhD Student, Lecturer at the Department of Economics of Russian School of Economics

Azerbaijan State University of Economics, AZ 1001, Istiglaliyyat St., 6, Baku, Azerbaijan Republic

E-mail: fbc.baku@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2419-2353

CITATION: Ahmadova E.M. (2021) Assessment of Factors and Indicators Influencing the Cyclical Development of the Economy of Azerbaijan. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 100–121 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-6

Received: 20.08.2020.

ABSTRACT. We are proposing the results of economic development factors analysis, and their influence in forming and display of the economic cycles. The purpose of this article is to identify significant indicators of the cyclical development Azerbaijan economy for the capable of predicting and regulating phases of the onset of business cycle. We were checking 20 different indicators based by the annual data of the State Statistical Committee from 1998 to 2018. The relationship and influence of interest rates and the cyclical Azerbaijan economy development were examined. The methodological basis of this work became an analysis of such fundamental research data as papers IMF and the National Bureau of Economic Research (NBEI) of the United States. Scientific methods of our research were an indicator approach, complemented by a qualitative analysis and a correlation-regression analysis. The calculations were performed by the freely distributed modern software – the statistical environment R, the most dynamically developing program in its class. So acyclic, countercyclical, and pro-cyclic indicators

were identified by us. The features of the influence of these indicators on cyclic development in modern conditions were identified, their significance was determined. It was concluded that the possibility of economic cycles forecasting by the various phases indicators contributes to the modeling of economic activity. The results of the research can be applied both to monitor the development of the Azerbaijan economy and to predict the onset of the corresponding economic phases with the aim of adapting and reducing crises' negative impact at the micro and macro levels.

KEY WORDS: indicators, factors, economic cycle, economic activity, modeling, qualitative analysis, correlation analysis, GDP

References

Andreev M.Yu. (2016) Leading Signal Indicators of the Crisis of Russian Financial Market and Their Relationship with Business Cycles. *Finance and Credit*, no 25

(697). Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26338300_34059731.pdf, accessed 01.07.2020 (in Russian).

Aziz J., Caramazza F., Salgado R. (2000) Currency Crises: In Search of Common Elements. *IMF Working Paper*. no 00/67. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Currency-Crises-In-Search-of-Common-Elements-3549>, accessed 03.07.2020.

Bame M. (2019) Fixed Price Contracts. *ThoughtCo.*, July 3, 2019. Available at: <https://www.thoughtco.com/fixed-price-contracts-1052242>, accessed 03.07.2020.

Caprio J., Klingebiel D. (1996) Bank Insolvencies: Cross-country Experience. *Research Working Paper*. no WPS 1620, Washington: World Bank Group.

Drobyshevskij S.M. (2007) *Monitoring Financial Instability in Developing Economies (on the Example of Russia)*, Moscow: IJePP (in Russian).

Eichengreen B., Rose A. (1998) Staying Afloat When the Wind Shifts: External Factors and Emerging-Market Banking Crises. *NBER Working Papers* 6370.

Eichengreen B., Rose A., Wyplosz C. (1995) Exchange Market Mayhem: The Antecedents and Aftermath of Speculative Attacks. *Economic Policy*, vol. 10, no 21, pp. 249–312.

Frankel J.A., Rose A.K. (1996) Currency Crashes in Emerging Markets: An Empirical Treatment. *Journal of International Economics*, vol. 41, no 3–4, pp. 351–366.

Glick R., Moreno R. (1999) Money and Credit, Competitiveness, and Currency Crises in Asia and Latin America. *Centre for Pacific Basin Monetary and Economic Studies*. Working Paper no PB99-01. Federal Reserve Bank of San Francisco: Economic Research Department.

Global Financial Stability Report (2019). *IMF*, April 2019. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/GFSR/Issues/2019/03/27/Global-Financial-Stability-Report-April-2019>, accessed 03.07.2020 (in Russian).

Hansen E. (1997) Business Cycles and National Income. Vol. 2. *Keynesian Classics*: in 2 vols., Moscow: Ekonomika (in Russian).

Jevons H.S. (1910) *The Causes of Employments. The Sun's Heat and Trade Activity*, London.

Keane M., Moffitt R., Runkle D. (1988) Real Wages over the Business Cycle: Estimating the Impact of Heterogeneity with Micro Data. *Journal of Political Economy*, vol. 96, no 6, pp. 1232–1266. DOI: 10.1086/261586

Mankiw N.G. (2009) *Principles of Macroeconomics*, 4th edition, Saint Petersburg: Piter (in Russian).

McConnell C.R., Brue S.L. (2003) *Economics: Principles, Problems and Politics*, Moscow: Infra-M (in Russian).

Moffatt M. (2018) A Beginner's Guide to Economic Indicators. *ThoughtCo.*, February 19, 2018. Available at: <https://www.thoughtco.com/beginners-guide-to-economic-indicators-1145901>, accessed 02.07.2020.

Mogi R., Shvager D. (2017) *Technical Analysis. Full Course*, Moscow: Al'pina Publishers (in Russian).

Moore G.H. (1950) *Statistical Indicators of Cyclical Revivals and Recessions*, New York: National Bureau of Economic Research.

Moore G.H. (ed.) (1961) Studies in Business Cycles. Vol. 2. *Business Cycles Indicators*: in 2 vols., Princeton: Princeton University Press.

Moore G.H. (1983) *Business, Cycles, Inflation, and Forecasting*, 2nd edition, Cambridge, Mass: Ballinger Publishing Company.

Ngakosso A. (2018) Fiscal Policy and Economic Cycles in Congo. *Modern Economy*, no 9, pp. 174–189. DOI: 10.4236/me.2018.91011

Ostapkovich G.V. (2000) About the System of Indicators of Cyclical Economy. *Voprosy statistiki*, no 12, pp. 15–17 (in Russian).

Sadovnichij V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S.Yu. (2012) *Modeling and Forecasting of World Dynamics*, Moscow: ISPI RAN (in Russian).

Smirnov S.V. (2012) Russian Cyclical Indicators and Their Usefulness in “Real Time”: The Experience of the 2008–2009 Recession. *The HSE Economic Journal*, no 4, pp. 479–513. Available at: https://ej.hse.ru/data/2013/03/19/1292588157/16_04_05.pdf, accessed 03.07.2020 (in Russian).

Snieska V., Masteikiene R., Vencku-
vieni V., Valodkiene G. (2013) Pro-Cyclical Regulation and its Consequences in the Credit Crisis. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, vol. 4, no 9, pp. 602–609. DOI: 10.5901/mjss.2013.v4n9p602

Statistical Bulletins of the Central Bank of the Republic of Azerbaijan (1997–2018). Available at: <https://www.cbar.az>, accessed 03.07.2020 (in Azerbaijan).

Statistical Bulletins of the State Statistics Committee of the Republic of Azerbaijan (1997–2018). Available at: <https://www.stat.gov.az>, accessed 03.07.2020 (in Azerbaijan).

Tabolov A.G. (2007) System of Leading Indicators for the Republic of Belarus. *Bankavski vesnik*, no 31, pp. 30–36 (in Russian).

Tiapkina M.F., Mongush I.D., Akimova I.O. (2017) A Study of the Cyclicity Indicators of the Country’s Economic Development. *Problems of Economic Transition*, vol. 59, no 5, pp. 398–409. DOI: 10.1080/10611991.2017.1352342

Tsvetkov V.A., Zoidov K.H., Gubin V.A., Il’in M.V., Kondrakov A.V. (2010) *The Study of Economic Cycles in the Countries of the Former Soviet Union*, Moscow: CJeMI RAN (in Russian).

Vechkanov G.S., Vechkanova G.R. (2010) *Macroeconomics*, 2nd edition, Saint Petersburg: Piter (in Russian).

Yamarone R.E. (2010) *Key Economic Indicators*, Moscow: SmartBuk (in Russian).

Yépez C.A. (2018) Cyclical Wage Movements in Emerging Markets Compared to Developed Economies: A General Equilibrium Comment. *The Journal of International Trade & Economic Development*, vol. 27, no 6, pp. 655–666. DOI: 10.1080/09638199.2017.1416661

Zen’kova L.P. (2005) Cyclical Fluctuations in the Belarusian Economy: Turning Points and Some Indicators. *Francisk Gomel State University*, no 2, pp. 128–137 (in Russian).

Zen’kova L.P. (2009) *Cyclicity in the Transformational Economy of Belarus: Institutional Aspect*, Minsk: IVC Minfina (in Russian).

Zen’kova L.P. (2014) Leading Indicators of Economic Cycles in Developed Countries and Transformational Economies: Comparative Analysis. *Control Sciences*, no 3, pp. 29–37. Available at: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/75035/1/Zenkova_L.P._Problemy_upravleniya_2014_3.pdf, accessed 03.07.2020 (in Russian).

С точки зрения экономики

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-7

Оценка конкурентоспособности алмазогранительной отрасли Индии (на примере гуджаратского алмазогранительного кластера)

Наталья Валерьевна ГАЛИЩЕВА

доктор экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики Московский государственный институт международных отношений МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: galistcheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7377-6625

Наталья Геннадьевна ХРОМОВА

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры мировой экономики Московский государственный институт международных отношений МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва, Российская Федерация
E-mail: hromova.nata@gmail.com

ЦИТИРОВАНИЕ: Галищева Н.В., Хромова Н.Г. (2021) Оценка конкурентоспособности алмазогранительной отрасли Индии (на примере гуджаратского алмазогранительного кластера) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 122–144.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-7

Статья поступила в редакцию 13.11.2020.

АННОТАЦИЯ. Целью работы является всесторонний анализ конкурентоспособности алмазогранительной отрасли Индии на примере гуджаратского алмазогранительного кластера. Авторы показывают, что государственное стимулирование алмазогранительной отрасли оказывает существенное позитивное влияние не только на развитие экономики Гуджарата, но и всей индийской экономики в целом. В статье представлена эволюция развития гуджаратского алмазогранительного кластера, а также его современ-

ные тенденции на фоне сложившейся ситуации на мировом рынке бриллиантов в 2010-е гг.

Среди основных задач исследования:

- выявление специфики функционирования и новейших тенденций развития гуджаратского алмазогранительного кластера;

- обоснование значимости результатов его реформирования и их актуальности в контексте возможного использования индийского опыта Россией.

Предметом исследования является гуджаратский алмазогранительный кла-

стер, а исследовательский вопрос заключается в определении его драйверов и ограничителей. Рабочая гипотеза исследования: конкурентоспособность алмазогранильной отрасли Индии во многом определяется существенной ролью государства, что в целом типично для индийской экономики.

Теоретической основой исследования стал синтез концепции конкурентоспособности отраслей национальной экономики М. Портера и математического подхода Б. Баласса к оценке выявленных сравнительных преимуществ страны на мировом рынке конкретно взятого товара. Исследование проведено на основе системного подхода к изучению экономики с использованием базовых методов научного познания, таких как индукция и дедукция, анализ и синтез, а также полевых исследований.

Спецификой статьи является рассмотрение модели конкурентоспособности алмазогранильной отрасли Индии, а также расчет индекса Баласса. В статье приводятся данные о ее месте на мировом рынке и подводятся итоги достижениям страны в производстве специального оборудования для отрасли. Авторы считают, что перспективным направлением дальнейших исследований остается изучение специфических факторов конкурентоспособности гуджаратской алмазогранильной отрасли, а также роли государства в экономике Индии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика Индии, гуджаратский алмазогранильный кластер, конкурентоспособность гу-

джаратского алмазогранильного кластера, конкурентный ромб, индекс Баласса, выявленные сравнительные преимущества для алмазогранильной отрасли, Алмазная биржа в Сурате, Алмазный промышленный парк в Сурате, Совет по развитию экспорта драгоценных камней и ювелирных изделий, лабораторно выращенные алмазы

Гуджарат – ведущий промышленный штат Индии, вклад которого составляет 7,6% в формирование ВВП государства, 25% – в экспорт и 19% – в добавленную стоимость национальной промышленности.

Отраслевая структура ВВП штата выглядит несколько необычно для Индии: доля вторичного сектора здесь достигает 44% (в целом по индийской экономике – 22%)¹. При этом здесь расположено только 10% промышленных предприятий страны, на которых трудится 9% индийской рабочей силы, занятой в промышленности, что свидетельствует о ее достаточно высокой производительности.

Штат стабильно входит в число процветающих. По объему производимого ВВП Гуджарат стабильно находится в первой пятерке лидеров, пропуская вперед лишь Махараштру, Тамилнад, Карнатаку и Уттар-Прадеш. Национальная статистика демонстрирует, что ВВП на душу населения здесь традиционно выше среднеиндийского: в 2017/2018 ф. г.² – 174,7 тыс. рупий против 115 тыс.³, а среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в 2010-е гг. – 5 и 4% соответственно⁴.

1 При этом доля сельского хозяйства в отраслевой структуре ВВП Гуджарата – 20,4%, а сферы услуг – 35,5%. В целом по Индии – 14,4% и 62,5% соответственно (см.: Gujarat Economic Review 2017–18 (2018) // Indian Port Association. Ministry of Shipping, p. 6).

2 Финансовый год в Индии начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего календарного года.

3 Economic Survey 2019–20 (2020) // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division, pp. 170–171.

4 Ibidem.

Между тем уровень подушевого дохода может рассматриваться лишь в качестве одного из важнейших индикаторов экономического развития, но не единственного. Очевидно, что при одинаковом среднем доходе на душу населения в разных регионах реальное материальное положение населения может заметно различаться. Поэтому в качестве еще одного признака уровня социально-экономического развития необходимо использовать показатели уровня бедности и социального расслоения. По данным 2017/2018 ф. г. уровень бедности в Гуджарате по национальной статистике составлял 17% (в целом по Индии – 21,9%). Также здесь традиционно невелик и коэффициент Джини – 0,29 (в целом по Индии – 0,357)⁵. При этом если в Индии в целом невысокий уровень социального расслоения обусловлен прежде всего значительными масштабами бедности в стране, то его сравнительно низкий уровень в Гуджарате – постепенным укреплением в штате позиций среднего класса.

Еще одна специфическая черта Гуджарата – сосредоточение здесь предприятий в основном частного сектора. Доля госсектора в объеме инвестиций составляет всего 3%. Наличие развитой кредитной системы, транспортной сети, складского хозяйства, относительная обеспеченность энергоресурсами, квалифицированной рабочей силой в большой мере предопределяет приток частного капитала, в т. ч. иностранного⁶ с середины 1990-х гг.

Локомотивом гуджаратской промышленности наравне с традицион-

ным для Индии текстильно-швейным производством по праву считается алмазогранительная промышленность [Misra, Puri 2001, pp. 571–572]. Именно здесь находится крупнейший алмазогранительный кластер в Индии, включающий города Сурат, Бхавнагар, Ахмедабад и Паланпур⁷. «При этом существует определенная специализация в обработке алмазного сырья. Так, в Сурате и Мумбаи производят бриллианты относительно высокого качества. Бриллианты невысокого качества и самых малых размерно-весовых групп изготавливают в Бхавнагаре. Такие гранительные центры, как Ахмедабад и Паланпур, специализируются на обработке самого сложного в технологическом отношении сырья» [Потоцкая 2015, с. 78]. В настоящее время здесь насчитывается около 10 тыс. предприятий, на которых, по разным оценкам, трудится 1–1,5 млн человек. Валовой годовой доход штата от этой отрасли в среднем составляет около 800 млрд рупий [Gaitonde Aruna 2013]. По оценкам экспертов, в настоящее время здесь обрабатывается до 95% всех алмазов в мире [Langa Manesh 2019], а в 2018 г. отсюда было вывезено 95% индийских бриллиантов⁸.

Крупнейший центр гуджаратского алмазогранительного кластера – г. Сурат, экономический центр Южного Гуджарата. В настоящее время здесь расположено 90% всех гранительных крупных и мелких предприятий, на которых трудится свыше 700 тыс. работников. По разным оценкам, в Сурате обрабатывается от 72 до 92% всех алмазов в мире [Gaitonde Aruna 2014]. В целом со-

5 Gujarat: Poverty, Growth and Inequality (2017) // WB Group, June 20, 2017 // <http://documents1.worldbank.org/curated/en/933681504004310148/pdf/119147-BRI-P157572-Gujarat-Poverty.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

6 Накопленный объем последнего в 2000–2019 гг. составил 19,16 млрд долл. (4,9% общеиндийского объема).

7 Гуджаратский алмазогранительный кластер является крупнейшим не только в Индии, но и во всем мире.

8 Gujarat: Poverty, Growth and Inequality (2017) // WB Group, June 20, 2017, p. 43 // <http://documents1.worldbank.org/curated/en/933681504004310148/pdf/119147-BRI-P157572-Gujarat-Poverty.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

временный Сурат – это восьмой крупнейший город страны. По оценкам индийских экспертов, Сурат – самый быстроразвивающийся город Индии: ежегодные темпы экономического роста в 2000–2019 гг. здесь в среднем составляли около 11%⁹.

История развития отрасли

Истоки современной алмазогранильной промышленности Гуджарата восходят к началу XX в. В 1901 г. один суратский предприниматель, представитель клана Мехта, джайн по вероисповеданию, привез на родину из Восточной Африки несколько огранщиков, которые начали обучать гранильному ремеслу индийских рабочих¹⁰. Поначалу клан Мехта занимался повторной переогранкой бриллиантов, а затем принялся и за огранку алмазов. В дальнейшем к гранильному бизнесу подключились также семьи Х.Х. Джавери, Х.Б. Шах и М. Райчанд с сыновьями [Фридман, Вечерина 2008, с. 126]. В 1938 г. в Сурате появилась первая гранильная фабрика, на которой трудились 65 рабочих¹¹. Между тем вплоть до 1960-х гг. бизнес развивался очень вяло, и доля Индии в мировом объеме производства бриллиантов составляла лишь 0,3% [Sevdermish, Miciak, Levinson 1998, p. 14]. К началу 1960-х гг. индийцам, однако, удалось найти свою ни-

шу: они сделали ставку на обработку по большей части технических и «околоювелирных»¹² природных алмазов. В результате этого произошел своеобразный революционный прорыв, и на мировой рынок вышел так называемый индийский товар – самое мелкое и дешевое сырье различных весовых и качественных категорий стоимостью около 30 долл. за карат [Хромова 2020, с. 138–139]. В ведущих мировых гранильных центрах того времени – Бельгии, ЮАР, Израиле – огранка такого сырья была нерентабельна, а сырье, таким образом, – непригодно для обработки. Между тем Индия с ее огромной численностью дешевой, но при этом весьма квалифицированной в этом деле рабочей силы начала специализироваться именно на обработке такого рода сырья.

Индийские мастера достигли на этом поприще больших успехов: уже к началу 1970-х гг. страна превратилась в «мировой цех по обработке малоразмерных низкокачественных алмазов с самой высокой в мире экономической эффективностью» [Фридман 2012, с. 62]. Кроме того, граня и используя эти камни, индийские мастера стали изготавливать и ювелирные изделия. Начало 1970-х гг. ознаменовалось первыми экспортными поставками индийских бриллиантов и изделий из них в США. К тому времени в Сурате уже насчитывалось около

9 Рассчитано авторами по: Economic Survey 2019–20 (2020) // Government of India. Ministry of Finance. Department of Economic Affairs. Economic Division.

10 Около 500 лет Сурат традиционно был в центре торговли предметами роскоши и декоративными товарами, такими как жемчуг, серебряные нити, текстиль и т. п. Отсюда наличие квалифицированных рабочих в Сурате и его окрестностях. Примечательно, что ремесленники гуджаратского сообщества очень гибки по своей природе и могут адаптироваться к новым технологиям. Один работник должен привести и обучить своих родственников и друзей, тем самым увеличивая количество квалифицированных работников.

11 В настоящее время «почти 90% бриллиантов, производимых в мире, проходят огранку и полировку в Сурате» (см.: Even-Zohar C. (2007) From Mine to Mistress. Corporate Strategies and Government Policies in the International Diamond Industry, Ramat-Gan).

12 «Околоювелирное» сырье, как правило, низкокачественное, мелкогабаритное и трудоемкое в обработке, и большая его часть уходит в отходы (средний выход годного – около 20%). Соответственно, стоимость полученного бриллианта будет невысокой. Очевидно, что при высокой заработной плате огранщиков в Израиле, Европе или США огранка такого сырья будет убыточна.

1 200 мелких предприятий по обработке и огранке алмазов, где было занято свыше 20 тыс. рабочих.

В 1980-е гг. развитие гуджаратского гранильного кластера еще более ускорило, и о Сурате и «индийском товаре» уже заговорили во всем мире.

Современные тенденции на мировом рынке бриллиантов

В настоящее время Индия является самым крупным и в то же время наиболее низкокзатратным центром огранки алмазного сырья в мире¹³. На ее долю приходится «более 90% мирового производства бриллиантов в стоимостном выражении, и она доминирует во всех размерных сегментах, включая сегмент крупных камней с добавленной стоимостью» [The Global Diamond Industry 2018, p. 13]. При этом, вследствие существенной ограниченности запасов алмазного сырья, Индия является его крупнейшим импортером (на ее долю приходится почти 50% объема мирового импорта алмазов): отрасль практически полностью работает на импортном сырье.

В последние два десятилетия индийская алмазогранильная отрасль переживает серьезный период турбулентности, на ее функционирование оказывает влияние ряд тенденций, определяющих современное развитие мирового алмазно-бриллиантового комплекса (АБК) в целом. Важнейшие среди них:

- растущее присутствие на рынке лабораторно выращенных алмазов (ЛВА);

- влияние цифровых технологий, а также рост электронной торговли на рынке ювелирных изделий с бриллиантами;
- изменение предпочтений молодых поколений покупателей и увеличение в этой связи расходов продавцов алмазной продукции на маркетинг.

Несмотря на то, что ЛВА существуют уже более 60 лет, вплоть до настоящего времени их влияние на рынок натуральных камней было незначительным, пока в сентябре 2018 г. *De Beers Group*¹⁴ не запустила розничную торговлю модными ювелирными изделиями с синтетическими камнями под названием *Lightbox Jewellery* [Мальцева, Хромова 2019]. Первоначально индийские диамантеры¹⁵ высказали обеспокоенность присутствием на рынке ЛВА, однако, уже в скором времени стали активно к ним приспосабливаться. Сегодня большинство крупных индийских компаний вышли на рынок ЛВА и занимаются как их выращиваем, так и огранкой. Как отметил председатель Совета ЛВА и ювелирных изделий Индии (*The Lab Grown Diamond and Jewellery Promotion Council*) Ш.Д. Шах, спрос на ЛВА в Индии увеличился на 100% из-за их растущей популярности среди среднего класса, «будучи на 75% дешевле оригинальных, выращенные в лаборатории алмазы постепенно вытесняют природные среди потребителей среднего класса, желающих иметь изделия с бриллиантами, которые выглядят так же, но стоят недорого»¹⁶.

13 Себестоимость огранки 1 карата в Индии составляет 10 долларов (для сравнения: в Китае – 17 долларов, ЮАР – 40–60 долларов).

14 De Beers Group – крупнейшая, наряду с АЛРОСА, компания по добыче натуральных алмазов.

15 Диамантер – продавец алмазов и бриллиантов.

16 Demand for Synthetic Diamonds to Double in Country (2019) // The Hindu, August 12, 2019 // <https://www.thehindu.com/news/cities/mumbai/demand-for-synthetic-diamonds-to-double-in-country/article28986393.ece>, дата обращения 31.01.2021.

Следует отметить, что индийский импорт натурального алмазного сырья снизился на 16% в 2019/2020 ф. г., а импорт ЛВА увеличился на 138% за аналогичный период в стоимостном выражении¹⁷. По оценкам экспертов *Bain & Company*, доля Индии составляет 15–20% мирового производства ЛВА [Strong Origins 2019, p. 29].

В настоящее время отрасль ювелирных изделий с бриллиантами сталкивается с растущей конкуренцией со стороны электронных товаров (миллениалы¹⁸ предпочитают гаджеты) и ювелирных изделий с ЛВА (миллениалы ценят использование передовых технологий, которые применяются при производстве синтетических товаров). В мире доля онлайн-продаж ювелирных изделий с бриллиантами составляет только 5–10% и отстает от других потребительских товаров, таких как книги (70%), электроника (28%). Тем не менее доля электронной коммерции увеличивается, Индия все более активно втягивается в онлайн-продажи изделий с бриллиантами¹⁹. Молодые индийские покупатели совершают все больше покупок ювелирных изделий через Интернет. Розничные подразделения ювелирных брендов также наблюдают резкий рост онлайн-продаж. *Gili India* предлагает покупателям ювелирные изделия с сертифицированными IGI

бриллиантами по цене от 178 долл. Мумбайская компания *Agni Jewel* прогнозирует рост доли онлайн-продаж до 25% от совокупных продаж ювелирных изделий²⁰.

Индийские компании, столкнувшись в 2010-е гг. с изменением предпочтений молодых поколений покупателей, стали в существенной мере увеличивать свои расходы на маркетинговую деятельность, связанную с продажей своей продукции. В этой связи в Индии проводятся маркетинговые кампании *Real is Rare* (пропагандирует положительное влияние бриллиантов на самооценку) и *The Most Precious Gift* (рекламирует бриллианты как лучший подарок по случаю знаменательных событий в жизни).

Серьезное негативное влияние на функционирование индийской алмазогранительной промышленности оказало распространение в мире пандемии коронавирусной инфекции, повлекшей за собой введение карантинных мер²¹. Глобальная пандемия привела к тому, что индийский экспорт бриллиантов в апреле-мае 2020 г. упал на 80%²². Карантинные меры привели к частичной остановке алмазогранительного производства и массовой безработице: около 200 тыс. человек, занятых обработкой драгоценных камней, вернулись в свои родные города и деревни.

17 По статистическим данным GJEPC // <https://gjepec.org/statistics.php>, дата обращения 15.06.2020.

18 Миллениалы (поколение Y) родились между 1980 и 1994 гг.

19 Среди трейдеров в Индии распространена интернет-торговля крупными алмазами и бриллиантами (более 0,5 карата) через сайт Rappart. Что касается онлайн-торговли ювелирными изделиями с бриллиантами, то покупатели по-прежнему предпочитают ходить в ювелирные магазины. Популярные индийские интернет-магазины ювелирных украшений: Titan (продвигается группой компаний Tata // <https://www.titancompany.in/about-us/business-jewellery>); Orpa (продвигается Rosy Blue // <https://www.orra.co.in>); Tanishq: ювелирные изделия торговой марки Titan // <https://www.tanishq.co.in>

20 Онлайн-продажи ювелирных изделий с бриллиантами в Индии активно растут (2011) // Rough&Polished. 10 августа 2011 // <https://www.rough-polished.com/ru/news/53457.html>, дата обращения 31.01.2021.

21 Diamond Artisans Demand Paid Vacation as Corona Cases Surface in Gujarat (2020) // Financial Express, March 21, 2020 // <https://www.financialexpress.com/industry/diamond-artisans-demand-paid-vacation-as-corona-cases-surface-in-gujarat/1904946/>, дата обращения 07.07.2020.

22 По статистическим данным GJEPC // <https://gjepec.org/statistics.php>, дата обращения 25.07.2020.

Конкуренентоспособность гуджаратского алмазогранительного кластера

Мощным драйвером конкурентоспособности гуджаратского алмазогранительного кластера являются **факторные условия**, в первую очередь обширные относительно квалифицированные трудовые ресурсы, а также благоприятная инфраструктура и выгодное экономико-географическое положение штата.

По данным за 2019 г., численность трудоспособного населения Гуджарата составляет 38 млн чел.²³ Здесь и поныне велика доля молодых работников (около трети), поэтому этот регион Индии как минимум ближайшие 20–30 лет будет являться регионом с так называемым демографическим дивидендом.

Качество трудовых ресурсов Гуджарата, по сравнению с остальной Индией, является достаточно высоким [Kapila Uma 2005, p. 90]. Гуджарат традиционно находится на одном из первых мест в Индии по уровню грамотности (79,31% против 71,2% в целом по Индии²⁴), степени развития системы образования (в настоящее время в штате функционируют 10 технических и 72 классических гуманитарных вуза) и инженерного потенциала. 46,5% рабочей силы имеет полное среднее или среднее специальное образование, а около 20% – высшее²⁵.

Благотворное воздействие на повышение качества рабочей силы, в т. ч. той, которая трудится на алмазогранительных предприятиях, оказывают представители индийской диаспоры за рубежом [Галищева 2017, с. 78]. Диамантеры, осевшие в Израиле, Бельгии, США, странах ЮВА, инвестируя в алмазогранительную отрасль Индии, охотно делятся *ноу-хау* и своими собственными наработками. Например, много лет проработав в странах Персидского залива (и в первую очередь в ОАЭ), вернувшись на родину и организовав собственное небольшое гранительное предприятие, они активно внедряют на нем новые технологии.

Несомненным факторным преимуществом гуджаратского гранительного кластера также можно считать его выгодное ЭГП (близость к финансовой столице Индии – г. Мумбаи, наличие удобных торговых путей) и хорошо развитую в сравнении с остальной Индией инфраструктуру. Власти штата традиционно вкладывают в ее развитие существенные инвестиции [Kapila Uma 2004–2005, p. 558]. В настоящее время на территории штата функционируют 42 порта, 18 внутренних и 1 международный аэропорты, а около 97% автомобильных дорог имеют твердое покрытие, что позволяет предприятиям своевременно получать сырье и отгружать продукцию²⁶.

Гранительный кластер обеспечен и специфической инфраструктурой: в

23 Gujarat Economic Review 2017–18 (2018) // Indian Port Association. Ministry of Shipping, p. 10.

24 Между тем здесь также, как и в Индии в целом, весьма существенен гендерный разрыв. Так, уровень грамотности среди женщин гораздо ниже, чем среди мужчин – 70,73 и 87,23% соответственно (см.: Gujarat: Poverty, Growth and Inequality (2017) // WB Group, June 20, 2017, p. 29 // <http://documents1.worldbank.org/curated/en/933681504004310148/pdf/119147-BRI-P157572-Gujarat-Poverty.pdf>, дата обращения 31.01.2021).

25 Gujarat: Poverty, Growth and Inequality (2017) // WB Group, June 20, 2017, p. 29 // <http://documents1.worldbank.org/curated/en/933681504004310148/pdf/119147-BRI-P157572-Gujarat-Poverty.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

26 Местное правительство разработало политику и дало стимулы для содействия развитию торговли и промышленности, чтобы создать больше рабочих мест. Планируется создать таможенно, чтобы была возможность экспортировать и импортировать алмазы напрямую, а не делать это через Мумбаи. Правительство также дало импульс для улучшения инфраструктуры: дорог, регулярного электроснабжения, доступного жилья и т. д.

Сурате успешно работает Индийский алмазный институт, в стенах которого обучают не только методам огранки, но и банковскому и страховому делу и осуществлению экспортно-импортных операций.

Для удобства функционирования предприятий алмазогранительного сектора власти штата создают свободные экономические зоны (СЭЗ), где предприятия получают многочисленные административные, налоговые и прочие льготы. В июле 2018 г. на территории штата оперировали 19 СЭЗ, однако наиболее значимыми по праву можно считать СЭЗ в Сурате²⁷ и Кандле²⁸.

В помощь импортерам сырья и экспортерам бриллиантов в штате учреждены и успешно функционируют биржи (в т. ч. крупнейшая в Сурате *Surat Hira Bourse*) и коммерческие банки. Примечательно, что финансирование алмазного бизнеса в Индии традиционно было прибыльным. Между тем после ряда дефолтов алмазогранительных компаний в 2018 г. некоторые банки ужесточили требования к выдаче кредитов диамантерам. Ранее именно политика банков во многом стимулировала гранильный бизнес Индии, позволяя предприятиям на выгодных условиях закупать товар впрок и вырваться в лидеры по обработке камней. За 2018 г. финансирование алмазной отрасли в Индии сократилось на 10%, что привело к падению экспорта драгоценных камней и ювелирных изделий. В 2019–2020 гг. вследствие распространения коронавирусной инфекции и глобальной пандемии до-

ступ к финансированию стал еще более сложным.

Между тем недостаток высококвалифицированной рабочей силы и недостаточный объем финансирования НИОКР в алмазогранительную отрасль тормозят дальнейшее наращивание ее конкурентоспособности. Несмотря на открытие в Сурате Индийского алмазного института, основная часть работников, задействованных на гранильных предприятиях, имеют неполное среднее (10 классов) или законченное среднее (12 классов) образование²⁹. Кроме того, в настоящее время Индия является одной из немногих стран, где увольнение работников в значительной степени затрудняется национальным законодательством. Уволить рабочих или закрыть нерентабельное предприятие представляется в Индии весьма непростым делом (согласно индийскому трудовому законодательству, руководство предприятий в случае необходимости имеет право увольнять не более 100 рабочих) [Базанова 2014]. Индийские предприниматели зачастую нанимают на работу в компании небольшой штат сотрудников: на 85% алмазогранительных производств Индии в настоящее время занято не более 50 работников. В этой связи обеспокоенность экспертов вызывает сегмент мелкого производства алмазогранительной отрасли, представленной огромным количеством маленьких (зачастую микро-) предприятий, где производительность труда работников крайне низка. Эксперты указывают на необходимость упрощения

27 В настоящее время здесь работают более 120 предприятий, а объем экспорта с 2014/2015 по 2017/2018 ф. г. в среднем составлял 2,5–3 млрд долл. (см.: Gujarat Economic Review 2017–18 (2018) // Indian Port Association. Ministry of Shipping, p. 20).

28 Здесь работают 264 предприятия, а объем экспорта – 650–750 млрд долл. (см.: Gujarat Economic Review 2017–18 (2018) // Indian Port Association. Ministry of Shipping, p. 20).

29 Данные почерпнуты авторами из полевых исследований – в беседах с представителями гранильных предприятий в Сурате, которые имели место в июле 2020 г.

правил организации бизнеса, в т. ч. в сфере слияний и поглощений, увольнения работников³⁰, вхождения предприятий неорганизованного сегмента в организованный сегмент.

Несмотря на то, что в настоящее время индийский бизнес активно увеличивает финансирование НИОКР в национальную экономику, объем средств, направляемых в инновационное развитие гранильной отрасли, как отмечают эксперты, в целом пока относительно невысок [Agraval 2002, pp. 544–545]. Между тем есть ряд компаний, осуществляющих внушительный объем капиталовложений в развитие бизнеса. Среди них – компания *KARP Impex Ltd.*, насчитывающая 2 500 работников и оснащенная современным технологическим оборудованием. Компания разработала свое собственное программное обеспечение *ERP & CRM* для управления сложными вопросами торговли бриллиантами. Фабрика является универсальным предприятием, на котором искусство огранки и полировки поднято на непревзойденный уровень точности и совершенства. Она оснащена передовой технологией по огранке бриллиантов, например, консолью *VibFree*; 5-координатным лазерным оборудованием *Hi-Gain*, консолью *Auto-Pol* и российским оборудованием *Pacor*, используемым для производства бриллиантов

как фантазийной огранки, так и огранки «бриллиант», а также и специальных видов огранки³¹. Также в этом вопросе интересен и опыт компании *Venus Jewels*³², которая заявляет, что совершенствование технологии на ее фабрике является постоянным процессом.

Оценивая конкурентные преимущества алмазогранильной отрасли, следует выделить индийские навыки и технологии в обработке алмазов, особенно мелкого сырья. Так, при сопоставлении способов огранки бриллиантов по показателям производительности труда с внедрением индийского способа многоэтапного конвейерного производств, где каждый этап обработки выполняется разными огранщиками, установлено, что данный способ является более эффективным и увеличивает производительность труда³³ [Павлова, Васильева, Шарма 2014].

Заслуживает внимания и то, что в 1970–1980-х гг. индийские огранщики создали целый ряд новых способов огранки: *Step Cut*³⁴ (ступенчатый тип огранки) и *Tapers* (конусная форма огранки)³⁵, а также особенно любимые американскими потребителями формы бриллиантов «Маркиза», «Груша», «Сердечко», «Багет».

Дальнейшее развитие конкурентоспособности алмазогранильной отрасли Индии в определенном смысле сдер-

30 Решение этой проблемы правительство Индии связывает с внесением соответствующих поправок в федеральный закон о труде, которые позволили бы компаниям увольнять до 300 сотрудников (см.: [Базанова 2014]).

31 *KARPGROUP* // http://www.karpgroup.com/w_about.aspx?hid=about, дата обращения 21.07.2020.

32 Компания *Venus* является сайтохолдером *DTC*, Избранным диамантером компании *Rio Tinto* и сертифицированным членом *RJC* (Совета по ответственной ювелирной практике) (см.: *Venus Jewel* // <https://www.venusjewel.com/staticHome>, дата обращения 21.07.2020).

33 Исследование проводилось в г. Якутске в середине 2000-х гг. на совместном российско-индийском предприятии *Chogon Diamond*.

34 В современной ювелирной отрасли существует несколько видов (типов) огранки: ступенчатая, бриллиантовая, смешанная. Для ступенчатой огранки характерно строго параллельное расположение граней, это значит, что форма камня будет квадратной или прямоугольной (очень редко – трапециевидной). Такая огранка бриллианта не придает большого блеска и игры света, но выгодно подчеркивает чистоту, прозрачность и глубину цвета камня. Самые распространенные формы ступенчатой огранки – это изумруд и багет (*Baguette*).

35 Форма огранки бриллианта – это и способ нанесения, и количество граней, а также пропорции и расположение граней камня по отношению друг к другу. Еще огранку делят на классическую и фантазийную.

живается и недотягивающей в целом до мирового уровня качеством инфраструктуры (в т. ч. нехваткой электроэнергии). Эксперты указывают на необходимость (возможность) развития в этой сфере системы ГЧП, а также переориентации части государственных расходов с субсидий на инвестиции в инфраструктуру. Надежды также возлагаются на сотрудничество с международными институтами, оказывающими Индии иностранную помощь.

Слабым местом этого детерминанта также является существенная нехватка разведанных запасов и ресурсов природных алмазов. В этой связи индийские диамантеры всемерно пытаются наладить прямые каналы поставок необходимого для работы сырья на фабрики (так называемые поставки от шахты к фабрике), чтобы снизить излишнюю уязвимость и зависимость от DTC³⁶.

Некоторые эксперты указывают на всевозрастающий рынок ЛВА как на возможность для Индии диверсифицировать ее специализацию на обработке натуральных камней и сокращения тем самым ее зависимости от импорта природных алмазов. Практика показывает, что предприимчивые индийские диамантеры постепенно перестраивают свой бизнес, превращая угрозу развития рынка ЛВА в его возможность.

Итак, если на протяжении дореформенного этапа конкурентные преимущества индийской алмазогранительной отрасли главным образом были связаны с базовыми производственными факторами (прежде всего дешевые трудовые ресурсы), в настоящее время политический и экономический истощение всемерно стимулирует раз-

витие и использование для повышения конкурентоспособности своей алмазогранительной промышленности уже специфических факторов.

На важность **внутреннего спроса** в ускорении развития национальной экономики и повышении ее конкурентоспособности неоднократно указывали многие экономисты [Thirlwall 2011; Backer, Miroudot 2014]. М. Портер подчеркивал: «Величина внутреннего рынка имеет большое значение для конкурентного преимущества страны в определенных отраслях (или сегментах), а именно в тех, где требуются крупномасштабные НИОКР, где имеются значительный эффект масштаба при точном производстве, большое обновление технологии при смене поколений товара или значительный фактор риска. В таких ситуациях наличие большого потенциального внутреннего рынка особенно желательно при принятии решения об инвестициях» [Портер 1993, с. 115].

Внутренний рынок Индии достаточно емкий. Кроме того, в Индии в силу традиций развит внутренний рынок ювелирных украшений. Практически в каждой индийской семье независимо от дохода есть золотые украшения (но преимущественно без драгоценных камней, в т. ч. без бриллиантов). Они составляют обязательный элемент приданного невесты [Вечерина 2018] и является своеобразной страховкой на черный день³⁷. Однако внутренний спрос является достаточно серьезным ограничителем для укрепления конкурентоспособности алмазогранительной отрасли. Его качество невысоко, а основная масса населения не предъявляет спрос на предметы роскоши в силу ограни-

36 DTC, или Diamond Trading Co., – это название, которое раньше использовалось для подразделения De Beers, занимающегося продажами и маркетингом. DTC была создана в 1934 г. В настоящее время DTC стала называться De Beers Global Sightholder Sales.

37 Минимальный набор для невесты в среднем весит около 2 кг.

ченности своих доходов. Масштабная бедность является одной из наиболее острых социально-экономических проблем Индии: по данным ПРООН, в 2007–2018 гг. 58% населения проживало менее чем на 3,1 долл. в день, из них 21,2% – менее чем на 1,9 долл.³⁸ Таким образом, очевидно, что на современном этапе драйвером индийской алмазогранильной промышленности является внешний спрос.

Между тем в последние годы в Индии все же обозначился определенный рост потребления ювелирных изделий с бриллиантами. Среди основных причин этой тенденции можно отметить увеличение располагаемых доходов населения, снижение ставки рефинансирования и расширение масштабов потребительского кредитования, а также наличие растущего среднего класса. По разным оценкам, численность среднего класса Индии в настоящее время варьируется в диапазоне от 23,6 млн до 40 млн человек. При этом критерий для определения этого сегмента национальной экономики невысокий: месячный доход – 61,5 тыс. рупий (870 долл.), а годовой – 738 тыс. рупий (10,4 тыс. долл.). При этом среднемесячная заработная плата в Индии составляет 32,5 тыс. рупий, а 60% домохозяйств Индии имеют среднемесячный доход 10 тыс. рупий. Однако за последние 15 лет, благодаря ускоренному развитию индийской экономики, 6,7 млн человек пополнили ряды индийского среднего класса по этой методологии. Между тем, в соответствии с критерием двух профессоров Мумбайского университета, согласно которому к среднему классу относят граждан, чье потребление в день состав-

ляет 2–10 долл., численность среднего класса составляет около 600 млн человек, т. е. около половины населения страны.

В этой связи в отчете компании *De Beers Group* отмечается, что «благодаря экономическому развитию и увеличению объемов, обусловленному растущей потребительской базой, розничный рынок бриллиантов в Индии непрерывно растет в течение последних 20 лет. Меняется и обстановка в торговле: при избыточных запасах бриллиантов низкого качества появился дефицит бриллиантов более высокого класса, и богатые покупатели готовы давать за них хорошую цену» [The Diamond Insight Report 2015, p. 3]. Кроме того, эксперты отмечают, что уже наметился определенный сдвиг в предпочтениях покупателей: от ювелирных украшений из золота без камней к ювелирным украшениям из золота с бриллиантами.

С точки зрения детерминанта **родственных и поддерживающих отраслей** есть все основания утверждать, что гуджаратский алмазогранильный кластер занимает одно из центральных мест в индийской экономике, т. к. это один из немногих экспортных промышленных кластеров. Его особенностью является то, что на 80% он представлен предприятиями по огранке и обработке алмазов, численность которых только в Сурате достигает 6 тыс.

Для хозяйственного механизма гуджаратского алмазогранильного кластера, как и для индийской экономики в целом, характерна многоукладность. Параллельно с крупными фабриками, оснащенными современным высокотехнологичным оборудованием,

38 Human Development Report 2019. Beyond Income, beyond Averages, beyond Today: Inequalities in Human Development in the 21st Century (2019) // The United Nations Development Programme (UNDP), p. 320 // <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2019>, дата обращения 21.07.2020

компьютеризированными алмазными планировщиками и лазерными машинами от 100 до 500 в одном комплексе³⁹, с численностью работников до 1 000 человек, здесь и поныне успешно работают мелкие домашние предприятия неорганизованного сектора. При этом число предприятий второго типа существенно больше, чем предприятий организованного сектора. Здесь практически не привлекаются внешние источники финансирования, оборудование на таких предприятиях примитивное, а работники, число которых зачастую не превышает 30, имеют базовые навыки, передающиеся из поколения в поколения. Результатом такой организации предприятия является то, что здесь обрабатываются главным образом низкокачественные алмазы, объем которых составляет до 4 карат, а эффекта экономии на масштабе и внедрения сколь-либо значимых инноваций в процесс нет. На подобных предприятиях широко используется надомный труд, в котором задействованы также женщины и дети. Так, в Сурате доля женщин-огранщиц в настоящее время, по разным оценкам, составляет около 8–10% (на подготовительных к огранке работах – еще 10%)⁴⁰. Примечательно, что мелкие и средние диамантеры (огранщики) зачастую организуют производства в отдаленных деревнях Южного Гуджарата, населенных представителями списочных каст и племен.

По оценке специалистов, представители списочных племен, зарабатывая в месяц от 8 до 10 тыс. рупий, ежегодно обрабатывают бриллиантов на сумму до 13 млн рупий [Gaitonde Aruna 2013] (для сравнения: на гранильных фабриках в Сурате заработная плата огранщика невысокой квалификации в среднем составляет 20–35 тыс. рупий, а высококвалифицированного специалиста – 80–150 тыс. рупий)⁴¹. Именно кустарные предприятия в существенной мере способствовали становлению индийской гранильной отрасли, а подавляющее число ныне существующих гранильных мастерских Сурата выросло именно из них.

Горизонтальная интеграция здесь невелика и представлена главным образом поставками среднетехнологичного оборудования для алмазогранильных предприятий неорганизованного сектора. Крупные фабрики ввозят необходимое им современное оборудование из-за рубежа. Тем не менее следует отметить, что индийская компания *STPL*, работающая в Сурате, занимается разработкой передовых технологических решений для алмазной промышленности. *STPL* заняла свою нишу и стала одной из немногих мировых компаний, предлагающих комплексные решения для каждой стадии обработки алмазов, включая анализ и компьютерную разметку алмазов (прогнозирование бриллиантов), распиловку, огранку и полировку, а также оборудование для

39 Крупнейшим индийским производителем так называемых белых бриллиантов и одновременно крупнейшим работодателем в алмазогранильной отрасли Индии является компания Kiran Exports, сайтхолдер DTC, имеющая 138 специализированных производственных фабрик в Сурате и Ахмедабаде и производящая свыше 1,6 млн каратов бриллиантов из 5,9 млн каратов алмазов ежегодно. В компании работает 31 000 рабочих. Компания Kiran Exports является единственной компанией в мире, использующей одно и то же современное оборудование для производства как мелких, так и крупных бриллиантов. Она также была отмечена и награждена компанией Sarin Technologies за самое большое количество установленного оборудования Sarin на своих промышленных предприятиях по всему миру.

40 Данные почерпнуты авторами из полевых исследований в беседах с представителями гранильных предприятий в Сурате, которые имели место в июле 2020 г.

41 Данные почерпнуты авторами из полевых исследований в беседах с представителями гранильных предприятий в Сурате, которые имели место в июле 2020 г.

идентификации бриллиантов⁴². Главное достижение компании – это оборудование *ROBOMATIC*, предназначенное для полного процесса обработки алмаза без вмешательства человека⁴³.

Руководство штата, осознающее, что этот кластер в определенном смысле является источником новых технологий и представляет собой наиболее прочную основу для внешней экспансии, активно помогает дальнейшему развитию прежде всего специфических факторов (открытие институтов, бирж, научных центров, алмазных промышленных парков, а также помощь в их дальнейшей работе; совершенствование инфраструктуры и проч.).

Однако, несмотря на все предпринимаемые государством в этом направлении стимулирующие меры, так называемая глубина гуджаратского алмазогранительного кластера пока еще все-таки невелика. Это оказывает определенное негативное воздействие на конкурентоспособность индийской алмазогранительной отрасли и ослабляет ее позиции на мировых рынках, прежде всего в конкуренции с российскими и израильскими компаниями в сегменте огранки высококачественных камней.

Важнейшими элементами кластера являются:

1) Алмазная биржа в Сурате (*Surat Hira Burse*), на которой осуществляют-

ся сделки по купле-продаже алмазов и бриллиантов.

2) Алмазный промышленный парк в Сурате (*Diamond Industrial Park, DIP*), в котором в настоящее время функционируют около 1 000 алмазогранительных предприятий. Преимуществами Парка являются современная инфраструктура, близость к международному аэропорту, предоставление льготных условий ведения бизнеса и проч.

3) Совет по развитию экспорта драгоценных камней и ювелирных изделий Индии (*Gems&Jewellery Export Promotion Council, GJEPCC*), созданный по инициативе правительства Индии и фактически являющийся промежуточным звеном между правительством и алмазогранительной отраслью. В состав Совета входят представители политического и экономического истеблишмента Индии, крупнейшие диамантеры и ювелиры. Важнейшей задачей Совета является содействие обеспечению индийских границ алмазным сырьем, а также реализации и продвижению на рынки готовой продукции.

4) Ассоциация алмазогранительных компаний Сурата (*Surat Diamonds Cutters Association*), которая продвигает интересы диамантеров в области торговли, предпринимательской деятельности и инвестиций.

42 Будучи одним из ведущих предприятий в этой отрасли, компания STPL стала пионером по применению технологии лазерной распиловки алмазов в Индии. Сегодня передовые технологические решения, предлагаемые STPL, используют перспективные лазерные технологии и обеспечивают более высокую производительность при меньших затратах. Решения направлены на оптимизацию, автоматизацию и устранение ресурсоемких обрабатываемых операций. Кроме того, компания также предлагает широкий спектр оборудования, подходящих для различных потребностей и бюджетов. В STPL техническое совершенство объединено с основными ценностями качества, безопасности, целостности и ответственности, что позволило STPL выйти на мировой уровень в области алмазообрабатывающих технологий. Например, компания предлагает: оборудование для планирования будущих бриллиантов THE MAGNUS DIGITAL (скорость производства – 78 камней в час) и Magnus ACE (полностью автоматизированная система); лазерное оборудование для распиливания Lazer NXT (компактный, позволяет устанавливать больше машин в помещении, чтобы получить максимальную производительность при минимальном пространстве), LAZER SUPER NG (помогает добиться превосходной гладкой поверхности и обеспечивает минимальную потерю веса), LAZER GRN NG (разработан таким образом, что он быстро режет алмазы с максимальной возможной мощностью, что приводит к большей производительности за меньшее время); Smart-i15 (определяет оптические характеристики бриллианта и сохраняет их для идентификации и проверки); оборудование для выращивания алмазов и для обработки ЛВА.

43 <https://www.stpl.com/robocut.html#>, дата обращения 31.01.2021.

5) Алмазная палата развития (*Diamond Development Board*), занимающаяся вопросами организации курсов повышения квалификации и переквалификации работников, в т. ч. тех, которые переходят в отрасль из текстильных предприятий.

Особенностью современного состояния кластера является то, что он практически никак не связан с ювелирной промышленностью Индии, славящейся своими навыками и традициями и имеющей довольно прочные позиции и серьезную репутацию на мировом рынке. В этой связи перспективы углубления кластера связываются с ювелирной промышленностью. Многие эксперты высказывают предложения о том, что индийская алмазогранительная отрасль должна стать поставщиком бриллиантов для ювелирной промышленности страны. Примечательно, что наряду с тем, что Сурат является важным гранильным центром, он продолжает развиваться как центр производства ювелирных изделий. Кроме того, в деле углубления кластера надежды связываются также с работой маркетинговых и рекламных компаний и сбытовой сети.

Внутриотраслевая конкуренция алмазогранительных предприятий на индийском внутреннем рынке достаточно высока, т. к. с начала 1990-х гг. в Индии наблюдается процесс облегчения входа на рынок вновь образующихся алмазогранительных компаний и проведение активной политики предоставления стимулирующих льгот для уже существующих.

Основная масса крупных алмазогранительных предприятий в Индии – это фактически семейный бизнес, где собственник и управляющий – зачастую одно и то же лицо. Индийские методы ведения алмазного бизнеса в подавляющем большинстве схожи с западными, однако имеют и свои особые

индийские черты. Значительную лепту в продвижение продукции компании на внутреннем рынке здесь вносят связи, в т. ч. родственные, а также специфические традиции и культурно-религиозный фактор. Несмотря на то, что организационная структура компаний вертикальна, а ответственность за принятие решений лежит на небольшой группе людей, решения зачастую соотносятся и принимаются с учетом традиций и религиозных убеждений, мнения семьи, коллектива и общественных структур [Галищева 2012, с. 7]. Очевидно, что подобные факторы на разных временных отрезках существования компании по-своему влияют на конкурентоспособность индийских алмазогранительных компаний, причем как в позитивном ключе, так и негативном.

В этой связи эксперты высказывают идею о необходимости консолидации данных об алмазогранительных компаниях, прежде всего неорганизованного сектора, в единый реестр с целью их упорядочения. Возможным шагом к развитию этого детерминанта и превращению его в драйвер конкурентоспособности может также стать более активное развитие системы субподрядов, объединяющих предприятия организованного и неорганизованного сектора (на деле – крупных современных фабрик и кустарных предприятий). Действительно, опыт многих развивающихся стран (прежде всего НИС стран ЮВА) убедительно показывает, что темпы роста отдельно взятой отрасли в частности и всей национальной экономики в целом во многом зависят от степени оптимального или рационального сочетания и состыкованности производительных сил, функционирующих в пределах различных социальных укладов. В этой связи вполне уместно использование инфраструктуры бирж и Алмазного промышленного парка.

Наиболее значимым «случаем», в существенной мере повлиявшим на развитие индийской экономики, стало Британское владычество. Несмотря на то, что оно надолго затормозило ее развитие [Галищева 2012, с. 6], в экономике укоренились западные традиции ведения бизнеса, а английский язык де-факто превратился в язык общенационального общения. Кроме того, вывозя индийцев в качестве рабочей силы в страны Африки и Азии, британцы невольно способствовали тому, что на «новой родине» индийцы знакомились с новыми ремеслами, получали новые знания и умения (навыки огранки алмазов были фактически «импортированы» из стран Восточной Африки), обростали связями и проч.

В своей модели М. Портер вывел детерминант **правительства** за пределы ромба, объясняя свое решение тем, что «хотя роль правительства в создании и поддержании национального преимущества значительна, она, тем не менее, по необходимости имеет частичный характер» [Портер 1993, с. 667].

Активное участие индийского государства в алмазно-бриллиантовом бизнесе является специфической чертой; оно выражается в основном «в виде господдержки, повышенного внимания к отрасли, правительство заранее объявляет о разработанных и вводимых программах в АБК», которые предварительно согласовываются, практически отсутствует «контроль со стороны государства над оборотом алмазной и ювелирной продукции при государственном протекционизме экспорта и

импорта товаров», активно развивается частный бизнес, в т. ч. малый [Хромова 2020, с. 182].

Очевидно, что причина успеха развития алмазогранильной отрасли Индии заключается в том, что она традиционно пользуется существенной и разнообразной поддержкой своего правительства, сделавшего ставку на развитие экспорта и экспортно ориентированных отраслей с высокой добавленной стоимостью и вносящих вклад в создание национального ВВП⁴⁴. Основными организациями, оказывающими содействие экспортерам отраслей АБК, кроме Совета по содействию экспорту драгоценных камней и ювелирных изделий Индии, являются ведущий индийский банк *Exim Bank*, финансирующий и кредитующий индийский экспорт, а также крупнейшая страховая компания *Export Credit Guarantee Corporation (ECGC)*.

Математический анализ конкурентоспособности гуджаратского гранильного кластера с помощью индекса Баласса

Для получения полной картины происходящего и приобретения математических данных для анализа конкурентоспособности гуджаратского гранильного кластера на мировом рынке авторы также использовали коэффициент выявленных сравнительных преимуществ⁴⁵ (коэффициент RCA, или индекс Баласса). Он рассчитывается как отношение доли отдельно взятой

44 В 2010-х гг. «Индия ввела уникальные меры поддержки, обнулила НДС, ввела практически беспроцентный кредит (действуют различные программы льготного кредитования), стимулировала предприятия к техническому перевооружению, отменила таможенные пошлины на импорт алмазов в страну с 2007 г. (в настоящее время действует небольшая пошлина), что стало существенным шагом в развитии отрасли в целом.

45 От англ. RCA – Revealed Comparative Advantages. Одна из основных причин критики коэффициента RCA – использование в его расчете только данных экспорта, в то время как уровень импорта абсолютно не принимается в расчет. Тем не менее этот показатель достаточно часто используется в эмпирических исследованиях.

страны на мировом рынке определенного товара к доле этой страны в мировом экспорте. Несмотря на то, что данный показатель не указывает на влияние тех или иных факторов, он выявляет наличие или отсутствие у того или иного государства преимуществ в производстве тех или иных товаров.

Математическая трактовка данного коэффициента имеет следующий вид:

$$RCA_{ij} = (X_{ji} / X_{wi}) / (X_{je} / X_{we}),$$

где X_{ji} обозначает экспорт товара i из страны j ; X_{wi} – мировой экспорт товара i (за исключением экспорта страны j); X_{je} – экспорт всех товаров, произведенных в стране j ; X_{we} – мировой экспорт всех товаров (за исключением товаров страны j).

Считается, что страна обладает относительным преимуществом, если значение коэффициента больше едини-

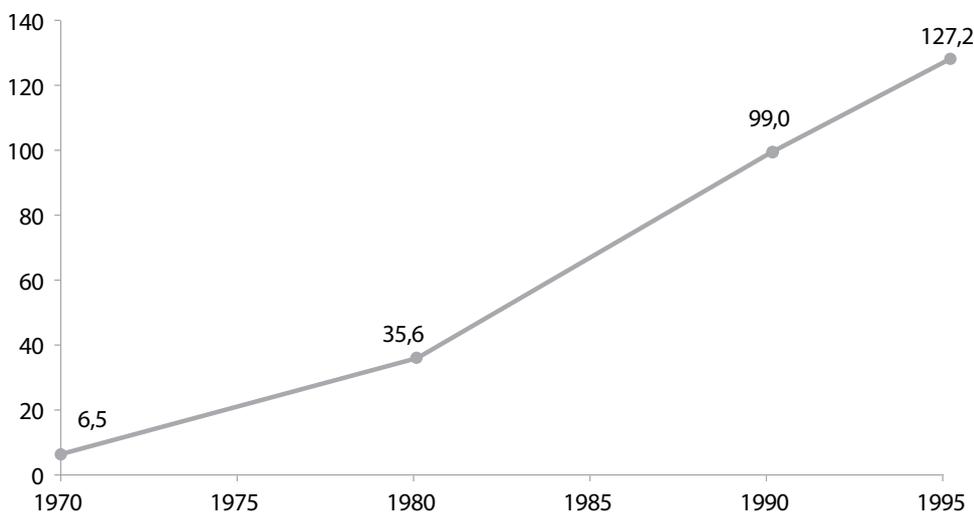
цы, т. е. доля товара в экспорте страны больше, чем его доля в мировом экспорте. В случае, если этот показатель меньше единицы, конкурентное преимущество у страны отсутствует. Увеличение же доли и рост индекса указывает на то, что страна расширяет использование своего относительного преимущества в международной торговле.

Чтобы проанализировать изменение сравнительных преимуществ Индии, были рассмотрены значения коэффициента в исторической ретроспективе на начало и конец исследуемого периода, т. е. становления и расцвета деятельности гуджаратского гранильного кластера (см. рис. 1 и 2).

Очевидно, что уже в самом начале появления обработанных бриллиантов на американском рынке в 1970 г. индийская гранильная промышленность оказалась весьма конкурентоспособной, и ее продукция имела серь-

Рисунок 1. Коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (или индекс Баласса) индийского экспорта бриллиантов

Figure 1. Coefficient of identified comparative advantages (or index Balassa) indian diamond exports

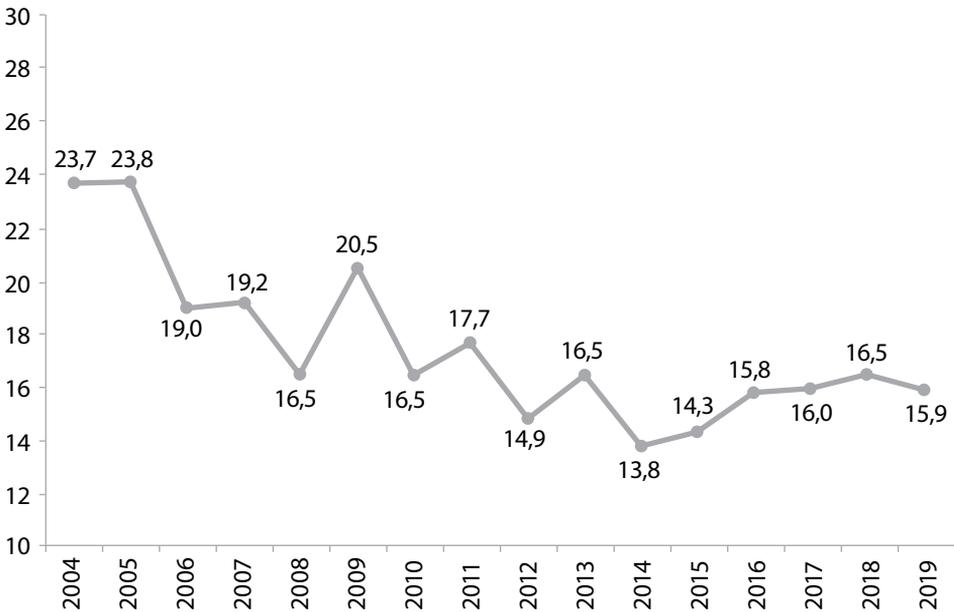
Источник: рассчитано авторами по: [Sevdermish, Miciak, Levinson 1998].

езные сравнительные преимущества на внешнем рынке. В начальный период либерализации индийской экономики (1980-е гг.) и первые годы пореформенного периода (1991–1995 гг.) отмечается явная тенденция к их укреплению (индекс Баласса вырос с 6,48 в 1970 г. до 128 в 1995 г.). С одной стороны, это, безусловно, объясняется стимулированием государственной политики. Уже первые попытки либерализации национальной экономики (беспшлинный ввоз сырья и импортного оборудования, либерализация системы внешних коммерческих заимствований, введение льготных налоговых ставок для бизнеса и проч.), предпринятые в 1980 г. правительством И. Ганди, а с 1984 г. ее сыном Р. Ганди, при-

дали существенный импульс развитию национального гранильного сектора. С другой стороны, нельзя также сбрасывать со счетов и весьма важный внешний фактор, не зависящий собственно от Индии. В начале 1990-х гг. происходит существенное сокращение объемов производства бриллиантов в Бельгии и Израиле. Не выдержав конкуренции со стороны Индии, они сократили масштабы своих гранильных производств (особенно мелких и средних алмазов), объясняя это их нерентабельностью. Кроме того, в связи с распадом СССР и переходом российской экономики на новую модель хозяйствования и последующим за этим трансформационным спадом, отмечался серьезный упадок гранильного сектора в Рос-

Рисунок 2. Коэффициент выявленных сравнительных преимуществ (или индекс Баласса) индийского экспорта бриллиантов в 2000–2010-е гг.

Figure 2. Coefficient of identified comparative advantages (or index Balassa) Indian diamond exports in the 2000s and 2010s.

Источник: рассчитано авторами по: <https://www.trademap.org/> по данным Кимберлийского процесса. Annual Global Summary: 2004–2019. Production, Import, Export and KPC Counts.

сии. Таким образом, очевидно, что Индия сумела воспользоваться сложившимися обстоятельствами и обратить их в свою пользу, а индийский гранильный сектор, достигнув в определенном смысле своего расцвета, занял практически монопольное положение на мировом рынке.

В настоящее время Индия планирует стать крупнейшим в мире экспортным центром, воспользовавшись также и торговой войной между Китаем и США. С введением Китая Закона о национальной безопасности в Гонконге США повысили торговую пошлину до 7,5%, которая ранее составляла около 3,3%. Распоряжение президента США о прекращении действия преференциального экономического договора Гонконга в соответствии с законодательством США фактически отменяет отдельный таможенный режим территории с Китаем. Это означает, что товары, экспортируемые из Гонконга, теперь будут считаться товарами, произведенными в Китае. Есть все основания предполагать, что прекращение действия преференциального соглашения с Гонконгом откроет новые деловые возможности для Индии. Производственный бизнес (огранка, производство ювелирных изделий) вполне может переместиться из Китая в Индию.

Очевидно, что обработанные бриллианты на протяжении пореформенного периода развития индийской гранильной промышленности имели серьезные сравнительные преимущества на мировом рынке. Между тем в последние 20 лет при сохранении сравнительных преимуществ отмечается постепенное сокращение индекса Баласса и его стабилизация на уровне 15–16. Это, в свою очередь, вызвано вхождением в мировой АБК Китая и ростом конкурентоспособности его производства бриллиантов. Кроме того, нельзя недооценивать и то, что позиции АБК в су-

щественной мере коррелируют с мировым спросом, зависящим, в свою очередь, от экономической ситуации в мире в целом и от экономической ситуации в США как главного рынка сбыта в частности. Так, снижение индекса в 2008 и 2010 гг., очевидно, связано с мировым финансовым кризисом 2009 г., который вызвал снижение спроса на ювелирные изделия с бриллиантами примерно на 10%. При этом примечателен его рост в 2009 г., что, вероятнее всего, связано с тем, что на фоне общего снижения экспорта в мире падение индийского экспорта не было таким масштабным (так, доля Индии в мировом экспорте в 2009 г. – 27%, а в 2008 и 2010 гг. – 20 и 24,8% соответственно). В свою очередь, снижение индекса в 2014–2015 гг. было связано с мировым отраслевым кризисом. Объемы продаж бриллиантов оказались значительно меньше запланированных; кроме того, количество открытых магазинов в Большом Китае было также меньше предполагаемого, что в итоге привело к затовариванию продукции в так называемом среднем звене.

Заключение

Таким образом, гуджаратский алмазогранильный кластер занимает важное место не только в экономике штата, но и всей индийской экономике в целом. Генерируя значительное число рабочих мест и принося в доходную часть бюджета существенный объем средств, кластер, являясь по своей сути экспортно ориентированным, обеспечивает государство иностранной валютой.

Конкурентоспособность алмазогранильной отрасли как важнейшей составной части гуджаратского алмазогранильного кластера, несмотря на целый ряд изъянов, в настоящее вре-

мя исключительно высока, о чем свидетельствует индекс Баласса, находящийся в 2010-е гг. в среднем на уровне 15–16. Примечательно, что развитие трудовых ресурсов для кластера, обеспечение его необходимыми финансовыми ресурсами, специализированной инфраструктуры, поддержание на внутреннем рынке здоровой конкуренции во многом обеспечивается государством, роль которого в индийской экономике в целом, несмотря на проведение либеральных реформ, по-прежнему существенна.

Безусловно, в условиях противоречивых трендов мирового рынка бриллиантов последних лет, все возрастающей конкуренции со стороны ряда алмазодобывающих стран (прежде всего России и стран Африки), предпринявших попытку создание у себя центров по огранке и полировке бриллиантов, крайне сложной обстановки, сложившейся в мире в 2020 г. из-за распространения COVID-19, гуджаратский алмазогранильный кластер понес существенные потери. Уменьшение количества заказов, нарушение поставок продукции и частичная остановка производства вынуждают индийских алмазодобывателей искать выход из сложившейся ситуации. Решение многочисленных проблем видится в углублении кластера, интеграции смежных производств (прежде всего ювелирной промышленности) в единый комплекс, наращивании своего присутствия в сегменте ЛВА, ускоренном развитии специализированных факторов.

Есть все основания утверждать, что, по крайней мере, в кратком и среднесрочном периоде роль государства в дальнейшем повышении конкурентоспособности алмазогранильной отрасли Гуджарата и эффективности кластера в целом едва ли будет сокращаться и по-прежнему останется существенной.

Список литературы

Базанова Е. (2014) Новое правительство Индии готовит масштабную реформу трудового законодательства // Ведомости. 30 июня 2014 // <http://www.vedomosti.ru/politics/news/28369941/indijskim-zhenschinam-hotyat-razreshit-nochnye-raboty>, дата обращения 17.07.2020.

Вечерина О.П. (2018) Фантастический взлет гранильной промышленности Индии: 70 лет успеха // Труды Института востоковедения РАН. № 12. С. 89–108 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36931590_62529427.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Галищева Н.В. (2012) Индийская модель международной конкурентоспособности: «конкурентная пирамида» // Мировое и национальное хозяйство. № 4(23). С. 2–8 // <https://mirec.mgimo.ru/2012/2012-04/indijskaa-model-mezdunarodnoj-konkurentosposobnosti-konkurentnaa-piramida>, дата обращения 31.01.2021.

Галищева Н.В. (2017) Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. № 2(53). С. 71–89. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89

Мальцева О.А., Хромова Н.Г. (2019) Современные мировые тенденции алмазного рынка и их влияние на развитие алмазобриллиантовых комплексов России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. Т. 27. № 3. С. 466–478. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-3-466-478

Павлова Д.Л., Васильева М.В., Шарма Н.Р. (2014) Анализ индийского метода огранки бриллиантов на алмазогранильном предприятии Республики Саха (Якутия) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 3–4. С. 128–131 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21649025_49866311.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Портер М. (1993) Международная конкуренция. Конкурентные преимущ-

щества стран. М.: Международные отношения.

Потоцкая Т.И. (2015) Отраслевые и территориальные особенности комплексообразования на мировом алмазно-бриллиантовом рынке // Вестник БГУ. Серия 2. № 1. С. 75–81 // <https://elib.bs.u.by/bitstream/123456789/141910/1/75-81.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

Фридман А.А. (2012) Феномены мирового алмазного рынка // Экономическая наука современной России. №4(59). С. 62–75 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18257738_52308022.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Фридман А.А., Вечерина О.П. (2008) Израиль и Индия – два полюса мирового алмазобриллиантового рынка. М.: Наука.

Хромова Н.Г. (2020) Алмазные грани российско-индийского сотрудничества. М.: РУСАЙНС.

Agraval R. (2002) *Business Environment*, New Delhi: Excel Books.

Backer K., Miroudot S. (2014) *Mapping Global Value Chains* // European Central Bank. Working Paper Series. No 1677 // <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scp-wps/ecbwp1677.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

Gaitonde Aruna (2013) *Indian Diamond Cutting and Polishing Sector* // Rough&Polished, June 3, 2013 // <https://www.rough-polished.com/en/analytcs/77889.html>, дата обращения 10.07.2020.

Gaitonde Aruna (2014) *Surat – India's Diamond Manufacturing Hub* // Rough&Polished, January 14, 2014 // <https://www.rough-polished.com/en/analytcs/85364.html>, дата обращения 10.07.2020.

Kapila Uma (ed.) (2004–2005) *Indian Economy since Independence*, New Delhi: Academic Foundation.

Kapila Uma (2005) *Indian Economy*, New Delhi: Academic Foundation.

Langa Manesh (2019) *Surat's Diamond Industry Loses Glitter as Slowdown Deepens* // The Hindu, September 6, 2019 // <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/surats-diamond-industry-loses-glitter-as-slowdown-deepens/article29349510.ece>, дата обращения 10.07.2020.

Misra S.K., Puri V.K. (2001) *Indian Economy – Its Development Experience*, New Delhi: Himalaya Publishing House.

Sevdermish M., Miciak A.R., Levinson A.A. (1998) *The Rise to Prominence of the Modern Diamond Cutting Industry in India* // *Gems&Gemology*, vol. 34, no 1, pp. 4–23 // <https://www.gia.edu/doc/The-Rise-to-Prominence-of-the-Modern-Diamond-Cutting-Industry-in-India.pdf>, дата обращения 31.01.2021.

Strong Origins: Current Perspectives on the Diamond Industry (2019) // Bain & Company, December 11, 2019 // <https://www.bain.com/insights/global-diamond-industry-report-2019/>, дата обращения 10.06.2020.

The Diamond Insight Report 2015 (2015) // De Beers Group // <https://www.debeersgroup.com/reports/insights/the-diamond-insight-report-2015>, дата обращения 05.07.2019.

The Global Diamond Industry 2018: A Resilient Industry Shines Through (2018) // Bain & Company, December 5, 2018 // <https://www.bain.com/insights/global-diamond-industry-report-2018/>, дата обращения 10.01.2021.

Thirlwall A.P. (2011) *Economics of Development. Theory and Evidence*, Palgrave Macmillan.

From the Point of Economic

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-7

Assessment of the Competitiveness of the Diamond Cutting Industry in India (Case Study: The Gujarati Diamond Cutting Cluster)

Natalia V. GALISTCHEVA

DSc in Economics, Head of the Department of the World Economy
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: galistcheva@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7377-6625

Natalia G. KHROMOVA

PhD in Economics, Senior Lecturer of the Department of the World Economy
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: hromova.nata@gmail.com

CITATION: Galistcheva N.V., Khromova N.G (2021) Assessment of the Competitiveness of the Diamond Cutting Industry in India (Case Study: The Gujarati Diamond Cutting Cluster). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 122–144 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-7

Received: 13.11.2020.

ABSTRACT. *The aim of the research is the comprehensive analysis of the Indian diamond cutting industry's competitiveness (case study: Gujarati diamond cutting cluster). The authors show that the promotion of the diamond industry has a significant positive impact not only on the development of the economy of Gujarat, but also on the entire Indian economy as a whole. The authors pay attention to the evolution of the development of the Gujarat diamond cutting cluster, as well as its modern trends through the prism of the current situation on the world diamond market in the 2010s.*

The subject of the article is Gujarat diamond cutting cluster and the research ques-

tion is to evaluate its drivers and limits. The working hypothesis of the study is the following: the competitiveness of the Indian diamond cutting industry is largely determined by the significant role of the state, which is generally typical for the Indian economy as a whole.

The theoretical basis of the research is the synthesis of M.Porter's concept of competitiveness of national economy branches and the mathematical approach of B.Balassa to the assessment of the revealed comparative advantages of the country on the specific product's world market. The research is based on the systematic approach to the study of national economy using ba-

sic methods of scientific knowledge such as induction and deduction, analysis and synthesis as well as field research.

The specific feature of this article is a detailed analysis of the competitiveness model of the Indian diamond cutting industry, as well as the calculation of the Balassa index and the drawing the appropriate graphs.

The article presents different data on the place of the Indian diamond industry on the global market and India's achievements in the special equipment production and fostering the creation of specific factors. Future studies should focus on further research on specific factors of competitiveness of Indian diamond cutting industry, as well as the role of the state in the Indian economy.

KEYWORDS: Indian economy, Gujarat, diamond cutting industry of India, competitiveness of Gujarat diamond cutting cluster, the diamond model, Balassa index, revealed comparative advantages for diamond cutting industry, Surat Hira Burse, Diamond Industrial Park, Gems&Jewellery Export Promotion Council, laboratory grown diamonds

References

- Agraval R. (2002) *Business Environment*, New Delhi: Excel Books.
- Backer K., Miroudot S. (2014) Mapping Global Value Chains. *European Central Bank*. Working Paper Series. No 1677. Available at: <https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpwps/ecbwp1677.pdf>, accessed 31.01.2021.
- Bazanov E. (2014) The New Government of India Is Preparing a Large-Scale Reform of Labor Legislation. *Vedomosti*, June 30, 2014. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/28369941/indijskim-zhenschinam-hotyat-razreshit-nochnye-raboty>, accessed 17.07.2020 (in Russian).
- Fridman A.A. (2012) Phenomena of the World Diamond Market. *Economics of Contemporary Russia*, no 4(59), pp. 62–75. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18257738_52308022.pdf, accessed 31.01.2021 (in Russian).
- Fridman A.A., Vecherina O.P. (2008) *Israel and India – Two Poles of the World Diamond and Diamond Market*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Gaitonde Aruna (2013) Indian Diamond Cutting and Polishing Sector. *Rough&Polished*, June 3, 2013. Available at: <https://www.rough-polished.com/en/analytics/77889.html>, accessed 10.07.2020.
- Gaitonde Aruna (2014) Surat – India's Diamond Manufacturing Hub. *Rough&Polished*, January 14, 2014. Available at: <https://www.rough-polished.com/en/analytics/85364.html>, accessed 10.07.2020.
- Galischeva N.V. (2012) Indian Model of International Competitiveness: “Competitive Pyramid”. *World and National Economy*, no 4(23), pp. 2–8. Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2012/2012-04/indijskaa-model-mezdunarodnoj-konkurentosposobnosti-konkurentnaa-piramida>, accessed 31.01.2021 (in Russian).
- Galischeva N.V. (2017) Globalization of the Indian Economy: Trends and Prospects. *MGIMO Review of International Relations*, no 2(53), pp. 71–89 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89
- Kapila Uma (ed.) (2004–2005) *Indian Economy since Independence*, New Delhi: Academic Foundation.
- Kapila Uma (2005) *Indian Economy*, New Delhi: Academic Foundation.
- Khromova N.G. (2020) *Diamond Facets of Russian-Indian Cooperation*, Moscow: RUSAYNS (in Russian).
- Langa Manesh (2019) Surat's Diamond Industry Loses Glitter as Slowdown Deepens. *The Hindu*, September 6, 2019. Available at: <https://www.thehindu.com/news/national/other-states/surats-diamond-industry-loses-glamour-as-slowdown-deepens/article29349510.ece>, accessed 10.07.2020.
- Maltseva O.A., Khromova, N.G. (2019) Modern Global Trends in the Diamond

Market and Their Impact on the Development of Diamond Complexes in Russia and India. *Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Economy*, no 27(3), pp. 466–478 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-3-466-478

Misra S.K., Puri V.K. (2001) *Indian Economy – Its Development Experience*, New Delhi: Himalaya Publishing House.

Pavlova D.L., Vasilieva M.V., Sharma N.R. (2014) Analysis of the Indian Method of Cutting Diamonds at the Diamond Cutting Enterprise of the Republic of Sakha (Yakutia). *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, no 3–4, pp. 128–131. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21649025_49866311.pdf, accessed 31.01.2021 (in Russian).

Porter M. (1993) *International Competition. Competitive Advantages of Countries*, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (in Russian).

Pototskaya T.I. (2015) Branch and Territorial Features of Complex Formation in the Global Diamond Market. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, Series: 2, no 1, pp. 75–81. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/141910/1/75-81.pdf>, accessed 31.01.2021 (in Russian).

Sevdermish M., Miciak A.R., Levinson A.A. (1998) The Rise to Prominence of the Modern Diamond Cutting Industry

in India. *Gems&Gemology*, vol. 34, no 1, pp. 4–23. Available at: <https://www.gia.edu/doc/The-Rise-to-Prominence-of-the-Modern-Diamond-Cutting-Industry-in-India.pdf>, accessed 31.01.2021.

Strong Origins: Current Perspectives on the Diamond Industry (2019). *Bain & Company*, December 11, 2019. Available at: <https://www.bain.com/insights/global-diamond-industry-report-2019/>, accessed 10.06.2020.

The Diamond Insight Report 2015 (2015). *De Beers Group*. Available at: <https://www.debeersgroup.com/reports/insights/the-diamond-insight-report-2015>, accessed 05.07.2019.

The Global Diamond Industry 2018: A Resilient Industry Shines Through (2018). *Bain & Company*, December 5, 2018. Available at: <https://www.bain.com/insights/global-diamond-industry-report-2018/>, accessed 10.01.2021.

Thirlwall A.P. (2011) *Economics of Development. Theory and Evidence*, Palgrave Macmillan.

Vecherina O.P. (2018) Fantastic Rise of the Diamond Industry in India: 70 Years of Success. *Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS*, no 12, pp. 89–108. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36931590_62529427.pdf, accessed 31.01.2021 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-8

Экспорт Китая в страны Африки: связь с энергетическими проектами

Карина Алиевна ГЕМУЕВА

младший научный сотрудник, Центр европейских исследований
Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул.,
д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: krina07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5293-7925

ЦИТИРОВАНИЕ: Гемуева К.А. (2021) Экспорт Китая в страны Африки: связь с энергетическими проектами // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 145–163. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-8

Статья поступила в редакцию 08.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы»).

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимосвязь между экспортом Китая в страны Африки и реализацией энергетических проектов китайскими компаниями. Проводится анализ структуры китайского экспорта в Африку и тенденций развития двусторонней торговли. Выделяются ключевые факторы, объясняющие тесную корреляцию экспорта и реализации проектов: с одной стороны, предоставление значительного по объему связанного финансирования китайскими банками на строительство энергетической инфраструктуры в странах Африки, с другой стороны, необходимость закупок разнообразного высокотехнологичного оборудования из-за рубежа указанными странами ввиду отсутствия соответствующих производств на своей территории. Детально рассмотрена динамика поставок специализированного оборудования из Китая, необходимого для

строительства различных типов электростанций: ГЭС, ТЭС, ВЭС и СЭС. Перечислены примеры энергетических проектов китайских компаний в странах Африки, поставки оборудования для которых напрямую отражаются в импорте соответствующих стран из Китая. В статье отмечается тенденция к открытию китайскими компаниями производственных мощностей в странах Африки, в частности цементных заводов и завода по производству фотоэлектрических модулей. Автором делается вывод, несмотря на ряд негативных факторов, африканский рынок остается крайне перспективным для реализации энергетических проектов и сбыта соответствующей китайской продукции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Африка, китайский экспорт, ТЭС, ГЭС, СЭС, ВЭС, подрядные работы, энергетиче-

ская инфраструктура, связанное финансирование

С начала XXI в. наблюдается масштабная экономическая экспансия Китая на африканский континент, наиболее заметная в сфере торговли, добычи полезных ископаемых, строительстве объектов энергетической, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры. В частности, Китай стал одним из ключевых партнеров африканских стран по строительству электрогенерирующих мощностей. Китайские проекты охватывают практически все страны континента, здесь строятся различные типы электростанций – как традиционные тепловые электростанции (ТЭС), так и электростанции, работающие на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ); реализуются проекты различного уровня – от мини-проектов до крупных электростанций мощностью более 2 ГВт. Благодаря активному участию Китая в развитии энергетической инфраструктуры африканских стран создаются условия для повышения уровня жизни населения и проведения индустриализации.

История экономического взаимодействия Китая и стран Африки

Экономическое сотрудничество КНР с африканскими странами началось после обретения последними независимости и на начальном этапе было главным образом обусловлено политическими и идеологическими мотивами. Ключевую роль во взаимодействии играли кредиты, предоставляемые на закупку китайских товаров и оборудования, финансирование строительства объектов инфраструктуры и предприятий легкой промышленности, осуществляемого китайскими компа-

ниями. В 80–90-е гг. XX в. приоритет стал отдаваться менее крупным проектам, акценты в финансовой помощи Китая сместились с беспроцентных на низкопроцентные кредиты, сократились сроки выплаты кредитов, больше внимания стало уделяться взаимовыгодности сотрудничества [Дейч 2008, с. 174]. В рамках проектов помощи Китаю строили, в числе прочего, энергетические объекты в странах Африки, но они носили, скорее, единичный характер с преобладанием проектов малой мощности. Так, в 1960–1980-е гг. с помощью китайских компаний были возведены ГЭС Kinkon (3 МВт) и Tinkisso (1,65 МВт) в Гвинее, ГЭС Goma (4 МВт) в Сьерра-Леоне и реализован более масштабный проект в Республике Конго – ГЭС Moukoukoulou (74 МВт) [Brautigam, Hwang 2019, p. 3].

К началу XXI в. экономическое сотрудничество между Китаем и странами Африки стало приобретать более прагматичный характер в связи с возрастающими потребностями Китая в энергоресурсах и минеральном сырье, а также новых рынках сбыта товаров и услуг. К этому времени целый ряд китайских компаний в сфере строительства электроэнергетической инфраструктуры, включая Sinohydro, China Gezhouba Group Corporation (CGGC), China Machinery Engineering Corporation (СМЕС) и China Three Gorges Corporation, благодаря реализованным внутри страны проектам, сформировали необходимые компетенции для масштабного участия в подобных проектах за рубежом. Продвижению национального бизнеса на внешние рынки способствовала финансовая и дипломатическая поддержка государства в рамках стратегии «выхода вовне», активная реализация которой началась в 2000-е гг.

Страны Африки, с одной стороны, были богаты полезными ископае-

мыми, необходимыми Китаю, а с другой стороны, остро нуждались в строительстве современной надежной инфраструктуры для своего дальнейшего развития и проведения индустриализации. Взаимодополняемость интересов, готовность реализовывать проекты, соответствующие существующим стратегиям развития стран Африки, приемлемые условия финансирования и гибкий подход к обеспечению кредитов, оптимальное соотношение цены и качества дали возможность Китаю стремительно нарастить свое присутствие в Африке, потеснив позиции США и стран ЕС – ключевых игроков на африканском континенте после ослабления российского влияния в Африке с распадом СССР.

Проводимый раз в три года Форум сотрудничества Китай – Африка (ФОСАС), основанный в 2000 г., стал эффективной диалоговой площадкой для обсуждения ключевых направлений сотрудничества, оценки достигнутых результатов, на котором оглашаются обязательства Китая как в рамках предоставления помощи развитию, так и в проектах на коммерческой основе [Гемуева 2021, с. 54].

Особенности китайского экспорта в Африку

Согласно данным Международного торгового центра (ИТС), доля Китая в общем импорте стран Африки за 2001–2019 гг. выросла с 4 до 18%, тогда как доля традиционных партнеров, США и ЕС¹, сократилась с 9 до 5% и с 49 до 30% соответственно. В то же время доля африканского направления в китайском экспорте остается крайне низкой: за указанный период она выросла с 2,2

до 4,5%, пиковое значение наблюдалось в 2015 г. (4,8%).

В целом можно отметить неравномерность распределения китайского экспорта по странам Африки, хотя она постепенно сглаживается. В 2001–2019 гг. доля первых пяти стран по импорту китайской продукции снизилась с 61 до 51%. Первые позиции в 2019 г. занимали Нигерия, ЮАР, Египет, Алжир и Кения – крупнейшие экономики на континенте с большим потребительским рынком и условиями для реализации крупных инфраструктурных проектов.

Структура внешней торговли с КНР у африканских стран сильно различается. В 2019 г. положительное сальдо в торговле наблюдалось у стран – экспортеров природных ресурсов (Ангола, ЮАР, Республика Конго, Габон, ДР Конго, Замбия, Ливия, Экваториальная Гвинея, Южный Судан, Гвинея, Зимбабве) и стран с незначительными объемами торговли с Китаем (Намибия, Эритрея, ЦАР и Чад). По размеру дефицита торговли с Китаем лидируют Нигерия (14 млрд долл.), Египет (11,2 млрд долл.) и Алжир (5,8 млрд долл.).

Если проследить изменения в товарной структуре экспорта (рис. 1), то можно отметить постепенное сокращение доли продукции легкой промышленности. Так, при росте абсолютных показателей, доля обуви, текстильных материалов и изделий за 2001–2019 гг. упала с 33 до 22%. Тем не менее во многих африканских странах сохраняется высокая зависимость от импорта из Китая этой категории товаров. В тот же период увеличение доли продемонстрировали позиции «машины, оборудование и механизмы» и «недрагоценные металлы и изделия из них»: с 21 до 26% и с 8 до 12% соответственно.

¹ Учитываются показатели 28 стран – участниц ЕС, в т. ч. до вступления в Евросоюз.

Следует отметить, что рост китайского экспорта в Африку в 2000–2015 гг. (рис. 2) в значительной степени связан с активизацией китайских компаний на континенте в форме реализации подрядных проектов, включая строительство инфраструктуры и промышленных объектов, жилищное строительство, добычу полезных ископаемых, что косвенно подтверждается высокой долей товаров производственного назначения в структуре экспорта. В 2005–2015 гг. объем выполненных подрядных работ китайских компаний в странах Африки вырос с 6,1

до 54,8 млрд долл. [National Bureau of Statistics 2020]. Закупка определенной доли материалов и оборудования у китайских компаний, а также участие китайских подрядчиков выступают обязательными требованиями при предоставлении Китаем льготного кредита [Brautigam 2019, p. 152]. При реализации проектов без привлечения финансирования со стороны китайских банков китайские компании тоже зачастую отдают предпочтение национальным поставщикам по целому ряду соображений: качественные и стоимостные характеристики, использование обору-

Рисунок 1. Структура экспорта Китая в страны Африки в 2001–2019 гг.
Figure 1. Structure of China's exports to African countries in 2001–2019

Источник: рассчитано автором по: ИТС // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

дования определенных стандартов, налаженные деловые связи, отсутствие культурного и языкового барьера.

Выдвинутая в 2013 г. инициатива «Один пояс – один путь» на африканском направлении привела скорее к качественным сдвигам, чем к количественным. В рамках инициативы стал делаться упор на реализацию сверхкрупных инфраструктурных проектов регионального и межрегионального характера. К тому же с развитием энергетической, транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры в африканских странах стала создаваться привлекательная среда для переноса ряда производственных мощностей из Китая, в т. ч. в индустриальные парки, ориентированные на китайских инвесторов.

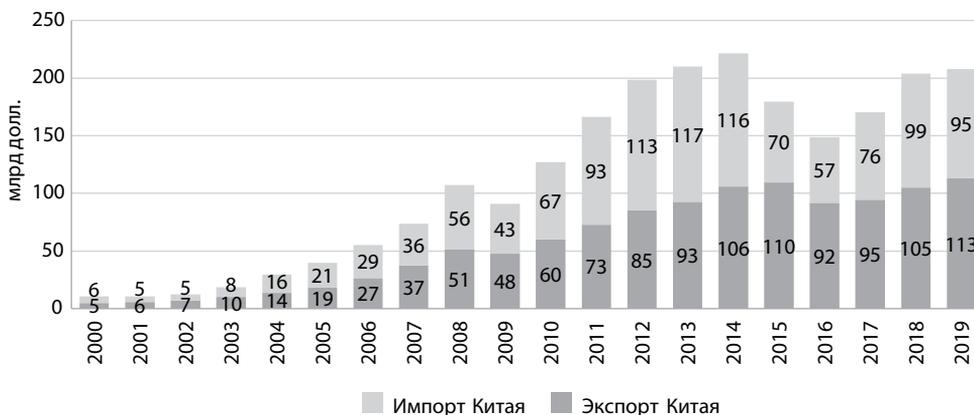
Однако в то же время такой переход к более активной государственной политике с глобальными амбициями, стремление занять качественно иную роль

на международной арене встретило все возрастающее сопротивление стран Запада, в первую очередь США. При реализации проектов в Африке Китай сталкивается с острой критикой со стороны прозападных СМИ, которыми муссируются такие темы, как «долговые ловушки», обвинения в коррупции, негативные последствия для окружающей среды и пр. В условиях нарастающих противоречий между Китаем и США повышается важность стран Африки как внешнеполитических союзников Китая. Китай может использовать более агрессивную стратегию для завоевания рынков сбыта своей продукции и даже увеличить свои производственные инвестиции на африканском континенте с целью экспорта произведенных товаров в США в рамках режима бесполой торговли [Eom et al. 2018, p. 5].

В условиях «новой нормальности»² стал намечаться качественный сдвиг

Рисунок 2. Структура внешней торговли КНР со странами Африки в 2000–2019 гг., млрд долл.

Figure 2. The structure of China's foreign trade with African countries in 2000–2019, USD billion

Источник: рассчитано автором по: ITC // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

² Понятие «новая нормальность» вошло в официальную китайскую лексику в 2014 г. для характеристики нового этапа экономического развития КНР. К ключевым особенностям данного этапа руководство страны относит переход от высоких темпов экономического роста к средним, оптимизацию структуры экономики и повышение роли инноваций как фактора экономического развития.

во внешнеторговой политике Китая. Так, в апреле 2015 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян сказал: «Необходимо усилить поддержку экспорта китайского оборудования, содействовать международному сотрудничеству в сфере производственных мощностей для смены ориентиров во внешней торговле Китая с количественных показателей на качественные» [Li Keqiang 2015]. На африканском направлении это может означать принятие мер по оптимизации структуры экспорта, например, приоритетную поддержку экспорта средне- и высокотехнологичной продукции, активное продвижение китайских стандартов, вынос части трудоемких и материалоемких производств за рубеж, содействие в ликвидации нелегальной торговли [Liu et al. 2016, pp. 132–133].

Резкое сокращение импорта Китая из стран Африки в 2015–2016 гг. (рис. 1) связано с падением цен на многие сырьевые товары, которые являются основной статьёй экспорта стран континента. Это опосредованно отразилось и на динамике китайского экспорта в Африку, который только в 2019 г. смог превысить показатели 2015 г. Многие африканские страны столкнулись с нехваткой финансовых средств, поступавших от экспорта природных ресурсов, что породило проблемы выплат по кредитам и ограничило возможность масштабного инфраструктурного строительства. К тому же в последние годы китайские финансовые институты стали занимать более осмотрительную позицию по кредитованию новых проектов в странах Африки, особенно в части оценки их жизнеспособности. Все это повлияло на темпы реализации некоторых масштабных инфраструктурных проектов и возможность заключения новых соглашений. Так, объем реализован-

ных китайскими компаниями подрядных работ после стабильного роста до 2015 г. начал постепенно сокращаться – до 46 млрд долл. в 2019 г. [National Bureau of Statistics 2020]. Можно ожидать, что последствия падения спроса на сырьевые товары, вызванные пандемией COVID-19, приведут к еще более серьезным последствиям для экономики африканских стран, диктуя новые реалии участию Китая в инфраструктурном строительстве на континенте и подталкивая к поиску новых моделей сотрудничества.

Проекты в сфере энергетики

По оценке международного энергетического агентства (IEA), в 2019 г. насчитывалось 770 млн человек, не имеющих доступа к электричеству, из них 75% проживало в странах Африки южнее Сахары (АЮС) [IEA 2020]. Для энергетического сектора подавляющего большинства стран Африки присущи такие проблемы, как неразвитость и техническая отсталость электроэнергетической инфраструктуры, нехватка капитальных вложений, низкое качество услуг, ограниченность охвата потребителей [Гемужева 2021, с. 49]. Быстрый рост численности населения, растущая потребность в электроэнергии в связи с процессами урбанизации и индустриализации, выбытие старых электростанций – все это порождает острую необходимость в строительстве энергетических объектов в странах Африки.

Многие африканские страны не в состоянии самостоятельно финансировать проекты большого масштаба, а международные финансовые институты крайне неохотно идут на сотрудничество со странами с высокими рисками и зачастую выдвигают трудновыполнимые макроэкономические и политические требования [Гемужева 2018, с. 70].

К тому же за последние десятилетия Всемирный банк фактически отказался от финансирования строительства крупных ГЭС из-за возможных последствий социального и экологического характера [Brautigam, Hwang 2019, p. 11]. В этих условиях возможность привлечения кредитов китайских банков, наряду с выгодными ценовыми предложениями и наличием необходимых компетенций для реализации масштабных и технически сложных проектов, стала весомым конкурентным преимуществом китайских компаний. По оценкам China Africa Research Initiative (CARI), в 2000–2018 гг. Китай предоставил странам Африки кредиты в размере 148 млрд долл., в т. ч. 37 млрд долл. на финансирование строительства электростанций. Например, в 2000–2013 гг. китайские подрядчики принимали участие в строительстве и модернизации 23 крупных ГЭС (более 50 МВт) в странах Африки, которые предусматривали ввод новых мощностей в размере 7,7 ГВт. Финансирование со стороны китайских банков предоставлялось в 17 из этих 23 проектов, покрывая около половины от их общей стоимости в размере 13,341 млрд долл. [Brautigam, Hwang 2019, pp. 8, 10].

Во втором десятилетии XXI в., параллельно с увеличением масштаба проектов в традиционной энергетике, китайские компании начали активно участвовать в строительстве электрогенерирующих объектов в сфере альтернативной энергетики. В августе 2017 г. была создана Китайско-африканская ассоциация сотрудничества и инноваций в области возобновляемой энергетики, нацеленная на сотрудничество с Африканской инициативой возобновляемой энергии (AREI) [Powanga, Giner-Reichl 2019].

По оценке Международного энергетического агентства (IEA), доля ки-

тайских подрядчиков в строительстве электрогенерирующих мощностей, введенные в строй которых было запланировано в течение десяти лет, сократилась: с 30% (12 ГВт) в 2010–2020 гг. до 20% (9 ГВт) в 2014–2024 гг., тогда как доля ВИЭ в реализуемых ими проектах, наоборот, выросла с 56% (из которых 49% ГЭС) до 76% (из которых 63% ГЭС) соответственно [Another Look at China's Involvement 2019].

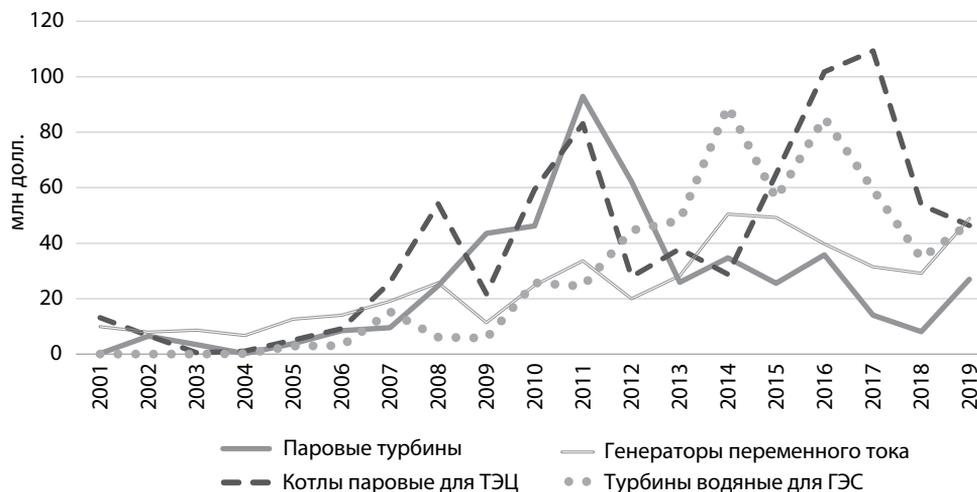
ТЭС и ГЭС

К характерным особенностям проектов по возведению мощных ТЭС и ГЭС можно отнести длительные сроки реализации и значительные по объему поставки специфического оборудования и материалов. В строительстве ТЭС и ГЭС требуется разнообразное дорогостоящее высокотехнологичное оборудование, которое, как правило, не производится в странах Африки. Таким образом, строительство крупных энергетических мощностей неизбежно сопряжено с большими объемами поставок по указанным товарным позициям в течение нескольких лет. Проект по строительству крупных электростанций с китайским финансированием в связи с требованием закупки определенной доли материалов и оборудования у китайских поставщиков обязательно отражается на структуре и величине китайского экспорта в данную страну.

О научно-технических достижениях Китая можно судить по экспорту сложного специального оборудования. В случае проектов по строительству ГЭС и ТЭС – это мощные генераторы переменного тока, паровые котлы и паровые турбины для ТЭС, водяные турбины для ГЭС. За 2001–2019 гг. общий объем китайского экспорта пе-

Рисунок 3. Китайский экспорт специального оборудования для ТЭС и ГЭС в страны Африки в 2001–2019 гг., млн долл.

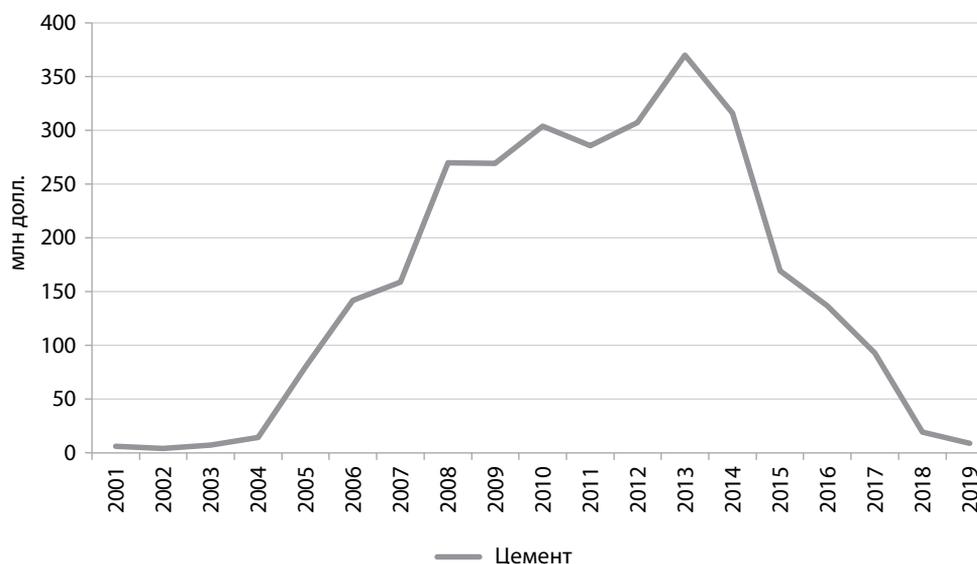
Figure 3. Chinese exports of special equipment for TPP and HPP to African countries in 2001–2019, USD million

Источник: рассчитано автором по: ИТС // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

Рисунок 4. Китайский экспорт цемента в страны Африки в 2001–2019 гг., млн долл.

Figure 4. Chinese export of cement to African countries in 2001–2019, USD million

Источник: рассчитано автором по: ИТС // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

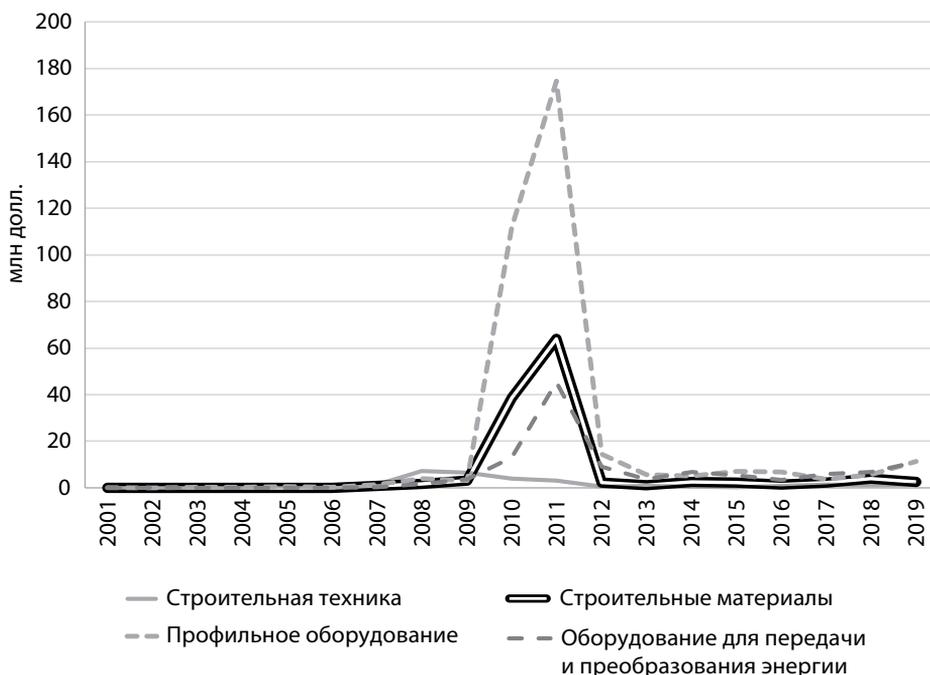
речисленного оборудования в страны Африки составил 2,24 млрд долл. (рис. 3). Максимальные объемы импорта данного оборудования приходились на определенную фазу строительства электростанций. Например, импорт паровых турбин и котлов в 2002–2003 гг. можно связать со строительством тепловой электростанции El Jaïli (460 МВт) в Судане [Srinivasan Sharath 2008, р. 7], а самый резкий пик в 2010–2011 гг. – со строительством угольной электростанции Morupule B (600 МВт) в Ботсване.

Пик поставок водяных турбин в 2006–2008 гг. приходится на строительство ГЭС Imboulou (120 МВт) в Республике Конго компанией СМЕС.

В начале 2010-х гг. при возведении китайскими подрядчиками ГЭС Djibloho (120 МВт) в Экваториальной Гвинее, ГЭС Bui Dam (400 МВт) в Гане, ГЭС Poubara 2 (160 МВт) в Габоне, ГЭС Felou (63 МВт) в Мали, ГЭС Itezhi-Tezhi Dam (120 МВт) в Замбии, ГЭС Gilgel Gibe III (1870 МВт), Tekeze (300 МВт) в Эфиопии и других менее крупных ГЭС наблюдались поставки водяных турбин в указанные страны. Пики в 2014 и 2016 гг. совпадают с реализацией соответствующих проектов в Эфиопии, Нигерии, Гвинее, Зимбабве, Кот-д’Ивуаре, Судане, Уганде и Камеруне, а в 2019 г. – со строительством ГЭС Souapiti (450 МВт) в Гвинее и ГЭС Zungeru (700 МВт) в Нигерии.

Рисунок 5. Китайский экспорт оборудования и материалов для ГЭС в Ботсвану в 2001–2019 гг., млн долл.

Figure 5. Chinese exports of equipment and materials for hydroelectric power plants to Botswana in 2001–2019, USD million

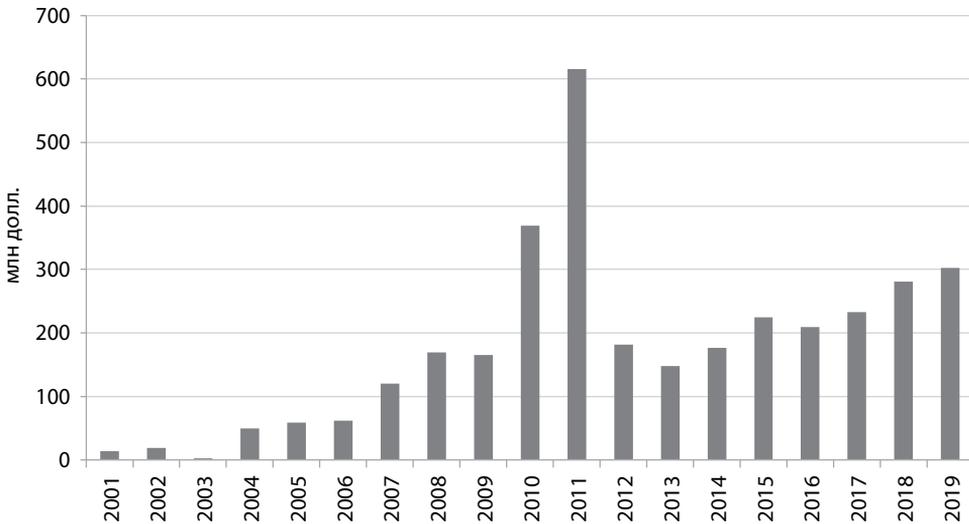
Источник: рассчитано автором по: ITC // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

Для строительства крупных электростанций, особенно ГЭС, требуется большое количество цемента. Во многих странах Африки местное производство не могло удовлетворить возникшие потребности в цементе, поэтому его приходилось импортировать. С началом реализации строительства крупных ГЭС можно наблюдать резкий рост импорта цемента из Китая (рис. 4), а такое же стремительное сокращение импортных поставок с 2013 г. можно объяснить, с одной стороны, введением ограничений или запретов на импорт цемента, и, с другой стороны, строительством китайскими и другими иностранными компаниями цементных заводов в странах Африки, например, в Анголе, Эфиопии и Нигерии.

Одним из показательных примеров связи между реализацией крупного проекта и импортом из Китая можно считать строительство ТЭС

Mogopule B в Ботсване (600 МВт), реализованное компанией SNEEC в 2009–2014 гг. Анализируя китайский экспорт соответствующего оборудования и материалов, можно отследить использование специфических машин и оборудования на различных этапах реализации проекта: преобладающее использование строительной техники (самосвалов, бульдозеров, экскаваторов и пр.) на начальном этапе проекта, затем поставки специфического энергетического оборудования (турбин, котлов, трансформаторов и пр.) и строительных материалов (цемента, арматуры и пр.) и, наконец, поставки оборудования для передачи и преобразования энергии (рис. 5). Пик экспортных поставок перечисленного оборудования пришелся на 2010–2011 гг., что привело к двукратному и трехкратному росту китайского экспорта в Ботсвану из Китая (рис. 6).

Рисунок 6. Китайский экспорт в Ботсвану в 2001–2019 гг., млн долл.
Figure 6. Chinese exports to Botswana in 2001–2019, USD million

Источник: рассчитано автором по: ITC // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

Альтернативная энергетика

Генерирующие мощности альтернативной энергетики по источникам энергии делятся на солнечные электростанции (СЭС), ветряные электростанции (ВЭС), малые ГЭС, приливные и волновые электростанции, геотермальные электростанции и электростанции, работающие на биотопливе. Наибольшее распространение получили технологии использования энергии солнца и ветра.

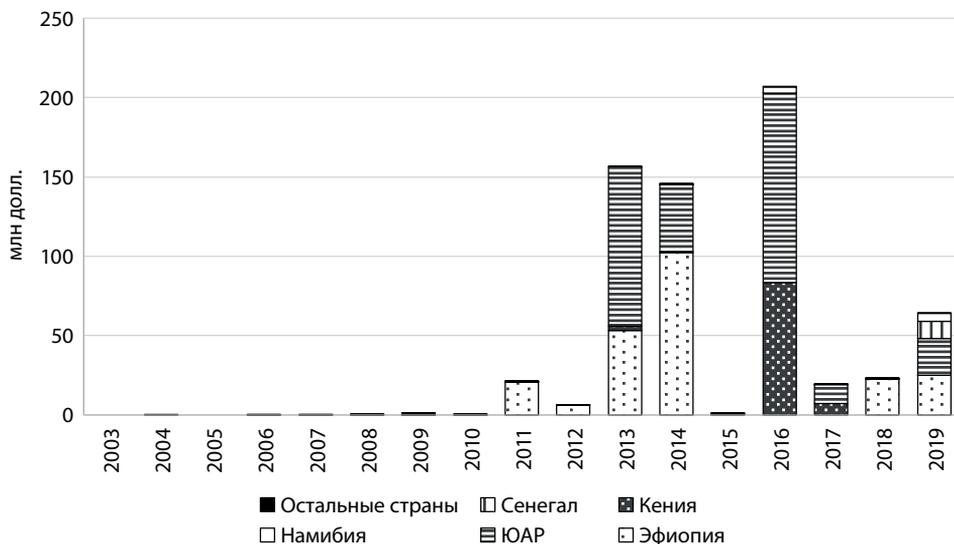
Проследить внешнеторговые операции в сфере ветряной и солнечной энергетики можно по товарным позициям «ветроэнергетические установки» и «фоточувствительные полупроводниковые приборы». Суммарный экспорт КНР ветрогенераторов в страны Африки за последние пятнадцать лет составил 650 млн долл., причем главным образом был направлен всего в три стра-

ны: ЮАР, Эфиопию и Кению. За этот период суммарный китайский экспорт фоточувствительных полупроводниковых приборов на африканский континент составил более 4,5 млрд долл. Если в начале 2000-х гг. львиная доля экспорта такого оборудования приходилась на ЮАР, то после мирового финансового кризиса география поставок стала стремительно расширяться и в настоящее время включает практически все африканские страны. В среднем на страны Африки в 2002–2019 гг. пришлось 13% китайского экспорта ветрогенераторов, но в 2013, 2014 и 2016 гг. их доля превышала 30%. За 2001–2019 гг. экспорт оборудования для солнечной энергетики в страны Африки составлял всего 2% от суммарного китайского экспорта этой продукции (рис. 8).

Эфиопия импортировала ветрогенераторы из Китая стоимостью 183 млн долл. в 2011–2015 гг. и 47,5 млн долл.

Рисунок 7. Экспорт КНР ветроэнергетических установок в страны Африки в 2003–2019 гг., млн долл.

Figure 7. China's export of wind turbines to African countries in 2003–2019, USD million

Источник: рассчитано автором по: ITC // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

в 2018–2019 г. (рис. 7), что обусловлено реализацией трех китайских проектов по строительству ВЭС в стране. В 2011–2012 гг. китайскими компаниями HydroChina и CGCOC была построена ВЭС Adama I (51 МВт), а в 2013–2015 гг. – ВЭС Adama II (153 МВт). В июне 2017 г. компания Dongfang Electric Corporation Limited начала строительство ВЭС Aysha II (120 МВт). Общая стоимость трех проектов составила 719 млн долл., причем в каждом проекте 85% расходов финансировалось за счет кредитов Eximbank. Это типичные примеры подрядных проектов китайских компаний со связанным китайским финансированием, когда большая часть необходимого оборудования закупается у китайских производителей. Так, ветрогенераторы для ВЭС Adama I и Adama II были поставлены китайскими компаниями Goldwind и Sany, а для ВЭС Aysha II – компанией Dongfang Electric Wind Power.

Строительство ВЭС De Aar Phase I (100,5 МВт) и De Aar Phase II (144 МВт) в ЮАР – первый китайский проект в ветряной энергетике Африки, в котором китайская компания выступила инвестором, подрядчиком и в дальнейшем отвечает за эксплуатацию объектов в рамках совместного предприятия с местной компанией. Проект был реализован Longyuan South Africa, дочерней компанией China Guodian Cooperation (CGC), в строительстве были использованы 163 ветряные турбины, мачты и вспомогательное оборудование китайских компаний Guodian United Power и Titan Towers. Общая стоимость проекта оценивалась в 377 млн долл., финансирование со стороны китайских банков не привлекалось. Помимо этого, другой китайский про-

изводитель, Sinovel, выступал поставщиком оборудования для двух проектов ВЭС в ЮАР общей мощностью 54 МВт, а Goldwind – поставщиком и подрядчиком при строительстве ВЭС Golden Valley (120 МВт) и Excelsior (33 МВт) компанией BioTherm Energy [Baker, Wei Shen 2017, p. 16]. Всего в течение реализации проектов из Китая были импортированы ветрогенераторы общей стоимостью 275 млн долл. в 2013–2017 гг. (рис. 7). Другим примером привлечения китайских поставщиков к проектам ВЭС является возведенная французско-намибийской компанией InnoSun Energy Holding ВЭС Ombero (5 МВт) в Намибии, ветрогенераторы для которой закупались у компании Xiangtan Electric Manufacturing Group.

Стоит отметить, что в ряде случаев экспортные поставки из КНР осуществляются компаниями с иностранным (преимущественно европейским) капиталом, имеющими производственные мощности на территории Китая. Например, можно проследить прямую связь между закупкой Кенией ветрогенераторов в Китае на сумму свыше 90 млн долл.³ в 2013–2017 гг. и использованием в проекте ВЭС Lake Turkana (310 МВт) 365 турбин производства датской компании Vestas, которой принадлежит несколько производственных площадок в Тяньцзине. Аналогичная ситуация наблюдается в Сенегале при строительстве ВЭС Taiba N'Diaye (159 МВт), для которой ветрогенераторы компании Vestas поставлялись одновременно из Дании и Китая.

Стремительный рост экспорта фоточувствительных полупроводниковых приборов в 2013–2019 гг. можно связать с началом участия китай-

3 Согласно Национальному статистическому бюро Кении, импорт ветрогенераторов из Китая в этот период составил 188 млн долл.

ских подрядных компаний и производителей оборудования в строительстве крупных СЭС в странах Африки (табл. 1 и рис. 8).

Ярким примером выхода китайских производителей на рынок ЮАР служит деятельность компании JinkoSolar. В декабре 2012 г. строительная компания WBHO Building Energy заключила с ней контракт на поставку 345 тыс. фотоэлектрических модулей для строительства СЭС Kathu (100 МВт) в ЮАР. В 2013–2014 гг. JinkoSolar получила заказы на поставку модулей для проекта СЭС (89 МВт), реализуемого СП испанской компании Acciona Energia и местной фирмы, а также двух проектов норвежской Scatec Solar суммарной производительностью 115 МВт. С учетом открывшихся перспектив JinkoSolar приняла решение в 2014 г. открыть завод по производству фотоэлектрических модулей в Кейптауне с объемом выпуска

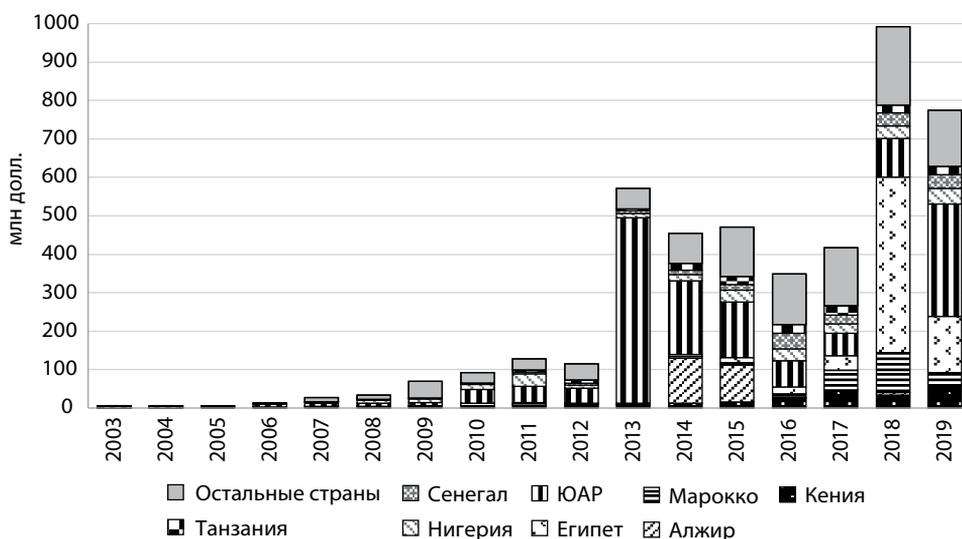
120 МВт в год. Впоследствии компания начала успешно продвигать свою продукцию и на рынках других африканских стран.

Помимо строительства крупных СЭС, подключенных к централизованному электросетям, наблюдается постоянный рост числа и автономных солнечных и гибридных электростанций как способов электрификации сельских районов Африки. Например, подобные решения использованы в проектах компании Huawei в Конго, Анголе и Камеруне.

Солнечные электростанции малой и сверхмалой мощности также стали одним из новых типов китайской помощи африканским странам. При запуске своего проекта KCO Lighting Africa компания Hanergy сообщила о поставке первой партии своей продукции, «солнечных зонтиков», для освещения и зарядки электронных устройств, без-

Рисунок 8. Экспорт КНР фоточувствительных полупроводниковых приборов в страны Африки в 2003–2019 гг., млн долл.

Figure 8. China's export of photosensitive semiconductor devices to African countries in 2003–2019, USD million

Источник: рассчитано автором по: ITC // <https://www.trademap.org/>, дата обращения 02.12.2020.

возмездно предоставляемой африканским странам в районы, удаленные от электросетей. В декабре 2018 г. компания Chint предоставила в дар Ghana Institution of Engineering солнечную установку мощностью 10 кВт. В том же месяце JinkoSolar в партнерстве с Schneider Electric заявили об участии в благотворительном проекте по установке автономной солнечной электростанции мощностью 55 кВт в египетской деревне Abu Ghuraqd.

Китайские компании также проявляют интерес к реализации других проектов на основе ВИЭ: геотермальных электростанций и электростанций, работающих на мусоре и биомассе. Китайская компания China National Electric Engineering участвовала в строительстве мусоросжигательного завода в Аддис-Абебе (50 МВт), открытого в августе 2018 г. Китайские компании CAMCE, COMPLANT и Jiangxi Jianglian International Engineering выступают

Таблица 1. Примеры китайских проектов в сфере солнечной энергетики в странах Африки в 2015–2018 гг.

Table 1. Examples of Chinese solar energy projects in Africa in 2015–2018

Страна	Название проекта	Годы реализации	Мощность	Описание проекта
Алжир	СЭС Adrar PV	2016–2018	233 МВт	Состоит из 16 отдельных солнечных парков. В конце 2013 г. консорциум китайских компаний Sinohydro, HydroChina и Yingli Green Energy Holding выиграл контракт на строительство фотоэлектрической СЭС
Гана	СЭС рядом с г. Виннеба	2015–2016	20 МВт	Beijing Xiaocheng Company, дочерняя компания Beijing Fuxing XiaoCheng Electronic, инвестировала 30 млн долл. в строительство фотоэлектрической (PV) СЭС
Египет	Benban Solar Energy Park (4 СЭС)	2018–2019	186 МВт	TBEA Sunoasis выступает подрядчиком в проектах по строительству 4 СЭС в солнечном парке Benban
Кения	СЭС Garissa	2016–2018	54,5 МВт	Фотоэлектрическая СЭС построена компанией China Jiangxi International, финансирование проекта в размере 137 млн долл. предоставлено китайским Eximbank. Фотоэлектрические модули закуплены у JinkoSolar
Марокко	СЭС Уарзат (Noor II)	2015–2018	200 МВт	Электростанция концентрированной солнечной энергии (CSP) построена Shandong Electric Power Construction, дочерней компанией Power Construction Corporation
Марокко	СЭС Уарзат (Noor III)	2015–2019	160 МВт	
Марокко	СЭС Уарзат (Noor IV)	Строится с 2017 г.	72 МВт	
Марокко	СЭС NOOR Laayoune	Строится с 2017 г.	80 МВт	
Марокко	СЭС NOOR Boujdour	Строится с 2017 г.	20 МВт	

Источник : составлено автором по материалам СМИ.

подрядчиками в строительстве нескольких сахарных заводов в Эфиопии, включающих сооружение работающих на биомассе электростанций.

Благодаря активной политике по продвижению ВИЭ Китаю в короткий срок удалось не только достичь поставленных целей по размеру установленной мощности внутри страны, но и стать крупнейшим производителем оборудования для солнечной и ветряной энергетики. Если на начальном этапе Китай был производственной площадкой для западных компаний, то теперь в первых строчках списка крупнейших производителей зачастую находятся китайские компании, что в особенности характерно для производства солнечных панелей. С приобретением необходимых компетенций китайские компании начинают активно осваивать зарубежные рынки в качестве поставщиков оборудования, подрядчиков проектов и инвесторов.

К концу 2018 г. установленные мощности ВЭС и СЭС в КНР достигли 184 и 175 ГВт соответственно, составив 19% от суммарной установленной мощности в стране. Однако их доля в производстве энергии составила менее 8% [Yearly Statistics 2019]. Все более острыми становились проблемы координации строительства энергетических мощностей и электрических сетей; географической удаленности регионов, производящих и потребляющих энергию; возрастающей финансовой нагрузки в виде государственных субсидий к тарифам на электроэнергию, полученную из возобновляемых источников. Для решения указанных проблем летом 2018 г. была скорректирована энергетическая политика, предусматривающая ограничение государственной поддержки новых проектов СЭС и снижение тарифов на электроэнергию, выработанную на СЭС. Таким образом, в 2018 г. обозначился переход от экс-

тенсивного развития индустрии ВИЭ в Китае к интенсивному.

Помимо ужесточения условий развития на внутреннем рынке, китайские компании столкнулись с торговыми барьерами за рубежом. В 2013 г. по результатам расследования Еврокомиссии страны ЕС ввели временные антидемпинговые пошлины на солнечные панели из Китая. Они были сняты только в сентябре 2018 г. По тем же причинам пошлины на эту категорию товаров были введены в США в 2014 г., солнечные панели попали в список товаров, которые стали облагаться дополнительными пошлинами в ходе торговой войны между США и Китаем. Летом 2018 г. 25%-я пошлина на китайские солнечные панели была введена в Индии для защиты интересов местных производителей.

В то же время ряд африканских стран принимает решительные меры по развитию альтернативной энергетики для повышения уровня электрификации в удаленных сельских районах, оптимизации структуры энергоснабжения и снижения зависимости от ископаемых видов топлива. Такие страны, как Египет, Марокко, Алжир, Тунис, ЮАР, Эфиопия и Кения, ставят перед собой амбициозные цели по выработке энергии из возобновляемых источников в средне- и долгосрочной перспективе. В связи с этим в ближайшие годы можно ожидать постепенного возрастания роли африканского направления в деятельности китайских компаний в сфере солнечной энергетики, их более агрессивной стратегии и жесткой конкуренции с западными производителями.

Таким образом, торговлю Китая со странами Африки следует рассматривать не отдельно, а в контексте двустороннего экономического взаимодействия в целом. Льготное китайское финансирование строительства инфра-

структурных объектов в странах Африки предусматривает участие китайских компаний в качестве подрядчиков и поставщиков, тем самым стимулируя китайский экспорт машин, оборудования и материалов. В свою очередь дипломатическая поддержка и возможность обеспечения финансирования проекта дают крупным китайским компаниям весомое конкурентное преимущество.

Среди факторов, влияющих на китайский экспорт в страны Африки, стоит назвать, во-первых, смену приоритетов во внешнеэкономической политике Китая, во-вторых, замещающие импорт инвестиции китайских компаний в производственные мощности, в-третьих, стимулирующие импорт крупные инфраструктурные проекты и проекты в сфере разработки природных ресурсов, в-четвертых, падение цен на сырье и вызванные этим экономические трудности в странах Африки.

В рассматриваемый период выросли масштабы реализуемых энергетических проектов, получили стремительное развитие проекты ВИЭ, что нашло отражение в изменении структуры и масштабов китайского экспорта. Выросла доля наукоемкой и высокотехнологичной продукции в китайском экспорте.

В сфере солнечной энергетики китайские компании сталкиваются с ужесточением условий на внутреннем и внешних рынках. В связи с этим можно ожидать активизации их деятельности на перспективных рынках африканских стран, включая участие в проектах по строительству СЭС и вынос производственных мощностей в страны Африки.

Несмотря на определенные риски, африканский рынок является крайне перспективным рынком для реализации энергетических проектов и сбыта соответствующей китайской про-

дукции. С учетом торговой конфронтации с западными партнерами можно ожидать постепенного повышения доли Африки во внешней торговле КНР.

Список литературы

Гемуева К.А. (2018) Китайские инфраструктурные проекты в странах АЮС: кредитное финансирование // *Контуры глобальных трансформаций*. Т. 11. № 5. С. 55–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73

Гемуева К.А. (2021) Сравнение стратегий крупных внешних игроков в развитии электроэнергетики в Африке южнее Сахары // *Сравнительная политика*. Т. 12. № 1. С. 49–68. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005

Дейч Т.Л. (2008) *Африка в стратегии Китая*. М.: Институт Африки.

Another Look at China's Involvement in the Power Sector in Sub-Saharan Africa (2019) // *Modern Diplomacy*, April 2, 2019 // <https://modern diplomacy.eu/2019/04/02/another-look-at-chinas-involvement-in-the-power-sector-in-sub-saharan-africa/>, дата обращения 02.12.2020.

Baker L., Wei Shen (2017) China's Involvement in South Africa's Wind and Solar PV Industries // SAIS-CARI. Working Paper. No 15, pp. 1–28 // <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5a3811fee4966b79a0ec06bc/1513624064682/lucy+v5.pdf>, дата обращения 02.12.2020.

Brautigam D. (2019) *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*, Oxford: Oxford University Press.

Brautigam D., Hwang J. (2019) Great Walls over African Rivers: Chinese Engagement in African Hydropower Projects // *Development Policy Review*, pp. 1–18. DOI: 10.1111/dpr.12350

Eom J., Brautigam D., Benabdallah L. (2018) *The Path Ahead: The 7th Forum*

on China-Africa Cooperation // SAIS-CARI. Briefing Paper. No 1, pp. 1–10 // <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5c467754898583fc9a99131f/1548121941093/Briefing+Paper+1+-+August+2018+-+Final.pdf>, дата обращения 02.12.2020.

IEA (2020). Access to Electricity. October 2020 // <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity>, дата обращения 02.12.2020.

Li Keqiang (2015) China Foreign Trade's Structure Should Be Optimized // Xinhua, April 5, 2015 // http://www.xinhuanet.com/politics/2015-04/05/c_1114873598.htm, дата обращения 02.12.2020 (на китайском).

Liu A., Wang Z., Huang M. (2016) A Study on the Factors Affecting China's Export Trade Commodity Structure under the New Normal // International Trade Issues, vol. 2, pp. 122–133 (на китайском). DOI: 10.13510/j.cnki.jit.2016.02.011

National Bureau of Statistics (2020) // <https://data.stats.gov.cn/>, дата обращения 02.12.2020 (на китайском).

Powanga L., Giner-Reichl I. (2019) China's Contribution to the African Power Sector: Policy Implications for African Countries // Journal of Energy, Article ID 7013594, pp. 1–10. DOI: 10.1155/2019/7013594

Srinivasan Sharath (2008) A Marriage Less Convenient: China and Sudan, and Darfur // Crouching Tiger, Hidden Dragon: Africa and China (eds. Sannusha Naidu, Kweku Ampiah), Durban: University of Kwazulu-Natal Press, pp. 55–85 // https://www.researchgate.net/publication/303260292_A_marriage_less_convenient_China_Sudan_and_Darfur, дата обращения 02.12.2020.

Yearly Statistics (2019) // China Electricity Council, January 22, 2019 // <http://www.cec.org.cn/d/file/guihuayutongji/tongjixinxi/niandushuju/2019-01-22/4fedb4c956f6059c5998913b10a6233a.pdf>, дата обращения 02.12.2020 (на китайском).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-8

Chinese Export to the African Countries: Links with Chinese Energy Projects

Karina A. GEMUEVA

Junior Researcher, Center for European Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: krina07@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5293-7925

CITATION: Gemueva K.A. (2021) Chinese Export to the African Countries: Links with Chinese Energy Projects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 145–163 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-8

Received: 08.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: Research is accomplished under the Russian Science Foundation grant no 17-78-20216 "Increasing competition between Russian and Chinese companies on the African continent: prerequisites, current status and prospects".

ABSTRACT. *The article examines the relationship between China's exports to African countries and the implementation of energy projects by Chinese companies. The structure of Chinese exports to Africa and trends in the development of bilateral trade is analyzed. Key factors explaining the close correlation between exports and project implementation are: first, the significant volume of tied financing provided by Chinese banks for the construction of energy infrastructure in African countries, second, the need of these countries to purchase a lot of high-tech equipment in the absence of relevant industries on their territory. The dynamics of supplies of specialized equipment from China used for the construction of various types of power plants - hydroelectric power plants, thermal power plants, wind power plants and solar power plants - is considered in detail. The article provides examples of energy projects of Chinese companies in African countries, for which the supply of equipment is directly found in the im-*

ports of the respective countries from China. The tendency for Chinese companies to open production facilities in African countries, in particular cement plants and a photovoltaic modules plant, is noted. The author concludes that the African market remains extremely promising for the implementation of energy projects and the sale of relevant Chinese products despite some negative factors.

KEYWORDS: *China, Africa, Chinese export, thermal power station, hydropower station, solar power station, wind power station, contract work, energy infrastructure, tied loan*

References

Another Look at China's Involvement in the Power Sector in Sub-Saharan Africa (2019). *Modern Diplomacy*, April 2, 2019. Available at: <https://moderndiplo->

macys.com/2019/04/02/another-look-at-chinas-involvement-in-the-power-sector-in-sub-saharan-africa/, accessed 02.12.2020.

Baker L., Wei Shen (2017) China's Involvement in South Africa's Wind and Solar PV Industries. SAIS-CARI. Working Paper. no 15, pp. 1–28. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5a3811fee4966b79a0ec06bc/1513624064682/lucy+v5.pdf>, accessed 02.12.2020.

Brautigam D. (2019) *The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa*, Oxford: Oxford University Press.

Brautigam D., Hwang J. (2019) Great Walls over African Rivers: Chinese Engagement in African Hydropower Projects. *Development Policy Review*, pp. 1–18. DOI: 10.1111/dpr.12350

Deich T.L. (2018) *Africa in China's Strategy*, Moscow: Institute for African Studies (in Russian).

Eom J., Brautigam D., Benabdallah L. (2018) The Path Ahead: The 7th Forum on China-Africa Cooperation. SAIS-CARI. Briefing Paper. No 1, pp. 1–10. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/5652847de4b033f56d2bdc29/t/5c467754898583fc9a99131f/1548121941093/Briefing+Paper+1+-+August+2018+-+Final.pdf>, accessed 02.12.2020.

Gemueva K.A. (2018) Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 55–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73

Gemueva K.A. (2021) Comparison of Major External Actors' Strategies for the Power Sector Development in Sub-Saharan Africa. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no 1, pp. 49–68 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10005

IEA (2020). Access to Electricity. October 2020. Available at: <https://www.iea.org/reports/sdg7-data-and-projections/access-to-electricity>, accessed 02.12.2020.

Li Keqiang (2015) China Foreign Trade's Structure Should Be Optimized. *Xinhua*, April 5, 2015. Available at: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-04/05/c_1114873598.htm, accessed 02.12.2020 (in Chinese).

Liu A., Wang Z., Huang M. (2016) A Study on the Factors Affecting China's Export Trade Commodity Structure under the New Normal. *International Trade Issues*, vol. 2, pp. 122–133 (in Chinese). DOI: 10.13510/j.cnki.jit.2016.02.011

National Bureau of Statistics (2020). Available at: <https://data.stats.gov.cn/>, accessed 02.12.2020 (in Chinese).

Powanga L., Giner-Reichl I. (2019) China's Contribution to the African Power Sector: Policy Implications for African Countries. *Journal of Energy*, Article ID 7013594, pp. 1–10. DOI: 10.1155/2019/7013594

Srinivasan Sharath (2008) A Marriage Less Convenient: China and Sudan, and Darfur. *Crouching Tiger, Hidden Dragon: Africa and China* (eds. Sanusha Naidu, Kweku Ampiah), Durban: University of KwaZulu-Natal Press, pp. 55–85. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303260292_A_marriage_less_convenient_China_Sudan_and_Darfur, accessed 02.12.2020.

Yearly Statistics (2019). *China Electricity Council*, January 22, 2019. Available at: <http://www.cec.org.cn/d/file/guihua-yutongji/tongjixinxi/niandushuju/2019-01-22/4fedb4c956f6059c5998913b10a6233a.pdf>, accessed 02.12.2020 (in Chinese).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9

Кластеры в африканской экономике как перспективная модель организации производства

Людмила Николаевна КАЛИНИЧЕНКО

старший научный сотрудник, Центр изучения проблем переходной экономики
Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская
Федерация

E-mail: kalinichenkolyudmila@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0531-9873

Евгения Викторовна МОРОЗЕНСКАЯ

кандидат экономических наук, заведующая Центром изучения проблем
переходной экономики, ведущий научный сотрудник, эксперт РАН
Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская
Федерация

E-mail: evmorozen@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6311-1718

ЦИТИРОВАНИЕ: Калиниченко Л.Н., Морозенская Е.В. (2021) Кластеры в африканской экономике как перспективная модель организации производства // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 164–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9

Статья поступила в редакцию 30.11.2020.

АННОТАЦИЯ. В целях привлечения в экономику частного капитала в ряде африканских стран выделяются территории, предназначенные для коммерческого и промышленного использования в рамках особых экономических зон (ОЭЗ). Это является важным фактором диверсификации экспорта (прежде всего продукции обрабатывающей промышленности), расширения участия страны в глобальных цепочках создания стоимости, появления новых рабочих мест. Несмотря на различную специализацию – от трудоемких (текстильное производство, сельское хозяйство) до высокотехнологичных секторов, – большинство действующих ОЭЗ малоэффек-

тивны из-за неразвитости африканских рынков, слабой конкуренции, масштабной коррупции, но в значительной мере – вследствие недостаточной взаимосвязи между отдельными товаропроизводителями.

Организация экономического пространства путем создания кластеров – институциональных «горизонтальных» соглашений между предприятиями, способствующих повышению эффективности производства и возникновению особого типа конкуренции, – позволяет им использовать общие инфраструктуру, рынки рабочей силы и сырья, совместно экспортировать продукцию, обмениваться знаниями и технологиями, что особенно

актуально в условиях новой промышленной революции. Кластеры обладают характеристиками «полюсов роста» – территориальных конгломератов, становящихся за счет своего особого положения и инфраструктурных преимуществ локомотивами промышленного роста, распространяемого на другие регионы.

Это особенно важно в условиях преобладания в африканских экономиках крайне неэффективных микро-, мелких и средних компаний, значительная часть которых относится к неформальному сектору. Возникающие, как правило, «снизу» кластеры могут превратиться в структурообразующие элементы хозяйства (как на национальном, так и на региональном уровне), но лишь при условии организационной и финансовой поддержки со стороны отдельных государств и их экономических сообществ. Это отвечает интересам развития африканских экономик, о чем свидетельствует их постепенная переориентация на развитие внутреннего рынка, а также расширение регионального рынка в рамках интеграционных объединений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, экономическое развитие, производство, инновации, особая экономическая зона, полюс роста, кластер, государственное регулирование, внутренний рынок, региональная интеграция

Неравномерность развития отдельных территорий до сих пор неоднозначно трактуется в рамках общей теории пространственной экономики [Richardson 1969; Гранберг 2001]. При этом связующим звеном между различными подходами остается категория «регион», нередко помещаемая в центр национальной и региональной экономической политики.

Цели ее различны: в развитых государствах – это устранение значительных расхождений между показателями безработицы и дохода на душу населения в разных районах страны, а в отсталых экономиках, к которым принадлежит большинство стран Африки, – это, прежде всего, выбор территории для размещения производства. Он зависит от многих факторов, среди которых наиболее важными являются, во-первых, природные условия и характер экономической деятельности, во-вторых – сравнительные затраты на производство товара и его доставку потенциальным потребителям. В Африке определяющим остается первый фактор, который влияет на объем производства первичных продуктов (добычу минерального сырья и выращивание культур тропического земледелия). Второй фактор, который особенно важен для снижения издержек производства за счет выбора региона с более низкой стоимостью труда и/или большими возможностями для частных инвесторов получить субсидии и налоговые льготы, начал приобретать заметное значение с началом рыночных реформ 1980–1990-х гг. [Морозенская 2019, с. 216–217].

Потребность в активном привлечении в экономику частного капитала, прежде всего иностранного, стимулирует африканские правительства развивать официально определенные территории, предназначенные для коммерческого и промышленного использования. На них создаются особые экономические зоны (ОЭЗ, Special Economic Zone) разного типа (экспортно-производственные зоны, зоны свободной торговли, свободные порты, эоиндустриальные парки, технопарки), где вводятся льготные условия хозяйственной деятельности (инвестирования, международной торговли, таможенных правил, налогооб-

ложения и делового климата в целом) для частных предпринимателей.

ОЭЗ появились в Африке преимущественно на территориях с развитой инфраструктурой и большими запасами минерального сырья, где наблюдалась наибольшая концентрация как местного, так и иностранного частного капитала. В настоящее время в странах континента, помимо 237 ОЭЗ, действуют более 200 зон, образованных на базе одного предприятия (Free Points). Среди 38 стран, где созданы ОЭЗ, в последние 10–15 лет наибольшее распространение они получили в Кении (61), Нигерии (38), Эфиопии (18), Египте (10), Камеруне (9). В наиболее эффективных ОЭЗ (их более 50 – в Египте, Нигерии и ЮАР) сосредоточены предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, производству и обработке алюминия и др., предоставляющие более 500 тыс. рабочих мест¹.

Значительная часть зон связана с предприятиями трудоинтенсивных отраслей – текстильной и сельскохозяйственной. Особые аграрные экономические зоны (ОАЭЗ), такие как Dube Trade Port (ЮАР), включают парниковое хозяйство, упаковочные и складские площади, лаборатории. Агропромышленные парки (АПП) типа Central Eastern Oromia (Эфиопия) нацелены на реализацию полного производственного цикла (выращивание культур и переработка сырья), обучение специалистов, внедрение новых технологий и др. Условия для создания новых АПП имеются, например, в штате Сокото, Нигерия, где уже действует учебная, производственная и обработочная база, накоплен определенный опыт управле-

ния в сельском хозяйстве [Гаврилова 2019]. В Африке появились ОЭЗ и в высокотехнологичных сегментах: в автомобильной (Марокко) и в нефтеперерабатывающей (Нигерия) промышленности.

ОЭЗ являются важным фактором диверсификации экспорта, особенно продукции обрабатывающей промышленности, и расширения участия развивающихся стран в глобальных цепочках создания стоимости. Создание зон совместно с иностранными партнерами позволяет привлекать их технологии и опыт, получать доступ к сети инвесторов. Так, при участии китайских компаний создаются ОЭЗ в Египте, Алжире, Эфиопии, Кении, Маврикии, Нигерии, Руанде, Замбии, в 2018 г. начала действовать ОЭЗ в Джибути – одна из крупнейших в Африке².

Вместе с тем, хотя вклад ОЭЗ в увеличение притока ПИИ и объема экспорта африканских стран соответствует в большинстве случаев среднемировым показателям, эффективность большинства этих зон пока невысока (успешны в среднем одна из пяти), среда обитания в районах интенсивной добычи и переработки природных ресурсов нередко деградирует, а возможности по созданию новых рабочих мест ограничены. Помимо неразвитости африканских рынков, слабой конкуренции местных товаропроизводителей, масштабной коррупции, причиной торможения развития всех видов ОЭЗ является, на наш взгляд, их недостаточная взаимосвязь с другими экономическими секторами, а также слабое взаимодействие между отдельными предпринимателями внутри зон.

1 Murphy K., Nogales E.G. (eds) (2017) Agricultural Growth Corridors. Territorial Tools for Agro-Industry Development // FAO UN // <http://www.fao.org/3/a-i6862e.pdf>, дата обращения 21.08.2020.

2 World Investment Report (2019) // UNCTAD, pp. 149–150 // <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2019>, дата обращения 20.02.2021.

Кластерный подход к развитию предпринимательской деятельности в странах Африки

В постиндустриальный период внедрение кластерных форм организации бизнеса способствовало повышению конкурентоспособности национальных экономик³. Категория кластера как самоорганизующейся структуры давно находится в центре исследований многих авторов, начиная с А. Маршалла и М. Портера, классифицировавшего кластеры по их нацеленности на различные товарные рынки: внешние (за пределами региона), локальные (местные, часто представленные инфраструктурными отраслями) и ресурсные [Портер 2000]. По мнению российского ученого Л.С. Маркова, «кластеры представляют собой географические концентрации взаимодействующих предприятий одной или нескольких отраслей, извлекающих выгоды из специфических местных активов, совместного расположения и социальной встроенности». Нельзя не согласиться и с тем, что «разнообразие и динамический характер взаимоотношений в кластере, а также специфическое влияние факторов внешней среды выливаются в одновременные конкурентные и кооперационные действия компаний», что «служит источником их роста и развития» [Марков 2015, с. 37, 110].

Понимание кластера как «построения экономических единиц на определенной территории, которое наиболее эффективно влияет на их конкурентоспособность» [Портер 2000, с. 258, 234] не противоречит понятию «тер-

риториально-производственный комплекс» (ТПК), применяемому в российской науке [Гранберг 2001, с. 27–28]. Однако в отличие от ТПК, подробно изученных в трудах А.Г. Аганбегяна, Э.Б. Алаева, А.Г. Гранберга, Н.Н. Колосовского, И.В. Пилипенко и других, для кластерных систем характерна тесная связь с культурным и социально-экономическим пространством территории.

ТПК представляют собой крупные вертикально интегрированные предприятия (в основном в отраслях горнодобывающей и тяжелой промышленности), управляющиеся из единого центра, тогда как кластеры включают, как правило, малые и средние (в Африке – также микро-) предприятия. Для образования кластера необходимо «наличие «критической массы» организаций и предприятий в одной либо смежных видах деятельности, иначе может не возникнуть синергического эффекта» самоорганизующихся систем⁴.

От ОЭЗ кластерные структуры отличаются в первую очередь тем, что их создание инициируется бизнесом, связано с экономической целесообразностью, а их территориальное размещение не ограничено законодательно, в то время как ОЭЗ организуются и регулируются государством, наделяющим их особым юридическим статусом, налоговыми и таможенными льготами.

В российском законодательстве под кластером понимается совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов, которая определяется Правительством РФ и управление которой осуществляется одной управляющей компанией, принадлежа-

3 The Global Competitiveness Report 2017–2018 // World Economic Forum // <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-index-2017-2018/countryeconomy-profiles/#economy>, дата обращения 18.11.2020.

4 Каркашин А. (2020) Кластерный подход к развитию промышленности // Yandex.ru // <https://zen.yandex.ru/media/id/5e7897962cfd9513394487f8/klasternyi-podhod-k-razvitiu-promyshlennosti-vy-sprashivali-my-otvechaem-5ed0c7f5048d3806d933a42a>, дата обращения 18.11.2020.

щей государству⁵. Вместе с тем в последнее время рассматривается вопрос о возможности создания «нового вида зон – кластерных», когда, напротив, «взаимодействующие кластеры могут быть частями ОЭЗ» [Жаркова 2017, с. 96].

В любом случае «симбиоз ОЭЗ и кластеров» может способствовать наращиванию экспортного потенциала и «станет мощным катализатором национального инновационного развития» [Turgel, Bozhko, Zinovieva 2019]. Одним из примеров подобных структур может служить Российская промышленная зона (РПЗ), создающаяся в Египте на территории Северного кластера Экономической зоны Суэцкого канала, вблизи Порт-Саида. Резидентам РПЗ будут доступны важнейшие логистические каналы, многочисленные торговые соглашения Египта, максимально упрощенные правила ведения бизнеса и «единое окно» для решения любых вопросов и задач. В перспективе РПЗ станет форпостом для продвижения российских товаров и услуг в регионе, при этом способствуя росту экономик России и Египта⁶.

Агломерации сконцентрированных в определенных местах предприятий, характеризующихся наибольшей предпринимательской активностью, интенсивностью инновационного процесса, оказывают благоприятный эффект на занимаемые ими территории и связанные с ними предприятия. В соответствии с разработанной французским экономистом Ф. Перру [Perroux 1961] теорией регионального роста, развитие всей экономической системы тесно свя-

зано с такими территориальными конгломератами – локальными «полюсами роста», которые за счет своего особого положения (территориального, социокультурного и проч.), а также различных инфраструктурных преимуществ становятся фактически локомотивами промышленного роста. В развивающихся странах, не обладающих исторически сложившейся структурой экономического пространства, идея создания «полюсов роста» – компактно расположенных зон, распространяющих импульсы развития (инфраструктурные услуги, технологии, квалификацию и др.) на другие территории страны, – нашла поддержку, но практически была реализована лишь в наиболее развитых государствах Азии.

В Африке этот процесс только разворачивается, и возникающие кластеры, предприятия которых получают возможность использовать общие инфраструктуру, рынок рабочей силы и сырья, совместно экспортировать продукцию, обмениваться знаниями и технологиями, что ведет к снижению издержек и повышению эффективности производства, росту конкурентоспособности, вполне можно рассматривать как «полюса роста» внутреннего рынка. Например, в Эфиопии, по подсчетам экспертов, при появлении в кластере новой конкурирующей компании фактор производительности возрастает на 0,92%, а по данным исследований, проведенных в Уганде и Танзании, 10%-е увеличение числа конкурирующих компаний ведет к уменьшению стоимости продукции на 0,3–0,4%⁷.

5 Закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 N 116-ФЗ (ред. от 30.12.2020). Статья 5. Условия создания особых экономических зон // Consultant.ru // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=372839&dst=1000000001%2C0#05023046829251472>, дата обращения 18.11.2020.

6 Состоялась презентация Российской промышленной зоны в Египте (2019) // Российский экспортный центр. 5 марта 2019 // https://www.exportcenter.ru/press_center/news/sostoyalas-prezentatsiya-rossiyskoy-promyshlennoy-zony-v-egipte/, дата обращения 17.01.2021.

7 Siba E. et al. (2012) Enterprise Agglomeration, Output Prices, and Physical Productivity: Firm-level Evidence from Ethiopia // UNU-WIDER. Working Paper. No 2012/85 // <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/wp2012-085.pdf>, дата обращения 02.10.2020.

Специфика экономики Африки состоит в том, что подавляющее число местных фирм представлено микро-, мелкими и средними компаниями, значительная часть которых относится к неформальному сектору. Подобная структура предпринимательства крайне неэффективна: в странах Западной Африки, например, до 90% всех предприятий являются микро- и малыми, но производят не более 30–50% ВВП [Хуену 2015]. При этом предприятия неформального сектора играют очень важную роль в создании рабочих мест и, соответственно, в уменьшении масштабов безработицы и смягчении острых социальных проблем. Поэтому объединение микро- и мелких заведений в кластеры может предоставить шанс беднейшим слоям населения включиться в производственный процесс. При этом работающие нередко по принципу Business to Business «узкоспециализированные мелкие предприятия могут удержаться на плаву, используя преимущества т. н. узлов концентрации производства, позволяющих им решать многие непосильные для отдельных предприятий задачи» [Рунов 2010].

Вместе с тем формирование кластера в странах Африки не означает автоматического роста предпринимательской активности: малый бизнес часто не выдерживает конкуренции, что приводит к снижению заработной платы работников и расходов на внедрение новых технологий, истощению природных ресурсов. Это является следствием высоких операционных и координационных издержек, неблагоприятного делового климата, противоречий между интересами компаний и ассоциирован-

ных с ними организаций, ограниченно-го доступа к финансовым ресурсам. В связи с этим в состав кластера должны входить бизнес-ассоциации, службы по развитию предпринимательства и оказанию финансовых услуг, в т. ч. банки, муниципальные и общенациональные органы власти, образовательные и научные учреждения⁸.

При поддержке ЮНИДО в лице координаторов проектов, агентов по развитию кластеров, технических консультантов в Африке было образовано несколько кластеров в таких странах, как Марокко, Тунис, Эфиопия, Уганда, Мадагаскар, ЮАР, Сенегал. Так, в Дакаре (Сенегал) объединившиеся в кластер производители обуви, продавцы рыбы, предприятия по сбору и переработке мусора вначале получали кредиты от банков, а впоследствии – от совместного гарантийного фонда. В Эфиопии 50 производителей растительного масла создали бизнес-ассоциацию The Right Edible Oil Producers plc., целями которой стали строительство завода по переработке семян масличных культур, повышение качества поставляемого сырья, организация подготовки специалистов по переработке, очистке и хранению растительного масла, а также установление связей с финансовыми и научно-образовательными организациями региона. В ЮАР совместно с Сельскохозяйственной академией была организована подготовка кластер-брокеров для работы в 10 агропромышленных кластерах⁹.

Расширение доступа производителей на внешние рынки способствует развитию кластеров. Так, кластер по выпуску одежды в Лесото получил импульс роста после того, как ЮАР и

8 The UNIDO Approach to Clusters Development. Key Principles and Project Experiences for Inclusive Growth (2014) // UNIDO // https://www.unido.org/sites/default/files/2014/01/UNIDO%20Cluster_Approach0.pdf, дата обращения 12.09.2020.

9 The UNIDO Approach to Clusters Development. Key Principles and Project Experiences for Inclusive Growth (2014) // UNIDO, pp. 23–26 // https://www.unido.org/sites/default/files/2014/01/UNIDO%20Cluster_Approach0.pdf, дата обращения 12.09.2020.

США отменили пошлины на импорт его продукции.

Особое значение для развития кластеров в Африке имеет включение в них образовательных центров. Например, в Марокко активный рост кластера Танжер-Мед, специализирующегося на электронике, автоматике и авиационной промышленности, связан в значительной степени с возможностью подготовки высококвалифицированных кадров на базе местных университетов. В Нигерии в состав технологического кластера Yabaco Valley (Лагос) входят, помимо ИКТ-компаний, Лагосский университет, Технологический институт, профтехучилище, Медицинский научно-исследовательский институт, банки, венчурные инвестиционные компании» [Калиниченко, Новикова 2019].

Помимо обеспечения квалифицированными научно-техническими кадрами, большое значение имеет подготовка управленческого персонала. В настоящее время отсутствие навыков управления у большинства предпринимателей тормозит инновационное развитие в кластерах, тогда как внедряемые государством программы подготовки менеджеров оказывают ощутимое влияние на рост их доходов. Например, реализация такой программы в одном из кластеров Ганы (Suame Magazine) привела к существенному росту (около 160%) совокупной годовой прибыли входящих в него предприятий¹⁰.

В Африке наиболее благоприятные условия для формирования кластеров складываются в городах, где имеются относительно развитая инфраструктура и банковский сектор, концентрируются рабочая сила и научные центры, растет потребительский рынок. Важ-

но и то, что кластеры способствуют быстрому росту числа стартапов, многие из которых служат инкубаторами и акселераторами для будущих компаний, предоставляя им рабочее пространство для обмена идеями, бизнес-планирования, обеспечивая техническую поддержку, доступ к новейшим интернет-продуктам и способствуя получению финансовой помощи от венчурных предпринимателей. Кластерная инициатива способствует выходу на новые рынки, привлечению прорывных технологий, разработке новых продуктов.

Роль государственной промышленной политики

Роль африканского государства в формировании производственного кластера должна состоять в планировании процессов урбанизации, осуществлении территориальной стратегии, оптимальном размещении инфраструктурных объектов с учетом сохранения окружающей среды. Особенностью кластеров в странах Африки является то, что зачастую они возникают «снизу», и мелкие фирмы взаимодействуют скорее на основе доверия и родственных отношений, а не заключенных контрактов и государственного планирования. Соответственно, постоянно расширяется сфера неформальной занятости, охватывающая в ряде стран до 70% трудоспособного населения.

Кластерная модель может способствовать постепенному выведению из тени наиболее перспективных производств при помощи как мер фискальной политики (гибкого налогообложения, предоставления дешевых кредитов, регулирования закупочных цен на

10 Industrial Clusters and Micro and Small Enterprises in Africa (2011) // World Bank, p. 9 // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2546/588500PUB0Indu101public10BOX353816B.pdf?sequence=1>, дата обращения 15.10.2020.

определенные товары и др.), так и социальных мер (контроль над условиями труда, бесплатные услуги здравоохранения, продвижение и поддержка профессионального и бизнес-образования) [Рунов 2010].

В задачи государства входит создание благоприятного делового климата для развития предпринимательства, в первую очередь финансовых институтов и механизмов для привлечения инвестиций, в т. ч. иностранных. Правительства ряда стран Африки вводят регуляторные рамки для упрощения налоговой системы, создают кредитные информационные бюро, обеспечивают финансовые стимулы для внедрения инновационных разработок. Однако вероятность получения банковского кредита мелкими африканскими предприятиями на 30%, а средними – на 13% меньше, чем крупными. В Нигерии, например, более 50% поданных ими заявок на кредиты были отвергнуты 2/3 опрошенных банков¹¹.

Для решения данной проблемы Африканский банк развития (АФБР) запустил совместно с Европейским инвестиционным банком инициативу Boost Africa и учредил Африканский гарантийный фонд (АГФ) для мелких и средних предприятий, действующий в 35 странах континента¹². Используются и такие механизмы, как лизинг, микрофинансирование, краудфандинг, финансирование компаний в рамках кластеров (в т. ч. на промежуточной стадии их создания) частным капиталом (включая венчурный), бизнес-ангелами и др. Доступ к финансовым операциям

мелкому бизнесу облегчает цифровизация экономики, в частности использование технологии блокчейн: например, в Кении при участии экспертов IBM создана логистическая платформа для микрокредитования Hyperledger Fabric, предназначенная для автоматизации бизнес-процессов с обеспечением высокой скорости проведения операций и их низкой стоимости¹³.

В последние годы африканские государства все чаще прибегают к использованию такой формы привлечения капитала, как государственно-частное партнерство (ГЧП). Главными сферами участия международных компаний становятся производственная инфраструктура и сектор ИКТ, превосходящий по темпам развития другие регионы мира и превращающийся в условиях 4-й промышленной революции в одну из важнейших составляющих социально-экономического развития стран Африки. Наряду с крупными компаниями, в сфере ИКТ появляются и такие кластеры, как Otigba Computer Village в Икедже (Нигерия), возникший в середине 1990-х гг. как неформальная агломерация мелких предпринимателей, но впоследствии включенный в государственную систему налогообложения¹⁴.

Важно отметить, что, наряду с ростом государственного потребления (прежде всего путем реализации крупных инвестиционных проектов), «основным триггером развития африканской экономики в 2000-е гг. стал рост частного потребления», вклад которого в экономический рост увеличивался в

11 African Economic Outlook (2017) // AFDDB, p. 225 // https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/AEO_2017_Report_Full_English.pdf, дата обращения 14.11.2020.

12 African Guarantee Fund for Small and Medium-sized Enterprises (2020) // AFDDB // <https://www.afdb.org/en/topics-and-sectors/initiatives-partnerships/african-guarantee-fund-for-small-and-medium-sized-enterprises>, дата обращения 12.11.2020.

13 Naude W. (2017) Entrepreneurship, Education and the Fourth Industrial Revolution in Africa // IZA. Discussion Paper Series. No 10855 // <http://ftp.iza.org/dp10855.pdf>, дата обращения 05.09.2020.

14 Industrial Clusters and Micro and Small Enterprises in Africa (2011) // World Bank, p. 221 // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/2546/588500PUB0Indu101public10BOX353816B.pdf?sequence=1>, дата обращения 15.10.2020.

период с 2010 по 2016 г. на 3,6% ежегодно. По мнению известного российского ученого И.О. Абрамовой [Абрамова 2018], в экономическом развитии Африки формируются два новых тренда: рост роли реального сектора экономики и ускорение развития отраслей, ориентированных не на внешний, а на внутренний рынок.

В связи с этим создание ГЧП в рамках кластеров представляется перспективным не только для строительства, модернизации и последующего обслуживания инфраструктурных объектов (в водном хозяйстве, электроэнергетике, на транспорте и др.), но и для реализации социально ориентированных проектов, создающих условия для развития производства, следовательно – расширения внутреннего рынка, увеличения занятости и благосостояния населения [Пашкова, Морозенская, Тамбо, Калиниченко 2019]. Это согласуется с такими принципами «государства для развития» (Developmental State), как способность к объединению участников рынка и государственных ресурсов для достижения конкретных целей экономического развития. При этом необходимо согласование промышленной политики на отдельных территориях, в т. ч. занятых кластерами, между муниципальными властями и центральным правительством.

Территориально-экономический подход к исследованию и практическому формированию «полюсов роста» вполне применим, как представляется, и к объединенному рынку стран – участниц региональной интеграционной группировки. Очевидно, что ни таможенный союз, ни валютный союз (как, например, зоны франка КФА в Западной и в Центральной Африке) не могут служить единственной основой глубоких и устойчивых экономических связей между их товаропроизводителями. Это возможно лишь при це-

ленаправленном развитии специализации и кооперации между странами, совместном строительстве крупных промышленных и транспортных объектов и т. д.

Последствия финансовых кризисов и неэффективной экономической политики стран Африки, негативно сказавшиеся на их экономическом положении и внешнеторговой деятельности, побуждают государства Африки смещать акценты в стратегии развития в пользу региональных рыночных объединений, чтобы успешно противостоять внешним негативным влияниям. Соответственно, важным фактором экономического развития становятся не только внешняя торговля и приток иностранного капитала, но и расширение регионального рынка за счет интеграции национальных экономик [Морозенская 2018, с. 160–175].

Таким образом, расширение кластерной системы стоит рассматривать как один из путей развития в странах Африки государственно-частного предпринимательства и создания бизнес-модели для включения мелких и средних предпринимателей в цепочки создания стоимости, что способствует достижению устойчивого развития. В ряде стран континента уже появился и постепенно расширяется опыт создания пространств с благоприятным для ведения бизнеса инвестиционным климатом, где происходит развитие процессов разделения труда, формирование и взаимодействие всех видов общественных отношений. При условии проведения последовательной экономической политики поддержка африканскими государствами производственных кластеров широкого профиля может способствовать их превращению в структурообразующие элементы хозяйства – как на национальном уровне, так и в рамках региональных экономических сообществ.

Список литературы

Абрамова И.О. (2018) Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер? // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 5. С. 6–21. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21

Гаврилова Н.Г. (2019) Агропромышленные парки как перспективная форма модернизации сельскохозяйственного производства в Африке // *Морозенская Е.В. (ред.) Экономика Африки в эпоху глобальной технологической революции. Сборник статей*. М.: Институт Африки РАН. С. 40–77.

Гранберг А.Г. (2001) *Основы региональной экономики*. М.: ВШЭ.

Жаркова Н.Н. (2017) Интеграция кластера и особой экономической зоны как инструмент реализации Концепции 2020 // *Экономика, предпринимательство и право*. Т. 7. № 2. С. 95–102. DOI: 10.18334/errp.7.2.38403

Калиниченко Л.Н., Новикова З.С. (2019) Нигерия: курс на инновации // *Азия и Африка сегодня*. № 11. С. 29–35. DOI: 10.31857/S032150750007019-2

Колосовский Н.Н. (1969) *Теория экономического районирования*. М.: Мысль.

Марков Л.С. (2015) *Теоретико-методологические основы кластерного подхода*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.

Морозенская Е.В. (2018) *Государственное регулирование экономики в Африке*. М.: Институт Африки РАН.

Морозенская Е.В. (2019) «Новый регионализм» в Африке: форма приспособления к глобализации или попытка противодействия современному неокOLONIALИЗМУ? // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 4. С. 209–227. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227

Пашкова Е.В., Морозенская Е.В., Тамбо Р.Х.Т., Калиниченко Л.Н. (2019) Возможности решения социальных проблем стран Африки на основе государственно-частного партнерства // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. Т. 19. № 2. С. 244–260. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-244-260

Портер М. (2000) *Конкуренция*. М.: Вильямс.

Рунов Б.Б. (2010) Африка Южнее Сахары: новые формы организации хозяйственной деятельности // *Азия и Африка сегодня*. № 9. С. 23–26.

Хуену Э.Р. (2015) Модель поддержки развития микро и малого предпринимательства на примере стран Западной Африки // *Экономика и предпринимательство*. № 3. С. 953–959 // <http://naukarus.com/model-podderzhki-razvitiya-mikro-i-malogo-predprinimatelstva-na-primere-stran-zapadnoy-afriki>, дата обращения 22.01.2021.

Ketels C., Lindqvist G., Sölvell Ö. (2006) *Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies*, Stockholm: Center for Strategy and Competitiveness.

Perroux F. (1961) *L'économie du 20 siècle*, Presses Universitaires de Grenoble.

Porter M. (1998) Cluster and New Economics of Competition // *Harvard Business Review*. November-December // <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition>, дата обращения 22.01.2021.

Richardson H.W. (ed.) (1969) *Regional Economics: Location Theory, Urban Structure and Regional Change*, Westport, Conn.: Praeger Publishers.

Turgel I.D., Bozhko L.L., Zinovieva E.G. (2019) Cluster Approach to Organization of Special Economic Zones in Russia and Kazakhstan // *R-economy*, vol. 5, no 2, pp. 71–78. DOI: 10.15826/recon.2019.5.2.008

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9

Clusters in Africa's Economy as a Perspective Model of Production

Lyudmila N. KALINICHENKO

Senior Researcher, Centre for Transitional Economy Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: kalinichenkolyudmila@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0531-9873

Evgenia V. MOROZENSKAYA

PhD in Economics, Head of the Centre for Transitional Economy Studies, Leading
Researcher, Expert of the Russian Academy of Sciences
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: evmorozen@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6311-1718

CITATION: Kalinichenko L.N., Morozenskaya E.V. (2021) Clusters in Africa's Economy as a Perspective Model of Production. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 164–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-9

Received: 30.11.2020.

ABSTRACT. *For attracting private capital to the economy, African governments allocate territories for commercial and industrial use within Special Economic Zones (SEZ). This is an important factor in export diversification (primarily of manufactured products), expanding country's participation in global value chains, and creating new jobs. Despite different specialization from labor-intensive (textile production, agriculture, etc.) to high-tech sectors, most of the existing SEZs are ineffective due to the underdevelopment of African markets, weak competition, large-scale corruption, but to a large extent – as a result of insufficient interconnection between individual producers.*

Economic space organization through the creation of clusters – production efficiency and the emergence of a special type of competition – allows them to use common infrastructure, labor and raw materials markets; jointly export products; exchange knowledge and technolo-

gies, which is significant in terms of the industrial revolution 4.0. Clusters have the characteristics of “growth poles” – territorial conglomerates that, due to their special position and infrastructural advantages, become locomotives of industrial growth, spreading to other regions.

This is especially important given the prevalence of highly inefficient micro, small and medium-sized companies in African economies, a significant part of which is in the informal sector. Clusters, emerging as a rule “from below”, can turn into structure-forming elements of the economy (both at the national and regional levels), but only on condition of organizational and financial support from individual states and their economic communities. This is in the African economies interest, as evidenced by their gradual reorientation towards the domestic market development, as well the regional market expansion within the framework of integration associations.

KEYWORDS: *Africa, economic development, production, innovation, special economic zone, growth pole, cluster, government regulation, domestic market, regional integration*

References

- Abramova I.O. (2018) Africa in the Modern Model of the World Order: A Powerful Player or an Outsider? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 6–21 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-6-21
- Gavrilova N.G. (2019) Agro-Industrial Parks as a Promising Form of Modernization of Agricultural Production in Africa. *The Economy of Africa in the Era of the Global Technological Revolution* (ed. Morozenskaya E.V.), Moscow: Institute for African Studies, pp. 40–77 (in Russian).
- Granberg A.G. (2001) *Fundamentals of Regional Economics*, Moscow: HSE (in Russian).
- Huenu E.R. (2015) A Model for Supporting the Development of Micro and Small Businesses on the Example of West African Countries. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, no 3, pp. 953–959. Available at: <http://naukarus.com/model-podderzhki-razvitiya-mikro-i-malogo-predprinimatelstva-na-primere-stran-zapadnoy-afriki>, accessed 22.01.2021 (in Russian).
- Kalinichenko L., Novikova Z. (2019) Nigeria: Course for Innovation. *Asia and Africa Today*, no 11, pp. 29–35 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750007019-2
- Ketels C., Lindqvist G., Sölvell Ö. (2006) *Cluster Initiatives in Developing and Transition Economies*, Stockholm: Center for Strategy and Competitiveness.
- Kolosovsky N.N. (1969) *The Theory of Economic Regionalization*, Moscow: Mysl' (in Russian).
- Markov L.S. (2015) *Theoretical and Methodological Foundations of the Cluster Approach*, Novosibirsk: IEIE SB (in Russian).
- Morozenskaya E.V. (2018) *State Regulation of Economy in Africa*, Moscow: Institute for African Studies (in Russian).
- Morozenskaya E.V. (2019) 'New Regionalism' in Africa: Form of the Adaptation to Globalization or the Attempt of Opposition to Modern Neocolonialism? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 4, pp. 209–227 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-209-227
- Pashkova E.V., Morozenskaya E.V., Tambo R.H.T., Kalinichenko L.N. (2019) Possibilities of Solving Social Problems in Africa by Means of Public-Private Partnership. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 244–260 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-244-260
- Perroux F. (1961) *L'économie du 20 siècle*, Presses Universitaires de Grenoble.
- Porter M. (1998) Cluster and New Economics of Competition. *Harvard Business Review*. November-December. Available at: <https://hbr.org/1998/11/clusters-and-the-new-economics-of-competition>, accessed 22.01.2021.
- Porter M. (2000) *Competition*, Moscow: Williams (in Russian).
- Richardson H.W. (ed.) (1969) *Regional Economics: Location Theory, Urban Structure and Regional Change*, Westport, Conn.: Praeger Publishers.
- Runov B.B. (2010) Sub-Saharan Africa: New Forms of Business Organization. *Asia and Africa Today*, no 9, pp. 23–26 (in Russian).
- Turgel I.D., Bozhko L.L., Zinovieva E.G. (2019) Cluster Approach to Organization of Special Economic Zones in Russia and Kazakhstan. *R-economy*, vol. 5, no 2, pp. 71–78. DOI: 10.15826/recon.2019.5.2.008
- Zharkova N.N. (2017) Integration of the Cluster and the Special Economic Zone AS A Tool for the Implementation of the Concept 2020. *Economy, Entrepreneurship and Law*, vol. 7, no 2, pp. 95–102 (in Russian). DOI: 10.18334/epp.7.2.38403

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России?

Сергей Феликсович СУТЫРИН¹⁾

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики

Санкт-Петербургский государственный университет, 191123, ул. Чайковского, д. 62, ауд. 402, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: s.sutyurin@spbu.ru, s.sutyurin@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-2429-7123

Ирина Александровна КОРГУН²⁾

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва, Российская Федерация

E-mail: irinakorgun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1496-4375

ЦИТИРОВАНИЕ: Сутырин С.Ф., Коргун И.А. (2021) Насколько специфичны южнокорейские инвестиции в экономику России? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 176–194.
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Статья поступила в редакцию 10.12.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: 1) в рамках научного проекта РФФИ и Академии общественных наук Китая № 19-51-93009 «Торговая политика России и Китая в условиях трансформации международной торговой системы»
2) в рамках темы госзадания «Процессы региональной и трансрегиональной интеграции и их влияние на развитие экономики стран российского «пояса соседства»: новые возможности и угрозы для России».

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются южнокорейские зарубежные инвестиции в страны со средним уровнем дохода в 2012–2019 гг. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить отличия и общие моменты с наблюдаемой структурой вложений в России за аналогичный период. Рабочей гипотезой является тезис о том, что инвестиционные стратегии конкретных стран определяются бизнесом, кото-

рый, в свою очередь, основывается на приоритетах компаний в части оптимизации ресурсов и максимизации прибыли в глобальном масштабе. В этом случае инвестиции в Россию являются частью инвестиционной стратегии отдельных фирм. Также в исследовании обсуждаются, какие новые отрасли могут стать потенциальным объектом для инвестиций южнокорейских компаний в Россию и каким образом может

на это повлиять сохраняющий режим санкций.

Полученные результаты указывают на то, что распределение южнокорейских инвестиций в России в целом соответствует тому, что можно наблюдать в других исследуемых странах. При этом размеры вложений прежде всего детерминированы мотивом получения доступа к рынку. В ближайшие годы сложно ожидать роста объемов инвестирования в Россию ввиду нестабильной ситуации в мировой экономике. Дополнительное негативное давление будет оказывать смена администрации в США и сохраняющийся режим санкций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прямые зарубежные инвестиции, Россия, Южная Корея, санкции США, российско-южнокорейское сотрудничество

Введение

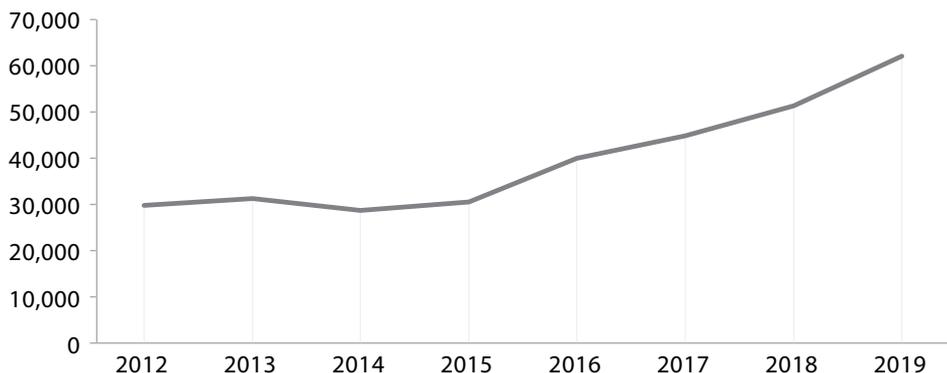
Международная инвестиционная деятельность южнокорейских компаний значительно возросла в 2010-е гг. По данным Корейского экспортно-импортного банка, в 2019 г. объем годовых

корейских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) достиг исторического максимума – 61 млрд долл. США (рис. 1). Экспансия бизнеса из Республики Кореи (далее также Южная Корея) была направлена практически на все регионы мира, включая Россию. Однако интенсивность этой экспансии может иметь свои особенности, зависящие от целого ряда параметров экономического развития страны-реципиента и прежде всего уровня доходов населения.

Россия традиционно придает большое значение углублению инвестиционного сотрудничества с зарубежными партнерами. Республика Корея относится к тем странам, приток ПЗИ из которых сопряжен с получением российской экономикой широкого спектра ощутимых положительных эффектов. С этой точки зрения важно представлять, как характер инвестиций соотносится с общим трендом южнокорейских зарубежных капиталовложений.

В данной статье анализируется характер инвестиций, поступающих из Республики Корея в сопоставимые с Россией по показателю валового на-

Рисунок 1. Динамика южнокорейских ПЗИ в 2007–2019 гг., млн долл. США
Figure 1. Dynamics of South Korean FDI outflows in 2007-2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

ционального дохода (ВНД) на душу населения страны. Как известно, ВНД на душу населения является интегральным показателем, который отражает уровень развития экономики и позволяет судить о покупательной способности населения. Эти параметры зачастую имеют принципиальное значение для бизнеса при принятии решений об инвестировании. Вместе с тем ВНД на душу населения широко используется в качестве исходного показателя при расчете широкого спектра экономических эффектов, например, выгод от торговли или инвестиций.

В качестве рабочей гипотезы был принят тезис о том, что на современном этапе развития мировой экономики, где большую роль играют глобальные цепочки добавленной стоимости, стратегии ведущих стран-инвесторов формируются на основе приоритетов их компаний в части оптимизации распределения ресурсов и максимизации прибыли в глобальном масштабе. Соответственно, на разных рынках компании действуют в рамках единой глобальной стратегии, отдельные элементы которой могут адаптироваться к конкретному рынку. В этом случае динамика и структура инвестиций в Россию будут определяться общей инвестиционной стратегией отдельных южнокорейских фирм. Также в исследовании обсуждается вопрос возможного влияния сохраняющегося режима санкций на среднесрочные перспективы инвестиций корейских компаний.

Информационной базой для исследования в части статистических данных о географической и отраслевой структуре южнокорейских инвестиций послужили материалы Корейского экспортно-импортного банка и Центрального банка России. Сведения о ВНД на душу населения взяты из базы данных ЮНКТАД.

Особенности южнокорейских инвестиций в 1990–2000-е гг.

В литературе принято выделять две группы факторов, влияющих на прямые зарубежные инвестиции: *факторы притягивания* и *факторы выталкивания* [Fernandez-Arias 1996]. *Факторы выталкивания* связаны с ограничением возможностей приложения свободного капитала в соответствующих юрисдикциях, что ориентирует компании на поиск зарубежных объектов для инвестирования. *Факторы притягивания* – это совокупность экономических, социальных, политических, правовых характеристик стран-реципиентов, которые делают их привлекательными для иностранных инвесторов. Согласно исследованию Fratzscher об инвестиционной активности в мире в 2005–2010-е гг., факторы выталкивания, которые не зависят от стран-реципиентов, играют не менее важную роль, чем факторы притягивания. При этом, как правило, в условиях нестабильности роль факторов выталкивания заметно повышается [Fratzscher 2012]. Иными словами, факторы, которые заставляют компании инвестировать за рубежом, могут доминировать над страновой спецификой стран-реципиентов. Однако последняя способна в определенной степени стимулировать или сдерживать инвестиционные потоки.

Все вышеизложенное важно иметь в виду, оценивая южнокорейские инвестиции в России в сравнении с другими странами-реципиентами. Резонно предположить, что на инвестиционные решения южнокорейских компаний прежде всего могут оказывать именно факторы выталкивания. К таким факторам, в частности, относится мотивация для выхода на зарубежные рынки и/или финансово-хозяйственное положение осуществляющей зарубежные капиталовложения компании.

Однако для работы на разных национальных рынках они нередко склонны выбирать различные модели инвестиционного поведения, зависящие от страны приложения капитала.

На основании комбинации факторов выталкивания и притягивания исследователи выделяют 4 типа мотивации [Dunning 1993] для осуществления ПЗИ: получение доступа к рынку (market-seeking), ресурсам (resource-seeking), технологиям (technology-seeking) и повышению эффективности (efficiency-seeking, экономия на издержках). Подобный подход вполне применим и к зарубежной инвестиционной активности южнокорейских компаний. Например, в исследовании [Kim, Driffield, Love 2018] отмечается, что после финансового кризиса 2008 г. южнокорейские ПЗИ в части лежащих в их основе причин эволюционировали по двум направлениям. С одной стороны, мотивация для ПЗИ в развитые страны сменилась с «получения доступа к технологиям» на «получение доступа на рынок». С другой стороны, на развивающихся рынках этот же мотив заменил ранее доминировавшее «повышение эффективности» [Kim, Driffield, Love 2018].

Подтверждение отмеченных выше перемен в мотивации, хотя они

датируются несколько более ранним периодом времени, содержится в результатах опроса, проведенного Корейской промышленной корпорацией [Korea Industrial Complex Corporation 2013, p. 14]. Выяснилось, что в 1990-е гг. южнокорейский бизнес инвестировал за рубеж преимущественно с целью развития экспорта (в приведенной выше классификации данная цель может быть связана с несколькими указанными мотивами) и экономии на трудовых издержках (фактически является частью мотива «повышение эффективности»). Вместе с тем в 2000-е и начале 2010-х гг. резко возрастает значимость доступа на рынок (табл. 1). Логично предположить, что схожая трансформация могла наблюдаться и при инвестировании в Россию в 2010-е гг.

В одной из своих работ авторы уже отмечали, что рост южнокорейских инвестиций в Россию в 2000-е гг. был обусловлен также и улучшением экономического положения в России. Увеличение доходов российского населения на фоне преодоления кризисных тенденций 1990-х гг. повысил в глазах южнокорейского бизнеса привлекательность российского рынка для инвестиций в целом [Сутырин, Попова, Коргун 2014].

Таблица 1. Типы мотивации южнокорейских компаний для осуществления ПЗИ, %
Table 1. Types of FDI motives of Korean companies, %

Тип мотивации	1993–2002	2003–2012
Доступ на рынок	6,3	44,8
Экономия на трудовых издержках	12,7	15,2
Преодоление торговых барьеров	4	4
Участие в ресурсных проектах	5,4	4,8
Развитие экспорта	59,7	27,0
Доступ к технологиям и ноу-хау	3,0	2,7

Источник: [Korea Industrial Complex Corporation 2013, p. 14].

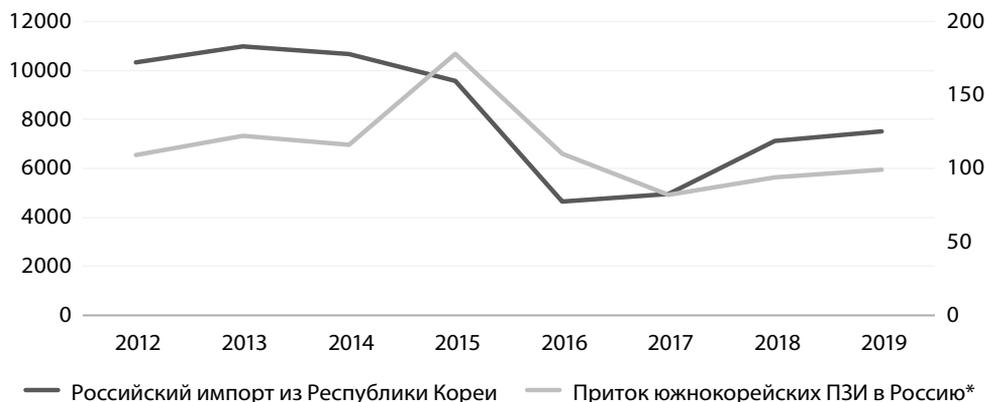
Исследователи в Республике Корея также отмечали ряд благоприятных факторов, которые стали дополнительными стимулами для инвестиций из этой страны. В 2000–2010-е гг. корейское правительство проводило «Новую северную политику», направленную на углубление сотрудничества с Россией, что способствовало определенной активизации бизнеса из Южной Кореи на российском направлении. В указанные годы довольно активно изучались возможности для реализации мегапроектов: развития транспортных магистралей в Евразии, использования Северного морского пути, трехстороннего сотрудничества в СВА, – с привлечением к сотрудничеству КНДР¹. Данная статья продолжает изучение южнокорейских инвестиций в Россию, концентрируя внимание на их специфике в 2012–2019 гг. и ее интерпретации в контексте инвестиций в другие страны с аналогичным уровнем дохода.

Динамика корейских инвестиций в экономику России в 2012–2019 гг.

В рассматриваемый период, в 2012–2019 гг., общий тренд южнокорейских инвестиций в Россию имеет форму перевернутой V: объем ежегодных вложений увеличивался до 2015 г. После этого он сократился до 2016 г. до 82 млн долл. США, вернувшись к значениям, близким к 100 млн долл. США в 2018 г. и 2019 г. (рис. 2). Падение вложений из Южной Кореи после 2015 г. было вызвано обесцениванием российского рубля по отношению к доллару США в 2014 г., а также негативным экономическим эффектом санкций Запада. Несмотря на то, что Республика Корея не присоединилась к санкционным мерам, российско-южнокорейское сотрудничество ощутило на себе негативное влияние данного события. В 2016 г. более чем на 40% упал и внешнеторговый оборот.

Рисунок 2. Объем российского импорта из Республики Кореи и южнокорейские ПЗИ в Россию в 2012–2019 гг., млн долл. США

Figure 2. The volume of Russian imports from South Korea and Korean FDI outflows to Russia in 2012–2019, million US dollars

* Данные отложены по правой шкале.

Источник: составлено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

¹ Среди последних работ по данной проблематике можно отметить: [Song 2019; Lee 2015; Lee et al. 2015; Choi, Lee 2019; Kim 2019].

Всего за восемь лет южнокорейские компании вложили в российскую экономику 910 млн долл. США. Из них 48% пришлось на обрабатывающую промышленность, далее следует сектор розничных продаж, сельское хозяйство, строительство, финансовый сектор и горно-добывающая промышленность (табл. 1). Среди новых проектов в обрабатывающей промышленности стоит отметить запуск производства бойлеров и отопительного оборудования компанией «Навьен», которая с 2016 г. является обладателем знака «Марка года» в России [Kyeondong Navien 2019], покупку компаний СиДжэй российского производителя полуфабрикатов «Равиоли» и ее вхождение в холдинг «СиДжэй Чейль Чедан» [CJ Cheil Jedang 2020], выход на российский рынок косметического гиганта «АморэПасифик» [Lee 2020].

Сектор розничных продаж занял вторую позицию в качестве объекта для инвестиций благодаря тому, что в 2015 г. был одновременно сделан довольно крупный объем вложений на сумму 109 млн долл. США. Из них 78 млн долл. США пришлось на розничные продажи кондитерских изделий, еще 17 млн долл. США – на розничную сеть автодилеров (табл. 2). В числе стабильных получателей южнокорейских ПЗИ было

и российское сельское хозяйство. Период после 2014 г. также был отмечен единичными проектами в финансовой сфере. Стоит иметь в виду, что вторая половина 2010-х гг. характеризуется повышением глобальной инвестиционной активности южнокорейского бизнеса в секторе финансовых услуг, что выразилось в росте его доли в структуре совокупных южнокорейских ПЗИ в мире.

Вписывается ли Россия в общий тренд?

На динамику южнокорейских инвестиций в Россию в 2012–2019 гг. влияние могли оказывать различные факторы. Восприятие потенциала российского рынка, общих условий ведения бизнеса в стране, финансовое положение корейского бизнеса и его переход на новую стадию инвестиционного цикла – каждый из данных аспектов и по отдельности, и в совокупности воздействовал на стратегии корпоративного сектора Южной Кореи в области осуществления капиталовложений.

Для подтверждения (или опровержения) отправной гипотезы проанализируем, насколько динамика инвестиций в Россию совпадает с общим трендом

Таблица 2. Отраслевая структура южнокорейских ПЗИ в Россию в 2012–2019 гг., млн долл. США

Table 2. Industry structure of South Korean FDI outflows to Russia in 2012-2019, USD million

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сельское хозяйство	25	12	9	8	10	7	21	7
Добывающая промышленность	16	–	3	0,2	18	–	1	1
Обрабатывающая промышленность	60	42	50	59	51	50	52	75
Услуги	9	68,3	54	110,8	31	24,9	20	16
Итого	109	122,3	116	178	110	82	94	99

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

южнокорейских ПЗИ в страны с аналогичным уровнем дохода на душу населения. В этом же контексте заслуживает внимания и вопрос о том, насколько характерно приведенное выше отраслевое распределение вложений для других государств, входящих в указанную группу.

По данным ЮНКТАД российский валовой национальный доход на душу населения в 2012 г. составлял 14 875 долл. США в текущих ценах, к 2018 г. он снизился до 11 110 долл. США в текущих ценах (рис. 2). Для сравнения были выбраны страны, ВНД которых варьировался в пределах 10–20 тыс. долл. США. В 2012 г. таких стран было всего 19. В их число попали Аргентина, Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Казахстан, Латвия, Литва, Малайзия, Мексика, Польша, Словакия, Турция, Уругвай, Хорватия, Чехия, Чили, Экваториальная Гвинея, Эстония. И только в 11 из них Корея осуществляла инвестиции: Аргентину, Бразилию, Казахстан, Малай-

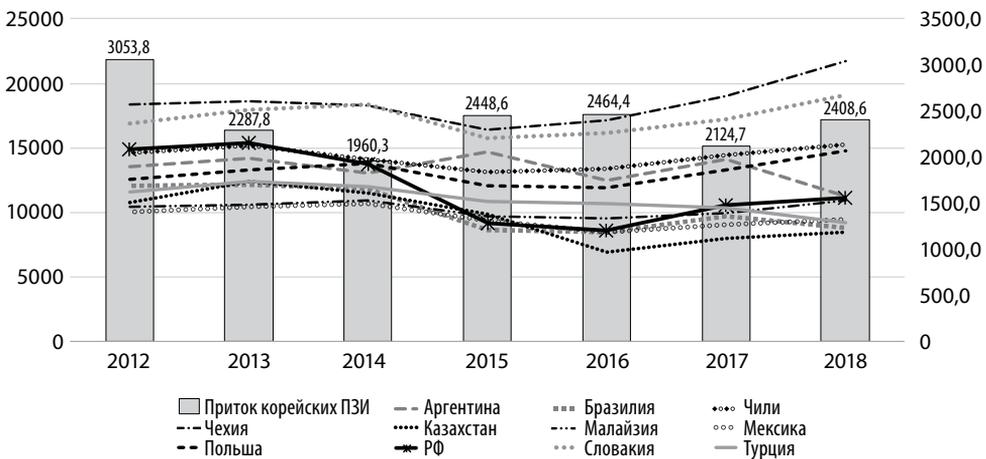
зию, Мексику, Польшу, Россию, Словакию, Турцию, Чехию, Чили. Это довольно разнородная с точки зрения географического положения совокупность, динамика ВНД на душу населения которых на протяжении 2012–2018 гг. также была различной (рис. 3).

В целом динамика ежегодных вложений из Южной Кореи в 11 стран с доходом на душу населения в пределах 10–20 тыс. долл. США, представленная на рисунке 3, была схожа с той, что наблюдалась в России. Иными словами, южнокорейские ПЗИ сокращались в 2013–2014 гг., 2016 г. и увеличивались в 2015 и 2017 г. Соответственно, наблюдавшиеся колебания инвестиционных потоков на российском рынке отражали общий тренд.

Сопоставление динамики притока южнокорейских инвестиций в указанные 11 стран с изменением уровня их ВНД в 2012–2018 гг. позволяет ставить вопрос о признаках обратной свя-

Рисунок 3. Динамика ВНД на душу населения (долл. США) и поток южнокорейских ПЗИ в 2012–2018 гг., млн долл. США

Figure 3. Dynamics of GNI per capita (US\$) and South Korean FDI outflows in 2012–2018, USD million

* Данные по южнокорейским ПЗИ отложены по правой шкале, данные по ВНД на душу населения 11 стран – по левой.

Источник: составлено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

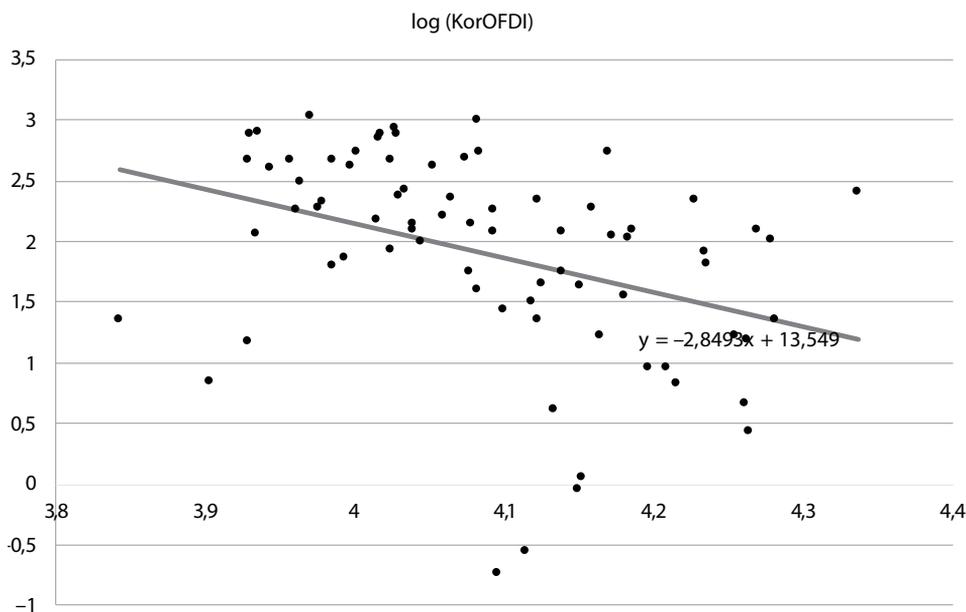
зи между двумя показателями. Южнокорейские ПЗИ имели тенденцию снижаться при повышении уровня ВНД на душу населения (рис. 4). Это отличает характер инвестиций в указанные годы от наблюдавшегося ранее, когда, как отмечалось выше, инвестиции в Россию росли на фоне увеличивавшегося уровня дохода. Но обратная связь между объемом инвестиций и доходом на душу населения также вступает в известное противоречие с данными о том, что в указанные годы основная мотивация южнокорейских инвесторов состояла в том, чтобы получить доступ на рынки стран-реципиентов (*market-seeking investment*). Если бы это было так, то

в рамках простейшей интерпретации рост доходов ассоциировался бы с ростом покупательной способности населения и стимулировал инвестиции.

Можно предположить, что наблюдаемые различия инвестиций в указанных 11 странах были связаны не с одним типом мотивации, а сразу с несколькими. Южнокорейские компании были нацелены на то, чтобы обеспечить комплексный эффект от вложений, выражающийся в получении доступа на рынки, обеспечении ресурсами и оптимизации распределения производственных мощностей бизнеса в глобальном масштабе². В таком случае достижение одной из поставленных целей (напри-

Рисунок 4. Соотношение притока южнокорейских ПЗИ с уровнем ВНД на душу населения в 11 странах в 2012–2018 гг.

Figure 4. The ratio of South Korean FDI outflows to the level of GNI per capita in 11 countries in 2012–2018

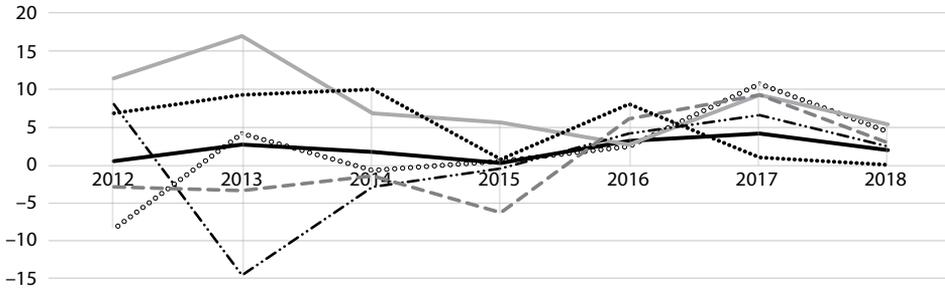

Источник: построено авторами на основании данных [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

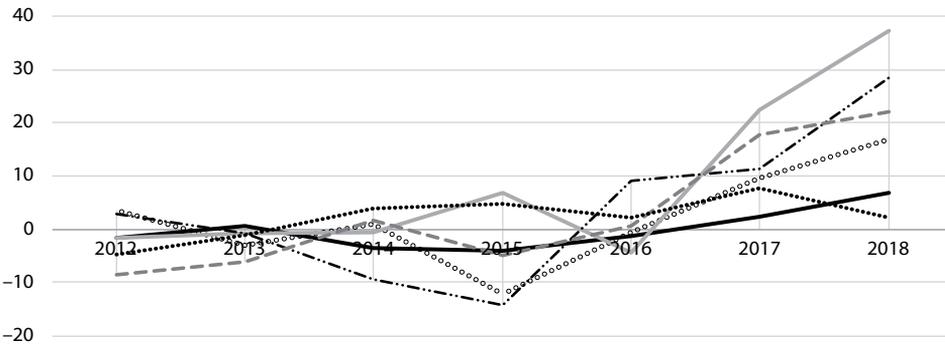
² Отдельно отметим, что стратегия по заключению Южной Кореей соглашений о зонах свободной торговли со странами Юго-Восточной Азии и Латинской Америки строилась, исходя из возможности получения именно такого комплексного эффекта [Korgun 2016].

Рисунок 5. Показатели деятельности корпоративного сектора Республики Кореи по отраслям обрабатывающей промышленности в 2012–2018 гг., %
Figure 5. South Korea's corporate sector performance indicators by manufacturing industry in 2012-2018, %

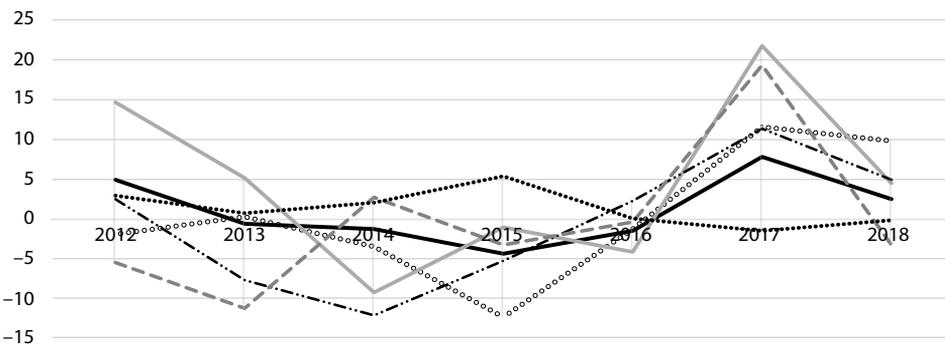
5-1. Темпы прироста активов

5-2. Темпы прироста материально-технических запасов

5-3. Темпы прироста продаж

— Все отрасли ○○○ Химическая промышленность - - - Электрическое оборудование
 — Электроника и IT ●●● Автомобилестроение - - - Прочие машины и оборудование

Источник: составлено авторами на основании данных портала статистической информации Республики Кореи // <http://kosis.kr/>

мер, окончание строительства завода и старт производства, или начало добычи ресурсов) могло вести к снижению притока ПЗИ. Например, в России завершение реализации крупнейшего южнокорейского инвестиционного проекта компании «Хендэ», который позволил довести объем ежегодных южнокорейских вложений в российскую экономику до 430 млн долл. США на рубеже 2010-х гг., привело к снижению притока ПЗИ в последующие годы.

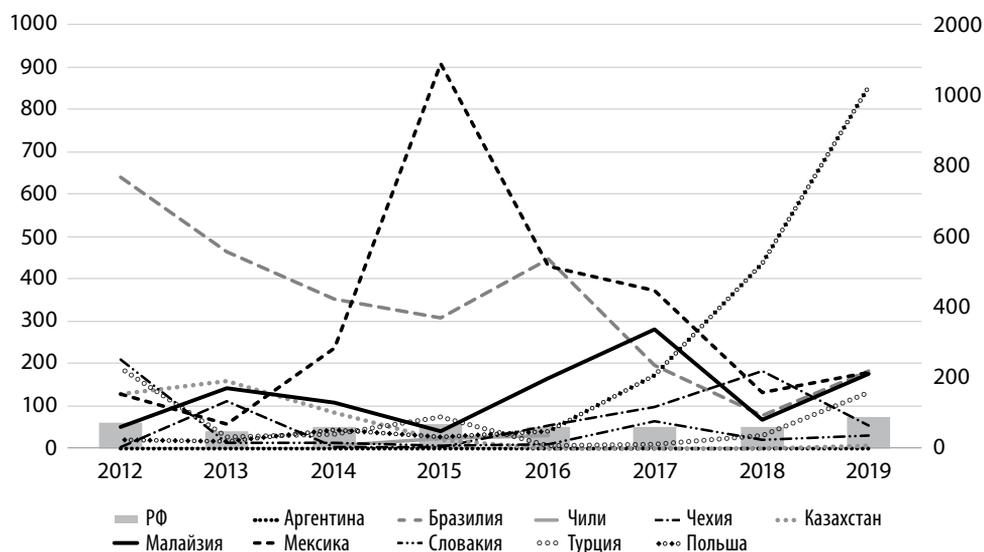
Общее положение дел в компании также является важным фактором их инвестиционной активности. Данные о показателях функционирования крупного бизнеса в Республике Корее, который обеспечивает основной объем ПЗИ, указывают на то, что период с 2012 до 2016 г. в целом был не очень благоприятен с точки зрения роста продаж. Как видно из рисунков 5–1, 5–2, 5–3, в 2012–

2016 гг. наблюдалось падение прироста текущих активов, материально-технических запасов и объема продаж южнокорейского бизнеса. Как правило, в подобные периоды неопределенности решения о новых масштабных инвестиционных проектах маловероятны.

Если сравнить данные 11 стран в разрезе отраслевой структуры южнокорейских ПЗИ, то можно заметить существенные различия. Так, инвестиции в обрабатывающую промышленность не демонстрируют сколько-нибудь ярко выраженного тренда, страновая динамика отличается за известным исключением 2018 г., отмеченного во всех государствах, кроме Польши и Чехии, спадом. На этом фоне инвестиции в российскую промышленность (рис. 6) выглядят более стабильно, хотя объем их меньше, чем в большинстве рассматриваемых юрисдикций.

Рисунок 6. Республике Корее ПЗИ в обрабатывающую промышленность в 11 странах в 2012–2019 гг., млн долл. США

Figure 6. South Korean FDI outflows to manufacturing in 11 countries in 2012–2019, USD million

Источник: [UNCTAD 2020; Korea Exim 2020].

Несмотря на то, что Россия относится к числу стран-экспортеров природных ресурсов, для Республики Кореи характерен низкий уровень вложений в российскую добывающую промышленность. Вместе с тем южнокорейские инвестиции в добывающие отрасли указанных 11 стран также не отличаются стабильностью (рис. 7). После 2015 г. активность на данном направлении и вовсе отсутствовала. Безусловно, не все страны из выборки обладают запасами природных ресурсов. Однако указанная неоднородная динамика, скорее всего, связана с внутренними факторами в экономике стран-реципиентов. После 2014 г. южнокорейское правительство сократило финансирование ресурсных проектов за рубежом, что не могло не сказаться на общей картине. Иными словами, деятельность Сеула на данном

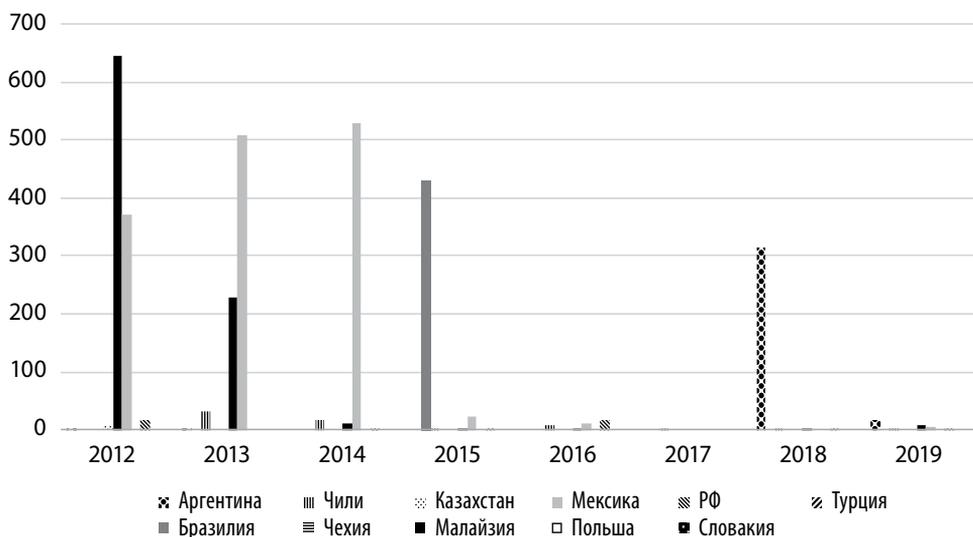
направлении в 2012–2019 гг. была весьма непоследовательной, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

Наконец, данные о южнокорейских инвестициях в сектор услуг (рис. 8) показывают в целом низкий уровень вложений в России в сравнении с другими рассматриваемыми экономиками. Несмотря на емкий рынок, по объему вложений Россия отстает от стран Латинской Америки и Малайзии в привлечении южнокорейских инвестиций. После небольшого подъема в 2013–2015 гг. ежегодный приток ПЗИ вернулся к уровню 2012 г.

Таким образом, тенденции южнокорейских инвестиций в Россию в 2012–2019 гг. в части общей динамики совпадали с инвестиционной активностью Южной Кореи в рассматриваемых юрисдикциях. Однако были зафиксированы определенные отличия в от-

Рисунок 7. Южнокорейские ПЗИ в добывающую промышленность в 11 странах в 2012–2019 гг., млн долл. США

Figure 7. South Korean FDI outflows to the extractive industry in 11 countries in 2012–2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

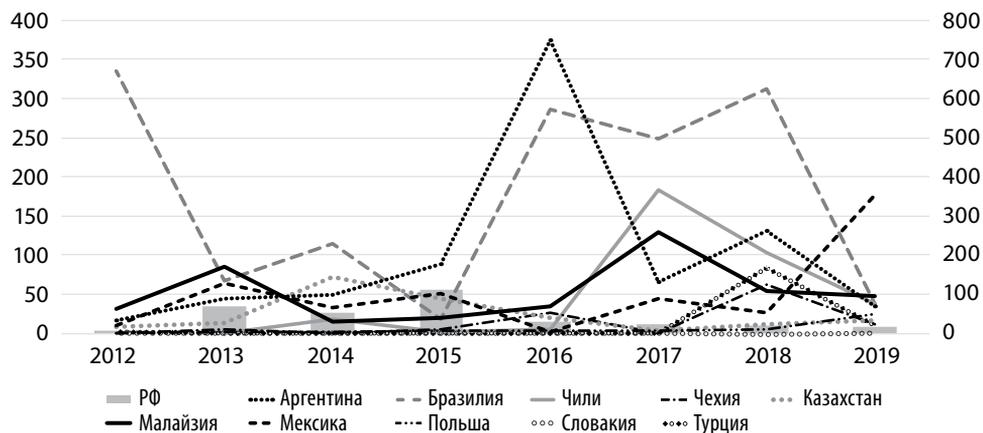
раслевым распределении капиталовложений. Внимание на себя обращают, в частности, инвестиции в обрабатывающую промышленность. Стоит отметить, что инвесторами в данном случае обычно выступают крупные корейские компании – преимущественно ТНК, которые, как отмечалось ранее, определяют место и роль конкретного рынка в своей стратегии. С этой точки зрения Россию вряд ли можно сравнивать с Мексикой, которая характеризуется более низким уровнем стоимости рабочей силы и близостью к американскому рынку, или Бразилией, расположенной в непосредственной близости к рынкам других стран южноамериканского континента и имеющей отличную от России структуру затрат. Соответственно, распределение ПЗИ в отрасли экономики этих стран будут варьироваться.

Применительно к южнокорейским производственным ТНК также необходимо учитывать фактор того, когда корейский бизнес начал осваивать соответствующие рынки. Среди стран выборка Россия, возможно, в силу геогра-

фической близости, оказалась в фокусе раньше, чем многие другие страны. С учетом сроков наступления тех или иных фаз инвестиционного цикла вполне логично предположить, что пик притока южнокорейских ПЗИ в нашу страну был достигнут с определенным опережением.

Наконец, отметим, что за 2000-е гг. южнокорейский бизнес выработал стратегию деятельности на российском рынке, которая не всегда совпадает с видением и приоритетами руководства своей страны. Между тем характер взаимоотношений между корпоративным сектором и государством в Южной Корее таков, что в последние годы государство не оказывает ощутимого прямого влияния на принятие бизнес-единицами решений о выходе на тот или иной зарубежный рынок, в т. ч. рынок Российской Федерации. Безусловно, имеет место косвенное воздействие с помощью различных инструментов фискальной и денежной политики, но окончательное решение остается все же за менеджментом корпораций.

Рисунок 8. Южнокорейские ПЗИ в сектор услуг 11 стран, 2012–2019 гг., млн долл. США
Figure 8. South Korean FDI outflows to the service sector of 11 countries, 2012–2019, USD million

Источник: составлено авторами на основании данных [Korea Exim 2020].

Перспективы развития инвестиционного сотрудничества между Россией и Республикой Корея

В рамках рассматриваемой проблемы закономерно задуматься о возможных тенденциях в южнокорейских инвестициях в России в среднесрочной перспективе. Исходя из представленного выше анализа, можно предположить, что ПЗИ будут развиваться неравномерно и зависеть от того, насколько российский рынок будет представлять интерес для экспансии тех корейских компаний, которые еще на нем не присутствуют. Также в периоды смены фаз инвестиционного цикла следует ожидать заметного сокращения инвестиций. К этому следует добавить и воздействие пандемии. Оно, как представляется, будет ощущаться еще несколько лет, негативно влияя на приток ПЗИ из Республики Кореи.

В качестве потенциальных сфер для инвестирования можно отметить несколько отраслей. Прежде всего это логистика. Дальнейшее развитие и более интенсивное использование дальневосточных транспортных магистралей могло бы придать позитивный импульс двустороннему взаимодействию. В его основе – альтернативные, предоставляющие возможность снизить издержки пути транспортировки грузов южнокорейскими компаниями как в Россию, так и на рынки стран Европы. Вместе с тем есть вероятность того, что перспектива конкуренции с Китаем, который развивает проект «Один пояс – один путь» с подключением к нему маршрутов, проходящих по территории России, может заставлять южнокорейскую сторону проявлять известную осторожность. Уже сегодня китайский бизнес активно использует железные дороги России, что сокращает сроки поставок товаров. В свою очередь южно-

корейские компании преимущественно ориентируются на морские пути, сопряженные с увеличением сроков доставки и расходов, связанных с ней. Но при этом нет указаний на то, что Республика Корея готова более активно использовать возможности, открываемые проектом «Один пояс – один путь».

Отдельного внимания заслуживает добывающий сектор. Как правило, ресурсная дипломатия – вопрос межгосударственных отношений, который требует решений первых лиц соответствующих государств. Низкий уровень инвестиций со стороны Республики Кореи, в частности, связан с непоследовательностью позиции южнокорейской стороны и ее недостаточной активностью. Речь в первую очередь идет о нехватке стабильных контактов на высшем уровне, которые способствовали бы решению проблемных вопросов двусторонних отношений с выходом на практические результаты.

Еще одним направлением, где могут реализовываться совместные инвестиционные проекты, является повышение цифровизации производственных процессов и их дальнейшая адаптация к условиям удаленной работы. На сегодняшний день большая часть соответствующих технологий создается на Западе и в некоторых странах Азии. Сотрудничество с южнокорейскими партнерами способно ощутимо помочь российской промышленности стать активным участником процесса.

Говоря о цифровизации, следует отдельно упомянуть анализ данных для определения предпочтений потребителей. Спрос на различного рода алгоритмы и технологии, аналитическое программное обеспечение в России, как и во многих странах мира, будет оставаться высоким. Прочные позиции корейского бизнеса в производстве технологий для анализа больших данных делают его потенциальным инвестором в эти сферы.

В результате может сложиться особый вектор в развитии двусторонних отношений России и Республики Кореи. Его формирование потребует вовлечения новых участников, создания новой инфраструктуры, более активного диалога по широкому кругу вопросов. Однако реальное приращение инвестиций по указанным направлениям ограничивается пробелами в законодательстве обеих стран и конкуренцией в подходах к принципам регулирования цифровых отраслей. Следует отметить, что единства взглядов по данному вопросу пока нет и среди членов мирового сообщества в целом. Большинство государств пока скорее склонны к проявлению протекционизма, нежели к открытию соответствующих секторов для зарубежных инвестиций. Поэтому проработка вопросов законодательного регулирования и защиты прав интеллектуальной собственности является неотъемлемым условием инвестиционного сотрудничества в этой сфере.

Представляется также целесообразным сделать несколько замечаний относительно одного из тех условий, которые южнокорейский бизнес будет принимать во внимание при инвестировании в Россию. По мнению авторов, в первую очередь, здесь необходимо отметить усиление влияния факторов геополитического характера.

В последние несколько лет санкционное давление стало неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии США. В настоящее время происходит его ужесточение и нет предпосылок ожидать, что частота использования санкций как меры принуждения к определенному образу действий снизится. Администрация Дж. Байдена, скорее всего, продолжит принимать ограничительные меры в отношении России и ряда других государств, особенно в финансовой сфере, и расширит их спектр [Аналитик *Economist* спро-

гнозировал новые санкции 2020]. При этом нельзя исключить и усилия США по вовлечению в этот процесс своих союзников в Западной Европе и других регионах мира [Wadhams, Mohsin 2020].

В этом случае одним из способов ужесточения санкционного режима, с большой долей вероятности, станет расширение так называемых вторичных санкций. Они предусматривают ограничительные меры американского казначейства и Министерства торговли в отношении использования услуг американской банковской системы и возможности получения американских технологий посредством экспортных операций [Dettoni 2019]. Назначение заместителем министра финансов США Адевалле Адейемо указывает на то, что администрация Д. Байдена будет стремиться к тому, чтобы повысить действенность санкций за счет мер финансового надзора и финансовой разведки.

Как демонстрируют ситуации с китайской компанией «Хуавэй» или строительством газопровода по дну Балтийского моря Газпромом, санкции начинают все больше распространяться на иностранные компании и банки, принимающие участие в проектах с российскими или китайскими компаниями. В перспективе может возрасти давление на южнокорейский бизнес, занятый в самых различных сферах, с целью ограничить его деятельность в России. Соответственно, определенное число компаний из Южной Кореи может изменить свои планы на российском направлении из опасений попасть под ограничительные меры американского казначейства или Министерства торговли. В отличие от того же ЕС, у Республики Кореи практически нет в этом контексте механизмов для защиты собственных инвестиционных интересов. В силу союзнических отношений, а также длительных и масштабных торговых связей страна находится в большой зависимости от

США. Многие южнокорейские компании имеют там технологические подразделения, что увеличивает вероятность ограничений на передачу технологий.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что динамика южнокорейских инвестиций в России в целом соответствует общему тренду, который наблюдается в странах с уровнем дохода на душу населения в пределах 10–20 тыс. долл. США. Наблюдаемые отличия могут быть связаны с тем, какое место отводится стране в глобальных стратегиях южнокорейских компаний. Определенное воздействие на различия оказывают и фазы освоения рынков.

Вместе с тем стоит заметить, что поскольку выбранный временной период небольшой, то выявить некую устойчивую закономерность не представляется возможным. Дополнительную аргументацию можно получить в рамках детального изучения данных по накопленным инвестициям, который авторы планируют провести в дальнейшем.

Перспективы развития российско-южнокорейского инвестиционного сотрудничества будут во многом зависеть от положения дел в мировой экономике. В настоящий момент, когда продолжается борьба с пандемией COVID-19, ситуация указывает на то, что ближайшие годы сложно ожидать увеличения объемов инвестирования в Россию. Возрастает действие геополитических факторов, усиливается противостояние между отдельными странами, под вопросом находится функционирование ряда международных экономических организаций. Все эти факторы будут вносить элемент нестабильности в инвестиционное сотрудничество России и Республики Кореи. Вместе с тем определенные шансы на поступатель-

ное развитие сохраняются. Хочется верить, что общими усилиями наших стран их удастся материализовать.

Список литературы

Аналитик *Economist* спрогнозировал новые санкции США против России (2020) // RBC. 4 декабря 2020 // <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fc8bce29a7947f3181c99f9>, дата обращения 18.12.2020.

Сутырин С.Ф., Попова Л.В., Коргун И.А. (2014) Российско-корейские экономические отношения: текущее состояние и перспективы развития // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 5: Экономика. № 3. С. 27–51 // <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1822/1660>, дата обращения 23.02.2021.

Cheng L.K., Kwan Y.K. (2000) What Are the Determinants of the Location of Foreign Direct Investment? The Chinese Experience // *Journal of International Economics*, vol. 51, no 2, pp. 379–400. DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Choi S.B., Lee Y.Ch. (2019) 한국 북방 물류의 효율적 운영방안에 관한 연구 [A Study on the Effective Operation of Northern Logistics in Korea] // *한국물류학회지* [Korea Logistics Review],

29권 5호 pp. 61–74 (на корейском).

CJ Cheil Jedang (2020) // <https://www.cjraviollo.ru/about>, дата обращения 10.11.2020.

Dettoni J. (2019) Hunting for String in the Labyrinth. How Can Investors Safely Navigate Current Sanctions Regimes? // *FDI Intelligence*, November 26, 2019 // <https://www.fdiintelligence.com/article/77514>, дата обращения 10.11.2020.

Dunning J.H. (1993) *The Globalization of Business*, London, New York: Routledge.

Fernandez-Arias E. (1996) The New Wave of Private Capital Inflows: Push or Pull? // *Journal of Development Economics*, vol. 48, no 2, pp. 389–418. DOI: 10.1016/0304-3878(95)00041-0

Fratzscher M. (2012) Capital Flows, Push Versus Pull Factors and the Global Financial Crisis // *Journal of International Economics*, vol. 88, no 2, pp. 341–356. DOI: 10.1016/j.jinteco.2012.05.003

Kang S.J., Lee H.S. (2007) The Determinants of Location Choice of South Korean FDI in China // *Japan and the World Economy*, vol. 19, no 4, pp. 441–460. DOI: 10.1016/j.japwor.2006.06.004

Kim B.Ch. (2019) 북극항로 협력 등한-러 무역활성화 구축을 위한 연구 [A Study on the Establishment of the Korea-Russia Trade Activation with the Arctic Sea Route Cooperation] // *貿易學會誌 第 [Korea Trade Review] 第44卷 第4號* 2019.08, pp. 115–128 (на корейском).

Kim J.Y., Driffield N., Love J. (2018) Outward FDI from South Korea: The Relationship between National Investment Position and Location Choice // *Contemporary Issues in International Business* (eds. Castellani D., Narula R., Nguyen Q., Surdu I., Walker J.), Palgrave Macmillan, pp. 251–275. DOI: 10.1007/978-3-319-70220-9_13

Kim J.Y., Driffield N., Temouri Y. (2016) The Changing Nature of South Korean FDI to China // *International Journal of Multinational Corporation Strategy*, vol. 1, no 3/4, pp. 269–287. DOI: 10.1504/IJMCS.2016.081127

Korea Exim (2020). Korean Export-Import Bank Statistical Database // <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do>, дата обращения 27.11.2020 (на корейском).

Korea Industrial Complex Corporation (2013). Trends in Korea's Manufacturing OFDI and Proposals for Improvement of the Investment Regime in Korea. Planning Research-2013, Seoul (на корейском).

Korgun I. (2016) Investment Cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999–2009. Major Trends and Main Lessons // *The Russian Economy and Foreign Direct Investment* (eds. Liuh-to R., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F.), London, New York: Routledge, pp. 192–212.

Kyeondong Navien (2019) Russian National Brand for the 3rd Consecutive Year // *Biz.Newdaily*, December 16, 2019 // <http://biz.newdaily.co.kr/site/data/html/2019/12/16/2019121600148.html>, дата обращения 12.10.2020 (на корейском).

Lee J.Y. et al. (2015) 한·러 경제협력의 평가와 중장기 비전 [Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and its Mid- to Long-Term Vision] // [KIEP] 연구보고서연구보고서, 2015년 12월호 (на корейском).

Lee K.S. (2020) In Russia, Korean Companies Are Contributing to the Russia-Korea Relations in Every Sector // *Korea Post*, May 12, 2020 // <http://www.koreapost.com/news/articleView.html?idxno=20742>, дата обращения 12.10.2020 (на корейском).

Lee S.J. (2015) 러시아 극동 개발과 남,북,러 3각 협력 [Development of the Russian Far East and a Triangular Economic Cooperation between ROK-KNDR-RF] // *러시아연구 [Russian Studies] 제25권 제2호* 2015 229–252, pp. 379–400 (на корейском). DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Song W.Y. (2019) 신북방정책과 남북러 삼각협력: 과제와 발전 전망 [New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives] // *IDI 도시연구 제 16호* 2019.12, pp. 45–91 (на корейском).

UNCTAD (2020) // <https://unctad-stat.unctad.org/EN/>, дата обращения 27.11.2020.

Wadhams N., Mohsin S. (2020) Trump Set Record Sanctions Use that Biden Is Likely to Maintain // *Bloomberg*, December 9, 2020 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-09/trump-set-record-sanctions-use-that-biden-is-likely-to-maintain>, дата обращения 19.12.2020.

Yang P.S., Yin X., Chae W., Cai F., Wang M. (2012) China, World Economy and Korea-China Economic Cooperation // *Korea Institute for International Economic Policy. Research Paper. Policy Analysis-12-01* (на корейском).

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

How Peculiar Are South Korean OFDI to Russia?

Sergey F. SUTYRIN¹⁾

DSc in Economics, Professor, Chair of the World Economy Department
Saint-Petersburg State University, 191123, Tchaikovskogo St., 62, room 402,
Saint-Petersburg, Russian Federation
E-mail: s.sutyurin@hotmail.com, s.sutyurin@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-2429-7123

Irina A. KORGUN²⁾

PhD in Economics, Senior Researcher
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 117218, Nakhimovskiy Av.,
32, Moscow, Russian Federation
E-mail: irinakorgun@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1496-4375

CITATION: Sutyurin S.F., Korgun I.A. (2021) How Peculiar Are South Korean OFDI to Russia? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 176–194 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-10

Received: 10.12.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research paper was done 1) as a part of RFBR and China Academy of Social Sciences research project no 19-51- 93009 “Trade policy in Russia and China under the transformation of the international trading system” 2) as a part of the Research Project “Regional and Transregional Integration and Its Impact on Economic Development in Russia’s Neighbouring Countries: New Opportunities and Threats for Russia”.

ABSTRACT. *This paper investigates nature of the Korean OFDI in the middle-income countries during the period 2012-2019. The goal is to identify any common features or differences with the observed structure of the Korean OFDI in Russia. The study is based on an assumption that a country’s investment strategies are determined by businesses. In general, business makes investment decisions based on the priorities for resource optimization and profit maximization on a global scale. Under this approach, investments to Russia*

would be a part of a more global strategy of Korean firms. Also, authors discuss prospects for the Russia-Korea investment cooperation under the US sanctions and how ongoing structural changes in the global economy can influence investment decisions of Korean companies.

Obtained results suggest that during the period under investigation, structure of the Korean investment in Russia was similar to the structure observed in other middle-income countries. There are clear signs that investments were motivated by gaining ac-

cess to the market (in other words, they were market-seeking by nature). In the near-term increase in Korean investments to Russia is unlikely due to global recession triggered by Covid-19 pandemic and risks of harder US sanctions.

KEYWORDS: OFDI, Russia-Korea investment cooperation, Korean business, sanctions, Russia, South Korea

References

- Cheng L.K., Kwan Y.K. (2000) What Are the Determinants of the Location of Foreign Direct Investment? The Chinese Experience. *Journal of International Economics*, vol. 51, no 2, pp. 379-400. DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X
- Choi S.B., Lee Y.Ch. (2019) A Study on the Effective Operation of Northern Logistics in Korea. *한국물류학회지 [Korea Logistics Review]* 29권 5호 pp. 61-74 (in Korean).
- CJ Cheil Jedang* (2020). Available at: <https://www.cjraviollo.ru/about>, accessed 10.11.2020.
- Dettoni J. (2019) Hunting for String in the Labyrinth. How Can Investors Safely Navigate Current Sanctions Regimes? *FDI Intelligence*, November 26, 2019. Available at: <https://www.fdiintelligence.com/article/77514>, accessed 10.11.2020.
- Dunning J.H. (1993) *The Globalization of Business*, London, New York: Routledge.
- Economist's Expert Projects New US Sanctions against Russia (2020). *RBC*, December 4, 2020. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/04/12/2020/5fc8bce29a7947f3181c9-9f9>, accessed 18.12.2020 (in Russian).
- Fernandez-Arias E. (1996) The New Wave of Private Capital Inflows: Push or Pull? *Journal of Development Economics*, vol. 48, no 2, pp. 389-418. DOI: 10.1016/0304-3878(95)00041-0
- Fratzscher M. (2012) Capital Flows, Push Versus Pull Factors and the Global Financial Crisis. *Journal of International Economics*, vol. 88, no 2, pp. 341-356. DOI: 10.1016/j.jinteco.2012.05.003
- Kang S.J., Lee H.S. (2007) The Determinants of Location Choice of South Korean FDI in China. *Japan and the World Economy*, vol. 19, no 4, pp. 441-460. DOI: 10.1016/j.japwor.2006.06.004
- Kim B.Ch. (2019) The Northern Sea Route and Problems of Development of Korean-Russian Trade. *貿易學會誌 [Korea Trade Review]* 第44卷 第4號 2019.08, pp. 115-128 (in Korean).
- Kim J.Y., Driffield N., Love J. (2018) Outward FDI from South Korea: The Relationship between National Investment Position and Location Choice. *Contemporary Issues in International Business* (eds. Castellani D., Narula R., Nguyen Q., Surdu I., Walker J.), Palgrave Macmillan, pp. 251-275. DOI: 10.1007/978-3-319-70220-9_13
- Kim J.Y., Driffield N., Temouri Y. (2016) The Changing Nature of South Korean FDI to China. *International Journal of Multinational Corporation Strategy*, vol. 1, no 3/4, pp. 269-287. DOI: 10.1504/IJMCS.2016.081127
- Korea Exim* (2020). Korean Export-Import Bank Statistical Database. Available at: <https://stats.koreaexim.go.kr/main.do>, accessed 27.11.2020 (in Korean).
- Korea Industrial Complex Corporation* (2013). Trends in Korea's Manufacturing OFDI and Proposals for Improvement of the Investment Regime in Korea. Planning Research-2013, Seoul (in Korean).
- Korgun I. (2016) Investment Cooperation between Russia and the Republic of Korea during 1999-2009. Major Trends and Main Lessons. *The Russian Economy and Foreign Direct Investment* (eds. Liuhto R., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F.), London, New York: Routledge, pp. 192-212.
- Kyeondong Navien (2019) Russian National Brand for the 3rd Consecutive Year. *Biz.Newdaily*, December 16, 2019. Available at: <http://biz.newdaily.co.kr/site/data/html/2019/12/16/2019121600148.html>, accessed 12.10.2020 (in Korean).

Lee J.Y. et al. (2015) Evaluation of Korea-Russia Economic Cooperation and its Mid- to Long-Term Vision. [KIEP] 연구보고서연구보고서, 2015년 12월호 (in Korean).

Lee K.S. (2020) In Russia, Korean Companies Are Contributing to the Russia-Korea Relations in Every Sector. *Korea Post*, May 12, 2020. Available at: <http://www.koreapost.com/news/articleView.html?idxno=20742>, accessed 12.10.2020 (in Korean).

Lee S.J. (2015) Development of the Russian Far East and a Triangular Economic Cooperation between ROK-KNDR-RF. *러시아연구 [Russian Studies]* 제25권 제2호 2015 229-252, pp. 379-400 (in Korean). DOI: 10.1016/S0022-1996(99)00032-X

Song W.Y. (2019) New Northern Policy and South Korea-North Korea-Russia Trilateral Cooperation: Tasks and Development Perspectives. *IDI 도시연구 제16호 2019.12*, pp. 45-91 (in Korean).

Sutyryn S., Popova L., Korgun I. (2014) Russia-Korea Economic Cooper-

ation: Current State and Prospects. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, no 3, pp. 27-51. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/1822/1660>, accessed 23.02.2021 (in Russian).

UNCTAD (2020). Available at: <https://unctadstat.unctad.org/EN/>, accessed 27.11.2020.

Wadhams N., Mohsin S. (2020) Trump Set Record Sanctions Use that Biden Is Likely to Maintain. *Bloomberg*, December 9, 2020. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-09/trump-set-record-sanctions-use-that-biden-is-likely-to-maintain>, accessed 19.12.2020.

Yang P.S., Yin X., Chae W., Cai F., Wang M. (2012) China, World Economy and Korea-China Economic Cooperation. *Korea Institute for International Economic Policy*. Research Paper. Policy Analysis-12-01 (in Korean).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики

Денис Борисович КАЛАШНИКОВ

кандидат экономических наук, старший преподаватель, кафедра мировой экономики

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-1120-0054

ЦИТИРОВАНИЕ: Калашников Д.Б. (2021) Китай как донор помощи промышленному развитию стран Юга: значение для постиндустриализации его экономики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 195–213. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Статья поступила в редакцию 07.12.2020.

АННОТАЦИЯ. Продолжается дискуссия об истинных целях и целесообразности оказания Китаем помощи странам Юга. В настоящей статье проверяется гипотеза, раскрывающая взаимосвязь перехода Китая на инновационную модель развития и его заинтересованность в индустриализации наименее развитых стран. Анализируются задачи модернизации экономики и национальные экономические интересы Китая в условиях современного международного разделения труда. Чтобы обеспечить рост доходов населения до уровня развитых стран, требуется создание постиндустриальной отраслевой структуры экономики. Это означает, что ряд индустриальных функций необходимо передать таким отсталым странам, которые без китайских капитала и технологий не способны осуществить индустриализа-

цию. Кроме того, для Китая актуальна проблема равновесия платежного баланса, решением которой является увеличение импорта простых товаров и осуществление прямых инвестиций в рамках китайских глобальных цепочек стоимости. Анализ направлений и первых результатов подтвердил вклад китайской помощи развитию в решение этих задач, а также ее системный характер в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Инициатива координирует строительство электростанций, всех видов инфраструктуры, а на их основе развития промышленности и потребления под контролем китайских компаний. Поэтому все виды безвозмездной или льготной помощи странам Юга можно считать инвестициями в развитие экономики Китая, которая вышла за пределы национальных границ. При этом участие в инициати-

ве несет выгоды и перспективы роста вплоть до уровня современной КНР самым отсталым странам, но не создаст возможностей роста странам с уже развитой промышленностью и средним уровнем жизни – напротив, сокращает им пространство для осуществления постиндустриализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *иностранная помощь, национальные интересы, официальная помощь развитию, сотрудничество Юг – Юг, система мирового хозяйства, Африка, Китай, «Один пояс – один путь»*

Китай известен своей прагматичностью и целеустремленностью, долгосрочным характером стратегии развития, поэтому в настоящем исследовании сделана попытка выявить экономический смысл китайской помощи развитию, отталкиваясь от задач модернизации его собственной экономики в условиях современного международного разделения труда, на основе чего конкретизируются его национальные интересы, в свою очередь определяющие цели китайской помощи развивающимся странам (странам Юга). Далее анализируются планы и действия КНР по реализации помощи развитию в контексте соответствия целям его собственного развития и выгоды участников китайских проектов. Затем оцениваются проблемы и перспективы взаимодействия Китая со странами Юга.

Традиционные доноры, страны – члены Комитета содействия развитию (КСР) ОЭСР, применяют термин «официальная помощь развитию» (ОПР). Ее состав и методика расчета постоянно уточняются¹, и эксперты признают, что

определение ОПР ОЭСР далеко от совершенства, существует большое количество разночтений в подсчете и сравнении помощи [Дегтерев и др. 2018].

Настоящее исследование ставит целью макроэкономический анализ мотивации «благотворительности» Китая и ее вклада в трансформацию национальной экономики, поэтому основной акцент делается на выявлении экономического смысла происходящих процессов, а не на особенностях расчетов. Соответственно, под «помощью развитию» будем подразумевать ОПР в широком смысле – помощь иностранным государствам, которая предоставляется субъектом государственного сектора, носит безвозмездный или льготный характер и содействует развитию реципиента. В отличие от гуманитарной помощи, ОПР обязательно должна преследовать и интересы донора, быть взаимовыгодной, в долгосрочной перспективе приносить пользу как получателям, так и Китаю [Martorano et al. 2020].

В поисках экономической выгоды

Значительный объем исследований китайской помощи развитию посвящен оценке ее вклада в экономический рост стран-реципиентов. Например, на основе анализа более 2 тыс. проектов помощи КНР в 47 странах Африки в 2003–2013 гг. выявлено их в целом положительное воздействие. Но оно варьируется в зависимости от назначения: помощь, инвестируемая в социальную и экономическую инфраструктуру, а также предназначенная правительству для поддержки бюджета, существен-

1 Development Finance Standards // ОЭСР // <http://www.oecd.org/development/financing-sustainable-development/development-finance-standards>, дата обращения 22.11.2020.

но способствует росту ВВП, в то время как помощь производственному сектору отрицательно влияет на рост ВВП [Dong, Fan 2020]. Авторы объяснили это тем, что у субсидируемых предприятий меньше стимулов для повышения эффективности.

В другом исследовании авторы показали, что помощь, направленная в производственный сектор, тоже выгодна реципиентам, но также сделали предупреждение, что рассмотрение только общей помощи Китая Африке может ввести в заблуждение относительно ее основных детерминант, и указали на необходимость дезагрегировать анализ по секторам [Guillon, Mathonnat 2020]. Так, богатые природными ресурсами страны получают наибольшую помощь, но максимальная помощь производственному сектору наблюдается в странах, которые не богаты природными ресурсами.

Ряд исследований посвящен воздействию ОПР на развитие внешней торговли стран-получателей. Установлено, что помощь способствует росту экспорта реципиентов в Китай и страны ЕС, но также и росту импорта из США. При этом доказано, что страны, получающие китайскую помощь, увеличивают двусторонний экспорт промышленных, а не сырьевых товаров [Savin et al. 2020].

Важнейшей темой является поиск экономической выгоды доноров. В первую очередь отмечают вклад помощи в обеспечение занятости. С одной стороны, масштабное зарубежное строительство энергетической инфраструктуры обеспечивает заказами тяжелую промышленность КНР [Епихина 2019]. Но более важная сторона – решение проблемы дефицита рабочей силы. Китай уже к концу 1990-х гг. исчерпал свое сравнительное преимущество, позволявшее быть конкурентоспособным в трудоемких отраслях, рабочая сила

стала дефицитной, и следующие 20 лет Китай использовал «преимущество отсталости», т. е. доводил промышленность до передового в мире уровня, а теперь, на современном (третьем) этапе, может быть конкурентоспособным только благодаря собственным инновациям [Борох, Ломанов 2020]. Китай находится в опасной ситуации, когда постиндустриализация должна пройти в условиях недостаточного высоких подушевых доходов и стареющего населения. Поэтому нужно избежать ошибок поспешной деиндустриализации развитых стран, но все-таки снизить долю промышленности в ВВП с нынешних 40 до 25% к 2030 г. [Huang 2019].

Широкий спектр проблем, с которым сталкиваются все новые доноры в странах Юга – от правоохранных и эпидемиологических вопросов до терроризма и угроз в связи со сменой власти, от непонимания целей помощи некоторыми группами китайского общества до информационной войны западных СМИ, – исследован в фундаментальной монографии под ред. Л.М. Капицы [Капица 2013].

Стоящая перед КНР проблема постиндустриализации усложнилась после мирового финансового кризиса 2008 г. и обострения конкуренции экспортных товаров с европейскими и американскими аналогами. В качестве институциональной программы решения макроэкономических проблем возникла инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая является задачей со многими неизвестными даже для Китая [Liu et al. 2020]. Так, непонятно, смогут ли китайские регионы интегрироваться через китайские Глобальные цепочки стоимости (ГЦС) в мировое хозяйство; не начнется ли неконтролируемое деление этих ГЦС по мере распространения в десятках стран; смогут ли создаваемые китайскими компаниями порты и специальные эконо-

мические зоны создавать добавленную стоимость или будут малозначимыми обслуживающими узлами.

Наконец, популярной темой является влияние помощи Китая на действия других доноров. До 2000 г. помощь новых доноров практически не влияла на условия работы КСР ОЭСР и Всемирного банка. Однако с начала тысячелетия, по мере активизации КНР как донора, Всемирный банк реагирует, предлагая кредиты дешевле и с меньшим набором условий [Hernandez 2016].

Китай – «старый новый» донор помощи развитию: от политики к экономике

С 1950-х гг. КНР использовала помощь как инструмент внешней политики, практически покупала международное признание развивающихся стран, добивалась разрыва дипломатических отношений реципиентов с Тайванем, воздействовала на результаты их голосования по получению членства в международных организациях вместо Тайваня.

Примечательно, что если первые шаги делались при поддержке СССР, то последующие – как противодействие «советскому ревизионизму» и попытка оторвать от СССР часть социалистического лагеря, что определило круг получателей в виде Албании, Северной Кореи, Вьетнама, Монголии, Египта. Первым крупным зарубежным проектом Китая было строительство железной дороги между Танзанией и Замбией в 1967–1976 гг.

В 1964 г. премьер-министр КНР Чжоу Эньлай сформулировал восемь глубоких и емких принципов эконо-

мической помощи зарубежным странам², которые соблюдаются Китаем по настоящее время и во многом объясняют специфику его современной стратегии:

1. Принцип равенства и взаимной выгоды: Китай никогда не рассматривает помощь как одностороннюю милостыню, а только как нечто взаимное.
2. Китайское правительство уважает суверенитет стран-получателей и никогда не ставит никаких условий.
3. Китай предоставляет экономическую помощь в форме беспроцентных займов или займов под низкие проценты.
4. Цель китайского правительства не в том, чтобы поставить страны-получатели в зависимость от Китая, а в том, чтобы помочь им встать на путь самообеспечения и независимого экономического развития.
5. Помочь странам-получателям завершить проекты, которые требуют меньше инвестиций, но дают более быстрые результаты, чтобы последние могли увеличить свой доход.
6. Правительство Китая предоставляет оборудование и материалы высокого качества китайского производства.
7. Предоставляя техническую помощь, следить за тем, чтобы персонал страны-получателя полностью овладел технологией.
8. Эксперты, посланные Китаем для помощи в строительстве в странах-получателях, будут иметь такие же условия проживания, как и специалисты страны-получателя.

2 China's Eight Principles for Economic Aid and Technical Assistance to Other Countries (1964) // Government of China // http://english1.english.gov.cn/official/2011-04/21/content_1849913_10.htm, дата обращения 22.11.2020.

Отталкиваясь от целей, китайские ученые традиционно выделяли три этапа становления КНР как донора помощи развитию; в настоящее время добавился четвертый этап [Remler, Yu 2017, глава 8]:

- 1) 1955–1978 гг. Преобладание политических целей.
- 2) 1978–2000 гг. Добавляются экономические цели.
- 3) 2000–2013 гг. Институционализация и рост масштабов помощи, преобладание экономических целей.
- 4) С 2013 г. помощь развитию становится элементом инициативы ОПОП, добавляется требование приверженности получателей ее идеям и ценностям.

Таким образом, китайские ученые декларируют приоритет экономических целей. Однако в синологической литературе по-прежнему распространено мнение о приоритетном значении политических целей современной помощи Китая, таких как сдерживание Тайваня, противодействие Германии и Японии входу в состав постоянных членов Совбеза ООН, «приобретение» поддержки в территориальных спорах в Южно-Китайском море. А среди экономических целей наибольшее распространение получила версия предоставления Китаем помощи для доступа к ресурсам [Carter 2017].

Чтобы разобраться в глубинных задачах китайской помощи развитию на современном этапе, а также в вопросе, почему она является частью инициативы ОПОП, попытаемся сформулировать задачи развития экономики КНР и ее национальные экономические интересы (НЭИ) в странах Юга.

Современное международное разделение труда и национальные экономические интересы Китая

В 1978 г., когда Китай начинал экономические реформы, ориентиром для целей развития служили «промышленно развитые страны» того времени. Китай поставил и успешно выполнил задачи модернизации экономики: преодолел голод, нищету и безграмотность, добился роста благосостояния всех членов общества, создал современную промышленность. В отраслевой структуре ВВП и занятости произошел сдвиг от аграрного сектора к промышленности, большинство китайцев стали городскими жителями, т. е. современный Китай стал таким, какими были развитые страны 40 лет назад.

В октябре 2020 г. состоялся Пятый пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва, на котором были одобрены рекомендации по разработке следующего, 14-го, пятилетнего плана социально-экономического развития (2021–2025 гг.) и перспективных целей – технологического лидерства и повышения благосостояния общества до качественно нового уровня жизни³.

Постиндустриальная структура экономики и высокий уровень жизни населения развитых стран являются результатом их экономической политики. Она заключается в извлечении выгод от участия в международном разделении труда (МРТ) и направлена на то, чтобы не производить в стране все подряд, а освободить свои рабочие руки, «умы», рабочее время, природные ресурсы от производства то-

3 Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва (2020) // Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. 13 ноября 2020 // <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm>, дата обращения 24.11.2020.

варов и услуг, не создающих большую добавленную стоимость (ДС). При этом производство дешевых товаров и услуг следует перенести в другие страны так, чтобы не утратить контроля над ними.

Для осуществления этой цели развитые страны осуществили работу по либерализации торговли и, главное, международного движения капитала. Это позволило ТНК развитых стран путем осуществления прямых инвестиций приобретать права собственности на реальные активы и месторождения за рубежом, получая контроль над вынесенными в другие страны отраслями промышленности.

Современные ТНК научились контролировать иностранные предприятия и целые отрасли даже без инвестиций и прав собственности, создав пространственное разделение производства, где идея отделяется от ее воплощения, или ГЦС. Расчленение производства товара на ряд операций, вынесенных за пределы компании-владельца торговой марки, позволяет ставить иностранные предприятия в полную зависимость от ТНК поставками комплектующих, а еще сильнее – зависимостью от сбыта продукции на богатом домашнем рынке страны базирования ТНК.

Если на первом этапе модернизации китайской экономики – индустриализации – наблюдался симбиоз НЭИ Китая и развитых стран, которые, благодаря такому союзу, смогли стать постиндустриальными, то на втором этапе модернизации китайской экономики – постиндустриализации – наблюдается столкновение их НЭИ, началось противодействие приходу конкурирующих высокотехнологичных товаров и китайского капитала на западные рынки. Даже самые высокотехнологичные фирмы КНР не продвигаются дальше низкооплачиваемых опера-

ций ГЦС развитых стран. Приобретение Китаем западных компаний, торговых марок, патентов не обеспечивает сохранения мест в ГЦС, которые они занимали до приобретения [Великая экономическая шахматная доска 2019]. Таким образом, перед Китаем стоит задача создания новых рынков для своих высокотехнологичных товаров и услуг, а также пространства, на которых его ТНК могли бы строить подконтрольные им ГЦС.

Отдельно стоит обозначить проблему равновесия платежного баланса КНР. Главная формула макроэкономики показывает, что созданный ВВП расходуется на конечное потребление и валовое сбережение, последнее представляет собой сумму валового накопления и чистого экспорта. Это означает, что чем больше разница между экспортом и импортом страны, тем меньше у нее остается возможностей для развития, обновления существующих и создания новых основных фондов. С другой стороны, положительное сальдо текущего счета, основу которого создает чистый экспорт, должно уравниваться оттоком капитала, что и происходило в Китае на протяжении 1994–2014 гг. в виде приобретения неработающих избыточных резервных активов. Теоретически эти резервные активы можно было бы рассматривать как источник прямых инвестиций, с помощью которых китайские ТНК могли бы вносить вклад в развитие национальной экономики. Однако на практике Китай столкнулся с проблемой использования резервных активов. Развитые страны позволяют китайским компаниям осуществлять симметричные прямые инвестиции в обмен на паритетный доступ их капитала на такие же суммы и в такие же отрасли в КНР. Так, в 2009–2018 гг. потоки прямых инвестиций в Китай и из Китая составили одинаковые сум-

мы – по 1,2 трлн долл.⁴ Таким образом, перед Китаем стоит задача использования резервных активов и новой экспортной выручки на цели развития национальной экономики, для чего требуется существенно увеличить импорт, прежде всего массовых потребительских товаров с низкой ДС, а также расширить сферу приложения прямых инвестиций.

Инициатива «Один пояс – один путь» – план постиндустриализации Китая на основе индустриализации стран Юга

Для преодоления обозначенных проблем создания постиндустриальной отраслевой структуры экономики как ответ на вызовы прозападной глобализации была разработана инициатива «Один пояс – один путь» – комплексный план, очередной этап экономической модернизации Китая [Калашников 2020]. Инициатива способствует индустриализации развивающихся стран на основе электрификации, позволяющей создавать многоотраслевые производственные комплексы и рынки, где китайские компании координируют использование ресурсов и инфраструктуры между участвующими в китайских ГЦС странами. Таким образом, китайские капиталовложения и помощь развитию стран Юга можно рассматривать как инвестиции в развитие собственной экономики, которая вышла за пределы национальных границ.

Участие в китайской инициативе наиболее выгодно самым отсталым странам, в которых только начнется индустриализация с помощью КНР.

Именно у таких стран НЭИ совпадают с китайскими, они получают уникальную возможность вырваться из нищеты, достичь уровня жизни современных промышленно развитых стран, повторить симбиоз Китая и стран Запада.

Что может предложить Китай индустриально развитым странам, например России, кроме перехода на китайские стандарты и технологии в рамках низших звеньев его ГЦС? Даже если Китай не будет стремиться к глобальному лидерству, сотрудничество с ним не предполагает содействия постиндустриализации партнеров. Перед Россией стоит задача качественного реформатирования экономики, идентичная китайской, которая может быть реализована исключительно на основе собственной инновационной системы и подобного инициативе ОПОП участия в МРТ с созданием своими ТНК ГЦС и новых рынков. Это значит, что чем больше стран присоединится к китайской инициативе, тем труднее будет другим странам с развитой промышленностью осуществить переход к постиндустриальному обществу, отыскать белые пятна на экономической карте мира. С точки зрения НЭИ Китай и такие страны – конкуренты. Кроме того, отказ Китая от роли «мировой фабрики» означает обострение борьбы за производственные площадки и со стороны развитых стран, для замены китайского импорта.

Почему во многих странах до сих пор не произошла индустриализация? В качестве основной причины исследователи указывают на отсутствие электроэнергии, а точнее, на отсутствие возможности финансирования строительства электростанций – низкий уровень доходов местного населения делает многие проекты в сфере энергети-

4 Платежный баланс КНР // SAFE // <http://www.safe.gov.cn/safe/2018/0928/10285.html>, дата обращения 24.11.2020 (на китайском).

ки и промышленности убыточными. А для развития любой отрасли промышленности, сферы услуг, транспортной инфраструктуры, потребительского спроса требуется электроэнергия. Замкнутый круг, который и должна разорвать инициатива ОПОП.

Сможет ли Китай профинансировать свои проекты содействия развитию? В отличие от частичной индустриализации большинства стран Юга, китайская энергетическая промышленность сформировала полную отраслевую цепочку от планирования и проектирования, производства оборудования, инженерного строительства до эксплуатации и технического обслуживания. Китай является мировым лидером в области электросетей сверхвысокого напряжения, интеллектуальных электросетей, фотоэлектрического оборудования для производства электроэнергии, обладает собственными технологиями атомной электроэнергетики третьего поколения [Feng et al. 2020].

Поэтому Китай сможет реализовать свои триллионные проекты, но при одном главном условии – если это будет связанная помощь на основе юаневой кредитной эмиссии, предусматривающая использование китайских технологий, оборудования и даже строителей. Исследования подтверждают, что значительная часть как официальной помощи, так и коммерческих инфраструктурных проектов Китая осуществляется именно в виде связанных грантов и кредитов в юанях, по ставкам вплоть до нулевых, не учитывающих принятых в международной практике страновых рисков [Гемуева 2018].

Естественно, произойдет закрепление зависимости стран Юга от экономики КНР через стандарты, технологии, оборудование, комплектующие и обученные Китаем кадры, экспортная ориентация создаваемых произ-

водств приведет к зависимости экономик от доступа товаров на китайский рынок, обострится проблема «воровства умов», местных талантов. Поэтому регулярно появляются обвинения Китая в неокOLONиализме.

Однако это взаимовыгодное сотрудничество, инклюзивная глобализация, т. к. в такой модели успешное развитие стран Юга, искоренение в них бедности приводят к созданию и росту новых рынков и только затем – к росту доходов самого Китая [Han, Webber 2020]. Следуя заповедям Чжоу Эньлая, в отличие от Запада, КНР не раздает деньги, а предоставляет помощь в виде таких проектов, которые дают странам-реципиентам инструменты, генерирующие рост доходов населения. Кроме того, появляется все больше фактов, свидетельствующих о том, что Китай в странах Юга создает предприятия с новыми «зелеными» технологиями, пусть и в старых отраслях. Поэтому большинство лидеров и деловых кругов африканских стран поддерживают планы КНР по развитию континента [Дейч (2) 2020].

Механизмы, формы, направления китайской помощи развитию

Проекты помощи развитию проходят обязательное согласование в трех министерствах КНР: 1) МИД – выработка предложений по общему политическому курсу и базовым концептуальным установкам помощи, ее форм; 2) Министерство торговли – определение экономической целесообразности и объемов помощи, разработка нормативно-правовых документов, непосредственной организации помощи, тендеров и отбор компаний-исполнителей, функция контроля; 3) Министерство финансов – финансовое

обеспечение помощи [Liao et al. 2018]. Все остальные министерства КНР участвуют в согласованиях по мере соответствия профиля деятельности проекту.

В апреле 2018 г. было создано Китайское агентство по международному развитию и сотрудничеству China's International Development Co-operation Agency (CIDCA), которое не является структурой какого-либо министерства, а имеет самостоятельный министерский статус. Руководителем агентства был назначен Ван Сяотао, который с 1986 г. работал в занимающейся макроэкономическим планированием развития Китая Комиссии по развитию и реформам КНР, отвечал за продвижение инициативы ОПОП за рубежом и внутри Китая⁵. Целями CIDCA заявлены координация, планирование, стандартизация, управление помощью и повышение эффективности помощи, но не реализация помощи, которая остается за МИД, Министерством торговли и Минфином. Все это подтверждает осуществление помощи в рамках единого плана внутренней и внешней экономической политики. Кроме того, в одном из интервью г-н Ван заявил, что ранее при оказании помощи Китай уделял мало внимания целям торговли и инвестиций, которые должны стать приоритетными при использовании помощи для усиления влияния Китая в глобальном масштабе⁶.

Почти вся помощь развитию является официальной (правительственной), роль неофициальной (частной) мала. Около 95% помощи является двусторонней, но уже стала заметной и

многосторонней (получатели – 20 международных организаций).

Основным механизмом диалога и сотрудничества является Саммит международного сотрудничества «Один пояс – один путь» (Первый 2017 г., Второй 2019 г.). О высокой степени институционализации свидетельствуют результаты работы Второго саммита, на котором созданы: шесть подфорумов по вопросам добросовестности, цифровых технологий, экологии, инноваций, местного сотрудничества и зон зарубежного экономического и торгового сотрудничества; Конференция предпринимателей; Международный комитет по сотрудничеству аналитических центров ОПОП; Альянс сотрудничества с прессой 86 стран; Альянс юристов «Один пояс – один путь» и другие постоянно действующие институты. На конец 2019 г. Китай подписал 197 документов о сотрудничестве по совместному строительству «пояса и пути» со 137 странами и 30 международными организациями⁷.

Вторым по значимости механизмом можно назвать Форум сотрудничества Китай–Африка (ФСКА), который был создан в 2000 г. и проводится на регулярной основе раз в 3 года. Также успешно работают Форум торгово-экономического сотрудничества Китая и португалоязычных стран (с 2000 г.), Форум китайско-арабского сотрудничества (с 2004 г.), Форум Китай – АСЕАН по социальному развитию и сокращению бедности и другие.

На Седьмом саммите Форума сотрудничества «Китай – Африка» в сентябре 2018 г. в Пекине 39 африканских стран и Ассамблея Африканского Сою-

5 Cornish L. (2018) China's New Aid Agency: What We Know // Devex, April 20, 2018 // <https://www.devex.com/news/china-s-new-aid-agency-what-we-know-92553>, дата обращения 25.11.2020.

6 China International Development Cooperation Agency // <http://en.cidca.gov.cn>, дата обращения 25.11.2020.

7 Годовой отчет Китайской экономической дипломатии за 2019 год. Евразийская ассоциация системных исследований // <https://www.essra.org.cn/view-1000-796.aspx>, дата обращения 25.11.2020 (на китайском).

за подписали соглашение о сотрудничестве в рамках инициативы ОПОП⁸, также были приняты «Пекинская декларация о построении более тесного китайско-африканского сообщества единой судьбы» и «Пекинский план действий ФСКА на 2019–2021 гг.». Этот план называют новой стратегией помощи Африке, он включает⁹:

1. Экономическое сотрудничество: сельское хозяйство; промышленность на основе «Плана сотрудничества в области индустриализации Африки», включающего строительство электростанций, промышленных парков и подготовку кадров; строительство инфраструктуры; сотрудничество в области энергоресурсов; «морскую экономику»; туризм; инвестиционное сотрудничество; торговлю; финансы. В подтверждение гипотезы исследования в Плане подчеркивается наращивание экспортного потенциала Африки, увеличение импорта в Китай африканских товаров, особенно не связанных с природными ресурсами, для чего создан специальный фонд финансирования импорта из Африки в размере 5 млрд долл.

2. Сотрудничество в области социального развития: сопряжение инициативы ОПОП с «Повесткой дня на 2063 г.» Африканского Союза с предоставлением бесплатной помощи, беспроцентных и льготных займов на 15 млрд долл.; медицина и общественное здравоохранение; образование и развитие человеческих ресурсов; обмен опытом сокращения бедности («Китайско-африканский план по сокращению бедности и сотрудничеству в интересах людей», «Проект счастливой жиз-

ни», «Китайско-африканский молодежный проект по сокращению бедности и развитию обмена»); научно-техническое сотрудничество и обмен знаниями («Программа партнерства Китая и Африки 2.0 в области науки и технологий», «Международная программа обмена выдающимися молодыми учеными», «Международная программа молодежных инноваций и предпринимательства»); экологическая защита и реакция на изменение климата.

3. Гуманитарное сотрудничество: культура; новости и СМИ; научные и аналитические центры; неправительственные контакты; молодежь и женщины.

Оценка масштабов китайской помощи развитию

Китай не предоставляет официальных данных о масштабах и условиях предоставления всех видов помощи развитию [Martorano et al. 2020]. По данным, опубликованным Госсоветом КНР, на протяжении 2013–2018 гг. китайская помощь развитию составляла порядка 7 млрд долл. в год, (270,2 млрд юаней за период), в т. ч. на гранты пришлось 47%, на беспроцентные займы – 4%, на льготные займы – 49% ее объема¹⁰.

По оценке ОЭСР, в 2018 г. китайская помощь развитию составила 4,4 млрд долл., в 2017 г. – 4,8 млрд долл.; в т. ч. многосторонняя помощь – 1,4 млрд долл., 74% которой оказано через региональные банки развития, 26% – ООН. По другим оценкам, ежегодные объемы китайской помощи содействия разви-

8 Xia Yuanyuan (2018) China to Host FOCAC Summit in 2018 // http://www.chinafrica.cn/Africa/201801/t20180103_800113602.html, дата обращения 26.11.2020.

9 Пекинский план действий (2019–2021) // http://www.cidca.gov.cn/2018-09/07/c_129949203.htm, дата обращения 26.11.2020 (на китайском).

10 China's International Development Cooperation in the New Era (2021) // The State Council Information Office of the People's Republic of China, January 10, 2021 // http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm, дата обращения 18.01.2021.

тию достигают 38 млрд долл. При этом вся помощь КСР ОЭСР в 2018 г. составила 152,8 млрд долл.

В материалах ООН отмечается, что с участием Китая осуществляется 56% всех проектов ООН в рамках сотрудничества Юг – Юг, а КНР стала лидером в продвижении этого сотрудничества и вносит основной вклад в реализацию ЦУР до 2030 г. ПРООН, т. к. Китай предоставил 400 млрд юаней помощи 166 странам, направил 600 тыс. сотрудников для оказания помощи, обязался выделить еще 60 млрд долл. для африканских стран в 2019–2021 гг., в сотрудничестве с ФАО оказал помощь двум миллионам фермерам стран Юга¹¹.

У исследователей китайской помощи наиболее популярна база данных AidData's Global Chinese Official Finance Dataset, 2000–2014, Version 1.0, созданная лабораторией AidData при Глобальном исследовательском институте Уильяма и Мэри, в которой по крупницам собирается и систематизируется вся информация, какую только можно найти из открытых источников¹². Так, в рамках национальной программы помощи развитию в 2000–2014 гг. Китай профинансировал более 4 300 проектов на сумму 354 млрд долл., из них под определение ОПР ОЭСР подпадает помощь в размере 81 млрд долл. (Для сравнения: США за тот же период оказали помощи развитию на 394 млрд долл., в т. ч. 366 млрд долл. – подпадающих под ОПР ОЭСР). Среди главных направлений помощи оказались поставки материалов и товаров, отправка в страны-реципиенты медиков, техническое сотрудничество, списание дол-

говых обязательств, оказание гуманитарной помощи, сотрудничество в сфере развития человеческих ресурсов, волонтерские программы за рубежом. Основными получателями помощи Китая в 2011–2014 гг. стали Кот-д'Ивуар, Танзания, Эфиопия, Камерун, Мозамбик, Зимбабве, Нигерия, Киргизия, Шри-Ланка и Нигер.

В настоящее время исследователи AidData изучают, как инициатива ОПОП повлияла на объем, направление и сроки китайского финансирования развития, в т. ч. политическими и государственными коммерческими банками, государственными предприятиями и учреждениями КНР, и скоро опубликуют новый глобальный набор данных. В декабре 2019 г. уже вышло первое исследование в рамках нового проекта¹³. Помимо Африки южнее Сахары, особенно Восточной Африки, стало заметным еще одно равно приоритетное географическое направление – страны АСЕАН. Важное место в китайской помощи развитию стран АСЕАН, особенно расположенных в бассейне Меконга (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Вьетнам, Таиланд), подтверждается и другим исследованием [Королев 2017].

При этом за 2000–2017 гг. китайскими компаниями за рубежом были построены 462 электростанции суммарной мощностью 81 ГВт, что стало главным отраслевым вектором инициативы ОПОП в развивающихся странах [Li et al. 2020]. И за каждым сообщением о запуске новой электростанции стоят фразы, что столько-то миллионов человек впервые получили доступ к электричеству. Исследователи приходят

11 UN Secretary-General António Guterres Commends China's Leadership in South-South Cooperation (2017) // UNSouthSouth, August 23, 2017 // <https://www.unsouthsouth.org/2017/08/23/un-secretary-general-antonio-guterres-commends-chinas-leadership-in-south-south-cooperation/>, дата обращения 27.11.2020.

12 A Research Lab at William & Mary // AidData // <https://www.aiddata.org/data/chinese-global-official-finance-dataset>, дата обращения 27.11.2020.

13 Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's Toolkit to Influence South and Central Asia // AidData // https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Executive_Summary.pdf, дата обращения 27.11.2020.

к интересному выводу о том, что участие Китая в развитии энергетического сектора Африки можно разделить на два этапа. На первом, с конца 1990-х гг., осуществлялось финансирование с целью доступа к природным ресурсам для удовлетворения быстрорастущего спроса на сырье «мировой фабрики». На втором этапе, в 2010-е гг., реализуются проекты, связанные с передачей электроэнергетики и развитием промышленности на континенте [Shen 2020].

Наибольший вклад в энергетическое строительство КНР вносит Госкорпорация State Grid, которая построила 10 трансграничных линий электропередач совокупной мощностью 27 млрд кВт·ч, осуществила поставки оборудования в 103 страны на 43 млрд долл., взяла на себя инициативу по превращению технологических преимуществ Китая в международные стандарты, уже установила 43 международных стандарта *Международной электротехнической комиссии*, 18 международных стандартов *Института инженеров по электротехнике и электронике* (IEEE).

Можно долго перечислять реализованные проекты Китая. Но важно отметить, что это даже не проекты, а комплексные трансграничные стратегии развития: Субрегиональная транспортная стратегия Большого Меконга на период до 2030 г., Стратегия развития железной дороги Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (2030 г.), Стратегический план транспортного сотрудничества между Китаем и АСЕАН, Специальный план транспортной инфраструктуры Китайско-Пакистанского экономического коридора и др.

К началу 2020 г. Китай построил 62 порта и приобрел или взял в управление 54 порта за рубежом. Практически везде создаются Специальные экономические зоны (СЭЗ) и промыш-

ленные парки, т. е. Китай реализует экспортно ориентированную модель «порт – парк – город», впервые апробированную в СЭЗ Шэньчжэнь. Западный подход институционального строительства не дал результатов из-за несоответствия между долгосрочными решениями и насущными потребностями. Китай передает проверенный опыт своего развития, а затем проводит эксперименты, адаптирует его к странам, что эффективнее способствует сокращению масштабов нищеты и развитию.

Китай использует различную тактику сотрудничества с развивающимися странами исходя из их индивидуальных политических и природных условий, однако можно выделить некоторые общие закономерности проникновения КНР в страны Юга. Первыми по времени, как правило, осуществляются крупные проекты в электроэнергетике, затем осуществляется строительство транспортной инфраструктуры, после чего появляется китайский малый и средний бизнес. Российские китаисты проводят аналогию такого внедрения в Африку с японским опытом, когда одна госкорпорация приводит за собой целую «стаю» компаний, и, таким образом, один проект помощи имеет несколько целей, связанных с развитием национальной экономики донора [Игнатьев, Луконин 2018].

Индустриализация требует высвобождения рабочей силы из аграрного сектора экономики, для чего Китай осуществляет Программу распространения гибридного риса, с помощью которой обещает полностью решить проблему голода в Африке до 2030 г. Китайские селекционеры разрабатывают для каждого типа климата стран Юга специальные сорта риса, в результате чего урожайность повышается в 3–4 раза, до 11 т с гектара, и голодающие страны получают возможности не только достичь самообеспеченности, но и раз-

вить экспорт риса¹⁴. В 2019 г. на Мадагаскаре КНР открыла первый НИИ гибридного риса в Африке.

Исследования подтверждают, что Китай выполняет свои обещания (импорт из Африки и стран АСЕАН растет), что конечная цель китайских проектов в Африке – производство потребительских товаров. Было выявлено, что большая часть из 10 тыс. китайских компаний в Африке построили заводы и производят продукцию, которая составляет 12% всего промышленного производства Африки, прежде всего предметы потребления, которые недавно экспортировались из Китая в Африку¹⁵.

Проявились первые результаты выноса производственных мощностей из Китая в страны Юга. За 2008–2018 гг. доля производственных предприятий в числе всех юридических лиц КНР уменьшилась с 26 до 15%. За тот же период иностранные ТНК закрыли в Китае 53 тыс. заводов, но взамен открыли 200 тыс. новых филиалов, преимущественно в сфере НИОКР, информационно-коммуникационных технологий и деловых услуг. Доля китайских предприятий в этих же отраслях увеличилась с 11 до 22%. Число научно-исследовательских организаций КНР удваивается каждые 3 года: 325 тыс. в 2012 г., 661 тыс. в 2015 г., 1 276 тыс. в 2018 г.¹⁶ Аналогичные тренды видны и в структуре занятости. Это и есть подтверждение тому, что Китай вступил в активную стадию постиндустриализации, чему во многом способствуют успехи в промышленном развитии стран Юга.

Проблемы и перспективы: путь к китайскому или многополярному миру?

Почему Китай скрывает данные о масштабах своей помощи? Ученые выявили предпочтение Пекина заключению закулисных сделок с местными политиками. Анализ данных о местах рождения 117 африканских лидеров и дислокации 1 650 китайских проектов развития в Африке в 2000–2012 гг. показал, что большинство проектов реализовалось в регионах рождения политических лидеров в те годы, когда они находились у власти или перед выборами. Такой зависимости нет в помощи другим странам [Dreher et al. 2019]. Можно предположить, что, не афишируя помощь, Китай «сохраняет лицо» национальных лидеров стран Юга в глазах избирателей и мирового сообщества, создает им репутацию успешных хозяйственников. Также вероятно, что КНР остерегается отпугнуть участников инициативы ОПОП масштабами помощи и комплексностью своих планов глобального лидерства, на фоне которых смешно говорить о равном партнерстве. Наконец, остается дискуссионным вопрос о коррупционной составляющей, ведущей к завышению объемов и стоимости помощи, а главное, опасности чрезмерных кредитов, которые страны Юга будут возвращать поставками сырьевых товаров по заниженным ценам либо передачей Китаю стратегически важных инфраструктурных объектов, как это уже произошло в ряде стран Восточной Африки и Шри-Ланке.

Более важный вопрос, который должен беспокоить страны Юга, – позво-

14 «Общая мечта»: гибридный рис дает людям пищу (2020) // Министерство торговли Китайской Республики. 24 июня 2020 // <http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/k/202006/20200602976889.shtml>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

15 Chinese Firms Boost Presence in Africa // DW // <https://www.dw.com/en/chinese-firms-boost-presence-in-africa/a-39443256>, дата обращения 27.11.2020.

16 Рассчитано по данным National Bureau of Statistics of China // <https://data.stats.gov.cn/>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

лит ли участие в инициативе ОПОП развиваться промышленности вне китайских ГЦС? Вынос производственных мощностей развитых стран привел к успехам догоняющей модели развития всего лишь в нескольких странах. В остальных созданные СЭЗ превратились в анклав, связанные с экономикой доноров, а не с национальной экономикой. В свою очередь, неспособность стран Юга принять китайскую помощь может сорвать планы постиндустриализации КНР.

Другой вопрос – как быстро Китай столкнется с желанием разбогатевшей Африки освободиться от опеки и ГЦС своего спонсора? На примере КНР как реципиента ОПР ОЭСР виден полный провал ожиданий доноров. Китай получил 45 млрд долл. от Японии в 1979–2008 гг. (60% всей ОПР от КСР ОЭСР), но Япония не достигла ни одной экономической или политической цели. Напротив, КНР в ООН голосовала против японских инициатив, а в китайских СМИ ни разу не упомянули о том, что Япония оказывала помощь [Ковригин 2012].

Исследователи отмечают, что по объемам финансирования развития Китай сравнялся с США и способен их заменить в качестве глобального финансового лидера [Humphrey, Michaelowa 2019]. Европейский Союз ослаблен после выхода Британии. Создание 15 ноября 2020 г. крупнейшей ЗСТ мира «Всестороннее региональное экономическое партнерство» (ВРЭП), в которой Китай объединился с Японией и Республикой Корея, называют усилением Китая и крупнейшей победой его экономической дипломатии¹⁷.

До сих пор подъем КНР обострял борьбу со странами Запада за рынки развивающихся стран, за умы их элит,

т. е. содействовал конкуренции и развитию, формированию многополярного мира, в результате чего за последнее десятилетие страны Юга получили рекордные объемы помощи. Запланированный рост доходов китайцев до уровня развитых стран означает, что его вес в мировой экономике, пропорционально количеству населения, превзойдет вес всех стран Запада, вместе взятых. В таком случае возникает риск возникновения биполярного мирового хозяйства, а если триада не сможет объединиться, то одной сверхдержавы. Эксперты уже видят многочисленные признаки такого ускоренного движения к биполярному мироустройству [Фитуни 2019]. История учит, что такие сценарии приводят к разделу сфер влияния и консервации уровня развития.

В сохранении многополярного мира заинтересованы прежде всего многочисленные небольшие страны. Выживание и сохранение экономического суверенитета малых наций в будущем напрямую зависит от их выбора сегодня: не замыкаться на сотрудничестве с одним донором, работать одновременно со всеми конкурирующими державами.

Таким образом, в статье показано, как китайская помощь развитию стран Юга способствует активной постиндустриализации экономики КНР, а также вносит вклад в решение проблемы равновесия платежного баланса.

Новым рубежом в эволюции китайской помощи развитию, тестированием самого Китая на готовность к глобальному лидерству и способность реализовать цели модернизации национальной экономики может стать эпоха COVID-19. CIDCA объявил об усилении двусторон-

17 Подписание ВРЭП: стратегическая победа экономической дипломатии Китая (2020) // ESSRA. 16 ноября 2020 // <https://www.essra.org.cn/view-1000-1470.aspx>, дата обращения 27.11.2020 (на китайском).

ней и многосторонней помощи: Пекин готов выделить 2 млрд долл. на поддержку государств, пострадавших от пандемии, отправил команды медиков и медицинское оборудование в 150 стран, объявил о внесении 100 млн долл. в гуманитарную систему ООН, а также обязался внести дополнительный взнос 50 млн долл. во Всемирную организацию здравоохранения¹⁸. В новом исследовании Т. Дейч можно более подробно ознакомиться с размахом китайской помощи странам Юга в борьбе с COVID-19 и возникающими вызовами реализации инициативы ОПОП [Дейч (1) 2020].

Список литературы

- Борох О., Ломанов А. (2020) Китайский путь реформ в условиях глобализации // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 6. С. 66–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75
- Великая экономическая шахматная доска, что делать Китаю (2019). Пекин: Аналитический центр Агентства Синьхуа (на китайском).
- Гемуева К.А. (2018) Китайские инфраструктурные проекты в странах Африки южнее Сахары: кредитное финансирование // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 11. № 5. С. 55–73. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73
- Дегтерев Д.А., Трусова А.А., Черняев М.С., Ли Янь (2018) Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 18. № 4. С. 888–905. DOI: 10.22363/231306602018184888905
- Дейч Т.Л. (1) (2020) Китай и Африка в борьбе с COVID-19 // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 5. С. 57–72. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4
- Дейч Т. (2) (2020) Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 2. С. 118–127. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Епихина Р.А. (2019) Роль электроэнергетики во внешнеэкономической экспансии КНР // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 6. С. 188–202. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-9
- Игнатъев С., Луконин С. (2018) Инвестиционные связи Китая со странами Африки // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 10. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-5-12
- Калашников Д.Б. (2020) ТНК Китая в модернизации национальной экономики. М.: РУСАЙНС.
- Капица Л.М. (ред.) (2013) Иностранная помощь. М.: МГИМО-Университет.
- Ковригин Е.Б. (2012) Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // *Пространственная экономика*. № 3. С. 9–33 // http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/3_2012/SE.2012.3.009-033.Kovrigin.pdf, дата обращения 22.02.2021.
- Королев А.С. (2017) Помощь Китая Юго-Восточной Азии: основные направления и особенности // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. № 37. С. 45–61 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/218848575.pdf>, дата обращения 22.02.2021.
- Фитуни Л.Л. (2019) На пути к новой биполярности: геоэкономика и геополитика

18 Kurtzer J. (2020) China's Humanitarian Aid: Cooperation Amidst Competition // CSIS, November 17, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/chinas-humanitarian-aid-cooperation-amidst-competition>, дата обращения 27.11.2020

тика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29

Carter B. (2017) Literature Review on China's Aid. K4D Helpdesk Report, Brighton, UK: Institute of Development Studies.

Dong Y., Fan C. (2020) The Role of China's Aid and ODI in the Economic Growth of African Countries // Emerging Markets Review, vol. 44, September. 100713. DOI: 10.1016/j.ememar.2020.100713

Dreher A., Fuchs A., Tierney M. (2019) African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance // Journal of Development Economics, vol. 140, September, pp. 44–71. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.003

Feng T., Gong X., Guo Y., Yang Y., Pan B., Li S., Dong J. (2020) Electricity Cooperation Strategy between China and ASEAN Countries under "The Belt and Road" // Energy Strategy Reviews, vol. 30, July. 100512. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100512

Guillon M., Mathonnat J. (2020) What Can We Learn on Chinese Aid Allocation Motivations from Available Data? A Sectorial Analysis of Chinese aid to African Countries // China Economic Review, vol. 60, April. 101265. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.004

Han X., Webber M. (2020) From Chinese Dam Building in Africa to the Belt and Road Initiative: Assembling Infrastructure Projects and Their Linkages // Political Geography, vol. 77, March. 102102. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102102

Hernandez D. (2016) Are "New" Donors Challenging World Bank Conditionality? // AidData. Working Paper. No 19 // http://docs.aiddata.org/ad4/files/wps19_are_new_donors_challenging_world_bank_conditionality.pdf, дата обращения 22.11.2020.

Huang Q. (2019) The Process of Industrialization of New China from the Perspective of Centenary Goals // Economic Research Journal, no 9, pp. 18–22 (на китайском).

Humphrey C., Michaelowa K. (2019) China in Africa: Competition for Traditional Development Finance Institutions? // World Development, vol. 120, pp. 15–28. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.03.014

Li Z., Gallagher K., Mauzerall D. (2020) China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector // Energy Policy, vol. 136, January. 111056. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111056

Liao J., Cheng F., Xu D., Harris A. (2018) The New Face of China's Foreign Aid: Where Do We Go from Here? // The Lancet, August 25, 2018. DOI: 10.1016/S0140-6736(18)31496-X

Liu Z., Schindler S., Liu W. (2020) Demystifying Chinese Overseas Investment in Infrastructure: Port Development, the Belt and Road Initiative and Regional Development // Journal of Transport Geography, vol. 87, July. 102812. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2020.102812

Martorano B., Metzger L., Sanfilippo M. (2020) Chinese Development Assistance and Household Welfare in Sub-Saharan Africa // World Development, vol. 129, May. 104909. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104909

Remler D., Yu Y. (eds.) (2017) Parallel Perspectives on the Global Economic Order. A U.S.-China Essay Collection // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf, дата обращения 24.11.2020.

Savin I., Marson M., Sutormina M. (2020) How Different Aid Flows Affect Different Trade Flows: Evidence from Africa and Its Largest Donors // Structural Change and Economic Dynamics, vol. 55, pp. 119–136. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.08.004

Shen W. (2020) China's Role in Africa's Energy Transition: A Critical Review of Its Intensity, Institutions, and Impacts // Energy Research & Social Science, vol. 68, October. 101578. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101578

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Chinese Aid to the Industrial Development of the South: Input into Post-Industrialization of China

Denis B. KALASHNIKOV

PhD in Economics, Senior Lecturer, Department of World Economy
MGIMO-University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 119454,
Vernadsky Av., 76, Moscow, Russian Federation
E-mail: d.kalashnikov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0002-1120-0054

CITATION: Kalashnikov D.B. (2021) Chinese Aid to the Industrial Development of the South: Input into Post-Industrialization of China. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 195–213 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-11

Received: 07.12.2020.

ABSTRACT. *The article discusses the true goals and benefits of China's assistance to the South. A hypothesis reveals the relationship between China's transition to an innovative development model and its interest in the industrialization of the least developed countries. The tasks of modernizing the economy and the national interests of China in the context of the modern international labor division are analyzed. To ensure the growth of incomes of the population to the level of developed countries, the creation of a post-industrial structure of the economy is required. This means that a number of industrial functions must be transferred to such backward countries that, without Chinese capital and technology, are not able to industrialize. In addition, for China, the problem of equilibrium of the balance of payments is urgent, the solution to which is to increase imports of simple goods and make direct investments within the Chinese Global Value Chains. Analysis of directions and first results of Chinese development assistance confirmed its important contribution to solving these*

problems, as well as its systemic nature within the framework of the Belt and Road Initiative. The Initiative coordinates the construction of power plants, all types of infrastructure, and on their basis the development of industry and consumption under the control of Chinese companies. Therefore, all types of grants or concessional assistance to the South can be considered as investments into the development of the Chinese economy, which has gone beyond national borders. At the same time, participation in the Initiative brings benefits and growth prospects up to the level of the modern PRC for the most backward countries, but does not create growth opportunities for countries with already developed industry and an average standard of living, on the contrary, it reduces their space for post-industrialization.

KEYWORDS: *foreign aid, national interests, official development assistance, South-South cooperation, system of world economy, Africa, China, Belt and Road Initiative*

References

- Borokh O., Lomanov A. (2020) China's Path of Reform under Conditions of Globalization. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 6, pp. 66–75 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-66-75
- Carter B. (2017) *Literature Review on China's Aid. K4D Helpdesk Report*, Brighton, UK: Institute of Development Studies.
- Degterev D.A., Trusova A.A., Cherniaev M.S., Li Yan (2018) Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no 4, pp. 888–905 (in Russian). DOI: 10.22363/231306602018184888905
- Deych T.L. (1) (2020) China and Africa in the Fight against COVID-19. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 5, pp. 57–72 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-5-4
- Deich T. (2) (2020) Africa's Place in the Chinese Initiative "One Belt, One Road". *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no 2, pp. 118–127 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127
- Dong Y., Fan C. (2020) The Role of China's Aid and ODI in the Economic Growth of African Countries. *Emerging Markets Review*, vol. 44, September. 100713. DOI: 10.1016/j.ememar.2020.100713
- Dreher A., Fuchs A., Tierney M. (2019) African Leaders and the Geography of China's Foreign Assistance. *Journal of Development Economics*, vol. 140, pp. 44–71. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2019.04.003
- Epikhina R.A. (2019) The Role of Electric Power Sector in China's Global Economic Expansion. *Global Infrastructure in the Digital Age. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 6, pp. 188–202 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-9
- Feng T., Gong X., Guo Y., Yang Y., Pan B., Li S., Dong J. (2020) Electricity Cooperation Strategy between China and ASEAN Countries under "The Belt and Road". *Energy Strategy Reviews*, vol. 30, July. 100512. DOI: 10.1016/j.esr.2020.100512
- Fituni L.L. (2019) Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29
- Gemueva K.A. (2018) Chinese Infrastructure Projects in Sub-Saharan Africa: Credit Financing. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 5, pp. 55–73 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-55-73
- Guillon M., Mathonnat J. (2020) What Can We Learn on Chinese Aid Allocation Motivations from Available Data? A Sectorial Analysis of Chinese aid to African Countries. *China Economic Review*, vol. 60, April. 101265. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.004
- Han X., Webber M. (2020) From Chinese Dam Building in Africa to the Belt and Road Initiative: Assembling Infrastructure Projects and Their Linkages. *Political Geography*, vol. 77, March. 102102. DOI: 10.1016/j.polgeo.2019.102102
- Hernandez D. (2016) Are "New" Donors Challenging World Bank Conditionality? *AidData*. Working Paper. No 19. Available at: http://docs.aiddata.org/ad4/files/wps19_are_new_donors_challenging_world_bank_conditionality.pdf, accessed 22.11.2020.
- Huang Q. (2019) The Process of Industrialization of New China from the Perspective of Centenary Goals. *Economic Research Journal*, no 9, pp. 18–22 (in Chinese).
- Humphrey C., Michaelowa K. (2019) China in Africa: Competition for Traditional Development Finance Institutions? *World Development*, vol. 120, pp. 15–28. DOI: 10.1016/j.worlddev.2019.03.014
- Ignat'ev S., Lukonin S. (2018) China's Investment Relations with Af-

- rican Countries. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no 10, pp. 5–12 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-5-12
- Kalashnikov D.B. (2020) *China's Transnational Companies in Modernization of Its Economy*, Moscow: RuScience (in Russian).
- Kapitza L.M. (ed.) (2013) *Foreign Aid*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Korolev A.S. (2017) Chinese Aid Policy towards Southeast Asia: The Main Directions and Features. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*, no 37, pp. 45–61. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/218848575.pdf>, accessed 22.02.2021 (in Russian).
- Kovrigin E.B. (2012) Japan – China: Official Development Assistance as a Tool of Economic Interaction. *Spatial Economics*, no 3, pp. 9–33. Available at: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/3_2012/SE.2012.3.009-033.Kovrigin.pdf, accessed 22.02.2021 (in Russian).
- Li Z., Gallagher K., Mauzerall D. (2020) China's Global Power: Estimating Chinese Foreign Direct Investment in the Electric Power Sector. *Energy Policy*, vol. 136, January. 111056. DOI: 10.1016/j.enpol.2019.111056
- Liao J., Cheng F., Xu D., Harris A. (2018) The New Face of China's Foreign Aid: Where Do We Go from Here? *The Lancet*, August 25, 2018. DOI: 10.1016/S0140-6736(18)31496-X
- Liu Z., Schindler S., Liu W. (2020) Demystifying Chinese Overseas Investment in Infrastructure: Port Development, the Belt and Road Initiative and Regional Development. *Journal of Transport Geography*, vol. 87, July. 102812. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2020.102812
- Martorano B., Metzger L., Sanfilippo M. (2020) Chinese Development Assistance and Household Welfare in Sub-Saharan Africa. *World Development*, vol. 129, May. 104909. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.104909
- Remler D., Yu Y. (eds.) (2017) *Parallel Perspectives on the Global Economic Order. A U.S.-China Essay Collection*. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170922_Remler_ParallelPerspectives_Web.pdf, accessed 24.11.2020.
- Savin I., Marson M., Sutormina M. (2020) How Different Aid Flows Affect Different Trade Flows: Evidence from Africa and Its Largest Donors. *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 55, pp. 119–136. DOI: 10.1016/j.strueco.2020.08.004
- Shen W. (2020) China's Role in Africa's Energy Transition: A Critical Review of Its Intensity, Institutions, and Impacts. *Energy Research & Social Science*, vol. 68, October. 101578. DOI: 10.1016/j.erss.2020.101578
- The Economic Grand Chessboard, What Should China Do* (2019), Beijing: Xinhua News Agency Think Tank (in Chinese).

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12

Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад

Татьяна Сергеевна ДЕНИСОВА

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Центром изучения стран Тропической Африки

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: tsden@hotmail.com

ORCID: 0000-0001-6321-3503

Сергей Валерьянович КОСТЕЛЯНЕЦ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социологических и политологических исследований

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН, 123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9983-9994

ЦИТИРОВАНИЕ: Денисова Т.С., Костелянец С.В. (2021) Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 2. С. 214–230.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12

Статья поступила в редакцию 04.02.2021.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 2020-1902-01-372 «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество».

АННОТАЦИЯ. *Появившаяся в начале 2000-х годов исламистская группировка «Боко Харам» менее чем за два десятилетия превратилась из «нигерийского» движения в региональное, распространив свое присутствие на несколько стран Западной и Центральной Африки. Тактические, стратегические и идеологические разногласия между лидерами организации неоднократно приводили к ее расколам на отдельные фракции; наиболее серьезный про-*

изошел в 2016 году, когда «Боко Харам» разделилась на «Западноафриканскую провинцию “Исламского государства”» (ЗАПИГ) и «Джамаату ахлис Сунна Лиддаавати валь-Джихад» (ДЖАС, «Общество приверженцев распространению учения пророка и джихада»), которую по-прежнему для удобства называют «Боко Харам».

В статье рассматриваются причины и предпосылки расколов в «Боко Харам», цели, военная тактика двух груп-

пировок, взаимоотношения между ними и перспективы развития ситуации в сфере обеспечения безопасности в регионе бассейна озера Чад, где вооруженный конфликт подогревается масштабной бедностью населения, его социально-экономической и политической маргинализацией и неэффективностью местных органов власти на фоне межплеменных противоречий и массовых, в т. ч. встречных, миграций из региона и в него. Дается оценка реакции стран бассейна озера Чад на рост террористической активности в регионе.

В настоящее время бассейн озера Чад является огромным резервуаром для пополнения рядов джихадистов. Прежде всего это касается необразованной и безработной молодежи. Ситуация в регионе осложняется тем, что значительная часть населения поддерживает исламистов, в то время как большинство местных жителей становятся их жертвами или стремятся покинуть свои дома, пользуясь и прозрачностью региональных границ.

Авторы отмечают, что разделение «Боко Харам» на отдельные фракции усложняет для вооруженных сил стран региона – Нигерии, Камеруна, Нигера и Чада – проведение антитеррористических операций, для правительств – переговоры о перемирии или о выдаче заложников, хотя, в то же время, раскол привел к некоторому спаду насилия и к ослаблению влияния исламистов на социально-экономическое развитие региона бассейна озера Чад.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Африка, «Боко Харам», вооруженный конфликт, терроризм, бассейн озера Чад, «Аль-Каида», ИГ

Эволюции исламистской организации «Боко Харам» с момента появления (по разным источникам, в 1995–2003 гг.) и до ее раскола в 2016 г. посвящено множество работ зарубежных и

отечественных авторов [Adesoji 2010; Hickey 1984; Isichei 1987; Onuoha 2012; Walker 2012; Денисова 2014; Денисова 2016; Крюкова 2016; Овсянникова 2019, Яшлавский 2015; и др.], в т. ч. данной статьи, однако представляется правомерным напомнить некоторые факты.

В декабре 2003 г. группировка взяла на себя ответственность за ряд атак на сотрудников спецслужб в нигерийских штатах Йобе и Борно. Временно захватив здание полицейского участка в небольшом городке Канамма (штат Йобе), боевики вывесили полотно с написанным на них на языке хауса словом «Афганистан», таким образом завоевав группе название «Нигерийский Талибан» [Waldek, Jayasekara 2011, p. 168]. Под этим названием исламисты осуществляли нападения на работников правоохранительных органов, солдат регулярной армии, христианские церкви и т. д. Жестокий отпор экстремистам, предпринятый нигерийскими силами безопасности, привел к оттеснению в 2004 г. исламистов на северо-восток штата Борно, к его столице г. Майдугури, и к исходу части боевиков в район бассейна озера Чад. Из бунтовщиков, оказавшихся в Майдугури, первый лидер «Боко Харам» («западное образование – грех») Мохаммед Юсуф сформировал военизированное крыло движения.

Первые серьезные столкновения правительственных войск с отрядами «Боко Харам» произошли в июле 2009 г. в штатах Баучи, Кано, Йобе и Борно. Бунт был подавлен 30 июля после захвата и последовавшего убийства Юсуфа в помещении полицейского участка и схватки с его последователями, часть которых была арестована. Число жертв июльских столкновений превысило 700. Было разрушено множество общественных зданий, полицейских участков, тюрем, школ, церквей и т. д. Из захваченных спецслужбами до-

кументов выяснилось, что движение к тому времени существовало уже более 10 лет и действовало под разными названиями: «Нигерийский Талибан», «Юсуфия» и др. (см.: [Денисова 2014]). За период террористической деятельности «Боко Харам» ее жертвами стали более 30 тыс. человек¹.

После смерти Юсуфа руководство «Боко Харам» перешло сначала к мулле Сани Умару, но уже в июле 2010 г. – к Абу Мухаммеду Абубакару бин Мухаммаду Шекау; с этого времени столкновения на религиозной почве охватили не только северную, но и центральную часть Нигерии: почти каждую неделю в стране осуществлялись террористические акты, самым известным из которых стало похищение в апреле 2014 г. 276 школьников в г. Чибок (Борно).

В 2015 г. «Боко Харам» понесла территориальные потери в результате согласованных действий Многонациональных объединенных сил специального назначения (МОССН, Multinational Joint Task Force, MNJTF), в которые входят воинские контингенты Бенина, Камеруна, Нигера, Нигерии и Чада. Однако с тех пор исламистское движение смогло перегруппироваться и укрепить свои позиции в бассейне озера Чад.

Первые расколы

Как и многие другие африканские повстанческие группировки, «Боко Харам» переживала разногласия в руководстве, расколы и отмежевания от нее более мелких фракций. В 2002 г. от нее отделилась небольшая группа радикальных исламистов, известная как

«Юсуфия» («последователи Юсуфа»). Насчитывавшая примерно 200 человек и возглавлявшаяся Мухаммедом Али (убит в 2004 г.), Абубакаром Шекау и Амину Ташен-Илими, фракция обвиняла Юсуфа в излишней мягкости к «неверным». От губернатора штата Йобе (родного штата Шекау) группа получила участок земли в районе Дапчи, чтобы ее члены могли жить аскетической жизнью, занимаясь рыбалкой и сельскохозяйственными работами. Сначала «отшельники» мирно сосуществовали с местными жителями, однако вскоре начались споры по поводу прав на рыбную ловлю, и группа перебралась в деревню Канамма на границе с Нигером. Здесь, уже под названием «Нигерийский Талибан», боевики начали нападать на полицейские участки и правительственные объекты в соседних населенных пунктах. Постепенно нигерийские войска оттеснили их в горы Мандара на нигерийско-камерунской границе. Юсуф, хотя и не имевший отношения к тем атакам, в 2003 г. уехал в Саудовскую Аравию якобы на учебу. Позже он смог получить разрешение вернуться в Майдугури².

Судя по всему, Юсуф пришел к выводу, что отколовшаяся в 2002 г. группа могла быть полезна движению, т. к. в нее входили самые преданные его ученики, и в декабре 2004 г. он призвал к воссоединению. Главными помощниками Юсуфа стали Мухаммад Лаван (вышел из организации в декабре 2007 г. после разногласий с лидером по поводу отдельных положений Корана), Мамман Нур (убит 21 августа 2018 г. своими ближайшими соратниками) и Абубакар Шекау (нынешний лидер «Боко Харам»).

1 Nigeria Security Tracker (2020) // Council on Foreign Relations, October 12, 2020 // <https://www.cfr.org/nigeria/nigeria-security-tracker/p29483>, дата обращения 19.01.2021.

2 Curbing Violence in Nigeria (II): The Boko Haram Insurgency (2014) // International Crisis Group, Africa Report. No 216, April 3, 2014, pp. 9–10 // <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/curbing-violence-in-nigeria-ii-the-boko-haram-insurgency.pdf>, дата обращения 08.01.2021.

Серьезный раскол в рядах исламистов произошел в январе 2012 г., когда от «Боко Харам» откололась группа «Авангард защиты мусульман в Черной Африке», или «Ансару». Причиной отделения явилось недовольство членов фракции неизбирательным характером насилия, осуществлявшегося группировкой под руководством Шекау и нанесившего ущерб не только христианам, но и мусульманам, а также излишне авторитарным стилем управления «Боко Харам»³.

Возглавили «Ансару» Абу Мусаб аль-Барнави (сын Мохаммеда Юсуфа), Мамман Нур и Абу Усматул аль-Ансари, обещавшие защищать всех мусульман под лозунгами возрождения завоевательных идей Усмана дан Фодио – основателя в 1809 г. в Западной Африке халифата Сокото⁴. Если Шекау – канури – рекрутировал в «Боко Харам» в основном представителей своей этнической группы, то «Ансару» преимущественно состояла из фулани, т. е. межплеменное соперничество также было среди причин раскола. Более того, как указывал тогдашний «спикер» «Боко Харам» Абу Кака, Шекау обычно назначал террористов-смертников не из канури, а из представителей других групп⁵, и канури нередко даже выдавали боевиков-не-канури нигерийским спецслужбам⁶. Традиционная напряженность между фулани и канури регулярно перерастала в насилие, что не могло не отразиться на деятельности «Боко Харам» и сохранении ею единства. Однако «Ансару» и «Боко Харам» нередко проводили и совместные операции.

Одной из главных заявленных целей «Ансару» было основание транснационального исламского халифата, поэтому она не одобряла убийства мусульман – его потенциальных граждан. В свою очередь, «Боко Харам» стремилась превратить Нигерию в исламское государство и была менее разборчива при осуществлении насилия, уничтожая всех инакомыслящих независимо от вероисповедания [Zenn 2013, p. 7].

Различия между «Боко Харам» и «Ансару» состояли и в том, что первая получала материальную помощь и набирала бойцов среди местного населения, недовольного политикой правительств государств региона; вторая располагала меньшей боевой силой, но вначале пользовалась поддержкой других исламистских группировок: «Аль-Каиды в Исламском Магрибе» (АКИМ), «Аш-Шабааб», «Ансар ад-Дин», действовавшей в зоне Сахеля, и др. [Fisseha 2016, p. 22]. Однако судьба «Ансару» приняла новый оборот после вмешательства Франции в 2012 г. в малийский конфликт. Операция французских вооруженных сил «Сервал» помешала тактическому взаимодействию нигерийских исламистов и АКИМ [Zenn 2017, p. 12]. В результате «Ансару» была заметно ослаблена, и в 2014 г. большая часть ее боевиков вновь перешла в «Боко Харам». В марте 2015 г. Шекау, не желавший находиться под чьей-либо властью, присягнул, тем не менее, под давлением *шуры* – руководящего органа движения – на верность халифу Исламского государства⁷ (ИГ) Абу-Бакру аль-Багдади, который «назначил» лидера «Боко Харам» ва-

3 New Islamist Group Emerges in Nigeria, Vows to Defend All Muslims in Africa (2012) // Long War Journal, June 4, 2012 // https://www.longwarjournal.org/archives/2012/06/new_islamist_group_emerges_in.php, дата обращения 09.01.2021.

4 Ibidem.

5 Suspect Gives Sss Boko Haram Operations Clues (2012) // The Nation, February 7, 2012 // <https://unmaskingbokoharam.files.wordpress.com/2019/07/suspectgivesnov72012.pdf>, дата обращения 10.01.2021.

6 Pantucci R., Jespersen S. (2015) From Boko Haram to Ansaru. The Evolution of Nigerian Jihad // Royal United Services Institute, April 2015, p. 25 // https://rusi.org/sites/default/files/201504_op_from_boko_haram_to_ansaru.pdf, дата обращения 10.01.2021.

7 Запрещенная в России террористическая организация.

ли (правителем) «Западноафриканской провинции Исламского государства» (ЗАПИГ)⁸. В свою очередь, остатки «Ансару» сохранили связи с «Аль-Каидой»⁹, которая еще в 2017 г. признавала существование группы¹⁰.

Раскол 2016 г.

В 2013 г. произошел идеологический раскол между «Аль-Каидой» и ИГ, придерживавшимися «различных подходов в достижении конечной общей для них цели – создания вселенского государства ислама» [Нечитайло 2017, с. 409]; единое джихадистское движение перестало существовать, что напрямую сказалось на деятельности различных региональных исламистских организаций, которые стали отличаться большей фракционностью в соответствии с приверженностью одной из двух джихадистских сетей. Не избежала этой участи и «Боко Харам».

После прихода в марте 2015 г. к власти в Нигерии Мухаммаду Бухари, развернувшего нигерийскую армию против исламистов, и наступления на подконтрольные ЗАПИГ районы войск МОССН «провинция» оказалась сильно ослабленной. Фракции аль-Барнави и Маммана Нура отступили к границам Нигера, Чада и Камеруна, а бойцы Ше-

кау отошли в лес Самбиса (на северо-востоке Нигерии), используя его в качестве основной базы. Отношения между различными фракциями «Боко Харам» к тому времени уже заметно обострились, прежде всего из-за поощрявшихся Шекау частых нападений на местных мусульман. В августе 2016 г. аль-Барнави пожаловался на «излишнюю жестокость» лидера ЗАПИГ руководству ИГ, и оно объявило «сына Юсуфа» новым *вали*¹¹.

Шекау отказался подчиниться, и «Западноафриканская провинция» разделилась на две группы: ЗАПИГ во главе с аль-Барнави¹² и Мамманом Нуром и собственно «Боко Харам», или ДЖАС (Jama'atu Ahlis-Sunna Lidda'Awati Wal-Jihad, JAS), под руководством Шекау [Mahmood, Ani 2018, p. 3]. В известном смысле ЗАПИГ стала преемницей «Ансару», т. к. главной ее целью также стало основание транснационального халифата.

Кроме неизбежных убийств причинами раскола стали разногласия по поводу использования детей-смертников (что запрещалось ИГ)¹³, по вопросу об отношениях с гражданским мусульманским населением, игнорирование Шекау общих решений, «неправильная» трактовка им Корана¹⁴, неспособность «Боко Харам» восполнить территориальные потери, понесенные в 2015–2016 гг., и др.

8 Passeint A. (2019) Factional Split inside Boko Haram. Evolving Dynamics and Future Implications // Cairo International Center for Conflict Resolution, Peacekeeping and Peacebuilding, January 15, 2019 // <https://www.cccpa-eg.org/publications-details/359>, дата обращения 10.01.2021.

9 Запрещенная в России террористическая организация.

10 Jama'a Nusrat ul-Islam wa al-Muslimin (JNIM) (2018) // Совет Безопасности ООН. 4 октября 2018 // <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/jamaa-nusrat-ul-islam-wa-al-muslimin-jnim>, дата обращения 10.01.2021.

11 Social Media in Africa – A Double-edged Sword for Security and Development (2018) // UNDP, October 3, 2018, p. 23 // https://www.undp.org/content/dam/rba/docs/Reports/UNDP-RAND-Social-Media-Africa-Research-Report_final_3%20Oct.pdf, дата обращения 11.01.2021.

12 В 2018 г. аль-Барнави был заменен дуумвиратом – Мамманом Нуром и Абу Абдуллой ибн Умаром аль-Барнави (не родственником), но остался в составе шуры (совета) – руководящего органа движения.

13 Stewart Ph. (2016) Boko Haram Fracturing over Islamic State Ties, U.S. General Warns // Reuters, June 22, 2016 // <https://www.reuters.com/article/us-usa-nigeria-boko-haram-idUSKCN0Z72WT>, дата обращения 12.01.2021.

14 New B/Haram Leader, al-Barnawi, Accuses Shekau of Killing Fellow Muslims, Living in Luxury (2016) // Punch, August 6, 2016 // <https://punchng.com/new-bharam-leader-al-barnawi-accuses-shekau-killing-fellow-muslims>, дата обращения 12.01.2021.

Аль-Барнави и Мамман Нур полагают, что движение должно любыми способами привлечь местных жителей на свою сторону, не отталкивать их актами насилия и сосредоточиться на удачах по правительственным объектам, в т. ч. военным. В свою очередь, Шекау рассматривал любого гражданина, не поддерживавшего «Боко Харам» или бежавшего на подконтрольные властям территории, как «неверного» и «агента правительства», а потому подлежащего уничтожению¹⁵. Хотя Шекау с начала 2000-х гг., когда он был заместителем Юсуфа, придерживался подобной позиции, со временем этот принцип стал применяться все шире, чем и объяснялся рост числа гражданских жертв. Отчасти это было связано с появлением в 2013 г. своего рода «народных дружинников», сражающихся с террористами на территориях всех стран региона и именуемых «Совместной гражданской оперативной группой» (СГОГ, Civilian Joint Task Force, CJTF). Из-за сотрудничества СГОГ с регулярными армиями и получения «дружинниками» местной поддержки Шекау начал рассматривать большинство жителей региона как «пособников» силовых структур, что и обуславливало обращение к насильственным методам «взаимодействия» с населением.

Безусловно, обе фракции участвовали и в акциях, не укладывавшихся в указанные рамки. Группировки в значительной степени игнорировали друг друга после раскола, не обменивались разведывательной информацией и не согласовывали действия; периодически между ними происходили столкновения, например, в нигерийском городе Диква (штат Борно) в декабре 2017 г.

Но ни одна из групп не пыталась уничтожить другую [Mahmood, Ani 2018, p. 4], а после 2018 г. (ознаменовавшего смещением аль-Барнави и убийством М. Нура) они вновь начали проводить совместные операции, не стремясь при этом к формальному объединению.

Возможно, это объясняется концентрацией групп на разных территориях, хотя места их дислокации периодически смещаются. «Боко Харам» Шекау базируется в основном вдоль границы с Камеруном и в нигерийском штате Борно – в лесу Самбиса, что позволяет ей осуществлять теракты в южных и центральных районах Борно, в т. ч. в Майдугури.

ЗАПИГ в 2016 г. создала штаб-квартиру на озере Чад и лагеря вдоль границы с Нигером на крайнем северо-востоке Нигерии, но позже распространилась южнее на нигерийский штат Йобе и некоторые части Борно. Обе группы присутствуют в северном Камеруне, в Чаде и Нигере. В некоторых районах их пути пересекаются, и это зачастую приводит к стычкам между боевиками [Mahmood, Ani 2018, p. 4].

После 2016 г. ЗАПИГ и ДЖАС расширили свои контакты с глобальной террористической сетью, прежде всего с группировками, действующими в зоне Сахеля и в Северной Африке. Практическая помощь сахельских и сахарских фракций группам, на которые раскололась «Боко Харам», выражается в предоставлении оружия, которым наводнен регион, и в организации подготовки боевиков в различных лагерях, разбросанных по зоне Сахеля и созданных на границах Нигерии с соседними государствами. При этом ЗАПИГ сохранила свой статус вилаята ИГ и раз-

15 Searcey D. (2016) Boko Haram Leader Speaks on YouTube, Deepening Signs of Split // The New York Times, August 4, 2016 // <https://www.nytimes.com/2016/08/05/world/africa/boko-haram-leader-speaks-on-youtube-deepening-signs-of-split.html>, дата обращения 12.01.2021.

вивает «партнерские» отношения с региональными движениями, связанными с «Исламским государством» и действующими на севере Мали и Нигера, а также в Ливии¹⁶.

В свою очередь, фракция Шекау после раскола превратилась, по сути, в группу джихадистов без каких-либо заметных связей с другими транснациональными движениями. Возможно, реальное преимущество ЗАПИГ перед ДЖАС состоит в том, что первую группировку возглавляют лидеры, которые не персонализируют джихад, как Шекау, обладают лучшими управленческими и пропагандистскими способностями и умеют находить общий язык с местными общинами.

Ситуация в бассейне озера Чад

В 2015–2016 гг. значительная часть боевиков «Боко Харам» была вытеснена в район озера Чад, где группировка Шекау осуществила около 90% всех своих нападений. Прозрачная граница, дремучие леса и высокие горы Мандара облегчают ведение партизанской войны и контрабанду оружия. С середины 2000-х гг., т. е. с появления в регионе боевиков «Боко Харам» и беженцев, спасавшихся от солдат регулярной нигерийской армии, здесь наблюдается постоянный рост трансграничной преступности: незаконной торговли, похищений людей и скота и т. д., – чему способствует топография озера и сложность навигации в межостровном лабиринте. «Боко Харам» активно вербует контрабандистов в свои ряды или сотрудничает с ними, используя их

знание местности и военной/полицейской тактики [Zenn 2018, p. 68]. Среди них много бывших чадских повстанцев (см.: [Африка 2020, с. 141–163]), ставших «бандитами с большой дороги» прежде чем передать свои навыки «Боко Харам». Опираясь на контрабандные сети, «раскинутые» на озере, боевики совершают набеги на местные общины и торговцев, что побуждает их сотрудничать с группировкой, чтобы избежать насилия.

Бассейн озера Чад является благодатной почвой для распространения любых радикальных идей, в т. ч. исламистских, и для привлечения местного населения к антиправительственной деятельности. Начиная с «великой засухи», охватившей зону Сахеля в 1970-е гг., несмотря на начало быстрого сокращения водной поверхности озера, в регион начало прибывать все больше и больше экономических беженцев. Среди них были и фермеры, и скотоводы, менявшие маршруты перегона скота в поисках пастбищ. С падением уровня воды (за последние 30 лет ее объем уменьшился в 10 раз) появились новые острова, а сезонные лагеря рыбаков превращались в деревни, заселенные как местными жителями, так и мигрантами. Если в 1976 г. на берегах озера проживало около 700 тыс. человек, то сегодня – примерно 2,2 млн, вместе с окрестностями – 13 млн, а водой и другими ресурсами озеро обеспечивает более 30 млн человек в четырех странах¹⁷.

Население озерных островов имеет чрезвычайно смешанный характер. Прибытие больших групп переселенцев с разными профессиональными

16 Niger and Boko Haram: Beyond Counter-Insurgency (2017) // International Crisis Group Report. No 245, February 27, 2017 // <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/245-niger-and-boko-haram-beyond-counter-insurgency.pdf>, дата обращения 14.01.2021.

17 Fighting Boko Haram in Chad: Beyond Military Measures (2017) // International Crisis Group Report. No 246, March 8, 2017, p. 4 // <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/chad/246-fighting-boko-haram-chad-beyond-military-measures>, дата обращения 14.01.2021.

навыками и уровнями квалификации способствовало экономическому росту в регионе, одновременно обостряя соперничество за контроль над островами и участками, подверженными сезонным наводнениям. Эта тенденция усугубилась текущим конфликтом.

Более 80% жителей региона – земледельцев, рыбаков и животноводов – неграмотно; экологическая деградация в результате уменьшения объемов осадков, опустынивания и засух привела к сокращению производства продуктов питания и к росту безработицы. Ирригационные объекты заброшены, парки и заповедники прекратили работу¹⁸. Хотя жители региона разделены границами, они объединены языками, религией и одинаково считают себя жертвами политической и социально-экономической маргинализации и конфликта.

Поэтому Шекау легко привлекает в ряды исламистов молодежь региона. В основном он набирает канури, т. к. регион является исторической территорией их проживания, что обеспечивает боевикам убежище, а язык канури облегчает переход через границу и позволяет устанавливать связи с рыболовными союзами, фермерскими сообществами и рыночными группами (см.: [Cohen 1965]). Используя язык канури и знание региона, исламисты получают поддержку местных жителей [Forest 2012, p. 1].

Успех исламистов в закреплении на озере и в вербовке молодежи проливает свет на недостатки государственного управления на периферии. До 1990-х гг. озеро считалось правительствами

стран бассейна отдаленной приграничной зоной. В Нигере, несмотря на строительство дороги, соединившей в 1975 г. несколько населенных пунктов региона, лишь в конце 1990-х гг. государство расширило здесь свое присутствие в связи с разработками нефтяного месторождения «Агадем». В Камеруне район крайнего севера стал центром внимания властей совсем недавно – в основном из-за роста здесь террористической активности и дорожного бандитизма.

Для Чада район озера не является столь отдаленным, как для соседних стран, тем более что более половины площади бассейна находится в пределах его территории, а озеро и его польдеры, часто называемые «садами Нджамены», снабжают столицу рыбой и сельскохозяйственными продуктами. Однако лишь в октябре 2015 г., в связи с наступлением (в составе МОССН) чадской армии на позиции «Бoko Харам», президент (с 1990 г.) Чада Идрис Деби впервые в своей жизни посетил этот регион¹⁹.

Доступ к общественным услугам в районе озера остается намного ниже средних показателей по странам бассейна. Охват школьным образованием едва достигает 30%, и «общественные учителя», т. е. родители учеников, обычно заменяют подготовленных преподавателей. На каждые 140 тыс. жителей приходится один врач, что составляет лишь четверть от среднего показателя, например, для Чада²⁰. Недоверчивое отношение островитян к официальным властям, низкий уровень грамотности, отсутствие перспективы для

18 Bdiya H.H., Bloxom M. (2010) Transboundary Diagnostic Analysis of the Lake Chad Basin // Abuja: Report Submitted to LCBC—GEF Project on the Reversal of Land and Water Resources Degradation, pp. 43–44 // <https://iwlearn.net/resolveuid/9470ff35bbc5e0205dc364a8322a0f36>, дата обращения 10.01.2021.

19 Assanvo W., Abatan J.E.A., Sawadogo W.A. (2016) Assessing the Multinational Joint Task Force against Boko Haram // West Africa Report. No 19, September 2016, p. 9 // <https://issafrica.s3.amazonaws.com/site/uploads/war19.pdf>, дата обращения 20.01.2021.

20 Fighting Boko Haram in Chad: Beyond Military Measures (2017) // ICG. Africa Report. No 246, March 8, 2017, p. 8 // <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/246-fighting-boko-haram-in-chad-beyond-military-measures.pdf>, дата обращения 22.01.2021.

молодежи, безусловно, способствовали росту влияния в регионе «Боко Харам», тем более что местная экономика в значительной степени ориентирована на Майдугури: город служит как коммерческим, так и религиозно-культурным центром для многих чадцев и нигерцев. Островитяне используют нигерийскую валюту – найру, привыкли свободно пересекать границу в поисках работы и получения образования, многие имеют удостоверения личности, выданные в нескольких государствах.

Большинство юношей, прибывавших в Нигерию для обучения в коранических школах Борно, становились учениками имамов, близких к «Боко Харам», а домой возвращались с аудиокассетами с записями проповедей Мохаммеда Юсуфа, и исламистские идеи начали быстро распространяться по региону.

С 2014 г. террористическая угроза обрела региональный характер, выросло число нападений на гражданских лиц и военные объекты в северном Камеруне, а с начала 2015 г. – в южном Нигере и западном Чаде. Раскол «Боко Харам» в 2016 г., с одной стороны, снизил уровень насилия в отношении мусульманского населения, с другой – усложнил для правительств стран бассейна задачу противостояния террористам. Отчасти это было связано с различиями в тактиках и стратегиях ЗАПИГ и «Боко Харам» (ДЖАС).

С момента своего появления в регионе бассейна озера Чад «Боко Харам» использовала разные линии поведения в отношениях с местными жителями. Осуществляя акты террора, отталкивавшие потенциальных сторонников,

она в то же время в известном смысле замещала государство, предоставляя населению определенный набор услуг: медицинских, образовательных, охранных и др. Одновременное применение этих тактик было контрпродуктивным: обитателям озера предлагалось остаться в качестве граждан нового исламского халифата, но жестокость исламистов побуждала многих бежать.

Раскол «Боко Харам» сделал границы между двумя поведенческими линиями более отчетливыми. ДЖАС («Боко Харам») Шекау с 2016 г. в основном начал практиковать карательные акции против гражданского населения («неверных») и все чаще использовал женщин и детей в качестве террористов-смертников. (Впервые использование смертниц произошло еще до раскола – в июне 2014 г.²¹) Эти два направления определяли тактику его действий. В 2016 г. почти 20% террористов-смертников были детьми, из них три четверти – девочками. К 2018 г. в заключении оказались 469 террористок-смертниц, замешанных в подготовке 240 инцидентов, что свидетельствует о масштабах проблемы. Смертницы уничтожили более 1 200 человек в четырех странах: Нигерии, Нигере, Чаде и Камеруне; еще почти 3 тыс. получили ранения²². (Даже ИГ реже прибегала к использованию смертников, причем почти исключительно мужчин.) С августа 2016 по апрель 2018 г. мирные жители стали мишенями боевиков Шекау в 73% случаев; в 36% были задействованы смертники, при этом лишь 6% из них были нацелены на негражданские объекты [Mahmood, Ani 2018, pp. 20, 42]. Столкнувшись с частыми обнару-

21 Cocks T. (2014) INSIGHT-In Nigeria, Boko Haram-style Violence Radiates Southwards // Reuters, July 14, 2014 // <https://news.trust.org/item/20140713163843-v72eh>, дата обращения 25.01.2021.

22 Passet A. (2019) Factional Split inside Boko Haram. Evolving Dynamics and Future Implications // Cairo International Center for Conflict Resolution, Peacekeeping and Peacebuilding, January 15, 2019 // <https://www.cccpa-eg.org/publications-details/359>, дата обращения 10.01.2021.

жениями и арестами террористок, Шекау начал использовать менее подозрительных смертников – детей, которым просто объясняли, в каком месте и какую кнопку нажать²³.

Конечно, фракция Шекау участвовала и в акциях насилия без участия смертников. В последние годы появилась тенденция к нападениям на военные конвои, сопровождающие официальных лиц, и к столкновениям с силами безопасности, хотя последнее происходит не с такой частотой и не с таким успехом, как у ЗАПИГ. Кроме того, осуществляются рейды на местные деревни с целью «конфискации» продуктов питания.

В свою очередь, насилие, осуществляемое ЗАПИГ, сопровождается большим количеством смертей в целом, но меньшим среди мирных жителей. Эта группировка в основном использует смертников-мужчин, действующих с помощью самодельных взрывных устройств, установленных на автомобилях. Мишенями группы преимущественно служат армии стран региона и проправительственные ополчения (СГОГ и др.). Но были и исключения: 19 февраля 2018 г. боевики ЗАПИГ похитили более 100 школьников в г. Дапчи (штат Йобе). Атака в деталях напоминает похищение «Боко Харам» в апреле 2014 г. школьников в г. Чибок [Fisseha 2016, p. 7], но в Дапчи все девушки, кроме одной, были мусульманками, и большинство их были возвращены менее чем через месяц – 21 марта 2018 г.²⁴

В сельских районах ЗАПИГ зачастую выступает в качестве защитника населения от злоупотреблений властей, жандармерии, таможенников и т. д., нередко предлагает молодым людям, го-

товым присоединиться к группировке, деньги «на женитьбу», таким образом вбивая клин между гражданами и правительством. Иногда бойцы этой фракции покупают, а не отнимают продукты у местных жителей, что заметно отличает их от боевиков «Боко Харам», которые предпочитают действовать исключительно силой. В то же время в районах, подконтрольных ЗАПИГ, сохраняется система суровых наказаний за участие в азартных играх, курение и употребление алкоголя [Mahmood, Ani 2018, p. 26].

Однако тактика налаживания контактов с мирными жителями, взятая ЗАПИГ на вооружение, имела свои изъяны: во-первых, за годы деятельности «Боко Харам» население привыкло опасаться за свою жизнь и не доверять исламистам; во-вторых, «мирные» отношения с местными общинами сохранялись лишь до тех пор, пока они были в состоянии «добровольно» снабжать боевиков всем необходимым, поэтому масштабное бегство из зон действия ЗАПИГ продолжалось, несмотря на обещания ее лидеров обеспечить безопасность гражданского населения.

Впрочем, немалую роль с точки зрения получения поддержки населения играет и то обстоятельство, что многие боевики находят себе жен в местах дислокации, у них появляются дети, и таким образом упрочиваются родственные связи.

Таким образом, обе группировки способны, хотя и разными способами, поддерживать свою жизнедеятельность, полагаясь на доступные ресурсы. Они занимаются вымогательством, участвуют в незаконной торговле, похищениях людей с целью полу-

23 Olivier M. (2015) *Terrorisme: qui sont les kamikazes de Boko Haram au Cameroun?* // *Jeune Afrique*, September 22, 2015 // <https://www.jeuneafrique.com/256302/politique/terrorisme-kamikazes-de-boko-haram>, дата обращения 21.01.2021.

24 Нигерия: «Боко Харам» освободило большинство похищенных школьников (2018) // *Благовест*. 23 марта 2018 // <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=3&id=77421>, дата обращения 21.01.2021.

чения выкупа, т. е. активно развивают «экономику терроризма» (см.: [Денисова 2013]), хотя и в этой сфере их подходы несколько различаются.

Вымогательство ложится тяжелым бременем на местных жителей, которые и без того страдают от засух, боевых действий и социально-экономической маргинализации. Исламисты пытаются создать своего рода «пространство для экономической деятельности» с целью взимания налогов. Например, ЗАПИГ получает с местных пастухов налог на каждое животное, но предоставляет безопасное место для выпаса²⁵. Это происходит и в Камеруне, где боевики предлагают защиту различным субъектам экономической деятельности, облагая их налогами, и в Чаде, где рыбаки отдают им часть улова. Налоги боевики предпочитают брать натурой: продуктами питания, зерном, горючим и т. д. То есть ЗАПИГ поощряет экономическую активность, стараясь извлечь из этого выгоду, в отличие от «Боко Харам», которая уничтожает своих «кормильцев».

Среди видов деятельности, приносящих боевикам большие доходы, – угон скота с целью его продажи и рыболовство. В одном только 2016 г. продажа трех партий скота в Северном Камеруне принесла боевикам 12 млн евро²⁶. После раскола обе фракции продолжают практиковать кражи скота и его продажу на местных рынках²⁷. Чтобы избежать потери животных, скотоводы вынуждены менять марш-

руты их перегона, например, из Чада в Нигерию (где цены выше) через центральные районы Нигера, имеющие меньше водоемов; в результате часть стада погибает в пути.

Помимо угона скота боевики обеих фракций занимаются торговлей рыбой, выловленной в озере Чад, причем действуют двумя способами: либо конфискуют улов, либо позволяют местным рыбакам заниматься своей деятельностью в обмен на долю прибыли. В результате нападений боевиков на озерные общины пострадало и земледелие, что заметно снизило уровень продовольственной безопасности в регионе.

Похищение людей с целью получения выкупа – еще один важный источник финансирования террористической деятельности. Так, за 21 школьницу, похищенную в Чибоке, в октябре 2016 г. нигерийское правительство заплатило фракции Шекау 1 млн долл., еще за 82 заложника – 2 млн долл.²⁸ Доходы в результате получения выкупа затмили все другие источники финансирования. Следует отметить, однако, что похищения не всегда нацелены на получение выкупа: зачастую фракции требуют обмена заложников на захваченных боевиков.

Усиление хозяйственной нестабильности в результате конфликта сказывается на материальном обеспечении боевиков, но и мирное население оказывается в уязвимом положении. Многие беженцы и ВПЛ (а их число в регионе достигает 200 тыс.²⁹), не способные

25 Islamic State Ally Stakes out Territory around Lake Chad (2018) // Reuters, April 29, 2018 // <https://cn.reuters.com/article/us-nigeria-security-idUSKBN1I0063>, дата обращения 21.01.2021.

26 Terrorist Financing in West and Central Africa (2016) // Financial Action Task Force, October 2016, pp. 12–13 // <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Terrorist-Financing-West-Central-Africa.pdf>, дата обращения 21.01.2021.

27 Borno Govt. Criminalizes Cattle Import to Check Terror Funding (2016) // Channels Television, March 4, 2016 // <https://www.channelstv.com/2016/03/04/borno-govt-criminalizes-cattle-import-to-check-terror-funding>, дата обращения 22.01.2021.

28 WSJ назвала цену освобождения похищенных «Боко Харам» нигерийских школьниц (2017) // NEWS1.ru. 25 декабря 2017 // <https://news1.ru/archives/15945/amp>, дата обращения 22.01.2021.

29 Доклад о миграции в мире 2020 (2020) // Женева: Международная организация по миграции (MOM) // https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf, дата обращения 29.01.2021.

заняться своим обычным делом, зависят от продовольственной помощи. Демографическое давление и экономическая незащищенность сочетаются со старым соперничеством между отдельными группами населения за «права коренных народов», за доступ к ресурсам – к плодородным участкам земли, к местам, наиболее подходящим для рыбной ловли, и т. д.

Существует также острая конкуренция за контроль над коммерческой деятельностью. К западу от озера арабы и хауса оспаривают между собой контроль над торговлей скотом. На самом озере идут сражения за оказание услуг по перевозке продукции на моторных лодках и каноэ. На чадском берегу племена канембу и будума соперничают за торговлю козами, дровами, ткацкими изделиями и др. Различные кланы будума, полагающие, что многие острова являются их «исторической собственностью», взимают «налоги» с рыбаков и пастухов, принадлежащих к другим этническим группам, и препятствуют их перемещениям через озеро. Некоторые общины будума объединились с «Бокко Харам», чтобы сохранить контроль над озером.

Конфликт разрушил экономику региона: многие торговцы бежали; большая часть инфраструктурных объектов уничтожена, а сельскохозяйственное производство находится на крайне низком уровне из-за общего отсутствия безопасности.

Одна из проблем, с которой сталкиваются местные жители в бассейне озера Чад, состоит в том, что они постоянно оказываются между двух огней: исламисты считают их «агентами правительства», а власти стран региона обвиняют их в сотрудничестве с боевиками. Поскольку военные далеко не всегда могут защитить население, оно предпочитает обходиться без присутствия армии, и сотрудничество с террориста-

ми становится прагматичным, является тактикой выживания, которая приносит пользу исламистам.

Заключение

Раскол в «Бокко Харам» назревал и периодически реализовывался с того момента, когда во главе движения встал Абубакар Шекау. В настоящее время, несмотря на сохраняющуюся способность «Бокко Харам», т. е. группы Шекау, не только к выживанию, но и к применению насилия, ЗАПИГ, как представляется, является более опасной и долгосрочной угрозой для региона озера Чад, т. к. ее атаки одновременно нацелены на ослабление сил противника – национальных армий стран бассейна и на усиление своих рядов, что достигается путем разграбления оружейных складов и других объектов. Хотя ДЖАС периодически использует подобную тактику, основное внимание фракция уделяет наказанию гражданского населения, что мало способствует укреплению движения.

Присутствие ЗАПИГ становится все более заметным на юго-востоке Нигера, в северном Камеруне и на островах озера Чад, в то время как основной театр военных действий ДЖАС находится на нигерийско-камерунской границе, где группировка действует по принципу «атаковала – ограбила – скрылась». То есть, если ЗАПИГ ориентирована, среди прочего, и на предоставление услуг населению, то «Бокко Харам» – лишь на насилие: фракция Шекау уже преодолела тот рубеж, до которого она планировала превратить Нигерию в исламское государство, живущее по законам шариата, и теперь больше озабочена собственным выживанием.

Весьма вероятна возможность сохранения ЗАПИГ (в отличие от ДЖАС) внешней поддержки в виде финансово-

го обеспечения и подготовки бойцов, что сделает группировку еще большей угрозой безопасности. Учитывая неспособность ДЖАС управлять контролируемыми им территориями без применения насилия, можно предположить, что ЗАПИГ, использующая более «эффективный» путь завоевания «авторитета» у жителей бассейна озера Чад, имеет больше возможностей для практической реализации своего видения западноафриканского Исламского государства, пусть и в виде неформального квазигосударственного образования.

Известно, что конфликт можно урегулировать лишь в условиях, когда хотя бы одна из сторон зашла в тупик, т. е. больше не имеет ни сил, ни средств для военного противостояния. Поскольку социально-экономическая ситуация в бассейне озера Чад продолжает ухудшаться, что отчасти связано с пандемией COVID-19, число последователей и ДЖАС, и ЗАПИГ, скорее всего, будет расти. То же можно сказать и о «средствах»: западноафриканские фундаменталисты с середины 2000-х гг. попали в сферу влияния глобального исламизма, прежде всего транснациональных террористических сетей ИГ и «Аль-Каида» (хотя уровень сближения с ними «Бoko Харам» постоянно меняется, и после убийства аль-Багдади в октябре 2019 г. Шекау сменил свою приверженность ИГ на более тесные связи с «Аль-Каидой»³⁰), а это означает, что политическая, военная, материальная и моральная поддержка им гарантирована.

В свою очередь, правительства стран региона не смогли в эпоху террористической опасности и международного негодования в адрес экстремистских групп, действующих по всему миру, воспользоваться ситуацией, чтобы

получить поддержку в раскрытии международных связей западноафриканских фундаменталистов. Меры, принимаемые властями Нигерии, Нигера, Камеруна и Чада, по своим параметрам не соответствуют степени влияния исламизма в этих странах. Поспешные, поверхностные и нескоординированные действия правительственных структур наряду с политизацией религии препятствуют борьбе с мощной угрозой региональной безопасности.

Список литературы

Африка: политическое развитие и армия (2020). М.: ИАФР РАН.

Денисова Т.С. (2013) Конфликты в африканских странах и формирование «экономики войны» // Ученые записки Института Африки РАН. №. 31. С. 158–172 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23611208>, дата обращения 16.01.2021.

Денисова Т.С. (2014) Нигерия: от Майтацине до Бoko Харам // Восток (ORIENS). № 4. С. 70–82 // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21830916>, дата обращения 16.01.2021.

Денисова Т.С. (2016) Исламский экстремизм и проблемы насилия в Нигерии: гендерный аспект // Насилие и терроризм. Гендерный аспект. М.: ИАФР РАН. С. 90–97.

Крюкова Т.В. (2016) Африканская сеть ИГ: «Бoko Харам» // Азия и Африка сегодня. № 12. С. 55–60 // <https://arxiv.gaugn.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-410/?reader=Y>, дата обращения 20.02.2021.

Нечитайло Д.А. (2017) «Аль-Каида» и «Исламское государство» – общее и особенное // Азимут научных исследований: экономика и управление.

30 What Does al-Baghdadi's Exit Mean for Africa? (2019) // Institute for Security Studies, November 5, 2019 // <https://issafrica.org/iss-today/what-does-al-baghdadis-exit-mean-for-africa>, дата обращения 20.02.2021.

№ 3(20). С. 409–412 // <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-i-islamskoe-gosudarstvo-obschee-i-osobnoe>, дата обращения 16.01.2021.

Овсянникова Я.А. (2019) Деятельность «Бoko Харам» как фактор дестабилизации положения в Западной Африке // *Academy*. № 6(45). С. 116–119 // <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-boko-haram-kak-faktor-destabilizatsii-polozheniya-v-zapadnoy-afrike>, дата обращения 21.02.2021.

Яшлавский А. (2015) Экстремистская группировка «Бoko Харам» в Нигерии: угроза местного или глобального уровня? // *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 17–27 // https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2015/Yashlavskii_17-27.pdf, дата обращения 16.01.2021.

Adesoji A. (2010) The Boko Haram Uprising and Islamic Revivalism in Nigeria // *Africa Spectrum*, vol. 45, no 2, pp. 95–108. DOI: 10.1177/000203971004500205

Cohen R. (1965) Some Aspects of Institutionalized Exchange: A Kanuri Example // *Cahiers d'études africaines*, vol. 5, no 19, pp. 353–369 // https://www.persee.fr/doc/cea_0008-0055_1965_num_5_19_3040, дата обращения 16.01.2021.

Fisseha M. (2016) The Nexus between Religion and Terrorism: An Investigation into the Boko Haram Killing Activities in Nigeria. M.A. Degree Thesis, Uppsala: Uppsala Universitet // <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:933994/FULLTEXT01.pdf>, дата обращения 10.01.2021.

Forest J.J. (2012) Confronting the Terrorism of Boko Haram in Nigeria, Tampa, Fl.: The Joint Special Operations University // <https://www.hsdl.org/?abstract&did=715583>, дата обращения 11.01.2021.

Hickey R. (1984) The 1982 Maitatsine Uprisings in Nigeria: A Note // *African Affairs*, vol. 83, no 331, pp. 251–256 // <https://www.jstor.org/stable/721562>, дата обращения 11.01.2021.

Isichei E. (1987) The Maitatsine Risings in Nigeria, 1980–1985: A Revolt of the Disinherited // *Journal of Religion in Africa*, vol. 17, no 3, pp. 194–208. DOI: 10.2307/1580874

Mahmood O.S., Ani N.C. (2018) Factional Dynamics within Boko Haram, Pretoria: Institute for Security Studies // <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/factional-dynamics-within-boko-haram>, дата обращения 11.01.2021.

Onuoha F.C. (2012) The Audacity of the Boko Haram: Background, Analysis and Emerging Trend // *Security Journal*, vol. 25, no 2, pp. 134–151. DOI: 10.1057/sj.2011.15

Waldek L., Jayasekara S. (2011) Boko Haram: The Evolution of Islamist Extremism in Nigeria // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, vol. 6, no 2, pp. 168–178. DOI: 10.1080/18335330.2011.605217

Walker A. (2012) What Is Boko Haram? // US Institute of Peace, May 30, 2012 // <https://www.usip.org/publications/2012/05/what-boko-haram>, дата обращения 11.01.2021.

Zenn J. (2013) Cooperation or Competition: Boko Haram and Ansaru after the Mali Intervention // *CTC Sentinel*, vol. 6, no 3, pp. 1–8 // <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2013/03/CTCSentinel-Vol6Iss31.pdf>, дата обращения 10.01.2021.

Zenn J. (2017) The Al-Qaeda Accelerant in Boko Haram's Rise, Newport: Center on Irregular Warfare and Armed Groups, U.S. Naval War College // <https://digital-commons.usnwc.edu/ciwag-case-studies/3>, дата обращения 10.01.2021.

Zenn J. (ed.) (2018) Boko Haram beyond the Headlines: Analyses of Africa's Enduring Insurgency, Washington, DC: Combatting Terrorism Center at West Point // <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2018/05/Boko-Haram-Beyond-the-Headlines.pdf>, дата обращения 16.01.2021.

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12

The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region

Tatyana S. DENISOVA

PhD in History, Leading Researcher, Head of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: tsden@hotmail.com
ORCID: 0000-0001-6321-3503

Sergey V. KOSTELYANETS

PhD in Politics, Leading Researcher, Head of the Centre for Sociological and Political
Science Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9983-9994

CITATION: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. (2021) The Split in Boko Haram and Its Impact for the Lake Chad Basin Region. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 214–230 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-12

Received: 04.02.2021.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out as part of the work on the Ministry of science and higher education of the Russian Federation project no 075-15-2020-783 “Post-Crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation”.

ABSTRACT. *The Islamist group Boko Haram (BH) was founded in the early 2000s and in less than two decades has transformed from a “Nigerian” movement into a regional one. Tactical, strategic and ideological differences between the leaders of BH have repeatedly led to its splits into separate factions; the most serious occurred in 2016, when the group split into the Islamic State in West Africa Province and Jama’atu Ahl-is-Sunna Lidda’Awati Wal-Jihad, the latter being still referred to as “Boko Haram” for convenience.*

The present paper examines the reasons for the splits in BH, the goals and military tactics of the two factions, and the prospects for the development of the security situation in the region of the Lake Chad basin (LCB), where armed conflict is fueled by large-scale poverty, socio-economic and political marginalization, and ineffectiveness of local authorities against the background of inter-tribal tensions and massive migration.

The LCB has now become a huge human reservoir for jihadist recruitment. The situation in the region is further complicated by

the fact that a significant portion of the population supports the Islamists, while the majority of locals are targeted by them and seek to leave their homes.

The authors note that the division of BH into separate factions has made it more difficult for the LCB armed forces to conduct anti-terrorist operations, and for the LCB governments to negotiate cease fires or retrieve hostages, although, simultaneously, the split has led to a certain decline in the level of violence and to the weakening of the influence of the Islamists on the socio-economic development in the region.

KEYWORDS: Africa, Boko Haram, armed conflict, terrorism, Lake Chad Basin, Al Qaeda, Daesh

References

- Adesoji A. (2010) The Boko Haram uprising and Islamic Revivalism in Nigeria. *Africa Spectrum*, vol. 45, no 2, pp. 95–108. DOI: 10.1177/000203971004500205
- Africa: Political Development and Army (2020), Moscow: Institute for African Studies (in Russian).
- Cohen R. (1965) Some Aspects of Institutionalized Exchange: A Kanuri Example. *Cahiers d'études africaines*, vol. 5, no 19, pp. 353–369. Available at: https://www.persee.fr/doc/cea_0008-0055_1965_num_5_19_3040, accessed 16.01.2021.
- Denisova T.S. (2013) Conflicts in African Countries and the Formation of “War Economy”. *Journal of the Institute for African Studies*, no 31, pp. 158–172. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23611208>, accessed 16.01.2021 (in Russian).
- Denisova T.S. (2014) Nigeria: From Maitatsine to Boko Haram. *Vostok (ORIENS)*, no 4, pp. 70–82. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21830916>, accessed 16.01.2021 (in Russian).
- Denisova T.S. (2016) Islamic Extremism and the Problem of Violence in Nigeria: The Gender Aspect. *Violence and Terrorism. The Gender Aspect*, Moscow: Institute for African Studies, pp. 90–97 (in Russian).
- Fisseha M. (2016) *The Nexus between Religion and Terrorism: An Investigation into the Boko Haram Killing Activities in Nigeria*. M.A. Degree Thesis, Uppsala: Uppsala Universitet. Available at: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:933994/FULLTEXT01.pdf>, accessed 16.01.2021.
- Forest J.J. (2012) *Confronting the Terrorism of Boko Haram in Nigeria*, Tampa, FL: The Joint Special Operations University. Available at: <https://www.hsdl.org/?abstract&did=715583>, accessed 11.01.2021.
- Hickey R. (1984) The 1982 Maitatsine Uprisings in Nigeria: A Note. *African Affairs*, vol. 83, no 331, pp. 251–256. Available at: <https://www.jstor.org/stable/721562>, accessed 11.01.2021.
- Isichei E. (1987) The Maitatsine Risings in Nigeria, 1980–1985: A Revolt of the Disinherited. *Journal of Religion in Africa*, vol. 17, no 3, pp. 194–208. DOI: 10.2307/1580874
- Kryukova T.V. (2016) ISIS’s African Network: Boko Haram. *Asia and Africa Today*, no 12, pp. 55–60. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28112986>, accessed 20.02.2021 (in Russian).
- Mahmood O.S., Ani N.C. (2018) *Factional Dynamics within Boko Haram*, Pretoria: Institute for Security Studies. Available at: <https://issafrica.org/research/books-and-other-publications/factional-dynamics-within-boko-haram>, accessed 11.01.2021.
- Nechitailo D.A. (2017) Al Qaeda and the Islamic State – General and Special Features. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*, no 3(20), pp. 409–412. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/al-kaida-i-islamskoe-gosudarstvo-obschee-i-osobennoe>, accessed 16.01.2021 (in Russian).

Onuoha F.C. (2012) The Audacity of the Boko Haram: Background, Analysis and Emerging Trend. *Security Journal*, vol. 25, no 2, pp. 134–151. DOI: 10.1057/sj.2011.15

Ovsyannikova Ya.A. (2019) Boko Haram's Activities as a Destabilizing Factor in West Africa. *Academy*, vol. 6, no 45, pp. 116–119. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-boko-haram-kak-faktor-destabilizatsii-polozheniya-v-zapadnoy-afrike>, accessed 20.02.2021 (in Russian).

Waldek L., Jayasekara S. (2011) Boko Haram: the Evolution of Islamist Extremism in Nigeria. *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, vol. 6, no 2, pp. 168–178. DOI: 10.1080/18335330.2011.605217

Walker A. (2012) What Is Boko Haram? *US Institute of Peace*, May 30, 2012. Available at: <https://www.usip.org/publications/2012/05/what-boko-haram>, accessed 11.01.2021.

Yashlavskii A. (2015) Extremist Group “Boko Haram” in Nigeria: A Danger of Local or Global Level? *Mirovaya ekonomika i*

mezhdunarodnye otnosheniya, no 1, pp. 17–27. Available at: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2015/Yashlavskii_17-27.pdf, accessed 16.01.2021 (in Russian).

Zenn J. (2013) Cooperation or Competition: Boko Haram and Ansaru after the Mali Intervention. *CTC Sentinel*, vol. 6, no 3, pp. 1–8. Available at: <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2013/03/CTCSentinel-Vol6Iss31.pdf>, accessed 10.01.2021.

Zenn J. (2017) *The Al-Qaeda Accelerant in Boko Haram's Rise*, Newport: Center on Irregular Warfare and Armed Groups, U.S. Naval War College. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/ciwag-case-studies/3>, accessed 10.01.2021.

Zenn J. (ed.) (2018) *Boko Haram beyond the Headlines: Analyses of Africa's Enduring Insurgency*, Washington, DC: Combatting Terrorism Center at West Point. Available at: <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2018/05/Boko-Haram-Beyond-the-Headlines.pdf>, accessed 16.01.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-13

Трансформация имиджа экс-президента Замбии Фредерика Чилубы (к проблеме отношения к бывшим президентам в странах Африки)

Любовь Ярославовна ПРОКОПЕНКО

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения стран
Тропической Африки

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки РАН,
123001, ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, Российская Федерация

E-mail: skole60@mail.ru

ORCID 0000-0002-1121-8828

ЦИТИРОВАНИЕ: Прокопенко Л.Я. (2021) Трансформация имиджа экс-президента
Замбии Фредерика Чилубы (к проблеме отношения к бывшим президентам в
странах Африки) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика,
право. Т. 14. № 2. С. 231–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-13

Статья поступила в редакцию 26.11.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется трансформация политического имиджа президента Республики Замбия в 1991–2001 гг. Фредерика Чилубы. Как представитель новой формации африканских лидеров эпохи перехода стран континента от однопартийности к политическому плюрализму, он представлял собой неоднозначную фигуру. Показаны его роль в возвращении многопартийности в стране и либерализации национальной экономики. Указывается, что в рамках существовавшей политической культуры этот политик не был застрахован от неизбежных ошибок. Однако стиль и методы руководства Чилубы (преследование предшественника, манипулирование этническим фактором с целью удержания власти, игнорирование критики оппозиции и соратников) периодически приводили к напряженной внутривластной ситуации в стране и

негативно сказались на его политическом имидже и имидже власти в целом.

В 1990–2000-е гг. в Замбии отчетливо проявилось негативное влияние напряженных отношений между политиками, занимавшими в разное время президентский пост, на стабильность в стране. Преследование экс-президента Чилубы за коррупцию демонстрировало политику властей по борьбе с этим социальным злом, но неоднозначно воспринималось в обществе и трактовалось аналитиками. Отмечается, что при всех ошибках и недостатках десятилетнего правления Чилубы необходимо признать его заслуги в либерализации экономики Замбии и роль в провозглашении ее христианской страной, которые после его кончины были практически забыты.

В статье показана постепенная реабилитация памяти Чилубы, в которой принимают участие все ныне живу-

щие экс-президенты и нынешний глава государства.

Опыт Замбии свидетельствует, что в африканских реалиях бывшие президенты пользуются почетом и определенными привилегиями при условии, если они не участвуют активно в политике и не вступают в открытые конфликты со своими преемниками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трансформация имиджа, профсоюзный лидер, президент, реформатор, христианская страна, конституция, коррупция, преемники, отношение к экс-президентам

История африканских стран, как и вся мировая история, изобилует примерами, когда глава государства, уйдя с поста (или из жизни), превращается в политического изгоя, а его имя связывают преимущественно с ошибками и даже преступлениями. Подобная трансформация имиджа лидера во многом зависит от менталитета, культурных традиций страны. В Африке отношение к лидеру, покинувшему Олимп власти, часто меняется (в т. ч. и заслуженно) кардинальным образом: электорат с приходом на политическую авансцену новых героев забывает, отрицает и часто поддерживает наказание тех, чья власть и авторитет еще недавно считал незыблемыми (например, М. Каддафи (Ливия), Бен Али (Тунис)). В ряде случаев это связано со способом передачи власти: покинул ли лидер главный пост после истечения президентского срока или прибегал к изменению конституции и давлению на парламент и общественное мнение с целью продлить свое пребывание у власти. В теоретическом плане трансформация имиджа бывшего президента является частью более широкой темы – отношения к ушедшим в отставку лидерам.

Показательны метаморфозы имиджа Фредерика Чилубы (полное имя –

Фредерик Джекоб Титус Чилуба) – президента Замбии в 1991–2001 гг., который принадлежал к числу африканских лидеров так называемой новой («третьей») волны. Имидж этого политика, находившегося у власти два пятилетних срока, внутри страны и в глазах международного сообщества менялся дважды. В избирательной кампании первых многопартийных выборов, состоявшихся в 1991 г., для большинства замбийцев Чилуба был профсоюзным лидером, смелым борцом с однопартийным правлением Объединенной партии национальной независимости (ЮНИП) во главе с Кеннетом Каундой и поборником демократических реформ. А спустя десять лет, в ходе проведения следующим президентом Леви Мванавасой антикоррупционной кампании, имя борца за новую Замбию стало практически синонимом коррупции. Но в последние несколько лет в стране снова заговорили о заслугах бывшего президента.

Профсоюзный лидер

Фредерик Чилуба родился 30 апреля 1943 г. в г. Китве (провинция Коппербелт) в Северной Родезии (ныне Замбия), он принадлежал к этнической общности бемба. В его биографиях, появившихся в разное время, были разночтения по поводу происхождения родителей, места рождения и учебы. После смерти отца, работавшего на одном из рудников, Чилуба переехал в Лусаку, где окончил среднюю школу. Сначала работал посыльным в магазине, а с 1968 г. – помощником бухгалтера в меднорудной компании Atlas Copper Company Limited в провинции Коппербелт, тогда же стал членом национального профсоюза строителей, машиностроителей и неквалифицированных рабочих. Организаторские способ-

ности, талант оратора, упорство и желание работать сделали возможным его быстрое продвижение в качестве профсоюзного активиста. Уже через три года он стал лидером этой организации, а в 1974 г. его избрали председателем Конгресса профсоюзов Замбии (КПЗ), которым он оставался до 1990 г.

На заре своей политической карьеры Чилуба был приверженцем идей социализма. После введения однопартийной системы в 1972 г. правящая ЮНИП пыталась поставить профсоюзы под свой контроль, в 1978 г. Каунда даже предложил Чилубе войти в состав ЦК ЮНИП, но тот отказался. КПЗ постепенно превратился в неофициальную оппозицию ЮНИП, а его лидер становился серьезным политическим оппонентом президенту Каунде. Опыт борьбы Чилуба накапливал не только на многочисленных митингах, но и в тюрьме, куда в апреле 1982 г. он вместе с другими политическими деятелями попал по обвинению в причастности к попытке государственного переворота. Накануне выборов 1987 г. последовал новый арест, но профсоюзы организовали массовые выступления рабочих в поддержку своего вожака, и в 1989 г. Чилубу освободили.

Чилуба хорошо знал свои сильные и слабые стороны, был очень коммуникабельным, трудоспособным и выносливым. У него был явный «наполеоновский» комплекс. Его рост составлял всего 150 см, и, чтобы казаться выше, он выработал привычку высоко поднимать подбородок, носил сшитую на заказ обувь на каблуке, а выступая с трибуны, часто использовал специальную скамейку. Эти ухищрения придавали Чилубе уверенность, хотя и становились предметом насмешек оппозиции. Он обладал мощной харизмой и

был красноречивым оратором с даром убеждения. Этот политик также хорошо владел языком жестов, поэтому его выступления перед публикой были яркими, даже артистичными. Чилуба был христианином, практически не употреблял спиртные напитки и не курил.

Авторитет и популярность позволили профсоюзному лидеру объединить демократические настроенные силы. Его значимость усилил также переход к нему этнического лидерства бемба после смерти их вождя Симона Капвепве. После введения многопартийности в декабре 1990 г. Чилуба стал одним из основателей партии «Движение за многопартийную демократию» (ДМД) и был избран ее председателем. Главными пунктами программы ДМД на всеобщих выборах, которые состоялись 31 октября – 1 ноября 1991 г., были прекращение государственного вмешательства в экономику, осуществление перехода к подлинной демократии, соблюдение прав человека, борьба с коррупцией. Тогда на многотысячных митингах он был настоящим героем, в 1991 г. в Замбии даже вышла книга Дж. Т. Нгуболы Камвамбе под названием «Ф. Чилуба: на волне удачи?»¹.

На вершине власти: успехи и ошибки реформатора

Выборы 1991 г. стали важной вехой в истории Замбии и личным триумфом Чилубы, который одержал убедительную победу: за его кандидатуру проголосовали более 75% избирателей. По мнению многих международных наблюдателей за выборами и аналитиков, свою предвыборную кампанию он провел блистательно. Каунда согласился с результатами выборов и

1 Kamwambe Ngubola G.T. (1991) Frederick Chiluba, Is He Riding a Tide of Fortune? Lusaka: Shelley's Printers.

мирно передал власть. (В этом была и определенная заслуга экс-президента США Дж. Картера, который по приглашению Каунды возглавлял команду международных наблюдателей за выборами.) 1 ноября 1991 г. Чилуба был приведен к присяге в качестве главы государства. Вступая на пост президента, он подчеркнул, что «Демократия в Замбии возродилась после 27 лет не вследствие применения оружия и патронов, а в результате действий народа страны» [Rakner, Skalnes 1996, p. 11]. Чилуба пришел к власти в гораздо более молодом возрасте (49 лет), чем последующие президенты Замбии. (Необходимо отметить, что К. Каунда стал президентом Замбии в 40 лет.) Мощный заряд энергии и опыт профсоюзного лидера с одной стороны, и большие амбиции, с другой, были солидной базой для успешного правления.

Новый замбийский президент, хорошо сознавая увязку притока финансовых ресурсов западных доноров в страну с курсом демократических преобразований, выступал за экономические реформы. Поэтому внешнюю и внутреннюю политику он строил с учетом принципа взаимообусловленности экономического и политического факторов. Внешняя политика его правительства была четко ориентированной на Запад, особые надежды возлагались на помощь и поддержку США. В феврале 1992 г. Чилуба побывал с визитом в Белом доме, где состоялась его переговоры с американским президентом Дж. Бушем. Чилуба искал потенциальных инвесторов и подчеркивал необходимость дополнительной иностранной помощи. Президент США поддержал стремление Замбии развивать рыночную экономику.

Главный акцент во внутренней политике был сделан на либерализацию экономики: приватизацию, поддержку частного предпринимательства и при-

влечение западных инвестиций. В основу политики правительства Ф. Чилубы легли программа структурной перестройки и рекомендации, разработанные специалистами МВФ и Всемирного банка (ВБ). Необходимо отметить, что Чилуба получил мощную поддержку профсоюзов, лидеры которых призывали своих членов поддержать правительство Ф. Чилубы и дать ему шанс вывести страну из кризиса. Расширились и укреплялись внешние связи Замбии как с африканскими государствами, прежде всего с ЮАР, так и с западными. В результате реформ и поступления иностранных инвестиций 1996 г. стал для Замбии первым годом экономического роста, и к 2001 г. объем ВВП достиг 2% в год [Замбия 2013, с. 180].

Заявил о себе Чилуба и на международной арене. Уже через год после прихода к власти, выступая 10 ноября 1992 г. на Генассамблее ООН, он поддержал идею расширения состава Совета Безопасности ООН [Address by Mr. Frederick Chiluba 1992, p. 11].

В начале 1990-х успехи страны, достигнутые, также и благодаря бурной деятельности нового замбийского лидера, многие западные СМИ и исследователи удостоили названия «ветра перемен», подобно высказыванию премьер-министра Британии Г. Макмиллана о неизбежности антиколониальных свершений. Писали также, что реформаторство замбийского президента было «новой надеждой для Замбии и Африки» [Thomas 1992].

Несомненной заслугой Чилубы в сохранении мирной политической ситуации в Замбии в период первого срока президентства было его взвешенное отношение к роли армии в обществе. Хотя, учитывая лояльность военных, Чилуба все же уволил большинство офицеров, которые занимали гражданские должности при Каунде. Для предотвращения военных переворотов

Чилуба поощрял систему материально-го стимулирования военных.

В портрете Ф. Чилубы была еще одна яркая краска: он вошел в историю Замбии также как президент, провозгласивший ее христианской страной. Первые слова инаугурационной речи, произнесенной им 1 ноября 1991 г., были обращены к Богу с благодарностью за происходящие перемены в стране. Он обещал, что будет управлять на благо страны. Чилуба был ревностным христианином, с самого начала своего президентства постоянно заявлял о приверженности христианству и на различных государственных и партийных мероприятиях неизменно выступал с Библией в руках. Уже 29 декабря 1991 г. была принята декларация, в которой Замбия провозглашалась христианской страной. Основанием для этого называлось то, что эту религию (христианство начало распространяться в Замбии протестантскими миссионерами во второй половине XIX в.) исповедовали более 70% населения. Возможно, президент-прагматик руководствовался также соображениями финансового характера, надеясь на донорскую поддержку западных стран.

Сразу после избрания Чилуба заявлял о поддержке своего предшественника Каунды, уступившего власть мирным путем: «Протягиваю руку дружбы Каунде, ибо сущность происходящей перемены в стране заключается в единстве нации и в жизни в гармонии» [Inauguration Speech 1991, pp. 83–84]. Но уже в 1993 г. против него были выдвинуты серьезные обвинения в злоупотреблениях и хищении государственных средств в период его 27-летнего правления, и он был вынужден заявить о прекращении политической деятельности. В том же году был принят Закон № 33 о привилегиях экс-президентам (начиная с предоставления личного офиса и автомобиля и закан-

чивая оплатой их похорон), согласно которому, чтобы пользоваться привилегиями, те должны были отказаться от участия в активной политике [The Benefits of Former Presidents Act 2015]. (Необходимо отметить, что закон работал: Каунда стал получать пенсию только после окончательного ухода из политики в конце 1990-х). Правительство Замбии, где живут более 70 этнических групп, также официально заявило, что не поддерживает существовавший ранее принцип этнического балансирования. Партия ДМД считала, что при формировании кабинета министров «нет необходимости обеспечивать равный баланс между главными этническими группами» [Chikulo 1996, p. 33]. В результате ключевые посты в правительстве заняли представители народности бемба, что вызвало резкое недовольство. Распределение высших государственных постов в равных пропорциях между провинциями, а также представительство в высшем эшелоне власти всех основных этнических групп страны (бемба, тонга и лози) не встретило понимания у оппозиции, считавшей, что ДМД «просто не понимает значение этнического балансирования в замбийской политике» [Chanda 1996, p. 140].

Проведение экономических реформ имело не только положительную сторону. В результате жесткого осуществления программ структурной перестройки в стране увеличилась безработица и инфляция, достигшая 180% к середине 1997 г.; 85% населения жили ниже черты бедности. Оппозиция обвиняла правительство Чилубы в неспособности бороться с коррупцией и в нарушениях финансовых правил. Его критиковали и некоторые соратники. Позиции партии ДМД ослабил произошедший в августе 1993 г. раскол. В 1994 г. подал в отставку вице-президент страны и заместитель Чилубы в ДМД Леви Мвана-

васа. Но самоуверенный Чилуба своим поведением показывал, что успехи первых лет правления дают ему право мало реагировать на критику оппозиции и пренебрегать общественным мнением.

Замбию часто называют удачным примером достижения этнополитической консолидации в условиях полиэтнического государства. Тем не менее в процессе политической либерализации Чилуба совершил ошибки, из-за которых в середине 1990-х гг. этническое единство страны подверглось серьезному испытанию. Для устранения на президентских выборах 1996 г. сильного противника в лице вернувшегося в 1995 г. в большую политику Каунды, отец которого был выходцем из соседней Малави, Чилуба добился, чтобы принятая в мае 1996 г. новая конституция страны содержала дискриминационную статью, запрещающую баллотироваться на пост президента страны замбийцам менее чем в третьем поколении [Constitution of Zambia 1996]. Поэтому без главного и единственного реального соперника переизбрание Чилубы в 1996 г. стало простой формальностью.

Он продолжал быть непримиримым в отношении своих политических противников, прежде всего к Каунде. В полной мере он продемонстрировал это после неудачной попытки государственного переворота 28 октября 1997 г. во главе с капитаном Соло. В числе арестованных был 73-летний К. Каунда, которому инкриминировали финансирование переворота. Это произошло в первый день Рождества 1997 г., что не добавляло позитива имиджу Чилубы как ревностного христианина и мало согласовывалось с африканской традицией почитания старших.

С 1996 г. образ Ф. Чилубы как реформатора и борца за демократические преобразования стал тускнеть. Его отказ отменить дискриминационную статью

конституции и арест Каунды привели к замораживанию донорской помощи Запада, приостановке финансирования большинства программ помощи МВФ и ВБ и политической изоляции в регионе, т. к. лидеры освободительного движения в Африке Нельсон Мандела (ЮАР), Роберт Мугабе (Зимбабве) и Сэм Нуйома (Намибия) резко осудили преследования их соратника по борьбе.

По иронии судьбы манипуляции с определением замбийского гражданства отразились и на их авторе. В 1997 г. несколько оппозиционных партий на основании разночтений в биографических данных Чилубы попытались оспорить легитимность его участия в президентских выборах 1996 г. Однако иски оппозиции Верховный суд признал несостоятельными. Сам лидер был не слишком обеспокоен судебным разбирательством и в зале суда не появился.

Замбийский президент хорошо сознавал важность политического имиджа, в т. ч. его экономическую «стоимость», и пытался восстановить былой ореол реформатора в глазах западных доноров. Выступая на международных форумах, лидер-прагматик призывал мировое сообщество признать успехи африканских стран в плане экономической, политической либерализации и списать полностью или частично их внешний долг. Параллельно Чилуба пытался реанимировать прерванные контакты с лидерами южноафриканского региона. Образ замбийского президента в глазах африканских лидеров и западных доноров смягчила также его активная деятельность на посту председателя Организации Африканского Единства (ОАЕ), которым его избрали в 2001 г.

Однако во внутренней политике и в руководстве ДМД Чилуба допустил ряд новых ошибок. Стремясь удержать власть, он не очень доверял соратникам, поэтому часто производил роки-

ровки в кабинете министров и проводил чистки в правящем ДМД. При этом из их состава под благовидными предложениями выводились наиболее авторитетные и перспективные политики. Затянувшееся решение вопроса о преемнике на посту президента также негативно повлияло на внутрипартийную ситуацию и в феврале 1999 г. привело к очередному расколу в партии.

Имидж Ф. Чилубы как поборника демократических реформ продолжал гускнеть и в связи с извечной темой удержания власти. Вдохновленный удачей по устранению политического противника Каунды на выборах 1996 г. путем манипуляций с конституцией, Чилуба начал предпринимать меры по снятию конституционных ограничений относительно периода нахождения президента на посту двумя пятилетними сроками. В мае 2001 г. в устав ДМД была принята поправка о возможности занимать пост лидера более двух сроков, и им снова был избран Чилуба. Это могло означать, что он снова пойдет на выборы.

Власть сладка, и лидеры африканских стран часто неохотно расстаются с ней. Борьбу за продление своего нахождения на вершине политического Олимпа разными методами и с разными результатами вели лидеры Зимбабве, Кении, Нигерии, Намибии, Малави, Гвинеи, Того, Чада и других африканских стран. Лансане Конте (Гвинея), Гнасингбе Эйадеме (Того) и Идрису Деби (Чад) продлить сроки пребывания на посту главы государства удалось почти беспрепятственно. Удачной была такая попытка в Намибии в 1998 г. А в Зимбабве президент Р. Мугабе в 2008 г. добился возможности переизбираться неограниченное число раз. Не избежал этого искушения и Ф. Чилуба, но он оказался в компании африканских лидеров (Бакили Мулузи (Малави), Даниэль арап Мои (Кения)), потерпевших фиаско, а факт попытки давле-

ния на парламент в личных политических целях снова негативно повлиял на его имидж.

Цепляние африканских лидеров за власть объясняется не только стремлением сохранить ее. Важным аргументом является также их страх, часто вполне обоснованный, вопреки иммунитету оказаться на скамье подсудимых за ошибки в управлении, коррупцию и репрессии. А в этом отношении Чилуба накопил определенный «багаж». Оппозиция и организации гражданского общества резко осудили кампанию сторонников Чилубы в поддержку его переизбрания. Серьезным ударом для него, ревностно проповедовавшего христианские семейные ценности на протяжении многих лет, стал в 2001 г. развод с женой Верой, с которой он прожил 33 года и воспитал 9 детей.

В июле 2001 г. после долгих согласований в партии Чилуба все же назвал в качестве официального преемника Леви Мванавасу. Его предвыборная кампания проходила под девизом «Преемственность с изменениями», и в декабре 2001 г. он победил на президентских выборах. Но Чилуба, оставаясь лидером ДМД, скептически отзывался о составе нового кабинета и всячески старался показать, что продолжает играть важную роль в замбийской политике. При этом он, в отличие от Каунды, сразу получил статус бывшего главы государства и пользовался привилегиями.

От имиджа реформатора к имиджу коррупционера

Если десятилетие у власти сопровождалось признанием и почетом Чилубы, то следующее десятилетие, последнее в его жизни, прошло под знаком осуждения СМИ и общества, судебных разбирательств и болезней.

Как показывает практика, отношения между бывшими президентами и их преемниками часто зависят от формы передачи власти. И Замбия 1990–2000-х гг. тому пример. Смену власти по вектору Чилуба – Мванаваса, как и по вектору Каунда – Чилуба, также вместо преемственности сопровождали серьезные обвинения в адрес предшественника. Мванаваса в своей инаугурационной речи 2 января 2002 г. обещал консультироваться со своими предшественниками Каундой и Чилубой, он также обещал бороться с коррупцией. В 2002 г. президент объявил о начале так называемой кампании нулевой терпимости против коррупционеров. И первым ее объектом (или жертвой) стал экс-президент: уже в июле он был лишен иммунитета, а в феврале 2003 г. арестован по обвинению в более чем 200 эпизодах коррупции и неправильном использовании государственных средств в период нахождения на посту президента страны. Чилуба избыточно большое внимание уделял габитарному имиджу: он носил дорогие костюмы безупречного кроя, его аксессуары также были от известных мировых брендов. Обнародованные во время следствия по его делу факты поражали воображение. Например, только одной фирме *Basile Tailors* в Женеве за рубашки, обувь ручной работы аксессуары со своей монограммой он заплатил 1,1 млн долл. США [Van Donge 2009, p. 85]. Дорого стоили казне и подарки для его новой супруги Регины, с которой он заключил брак в 2002 г. и которая работала в его администрации. Баснословные личные траты лидера страны с низким уровнем жизни населения давали основания для справедливой критики в его адрес.

Через месяц Чилуба был освобожден под залог. Он по-прежнему возглавлял правящую партию и заявлял, что целью преследований Мванавасы

является его политическая дискредитация, а обвинения лидера ДМД, в свою очередь, подрывают стабильность самого государства. Выступая в феврале 2002 г. на партийном мероприятии, он заявил: «Осуждая ДМД, они осуждают самих себя. Члены правительства должны помнить, что их сделала партия, а то и другое неразделимо» [Simutanyi 2006, p. 83]. А о преследованиях преемника Чилуба говорил так: «Мистер Мванаваса получил президентство из моих рук на серебряном блюде. Он нанес мне удар ножом в спину» [Shapiro 2011]. Но при этом Чилуба забыл о преследованиях им Каунды, поэтому от своего преемника Мванавасы, как отмечает Т.С. Денисова, он «вместо почестей <...> был вправе ожидать унижения и наказания» [Денисова 2016, с. 567].

В 2003 г. Замбию причисляли к наиболее коррумпированным странам мира: в списке Трансперенси Интернэшнл из 133 стран она занимала 92-е место [Amnesty International 2007]. Мванаваса в Замбии и в глазах стран-доноров был борцом с коррупцией, слова которого не расходились с действиями. В то же время в Африке в последние десятилетия обвинения в коррупции экс-президентов стали часто применяемой технологией ведения политической борьбы. У Мванавасы и Чилубы была своя непростая история отношений. Мванаваса почти сразу вступил в ДМД и стал в ней заместителем Чилубы. В годы работы вице-президентом страны (1991–1994 гг.) Мванаваса позволял себе критиковать политику президента и говорить о засилье коррупции в партии. Из-за трений с Чилубой, который практически отстранил его от принятия решений, в 1994 г. Мванаваса подал в отставку. Потерпел он фиаско и на выборах лидера партии в 1996 г., проиграв Чилубе. Нежелание того лишиться влияния в замбийской политике не могло не вызывать опасений у Мвана-

васы-президента. Борьба с коррупцией, которая была частым условием МВФ и ВБ для предоставления помощи африканским странам, придавала его имиджу дополнительный бонус. Не каждый политик способен на объективность в отношении своего возможного соперника, тем более когда для обвинений есть основания. Поспешные и не слишком доказательные обвинения Чилубы в коррупции были очень форсированными, в них легко поверили. В политическом плане они были очень своевременными, поэтому долю субъективизма в отношении Мванавасы к Чилубе допустить можно.

Из-за болезней Чилубы (серьезные проблемы с сердцем и почками), трудностей сбора доказательной базы и упорного отрицания им вины судебные разбирательства по его делу затянулись на шесть лет (подробнее см. [Прокопенко 2011]). Принятый в 2006 г. Закон о выборах лишил Чилубу, находившегося под следствием, возможности взять реванш. Поддержав на президентских выборах в октябре 2006 г. кандидатуру лидера оппозиционной партии Патриотический фронт (ПФ) Майкла Саты, он еще больше усугубил свое положение. Но такой его шаг был вполне закономерен. Сата тоже принадлежал к бемба, он поддерживал Чилубу в демократическом движении конца 1980-х гг. Все 1990-е Сата помогал укреплять власть Чилубы, работая в его правительстве на должностях министров, был также национальным секретарем партии ДМД. А Каунда поддержал кандидатуру лидера Объединенной партии за национальное развитие (ОПНР) Хакаинде Хичилемы. Поэтому накануне президентских выборов 2006 г. Мванаваса, который баллотировался на второй срок, официально напомнил обоим экс-президентам, что по замбийскому закону их могут лишить привилегий, если они участвуют в активной политике.

После победы на выборах 2006 г. Мванаваса остался верен антикоррупционному курсу. В числе обвиняемых и осужденных за коррупцию были люди из ближнего круга Чилубы (его пресс-секретарь Ричард Сакала, директор банка ZANACO Семуэль Мусонда, супруга Чилубы Регина Чилуба). В 2007 г. Высокий суд юстиции Англии и Уэльса по гражданскому иску, поданному замбийской группой по борьбе с коррупцией, рассмотрел дело Чилубы и нескольких бывших функционеров и признал их виновными в растрате государственных средств общей суммой 46 млн долл. США [Chiluba and 19 Others Ordered to Pay back \$46 Million 2007]. Но главный фигурант этого дела не признал юрисдикцию лондонского суда, назвал его обвинения «проявлением расизма» [Chiluba Attacks 'Racist' UK Court 2007] и не появлялся в зале суда. Рупиа Банда, который был в то время вице-президентом страны, говорил в 2017 г. о давлении на него, чтобы «Чилуба сказал, что едет в Лондон и предстанет перед судом» [Mvula 2017].

Дальнейшие события по этому громкому делу развернулись уже при новом президенте страны Р. Банде, который стал им после скоропостижной смерти Мванавасы в августе 2008 г. Банда не разделял мнение о коррупционности Чилубы и поддерживал с ним отношения. (Кстати, выступая в 2011 г. на отпевании Чилубы в кафедральном соборе Святого Креста в Лусаке, он сказал, что Чилуба в случае виновности убежал бы в другую страну, однако не сделал этого.) Бывшую супругу Чилубы Веру Тембо он назначил заместителем министра. В августе 2009 г. суд Замбии снял с Чилубы все обвинения в коррупции, заявив, что на основании «представленных сведений следствие пришло к выводу, что экс-президент невиновен по всем пунктам обвинения» [FT] Chiluba Cleared of Corrup-

tion Charges 2009]. Оппозиция заявляла, что решение суда компрометирует борьбу с коррупцией.

Неугомонный политик продолжил общественную деятельность, участвуя в основном в собраниях местных религиозных лидеров. При этом Чилуба часто выступал с одобрением антикризисных мер правительства Р. Банды.

Скончался Ф. Чилуба после тяжелой болезни в столице страны г. Лусака 18 июня 2011 г., всего за несколько месяцев до президентских выборов, на которых победил Майкл Сата. Правительство Банды придало похоронам бывшего президента статус государственных: он был похоронен в столице в Embassy Park, где хоронят президентов Замбии. На них присутствовали Р. Банда, К. Каунда, президент ДРК Ж. Кабила и премьер-министр Зимбабве Морган Тсвангираи; церемония похорон транслировалась по государственному телевидению. Сата на похоронах не был. Власти сочли, что появление на них лидера оппозиции могло привести к столкновениям между сторонами ДМД и ПФ, и он в целях безопасности ситуации на похоронах прислушался к их мнению. В день смерти Чилубы газета Lusaka Times писала, что после ухода с должности президента он «стал мишенью кампании Мванавасы против коррупции» [Frederick Chiluba 2011]. А зарубежные СМИ продолжали пестреть заметками о коррумпированности покойного.

Правительство ПФ во главе с Сатой в отношении лояльности к его памяти проявило преемственность. Президент лично контролировал строительство монументального памятника на месте захоронения Чилубы. В том же 2011 г. вышла в свет объемная книга

(1 100 страниц) Чарльза Мвева «Замбия: борьба моего народа и вина Запада в коррупции и отсталости Африки»² с довольно положительной оценкой правления Чилубы.

В последующие годы о заслугах Чилубы практически не вспоминали. Хотя его портрет вместе с портретами других президентов страны был помещен на памятной банкноте, выпущенной в 2014 г. к 50-летию независимости. Но Замбия – не единственный пример забвения вчерашнего лидера. Например, в Кении подобная участь постигла память президента Даниэля арап Мои.

Новая трансформация имиджа

Спустя почти 20 лет после ухода из власти и через 5 лет после ухода из жизни фигура Ф. Чилубы снова оказалась в центре внимания.

М. Сата, упорно боровшийся за власть в течение десяти лет, оставался на ее вершине всего три года, т. к. скончался после неизлечимой болезни в октябре 2014 г. На внеочередных президентских выборах, состоявшихся в январе 2015 г., и на очередных выборах в августе 2016 г. победу одержал его соратник по партии, министр обороны и министр юстиции Эдгар Лунгу.

С самого начала политический имидж Лунгу во многом формировался как имидж преемника Саты. Перед партией стояли важные задачи сохранения власти и развития страны в сложных экономических условиях, вызванных также и последствиями мирового экономического кризиса 2008 г.

Новый президент заявил о приверженности его правительства и правящей партии ПФ принципу «Одна Зам-

2 Mwewa C. (2011) Zambia: Struggles of my People & Western Contribution to Corruption and Underdevelopment in Africa, Lusaka: Maiden Publishing House.

бия – один народ», провозглашенно-го когда-то первым президентом страны К. Каундой. Стране, в которой после 50 лет независимости более 60% населения жили за чертой бедности, для успешного развития необходима была спланирующая идея. В независимой Замбии религиозные лидеры всегда играли заметную роль в жизни общества. Необходимо отметить, что к моменту прихода Чилубы к власти в 1991 г. Лунгу было 35 лет, он уже имел юридическую практику. Поэтому у него должно было сформироваться собственное мнение о Чилубе-президенте. Лунгу – христианин (принадлежит к баптистской церкви), и провозглашение Чилубой Замбии христианской страной в 1991 г., наверняка, еще тогда нашло отклик в его сердце.

Э. Лунгу хорошо понимает значение политического PR (связи с общественностью) для имиджа власти и своего собственного. Специального помощника президента по СМИ и PR он назначил уже в день своей инаугурации. Реакция PR-службы президента на различные события и урегулирование порой сложных ситуаций свидетельствует о том, что она оправдывает расходы на ее финансирование.

На президентских выборах в январе 2015 г. Лунгу максимально использовал христианскую риторику, что расширило круг его сторонников. Став президентом, ему было необходимо утвердиться в этом качестве, и дальнейшие события говорят о том, что в поиске идеи сплочения замбийцев Лунгу сделал ставку на укрепление религиозной составляющей. 18 октября 2015 г. на центральной площади Лусаки при большом скоплении горожан и представителей СМИ и непосредственном участии президента состоялось национальное мероприятие под названием «Молитва, пост и примирение». В нем также участвовали экс-президенты Ка-

унда и Банда. Выступая перед собравшимися, Лунгу объявил 19 октября Национальным днем молитвы.

В январе 2016 г. была утверждена новая редакция конституции, в которой подтверждалось, что Республика Замбия – христианская страна [Constitution of Zambia 2016, p. 9], одновременно она также провозглашалась многоконфессиональным государством [Constitution of Zambia 2016, p. 11].

Управлять страной, снова объявленной христианской, без упоминания автора этой идеи было бы странно и политически опрометчиво. Тем более что об этом заговорили некоторые представители оппозиции. Например, в июле 2016 г. отставной генерал и лидер партии «Наследие» (Heritage Party) Годфри Миянда в газете Lusaka Times писал: «Говорить о Замбии как о христианской стране без упоминания имени Чилубы – не только лицемерие, но и формирование ложной истории страны» [The 2016 Memorial of Dr Frederick Jacob Titus Chiluba by Godfrey Miyanda 2016]. К тому времени Миянда, как и некоторые другие политики, участвовал в возложении цветов на могилу Чилубы в день его смерти 18 июня, заявляя, что в этом нет политической подоплеки. Чилуба был мастером политической коммуникации. Например, Миянде из-за разногласий с ним в 1997 г. пришлось уйти с поста вице-президента страны. Однако Чилуба оставил его своим замом в правящей ДМД и назначил министром образования. Миянда был в числе тех членов партии, которые не поддержали намерение Чилубы баллотироваться третий раз. Но, когда в ходе президентской кампании в 2001 г. критиковали за оскорбления соперников самого генерала-кандидата, Чилуба публично заявил, что «никогда не слышал, чтобы Миянда кого-то оскорблял» [Kunda 2001]. Как видно, Чилуба мог оставаться объективным в отношении других

политиков, ценить их достоинства, несмотря на их выпады против себя. Вероятно, по этой причине многие сейчас вспоминают то хорошее, которое раньше не замечали и не ценили в нем.

Имя Ф. Чилубы снова зазвучало с трибун. 28 декабря 2016 г. в международном конференц-центре Мулунгуши в Лусаке состоялось тожественное мероприятие, посвященное 25-й годовщине провозглашения Замбии христианской страной, на котором присутствовали президент Э. Лунгу и первый президент страны К. Каунда. Примечательно, что в зале находилась бывшая первая леди Вера Чилуба. Министр по делам религии Годфрида Сумаили заявила, что провозглашение Чилубой христианства в качестве национальной религии «дало Замбии идентичность» [Zambia Commemorates 2016].

Необходимо отметить, что тема провозглашения Замбии христианской страной обсуждается до сих пор, и на этот счет существуют различные оценки. Ряд исследователей высказывали мнение, что это взгляд на будущее страны. Например, замбийский исследователь А.М. Чейека в 1998 г. писал, что Чилуба, возможно, руководствовался соображениями противостоять угрозе ислама [Cheyeka 2016, p. 171]. Некоторые утверждают, что это навязывание религии светскому государству, которое признает и охраняет религиозную свободу. А теолог Годфри Мсиска отмечает, что преобладание одной религии над остальными поляризует людей [Msiska 2016]. Независимо от оценки фактом остается то, что связь религии с политикой в последние годы усилилась. При этом ряд авторов (А.М. Чейека, П. Гиффорд, И. Фири) отмечают усиливающееся влияние церкви пятидесятников.

Интересно, что, согласно замбийской статистике, в 2019 г. из почти 17-миллионного населения страны христианство исповедовали 95,5% (75,3% – протестанты, 20,2% – католики) [Zambia 2019 International Religious Freedom Report 2019], что значительно выше данных мировой статистики. Появление такого высокого показателя исповедующих христианство после утверждения конституции вряд ли случайно. Необходимо также отметить, что в Замбии, как и в других африканских странах, большинство христиан одновременно придерживаются местных традиционных верований.

В 2016 г. вышла книга замбийского автора Энтони К. Мубанги «Пристальный взгляд на Ф. Чилубу: невоспетый герой: герой дня», который пишет о недооцененности личности экс-президента, называет его «отцом плюрализма на замбийской сцене» и даже «одним из величайших президентов в истории Африки» [Mubanga 2016, p. 4]. В июле того же года газета Zambia Daily Mail опубликовала статью с многозначительным названием «Фредерик Чилуба: герой или злодей» (Frederick Chiluba: Hero or Villain), в которой говорилось о необходимости восстановления доброй памяти об этом политике. 30 июня 2016 г. указом президента имя Ф. Чилубы было присвоено университету провинции Луапула. В Facebook работает мемориальная страница экс-президента Чилубы³, на которой посетители до сих пор оставляют свои комментарии.

В феврале 2017 г. скончалась вдова Ф. Чилубы Регина – бывший председатель Женской лиги партии ДМД. Президент Лунгу отметил ее поддержку супруга и высоко оценил ее вклад в успех партии ДМД. 18 июня 2017 г. в очеред-

3 <https://www.facebook.com/drchiluba1991>

ную годовщину смерти Чилубы к его могиле возложили венки Р. Банда, бывшая первая леди Вера Тембо и несколько работавших в правительстве Чилубы министров. Банда тогда открыто сказал о своей уверенности, что Чилуба внес значительный вклад в развитие демократии в Замбии, что «игнорирование этого факта наносит ущерб стране» [Mvula 2017] и призвал правительство и общество признать заслуги бывшего главы государства.

Это нашло отклик у правительства. Для защиты наследия Чилубы был создан мемориальный комитет под председательством Чапы Чикамбы. 16 июня 2019 г. в Лусаке в международном конференц-центре Мулунгуши состоялась публичная лекция Р. Банды под многозначительным названием «Замбия: земля невоспетых героев», посвященная памяти Ф. Чилубы. На ней присутствовали ряд видных политиков, а также бизнесмены. Банда, перечислив достижения Чилубы в политике и экономике на посту лидера страны, назвал его «отцом замбийской демократии», «предвестником новой эры политической свободы, уважения прав человека, гражданских свобод и экономического либерализма» [Zambia: A Land of Unsung Heroes 2019].

18 июня 2019 г. в день кончины Чилубы президент Э. Лунгу возложил венки к его могиле, так же поступил и К. Каунда. Последний и раньше несколько раз был на панихидах в годовщину смерти Чилубы. Ему хорошо понятны чувства политика и человека, которого обвиняли в коррупции и заговоре. И он, как христианин и зрелый политик, смог простить своего преследователя и объективно оценить его заслуги перед замбийским народом. Цветы к могиле экс-президента возложил в дни празднования 55-летия независимости Замбии и председатель партии ДМД Неверс Мумба.

Таким образом, личность экс-президента Чилубы постепенно приобрела ореол полугероя. Возвращению имиджа героя мешали разоблачительные материалы, которые продолжали публиковать некоторые местные независимые СМИ. Поэтому однозначного отношения к этому политику в Замбии до сих пор нет. В 2020 г. Замбия, как и в годы правления Чилубы, остается в списке самых коррумпированных стран мира. По этой причине сегодня напоминания о его коррумпированности не носят характер чего-то исключительного.

Развитие Замбии после возвращения к политическому плюрализму в начале 1990-х гг. показало, что в африканских реалиях бывшие президенты пользуются почетом и определенными привилегиями при условии, если они не участвуют активно в политике и не вступают в открытые конфликты со своими преемниками.

Десять лет правления Ф. Чилубы вместили как успехи, так и серьезные ошибки, свойственные политикам: он забывал, что предвыборные лозунги надо претворять в жизнь, что власть сама по себе является испытанием на прочность, а попытка ее удержать, нарушая закон, может нивелировать прошлые заслуги. В этом причины метаморфозы его политического имиджа из реформатора в коррупционера.

Что превалирует в нынешней трансформации имиджа экс-президента Замбии: объективное признание его роли в демократических преобразованиях в стране или использование его имени в политических целях? Возможно, важен только факт происходящего. Положительная смена отношения общества к бывшему лидеру показывает его способность сознавать ошибки, возвращать из забвения имена своих

прежних героев, признавая их заслуги. Миролюбивая нация, как часто называют замбийцев, пытается понять, простить, принять и оценить всех своих президентов, не переписывая при этом историю. Это очень важно для нынешней молодежи, составляющей почти половину населения страны, – будущего Замбии.

Список литературы

Денисова Т.С. (2016) Тропическая Африка: эволюция политического лидерства. М.: Институт Африки РАН.

Замбия. Справочно-монографическое издание (2013). М.: Институт Африки РАН.

Прокопенко Л.Я. (2011) Новые политические элиты в государствах Юга Африки. М.: Институт Африки РАН. С. 188–190.

Address by Mr. Frederick Chiluba, President of the Republic of Zambia to the 47th session of the UN General Assembly (1992) // United Nations. General Assembly, November 19, 1992 // <http://undocs.org/en/A/47/PV.60>, дата обращения 06.11.2020.

Amnesty International Report, Zambia (2007) // Amnesty International // <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/001/2007/en/>, дата обращения 15.11.2020.

Chanda A.W. (1996) 'Zambia's Fledgling Democracy: Prospects for the Future' // Zambia Law Journal, vol. 25–28, pp. 125–154.

Cheyeka A.M. (2016) Zambia, a 'Christian Nation' in Post Movement for Multi-party Democracy (MMD) Era, 2011–2016 // International Journal of Humanities and Social Science, vol. 6, no 7, pp. 159–172 // https://www.ijhssnet.com/journals/Vol_6_No_7_July_2016/18.pdf, дата обращения 31.01.2021.

Chikulo B.C. (1996) Presidential and Parliamentary Elections in the Third Re-

publics: 1991–1994 // Democracy in Zambia: Challenges for the Third Republic (eds. Sichone O., Chikulo B.C.), Harare: SAPES Books, pp. 25–51.

Chiluba and 19 Others Ordered to Pay back \$46 Million (2007) // Lusaka Times, May 4, 2007 // <https://www.lusakatimes.com/2007/05/04/chiluba-and-19-others-ordered-to-pay-back-46-million>, дата обращения 20.11.2020.

Chiluba Attacks 'Racist' UK Court (2007) // BBC, May 10, 2007 // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6644261.stm>, дата обращения 17.11.2020.

Constitution of Zambia (Amendment). Act, 1996. Part IV. Article 34.3 (b) (1996), Lusaka: Government Printer.

Constitution of Zambia (Amendment). Act No 2 of 2016. Preamble (2016), Lusaka: Government Printer.

Frederick Chiluba, Zambia's Second President Is Dead (2011) // Lusaka Times, June 18, 2011 // <https://www.lusakatimes.com/2011/06/18/frederick-chiluba-zambia-s-president-dead>, дата обращения 25.11.2020.

FTJ Chiluba Cleared of Corruption Charges (2009) // Lusaka Times, August 17, 2009 // <https://www.lusakatimes.com/2009/08/17/ftj-chiluba-cleared-of-corruption-charges-developing-story>, дата обращения 23.11.2020.

Inauguration Speech President Frederick Chiluba (1991) // The October 31, 1991, National Elections in Zambia // <https://www.cartercenter.org/documents/electionreports/democracy/FinalReportZambia1991.pdf>, дата обращения 24.11.2020.

Kunda A. (2001) Miyanda: A Born-again Villager // BBC, December 18, 2001 // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/1716252.stm>, дата обращения 20.11.2020.

Msiska G. (2016) Globalisation and Religious Pluralism in Africa: The Challenge to Religious Freedom // Religious Freedom and Religious Pluralism in Africa: Prospects and Limitations (eds. Coert-

zen P., Green C., Hansen L.), Stellenbosch: Sun Media, pp. 123–142.

Mubanga A.K. (2016) *A Closer Look at Fredrick Titus Jacob Chiluba: The Unsung Hero. The Man of the Hour*, Lusaka: Tihisa Publishers.

Mvula S. (2017) Let's Remember FJT's Great Deeds // *Zambia Daily Mail*, June 19, 2017 // <http://www.daily-mail.co.zm/lets-remember-fjts-great-deeds>, дата обращения 17.11.2020.

Rakner L., Skalnes T. (1996) *Political Institutions and Economics Reform: Zambia and South Africa in Comparative Context*, Bergen: Chr. Michelsen Institute.

Shapiro T.R. (2011) Frederick Chiluba, First Democratically Elected President of Zambia, Dies at 68 // *The Washington Post*, June 21, 2011 // https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/frederick-chiluba-first-democratically-elected-president-of-zambia-dies-at-68/2011/06/20/AGGcizeH_story.html, дата обращения 25.11.2020.

Simutanyi N. (2006) *The Contested Role of Former Residents of Zambia // Legacies of Power* (eds. Southall R., Melber H.), Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, pp. 73–97.

The 2016 Memorial of Dr Frederick Jacob Titus Chiluba by Godfrey Miyanda (2016) // *Lusaka Times*, July 21, 2016 // <https://www.lusakatimes.com/2016/07/21/the-2016-memorial-of-dr-frederick-jacob-titus-chiluba-by-godfrey-miyanda>, дата обращения 16.11.2020.

The Benefits of Former Presidents Act (2015) // *PMRCZambia* //

<https://www.pmrzambia.com/wp-content/uploads/2015/06/Office-of-the-President.pdf>, дата обращения 15.11.2020.

Thomas P. (1992) *Up from Poverty: Advancing Economic Development in Zambia* // *The Heritage Foundation*, February 27, 1992 // <https://www.heritage.org/node/21247/print-display>, дата обращения 17.11.2020.

Van Donge J.K. (2009) *The Plundering of Zambian Resources by Frederic Chiluba and His Friends: A Case Study of the Interaction between National Politics and the International Drive towards Good Governance* // *African Affairs*, vol. 108, no 430, pp. 67–90. DOI: 10.1093/afraf/adn073

Zambia 2019 International Religious Freedom Report (2020) // *U.S. Department of State* // <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/ZAMBIA-2019-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>, дата обращения 25.11.2020.

Zambia: A Land of Unsung Heroes. The 8th Anniversary of the Late Dr. Fredrick J.T. Chiluba (2019) // *Facebook*, June 16, 2019 // https://www.facebook.com/drchiluba1991/posts/2190347891080671?comment_id=2190429327739194&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R%-22%7D, дата обращения 18.11.2020.

Zambia Commemorates 25th Anniversary of the Declaration as a Christian Nation (2016) // *Lusaka Times*, December 29, 2016 // <https://www.lusakatimes.com/2016/12/29/zambia-commemorates-25th-anniversary-declaration-christian-nation>, дата обращения 25.11.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-13

Image Transformation of Frederick Chiluba, Ex-President of Zambia (Attitude to Former Presidents in African Countries)

Liubov Ya. PROKOPENKO

PhD in History, Senior Researcher of the Centre for Tropical Africa Studies
Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, 123001,
Spiridonovka St., 30/1, Moscow, Russian Federation
E-mail: skole60@mail.ru
ORCID 0000-0002-1121-8828

CITATION: Prokopenko L.Ya. (2021) Image Transformation of Frederick Chiluba, Ex-President of Zambia (Attitude to Former Presidents in African Countries). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 231–248 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-13

Received: 26.11.2020.

ABSTRACT. *The article analyzes the transformation of the political image of Frederick Chiluba, President of the Republic of Zambia in 1991–2001. As a representative of a new formation of African leaders in the era of the continent's transition from authoritarianism to political pluralism, he was an ambiguous figure. His role in the return of the multi-party system in the country and in the liberalization of the national economy is discussed. It is stressed that within the framework of the existing political culture this politician was not immune to inevitable mistakes. However, the style and methods of Chiluba's leadership (persecution of his predecessor, manipulation using the ethnic factor in order to retain power, ignoring criticism of the opposition and allies) periodically led to tension in the internal situation in the country and negatively affected his political image and the image of the government in general.*

In 1990–2000s the negative impact of tensions between Zambian politicians who held the presidency at different times on the stability of the country was clear-

ly manifested. The persecution of ex-President Chiluba charged with corruption demonstrated the authorities' policy to combat this social evil, but it was ambiguously perceived and interpreted by the society and by analysts. It is noted that for all the mistakes and shortcomings of Chiluba's ten-year rule, it is necessary to recognize his merits in creating the economic base of Zambia and in proclaiming it a Christian country, which was practically forgotten after his death.

The article shows the gradual rehabilitation of Chiluba's memory, in which all living ex-presidents and the current Head of State take part. The experience of Zambia shows that under African realities, former presidents enjoy honors and certain privileges, provided they do not participate actively in politics and do not enter into open conflicts with their successors.

KEYWORDS: *image transformation, trade union leader, president, reformer, Christian country, constitution, corruption, successors, attitude towards ex-presidents*

References

Address by Mr. Frederick Chiluba, President of the Republic of Zambia to the 47th session of the UN General Assembly (1992). *United Nations. General Assembly*, November 19, 1992. Available at: <http://undocs.org/en/A/47/PV.60>, accessed 06.11.2020.

Amnesty International Report, Zambia (2007). *Amnesty International*. Available at: <https://www.amnesty.org/en/documents/poll10/001/2007/en/>, accessed 15.11.2020.

Chanda A.W. (1996) 'Zambia's Fledgling Democracy: Prospects for the Future'. *Zambia Law Journal*, vol. 25–28, pp. 125–154.

Cheyeka A.M. (2016) Zambia, a 'Christian Nation' in Post Movement for Multi-party Democracy (MMD) Era, 2011–2016. *International Journal of Humanities and Social Science*, vol. 6, no 7, pp. 159–172. Available at: https://www.ijhssnet.com/journals/Vol_6_No_7_July_2016/18.pdf, accessed 31.01.2021.

Chikulo B.C. (1996) Presidential and Parliamentary Elections in the Third Republics: 1991–1994. *Democracy in Zambia: Challenges for the Third Republic* (eds. Sichone O., Chikulo B.C.), Harare: SAPES Books, pp. 25–51.

Chiluba and 19 Others Ordered to Pay back \$46 Million (2007). *Lusaka Times*, May 4, 2007. Available at: <https://www.lusakatimes.com/2007/05/04/chiluba-and-19-others-ordered-to-pay-back-46-million>, accessed 20.11.2020.

Chiluba Attacks 'Racist' UK Court (2007). *BBC*, May 10, 2007. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/6644261.stm>, accessed 17.11.2020.

Constitution of Zambia (Amendment). Act, 1996. Part IV. Article 34.3 (b) (1996), Lusaka: Government Printer.

Constitution of Zambia (Amendment). Act No 2 of 2016. Preamble (2016), Lusaka: Government Printer.

Denisova T.S. (2016) *Tropical Africa: Evolution of Political Leadership*, Moscow: Institut Afriki RAN (in Russian).

Frederick Chiluba, Zambia's Second President Is Dead (2011). *Lusaka Times*, June 18, 2011. Available at: <https://www.lusakatimes.com/2011/06/18/frederick-chiluba-zambia-s-president-dead>, accessed 25.11.2020.

FTJ Chiluba Cleared of Corruption Charges (2009). *Lusaka Times*, August 17, 2009. Available at: <https://www.lusakatimes.com/2009/08/17/ftj-chiluba-cleared-of-corruption-charges-developing-story>, accessed 23.11.2020.

Inauguration Speech President Frederick Chiluba (1991). *The October 31, 1991, National Elections in Zambia*. Available at: <https://www.cartercenter.org/documents/electionreports/democracy/FinalReportZambia1991.pdf>, accessed 24.11.2020.

Kunda A. (2001) Miyanda: A Born-again Villager. *BBC*, December 18, 2001. Available at: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/1716252.stm>, accessed 20.11.2020.

Msiska G. (2016) Globalisation and Religious Pluralism in Africa: The Challenge to Religious Freedom. *Religious Freedom and Religious Pluralism in Africa: Prospects and Limitations* (eds. Coertzen P., Green C., Hansen L.), Stellenbosch: Sun Media, pp. 123–142.

Mubanga A.K. (2016) *A Closer Look at Fredrick Titus Jacob Chiluba: The Unsung Hero. The Man of the Hour*, Lusaka: Tih-sa Publishers.

Mvula S. (2017) Let's Remember FJT's Great Deeds. *Zambia Daily Mail*, June 19, 2017. Available at: <http://www.daily-mail.co.zm/lets-remember-fjts-great-deeds>, accessed 17.11.2020.

Prokopenko L.Ya. (2011) *New Political Elites in Sothern Africa Countries*, Moscow: Institut Afriki RAN (in Russian).

Rakner L., Skalnes T. (1996) *Political Institutions and Economics Reform: Zambia and South Africa in Comparative Context*, Bergen: Chr. Michelsen Institute.

Shapiro T.R. (2011) Frederick Chiluba, First Democratically Elected President of Zambia, Dies at 68. *The Washington Post*, June 21, 2011. Available at: https://www.washingtonpost.com/local/obituaries/frederick-chiluba-first-democratically-elected-president-of-zambia-dies-at-68/2011/06/20/AGGcizeH_story.html, accessed 25.11.2020.

Simutanyi N. (2006) The Contested Role of Former Residents of Zambia. *Legacies of Power* (eds. Southall R., Melber H.), Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, pp. 73–97.

The 2016 Memorial of Dr Frederick Jacob Titus Chiluba by Godfrey Miyanda (2016). *Lusaka Times*, July 21, 2016. Available at: <https://www.lusakatimes.com/2016/07/21/the-2016-memorial-of-dr-frederick-jacob-titus-chiluba-by-godfrey-miyanda>, accessed 16.11.2020.

The Benefits of Former Presidents Act (2015). *PMRCZambia*. Available at: <https://www.pmrzambia.com/wp-content/uploads/2015/06/Office-of-the-President.pdf>, accessed 15.11.2020.

Thomas P. (1992) Up from Poverty: Advancing Economic Development in Zambia. *The Heritage Foundation*, February 27, 1992. Available at: <https://www.heritage.org/node/21247/print-display>, accessed 17.11.2020.

Van Donge J.K. (2009) The Plundering of Zambian Resources by Frederic Chiluba and His Friends: A Case Study of the Interaction between National Politics and the International Drive towards Good Governance. *African Affairs*, vol. 108, no 430, pp. 67–90. DOI: 10.1093/afraf/adn073

Zambia 2019 International Religious Freedom Report (2020). *U.S. Department of State*. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/05/ZAMBIA-2019-INTERNATIONAL-RELIGIOUS-FREEDOM-REPORT.pdf>, accessed 25.11.2020.

Zambia: A Land of Unsung Heroes. The 8th Anniversary of the Late Dr. Fredrick J.T. Chiluba (2019). *Facebook*, June 16, 2019. Available at: https://www.facebook.com/drchiluba1991/posts/2190347891080671?comment_id=2190429327739194&comment_tracking=%7B%22tn%22%3A%22R%22%7D, accessed 18.11.2020.

Zambia Commemorates 25th Anniversary of the Declaration as a Christian Nation (2016). *Lusaka Times*, December 29, 2016. Available at: <https://www.lusakatimes.com/2016/12/29/zambia-commemorates-25th-anniversary-declaration-christian-nation>, accessed 25.11.2020.

Zambia. Reference Book (2013), Moscow: Institut Afriki RAN (in Russian).

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Тел.: +7 (495) 664-52-07. **E-mail:** journal@centero.ru

Тираж: 1000 экз.

Подписано в печать 31 марта 2021 г.

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 664-52-07. **E-mail:** journal@centero.ru

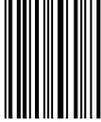
Circulation: 1000 copies

Published online March 31, 2021

ISSN 2542-0240

21002

9 772542 024004

>